С.-А. Г. Б.
Инв. № 160705
Отдел Востоковедения.

ТУРКЕСТАНСКІЙ СБОРНИКЪ

сочиненій и статей

относящихся

до средней Азіи вообще

и

Туркестанскаго края въ особенности,

составляемый

по порученію г. Туркестанскаго военнаго генералъ-губернатора

В. И. Межовымъ.

Томъ 394.

Санктпетербургъ.

1883.

Оглавленіе 394 тт.

Вступительное чтеніе въ курсъ турецко-татарскаго языка. И. Ильминскаго.

Опытъ изслѣдованія тюркскихъ діалектовъ Виктора Максимовъ.

Содержаніе Монгольской книги: Мореплаватель изложенное О. Ковалевскимъ

Свѣдѣнія о Мальгурахъ. Василія Васильева

Черная вѣра или Шаманство у Монголовъ. Д. Банзаровъ. —

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНІЕ

ВЪ КУРСЪ ТУРЕЦКО-ТАТАРСКАГО ЯЗЫКА,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ,

Н. ИЛЬМИНСКАГО,

Преподавателя Турецко-Татарскаго языка въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1862.

Перепечатано изъ Ученыхъ Записокъ Императорскаго Казанскаго Университета за 1861 годъ.

Извѣстно что всѣ языки, какими говорятъ народы и племена на лицѣ земномъ, приведены къ нѣсколькимъ семействамъ, каковы: Индо-Европейское, Семитическое и другія. Турецко-Татарскій языкъ относится къ семейству Урало-Алтайскому, заключающему, кромѣ его, языки Манджурскій, Монгольскій и Финскіе. Это семейство названо такъ по своей первоначальной родинѣ. Но давно Урало-Алтайская семья раздѣлилась на многія отрасли и широко раскинулась, занявши всю сѣверную половину Азіи и значительную часть восточной Европы. И изъ этого пространства едва ли не большая часть занята Тюрками, которые въ свою очередь подраздѣлились на множество племенъ. Не перечисляю здѣсь тюркскихъ племенъ; мнѣ даже кажется что мы не имѣемъ столько данныхъ, чтобы положительно и точно перечислить и разклассификовать всѣ тюркскія племена. Знаемъ только что они многочисленны и разнообразны, и что, вмѣстѣ съ размноженіемъ и оразноображеніемъ тюркскихъ племенъ, и языкъ тюркскій или, какъ его называютъ, Турецко-Татарскій раздробился на множество нарѣчій.

Какія же изъ этихъ нарѣчій должны мы сдѣлать предметомъ изслѣдованія и изученія? Это должно опредѣлиться нашею цѣлію. Для чего мы хотимъ заниматься Турецко-Татарскимъ языкомъ?

Языкамъ учатся или для практическихъ цѣлей, или съ цѣлію научною. Въ первомъ случаѣ стараются овладѣть языкомъ въ такой степени, чтобы понимать его въ книгѣ, дѣловой бумагѣ, или въ устной рѣчи, и самимъ правильно выражать свои мысли на этомъ языкѣ. Научное, я разумѣю филологическое, изученіе языка старается постигнуть его устройство, его законы. Въ существѣ дѣла оба эти направленія, практическое и научное, сходятся; потому что нельзя овладѣть языкомъ, не понявши его устройства и законовъ, а для уразумѣнія устройства и законовъ, вѣрнаго, точнаго, полнаго, убѣдительнаго, необходимо знать наперечетъ весь лексиконъ и всѣ возможные обороты и выраженія, какъ факты, какъ данныя, изъ которыхъ выводятся общіе законы. — Въ нашемъ положеніи, научный, филологическій интересъ есть главный, но не исключительный, потому что мы учимся для жизни, для дѣятельности.

Обратимъ сперва вниманіе на изученіе научное.

Естественныя и вообще точныя науки о природѣ обязаны своими успѣхами именно тому, что онѣ относятся къ дѣйствительнымъ фактамъ съ благоговѣйною добросовѣстностію: онѣ обозрѣваютъ все что представляетъ природа, дѣйствительность, строго и подробно анализируютъ, и уже изъ такого анализа выводятъ точныя заключенія, не увлекаясь напередъ составленными теоріями. Силы природы, законы ко-

торыхъ составляютъ задачу этихъ наукъ, сами по себѣ невидимыя, таинственныя, и притомъ совершенно объективныя, открываются уму человѣческому только въ своихъ видимыхъ произведеніяхъ, въ каждомъ отдѣльно той или другой стороною. Потому составить идею о силахъ природы, во всей ихъ цѣлостности, и можно не иначе, какъ чрезъ всеобъемлющій пересмотръ всѣхъ и каждаго изъ произведеній природы.

Методъ точнаго и всеобъемлющаго анализа и совершенное уваженіе къ фактамъ живой дѣйствительности съ пользою можно приложить къ языкознанію, и вотъ по какимъ соображеніямъ.

Ни одинъ народъ не сохранилъ памяти о томъ какъ полагались первыя основы и совершалось первое образованіе языка его. Значитъ, происхожденіе языка предшествовало раскрытію въ человѣкѣ сознательнаго наблюденія своей внутренней дѣятельности. Значитъ, человѣкъ создавалъ языкъ не такъ чтобы, пріобрѣтши сперва болѣе или менѣе значительный запасъ идей и ощущеній, потомъ уже вслѣдствіе общежительныхъ потребностей, чрезъ добровольное соглашеніе съ подобными себѣ, установлялъ онъ названія вещей и формы для выраженія своихъ мыслей и ощущеній. Напротивъ, какъ скоро возникало въ душѣ его какое-либо сильное ощущеніе, или умъ озарялся ясною мыслію, внутренняя прирожденная человѣку сила слова, безъ всякаго соглашенія, безъ всякаго со стороны его умысла, произвола, даже сознанія, проторгалась въ рѣчи. Это такъ же необходимо, какъ необходимъ крикъ при ощущеніи сильной тѣлесной боли. Съ

этимъ соглашается библейское преданіе (Книга Бытія 2, 19 и 20). Это же подтверждается опытомъ малолѣтнихъ дѣтей, которые, какъ только ихъ органъ слова окрѣпнетъ и получитъ способность произносить члено-раздѣльные звуки, часто создаютъ для выраженія своихъ идей свои собственныя слова.

Если же языкъ возникъ и сформировался безъ всякаго со стороны человѣка произвола и сознанія, или искусственнаго построенія, то значитъ что сила слова, по отношенію къ нашему сознанію, имѣетъ значеніе вполнѣ объективное, и языкъ въ такой же степени есть естественное произведеніе этой силы, какъ тѣла физическія суть произведенія силъ природы. И потому изъ внутренняго самосозерцанія, синтетическимъ построеніемъ, нельзя постигнуть ни самой силы слова, ни законовъ и родовъ ея произведеній. Это можно исполнить пріемомъ и методомъ точныхъ наукъ.

Припомнимъ то явленіе, что каждый человѣкъ на родномъ языкѣ выражаетъ свои мысли свободно, но почему онъ такъ именно, а не иначе выразился, это можетъ объяснить не всякій, да и то особымъ актомъ духовной дѣятельности, чрезъ отвлеченіе. Еще, живыя, энергическія и граціозныя произведенія поэзіи нерѣдко были плодомъ непосредственнаго народнаго вдохновенія, а составленныя риторами правила нерѣдко пораждали вирши сухія, черствыя, даже уродливыя. Но особенно замѣтно проявляется творческое превосходство непосредственнаго народнаго генія въ отдѣльныхъ словахъ: слова созданныя имъ всегда полны смысла, благозвучны, правильны и всѣмъ народомъ приняты

какъ свое родное, тогда какъ введенные учеными термины нерѣдко странны, чужды духу языка, и народъ ихъ не принимаетъ.

Назвавши языкъ естественнымъ произведеніемъ объективной силы слова въ такой же степени, какъ тѣла физическія суть произведенія силъ природы, мы можемъ предположить параллель между дѣятельностями этихъ силъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Какъ силы природы въ первыя времена дѣйствовали съ особенною энергіей и колоссальною производительностію, такъ можно предположить что и мысль человѣческая и сопутствующая ей сила слова въ первое время, когда, новыя, свѣжія, эти силы впервые пришли въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, дѣйствовали съ необыкновенною энергіей и производительностію. Языки, повидимому, создались сразу, по крайней мѣрѣ въ главныхъ, характеристическихъ чертахъ. Первое движеніе мысли и слова, обусловленное, кромѣ внутренней природы самихъ этихъ силъ, еще тѣми сторонами какими внѣшняя природа воздѣйствовала на нихъ, опредѣлило направленіе и характеръ въ которыхъ имъ оставалось продолжать начатое дѣло. Затѣмъ тянулся болѣе или менѣе длинный періодъ, когда языкъ развивался однообразно, медленно, почти незамѣтно. Но наступали перевороты, подобные переворотамъ міровымъ, когда языкъ получалъ къ первому направленію новое, обогащался новыми формами и новыми сочетаніями и словами. Перевороты въ природѣ происходили отъ новаго сопоставленія силъ, пришедшихъ въ борьбу разрушавшую старый порядокъ и

производившую новый строй: перевороты въ языкѣ могли возникать отъ сопоставленія различныхъ направленій слова и мысли, то-есть отъ столкновенія различныхъ народовъ и племенъ.

Не стану впрочемъ развивать фантастическое построеніе исторіи образованія языковъ. Это есть искомое филологической науки, и должно завершать ея изслѣдованія. Но мнѣ представляются положительно вѣрными слѣдующія положенія.

Языкъ есть естественное произведеніе объективной силы слова.

Онъ есть точное отраженіе мысли, и всегда шёлъ въ уровень съ развитіемъ понятій въ народѣ.

Онъ возникъ и опредѣлился въ главныхъ существенныхъ чертахъ на основаніи цѣльнаго воззрѣнія на природу внутреннюю и внѣшнюю, и развивался въ духѣ и направленіи искони положенныхъ началъ.

Послѣдующія измѣненія въ языкѣ происходили отъ соприкосновенія съ чужими племенами, имѣвшими свой языкъ и свой кругъ идей, но однакожъ эти новыя идеи и формы ихъ выраженія всегда ассимилировались народомъ ихъ воспринимавшимъ.

Итакъ языкъ представляетъ собою организмъ. Будемъ ли разсматривать въ настоящемъ его составѣ, это есть цѣлое построенное по нѣкоторому плану, по нѣкоторымъ законамъ. Если будемъ смотрѣть на языкъ исторически, во все протяженіе времени отъ его возникновенія до нынѣ, онъ есть какъ-бы живое существо, которое родилось по опредѣленному типу, развивалось, терпѣло отъ времени до времени пере-

мѣны, не выходя изъ границъ своего кореннаго типа, и, не смотря на долгій рядъ столѣтій, сохраняло внутреннее единство, свой характеръ, свой природный типъ. Нельзя не подивиться этой прочности языка, его неизмѣнной вѣрности своей первоначальной природѣ, когда представимъ что этотъ организмъ не имѣетъ самостоятельнаго бытія, а существуетъ, какъ нѣкій паразитъ, въ мысли и устахъ многочисленныхъ поколѣній какъ волны одни другими смѣнявшихся, и различныхъ племенъ, хотя существующихъ въ одно время, но другъ отъ друга отдаленныхъ и даже, быть можетъ, не подозрѣвающихъ существованія другъ друга. По этой-то удивительной стойкости и прочности языка, при его непосредственной связи съ мышленіемъ народнымъ, филологія оказываетъ великія услуги исторіи, выводя изъ чисто лингвистическихъ изысканій положительныя заключенія объ умственномъ и общественномъ состояніи племенъ въ такое древнее время, отъ котораго не осталось никакихъ памятниковъ, никакихъ слѣдовъ.

Но обратимся къ языку Турецко-Татарскому. Замѣчу мимоходомъ что предметъ нашихъ занятій названъ этимъ именемъ произвольно, и не совсѣмъ точно. Его лучше было бы назвать языкомъ Тюркскимъ, потому что онъ принадлежитъ Тюркамъ, и восточные народы называютъ его *тюрки*.

Мы знаемъ что Тюркскій языкъ теперь есть выраженіе общее, родовое, отвлеченное, которое обнимаетъ много разныхъ діалектовъ. Но было, безъ сомнѣнія, время когда тюркское племя было одно, когда оно не развѣтвилось еще на разныя отрасли, когда слѣдовательно и языкъ Тюркскій

былъ единый языкъ. По раздѣленіи тюркскихъ племенъ, у каждаго явились особенности въ нарѣчіи. Эти діалектическія разности зависятъ: или отъ того что изъ богатой сокровищницы кореннаго языка одно племя беретъ одну часть, другое — другую, или отъ того что разныя племена развиваютъ различныя стороны, которыя въ зачаткѣ уже существовали въ коренномъ языкѣ до эпохи раздѣленія племенъ, или отъ того что разныя племена подвергались различнымъ вліяніямъ отъ чужихъ племенъ — вліяніямъ общественнымъ, умственнымъ и религіознымъ. Слѣдовательно по одному нарѣчію нельзя знать что̀ въ немъ свое коренное и что̀ пришлое, что̀ хранится неизмѣнно, какъ наслѣдство вынесенное изъ общей родины, и что̀ выработано собственною отдѣльною дѣятельностію. Хотя каждое тюркское нарѣчіе носитъ на себѣ печать общаго тюркскаго типа, не можетъ представлять его вполнѣ и именно въ его существенныхъ чертахъ. Только изъ всѣхъ нарѣчій слагается общая сумма Тюркскаго языка. Отдѣльный діалектъ, сколько бы онъ ни былъ развитъ и богатъ, какъ напримѣръ Османскій или константинопольскій, въ дѣлѣ филологическаго изученія, есть только частный представитель общаго типа, не имѣющій рѣшительнаго преимущества предъ другими родственными нарѣчіями. Даже, если его поставить предметомъ изученія, то и онъ одинъ не можетъ основательно быть понятъ безъ сравненія съ другими тюркскими нарѣчіями.

Итакъ, для основательнаго и полнаго изученія Тюркскаго языка, необходимо принять во вниманіе и изучать всѣ тюркскія нарѣчія, какъ равнозначащіе представители общаго

языка, одни другими дополняющіеся, одни другими объясняемые.

Необходимость эта еще очевиднѣе представится, когда въ словарѣ и грамматическихъ формахъ языка мы будемъ слѣдить запасъ идей и воззрѣній, какія были выработаны Тюрками въ древнія времена. Тюрки въ старину были племя кочевое, исповѣдывавшее шаманскую вѣру. Впослѣдствіи времени нѣкоторыя племена приняли религію ислама, а иныя, кромѣ того, оставили кочевую жизнь и поселились въ городахъ и селеніяхъ, осѣдло. Разность быта и особенно религіи должна была имѣть вліяніе на ихъ понятія. Поэтому, въ отношеніи археологическомъ, весьма любопытны нарѣчія Тюрковъ доселѣ оставшихся кочевыми, и еще болѣе любопытны тѣ племена, которыя удержали древнюю вѣру, шаманскую. Но иногда бываетъ и то что, утративъ старинную идею, народъ безсознательно хранитъ, какъ памятникъ ея, какое-нибудь слово или выраженіе, придавая ему другое значеніе. Чтобы возстановить систему первоначальнаго воззрѣнія Тюрковъ, необходимо собрать въ одинъ фокусъ всѣ нарѣчія и изъ сравнительнаго изученія ихъ выводить заключеніе о первоначальномъ ихъ состояніи.

Надѣюсь что, по крайней мѣрѣ, мой выводъ о сравнительномъ изученіи тюркскихъ нарѣчій не долженъ казаться неяснымъ для слушателей-филологовъ, которые имѣютъ дѣйствительный примѣръ подобнаго изученія въ нарѣчіяхъ Словянскихъ.

Перейдемъ теперь къ цѣли практической. Тюркскій языкъ для насъ полезенъ въ сношеніи съ Тюрками.

Самое могущественное въ политическомъ и наиболѣе развитое въ общественномъ отношеніи изъ тюркскихъ племенъ суть Османлы — оттоманскіе или константинопольскіе Турки. Съ этими сильными сосѣдями Россія съ давнихъ поръ имѣетъ сношенія, преимущественно политическія. Съ давнихъ поръ, у насъ были люди знавшіе Османское нарѣчіе или, какъ его называютъ, Турецкій языкъ. Мнѣ случилось видѣть въ Киргизской степи двѣ тарханныя грамоты пожалованныя батырямъ и старшинамъ Табынскаго рода Императрицею Екатериною II, въ 80-хъ годахъ. Грамоты эти на Русскомъ языкѣ, но, вѣроятно чтобы ихъ сдѣлать понятными для Киргизовъ, онѣ были переведены тогда же въ Петербургѣ на Турецкій языкъ. При тойже Императрицѣ, для татаръ переведены Губернскія учрежденія и Уставъ благочинія также на Турецкій языкъ. Отсюда можно заключить что, по видимому, въ прошломъ столѣтіи, въ Иностранной Коллегіи знали только Турецкій языкъ, по крайней мѣрѣ считали его вполнѣ достаточнымъ и совершенно понятнымъ для всѣхъ народовъ тюркскаго корня.

Внутри нашего отечества есть множество инородцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ татаръ. Мы говоримъ: татары Казанскіе, Касимовскіе, Астраханскіе, Крымскіе, Сибирскіе и проч. Такъ что, по нашей терминологіи, татаринъ есть всякій инородецъ тюркскаго корня, исповѣдующій, въ добавокъ, магометанскую вѣру. Здѣшніе татары не называютъ себя этимъ именемъ. Они называютъ себя *мусульманъ* — по религіи, и не даютъ себѣ, кромѣ этого, никакого племеннаго или народнаго названія. Среднеазіатскіе народы и Киргизы назы-

ваютъ здѣшнихъ татаръ — *ногай*. Въ старину, какъ показано въ Книгѣ большаго чертежа, на сѣверо-западъ отъ Синяго (Аральскаго) моря до Яика и сюда ближе, кочевали Ногаи: такъ по старой, быть можетъ, памяти всякаго тюрка, который появлялся, напримѣръ, въ Бухарѣ съ этой стороны и называютъ ногаемъ. Сравнительное языкознаніе должно рѣшить изъ какого тюркскаго племени выродились наши здѣшніе татары, — изъ ногайскаго ли въ самомъ дѣлѣ, или другаго какого, но только не изъ татарскаго.

Въ древности Татаръ было сильное племя, которое, по указанію Рашидеддина и китайскихъ лѣтописцевъ, жило ближе къ Китайской границѣ, и относилось по языку къ монгольской группѣ, такъ что подъ этимъ именемъ были сначала извѣстны и монголы и Чингизъ-Ханъ и произшедшая отъ него династія (Труды Восточн. Отд. Археолог. Общ., часть IV, 216 — 235 и еще часть V, 49 — 70). Припомните что папскіе и другіе европейскіе посланники отправлялись въ глубину Азіи — къ татарамъ. Такимъ образомъ можно думать что, въ эпоху Золотой Орды, татаръ было названіемъ царствующій династіи: авторъ «Семи планетъ» династію крымскую, произшедшую отъ золотоордынской, называетъ *деулети-татаръ*. Отъ династіи это названіе распространилось и на подданныхъ, къ какимъ бы племенамъ они ни относились, — китайскій обычай называть народъ и страну по имени царствующей династіи.

Золотая Орда разрушилась. Изъ обломковъ ея образовалось Казанское Царство. Казань сдѣлалась представительницею Татаръ.

Казань и теперь есть важный и, можно сказать, центральный пунктъ для мусульмано-тюркскихъ жителей Россіи. По многочисленнымъ училищамъ въ городѣ и окрестностяхъ, по учености здѣшнихъ муллъ, съ другой стороны — по торговой предпріимчивости здѣшнихъ татаръ, наконецъ по книжной промышленности исключительно изъ Казани распространяющейся повсюду, значеніе и извѣстность Казани велики и обширны.

Надобно отдать справедливость здѣшнимъ мулламъ — образованнѣйшему и уважаемому сословію между татарами, за ихъ магометанско-религіозную ученость, долгимъ и тяжелымъ трудомъ пріобрѣтаемую. Но таже справедливость требуетъ сказать что они имѣли вредное вліяніе на татарскій языкъ Они постоянно смотрѣли и смотрятъ на языкъ какъ книжники. Живой, народный языкъ для нихъ представляется и грубъ и бѣденъ, и даже безъ всякихъ правилъ и законовъ. И произвели они книжный языкъ, который считается тѣмъ лучше и краснорѣчивѣе, чѣмъ дальше онъ отъ народной рѣчи, чѣмъ больше укрытъ лоскутьями изъ разныхъ другихъ языковъ — арабскаго и персидскаго, и грамматическими формами то османскими, то джагатайскими. Онъ не сложился во что-нибудь опредѣленное, что̀ можно было бы назвать языкомъ, потому что каждый пишетъ по своему вкусу и крайнему разумѣнію, имѣя, кажется, общее одно — опасеніе какъ бы не написать по простонародному. Замѣтимъ что муллы старались, и не безъ успѣха, уничтожить въ народѣ остатки ихъ древнихъ, домусульманскихъ преданій и обычаевъ.

Около семидесятаго года прошедшаго столѣтія начали преподавать въ Казани татарскій языкъ, который былъ признанъ полезнымъ для управленія инородцами-татарами. Первыми учителями были татары *). Можно съ увѣренностію предположить что они смотрѣли на это дѣло глазами муллъ, и преподавали такъ называемый книжный языкъ. Но давно ли и у насъ стали серьёзно и уважительно относиться къ живому народному языку, слывшему, съ легкой руки знаменитаго профессора элоквенціи, за языкъ подлый, и давно ли русская грамматика оставила притязаніе учить русскихъ правильно говорить и писать по-русски! Предпочтеніе къ книжности и ученый авторитетъ муллъ былъ такъ силенъ даже въ глазахъ русскихъ, что О. Гигановъ, въ Тобольскѣ, подвергъ свой Словарь и Грамматику суду юртовскихъ муллъ. О. Троянскій, владѣвшій татарскимъ языкомъ какъ роднымъ и выучившійся ему съ малолѣтства отъ деревенскихъ татаръ, ввелъ въ свои сочиненія слова и обороты книжно-татарскіе; преемникъ его О. Онисифоровъ перевелъ православный катихизисъ и исторію, для крещеныхъ татаръ, на языкъ почти совершенно Турецкій. И не очень давно труды подобнаго рода, въ которыхъ и я принималъ дѣя-

---

*) Именнымъ указомъ Императрицы Екатерины II, 1769 года, поручено было преподаваніе татарскаго языка въ Казанской гимназіи Сагиту Хальфину, послѣ котораго послѣдовательно продолжали это дѣло сынъ и внукъ его — Исхакъ и Ибрагимъ Хальфины, послѣдній умеръ въ 1828 году. Смотрите Труды Восточнаго Отдѣленія Археолог. Общества, 1856, часть 2, стр. 28, гдѣ отчасти указаны лингвистическія воззрѣнія Ибрагима Хальфина.

тельное участіе, были исполнены въ книжномъ стилѣ, съ ущербомъ ясности для тѣхъ, для кого они именно назначались.

Такимъ образомъ во всѣхъ училищахъ, духовныхъ и свѣтскихъ, господствовало книжное направленіе въ отношеніи татарскаго языка. Это направленіе, сколько я знаю, перешло въ канцелярію; только здѣсь оно нѣсколько преобразовалось, принявши въ себя почти цѣликомъ новый элементъ, нашъ безграмотный канцелярскій складъ прежнихъ лѣтъ. Такъ какъ канцелярскихъ терминовъ въ подлежащемъ тюркскомъ нарѣчіи не находилось, то сочинены были таковые вновь изъ арабскихъ и персидскихъ словъ, иногда вопреки тюркскому генію, канцелярскія выраженія переведены буквально, особенно интересно слово соотвѣтственное необходимому въ дѣловой бумагѣ *каковой*. Словомъ, это вышелъ новый діалектъ, канцелярско-татарскій жаргонъ, котораго подлинные образцы, въ своемъ родѣ еще лучшіе, изданы въ Татарской Хрестоматіи Г. Кукляшева.

Положимъ однако что, при настоящемъ направленіи нашей лингвистики въ пользу живыхъ народныхъ языковъ, мы узнаемъ чистое Казанское нарѣчіе, какое существуетъ въ устахъ народной массы, руководствуясь въ оцѣнкѣ его и въ опредѣленіи его грамматическихъ формъ своими воззрѣніями, болѣе науко-образными, и въ сношеніи съ татарами будемъ употреблять, даже въ письмѣ, ихъ живой народный языкъ. Это будетъ хорошо по отношенію къ здѣшнимъ татарамъ, но достаточно ли знать одно здѣшнее нарѣчіе?

Здѣшнее нарѣчіе не есть общее и всѣмъ тюркскимъ пле-

менамъ понятное. Здѣшнее татарское племя не имѣетъ перевѣса численнаго въ такой степени, чтобы, имѣя его одно въ виду, опустить изъ вниманія всѣ другія тюркскія племена какъ ничтожныя исключенія. Я укажу вамъ на Киргизовъ, имѣющихъ самостоятельное тюркское нарѣчіе, весьма замѣчательное, которое столь далеко отъ татарскаго, что здѣшній татаринъ и Киргизъ съ трудомъ могутъ понимать другъ друга. Въ киргизскомъ племени полагаютъ около двухъ милліоновъ душъ, и большая часть его состоитъ въ русскомъ подданствѣ. Этотъ многочисленный народъ, хотя болѣе ста лѣтъ номинально покорившійся русскимъ Государямъ, но не очень давно начавшій подчиняться должному порядку и дисциплинѣ, народъ живущій на краю и, даже можно сказать, внѣ Россіи и могущій подвергаться вліянію среднеазіатскихъ понятій, народъ совершенно свѣжій, неисказившійся закоренѣлыми предразсудками и фанатизмомъ и въ тоже время даровитый и симпатическій, и потому готовый и способный принять лучшее образованіе, народъ находящійся въ состояніи переходномъ, — народъ этотъ ожидаетъ со стороны русскихъ просвѣщеннаго, гуманнаго воздѣйствія. Ужели вы пренебрежете его роднымъ нарѣчіемъ, когда вы знаете что родная рѣчь близка уму и сердцу всякаго народа, и можетъ вамъ пріобрѣсти довѣріе и откровенность народа, заставляя забыть что вы для него чужой человѣкъ? Тѣмъ болѣе что языкъ обнимаетъ всю народную жизнь, всѣ его понятія и обычаи, — овладѣть вполнѣ языкомъ значитъ узнать народъ.

Сибирскіе инородцы — Телеуты и разныхъ наименованій

племена Енисейской губерніи, кромѣ коренныхъ началъ языка, съ здѣшними татарами не имѣютъ ничего общаго. Это любопытные остатки тюркской шаманской старины. Въ едва доступныхъ захолустьяхъ Алтая духовная миссія, по благословеннымъ стопамъ покойнаго архимандрита Макарія, распространяетъ христіанское просвѣщеніе. Научное языкознаніе должно подать имъ руку помощи; въ замѣнъ того оно пріобрѣтетъ подлинные факты для тюркской археологіи.

Мало ли тюркскихъ нарѣчій, которыми говорятъ племена входящія въ составъ нашего отечества! — Отечественная наука всѣ ихъ обязана изслѣдовать и привести въ извѣстность.

Посмотримъ теперь на нашу восточную границу, обратимъ вниманіе на наши международныя сношенія съ Азіей.

По Каспійскому морю наши сосѣди, состоящіе съ нами въ торговыхъ и отчасти въ административныхъ сношеніяхъ, — Туркмены, племя многочисленное, воинственное и не чуждое промышленности. Средняя Азія, наполненная, за исключеніемъ нѣкотораго числа жителей иранскаго и арабскаго происхожденія, различными тюркскими племенами, состоитъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Россіей. Послѣдній трактатъ съ Китаемъ предоставилъ намъ прекрасныя мѣстности по Алатау съ кочующими тамъ Дикокаменными Киргизами или Бурутами, и тотъ же трактатъ расширилъ наши торговыя сношенія съ Китайскимъ Тюркестаномъ.

Словомъ, всѣ тюркскія племена суть или усыновленные дѣти, или ближайшіе сосѣди Россіи. Во всякомъ случаѣ съ ними имѣются, или предстоятъ въ близкомъ будущемъ

прямыя сношенія. Наука, если она не хочетъ быть глуха къ потребностямъ своей родной страны, должны, если не предупреждать, по крайней мѣрѣ не отставать отъ этихъ потребностей создаваемыхъ историческою необходимостію.

Народный смыслъ и гибкая натура русскаго человѣка давно рѣшила этотъ лингвистическій вопросъ въ пользу живой народности, — доказательство что природа разсудительнѣе науки, если послѣдняя удаляется отъ природы. Какъ только простой русскій человѣкъ поселится въ сосѣдствѣ какого-нибудь инороднаго племени, онъ всегда ознакомится съ его чистымъ, живымъ языкомъ. Уральцы большею частію свободно говорятъ по-киргизски; русскіе за Байкаломъ всѣ сплошь говорятъ по-бурятски, на берегахъ Лены — по-якутски. Казалось бы что эти самоучные толмачи снимаютъ съ людей образованныхъ трудъ учиться такому множеству нарѣчій. Но наши природные знатоки инородцевъ нерѣдко увлекаются предосудительными побужденіями корысти, заглушающей чувство справедливости. Во всякомъ случаѣ, не много развитые сами, они не могутъ передать инородцамъ никакого просвѣщенія.

Инородцы могли бы сами помочь намъ въ дѣлѣ изученія ихъ языка и народности. Примѣръ покойнаго Дорджи Банзарова, трудолюбиваго ламы Гомбоева, и еще одного ученаго, изъ Киргизовъ, сдѣлавшагося въ послѣднее время извѣстнымъ своими сочиненіями географическаго и этнографическаго содержанія, доказываютъ что кочевыя племена могутъ выставить, если поискать, много личностей даровитыхъ и воспріимчивыхъ, способныхъ къ основательному, научному

образованію. Подумаешь, сколько различныхъ элементовъ народныхъ сгружено на нашей обширной землѣ, и какими разнообразными оттѣнками могла бы отливать одна и таже человѣческая природа, взятая съ разныхъ почвъ, но облагороженная общечеловѣческимъ образованіемъ.

Но и безъ отношенія къ выше объясненному практическому интересу, развѣ одной любви къ знанію, къ человѣчеству недостаточно, чтобы посвятить время и трудъ изученію нарѣчій инородческихъ племенъ, особенно тѣхъ, которыя по малочисленности и гражданской постановкѣ, мало по малу исчезаютъ, сливаясь съ сильнѣйшимъ племенемъ Языкъ, хотя бы, по нашему понятію, самый скудный, есть памятникъ вѣковой жизни и дѣятельности той же человѣческой природы, есть малый обломокъ нѣкогда, быть можетъ, великаго цѣлаго.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, нельзя не воздать благодарности Императорской Академіи Наукъ за работы, по части Урало-Алтайскаго языкознанія, исполненныя частію ея членами, частію подъ ея просвѣщеннымъ покровительствомъ.

Итакъ, задачей нашей науки должно поставить изученіе не одного Турецкаго языка и не одного такъ называемаго татарскаго, но всѣхъ тюркскихъ нарѣчій. Мысль эта не мое изобрѣтеніе. Давно ученые собирали и издавали матеріалы и писали трактаты по разнымъ тюркскимъ нарѣчіямъ. Полнѣе другихъ ученыхъ ее представлялъ себѣ И. Н. Березинъ и думалъ выполнить ее въ двухъ сочиненіяхъ Recherches sur les dialectes turcs и Христоматіи. Въ пер

вомъ сочиненіи онъ изложилъ классификацію тюркскихъ нарѣчій. Его трудъ, замѣчательный по своей обширной идеѣ, служитъ яснымъ доказательствомъ что основательную обработку Тюркскаго языка должно начинать не съ общихъ понятій, не съ классификаціи, а съ частностей, съ фактовъ. Нужно прежде всего привести въ извѣстность отдѣльныя нарѣчія и каждое вполнѣ. Изъ спеціальныхъ монографій, безъ всякаго спора и натяжекъ, или предположеній произвольныхъ, откроется взаимное отношеніе нарѣчій, обозначатся стороны съ которыхъ должно классификовать ихъ, они сами собою займутъ принадлежащія имъ, по существу дѣла, мѣста въ системѣ Тюркскаго языка; и возникнетъ наконецъ система Тюркскаго языка точная, полная, соотвѣтствующая объективному существу этого языка.

Многочисленныя нарѣчія тюркскія, какъ отрасли одного корня органически отъ него произшедшія, должны имѣть много общаго, сроднаго между собою. Сродство нарѣчій двоякое — внѣшнее и внутреннее. Подъ первымъ я разумѣю одинаковыя, по внѣшнему составу, слова и грамматическія формы. Внутреннее сродство состоитъ, по отношенію къ грамматикѣ, въ значеніи грамматическихъ формъ и въ законахъ синтаксическихъ, а по отношенію къ лексикону — въ тѣхъ идеяхъ, какія выражаются отдѣльными словами. Внутренняя сторона крѣпче и болѣе способна удерживаться неизмѣнно, чѣмъ внѣшняя сторона. Первая основывается прямо и непосредственно на мышленіи, на внутреннихъ процессахъ въ душѣ человѣка, и глубже, такъ сказать, спрятана отъ чужихъ вліяній. Чужія отдѣльныя слова всегда легко схватить,

для этого довольно слуха; но внутреннее построеніе чужаго языка можно усвоить себѣ или наукой, или учась практически съ малолѣтства.

Поясню примѣромъ бо́льшую прочность въ языкѣ внутренней стороны, нежели внѣшней. Въ группировкѣ отношеній между родственниками, вмѣсто общаго названія *братъ*, Тюрки говорятъ: аґа *старшій братъ*, іні *младшій братъ*, и эту разграничительную линію систематически проводятъ по всѣмъ отношеніямъ параллельнымъ братству: старшая сестра, младшая сестра; старшій своякъ, младшій своякъ; старшая своячина, младшая своячина; старшій зять, младшій зять; старшая сноха, младшая сноха и т. д. Названія же въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ употребляются разныя: напр. по-казански — старшая сестра тута, младшая сінглі; по-туркменски — старшая ігечі, младшая уја; по-киргизски — старшая апа, младшая по отношенію къ мущинѣ Карындас, по отношенію къ женщинѣ сінгді (=сінглі). Такое раздѣленіе на *старшихъ* и *младшихъ*, не существующее въ языкахъ индоевропейскихъ и семитическихъ, составляетъ характеристическую особенность всего Урало-Алтайскаго семейства, выражаясь впрочемъ въ разныхъ отрасляхъ его большею частію разными словами. Что касается грамматическаго сродства, то не только синтаксическіе законы словосочиненія и словорасположенія, но значеніе частей рѣчи и этимологическія формы, по внутреннему значенію, во всѣхъ Урало-Алтайскихъ языкахъ почти совершенно сходны. Падежи имѣютъ разныя окончанія, но значеніе падежей по идеѣ сходно; глагольные залоги, обозначаемые также разными окончаніями, по идеѣ

аналогичны. И чтобы не подумали вы, что это — слѣдствіе общечеловѣческаго единства, а не сродства семейнаго, въ этихъ-то именно общихъ Урало-Алтайскимъ языкамъ чертахъ состоятъ особенности, отличающія ихъ отъ языковъ другихъ семействъ.

Разности грамматическія и лексикографическія, со внѣшней стороны, между тюркскими нарѣчіями зависятъ преимущественно отъ фонетики, въ каждомъ нарѣчіи особенной. При переходѣ въ нарѣчіе словъ и формъ, звуки измѣняются по требованію фонетической системы, и иногда въ такой степени что только сравнительный анализъ указываетъ единство въ словахъ и формахъ по видимому различныхъ. Но есть положительно разныя слова, и даже отчасти различныя формы.

Такимъ образомъ сравнительное изученіе тюркскихъ нарѣчій облегчается тѣмъ, что они имѣютъ несравненно больше взаимнаго сходства, нежели разностей. Но при этомъ должно остерегаться чтобы не смѣшать нарѣчій. Слѣдуетъ ихъ такъ представить, чтобы каждое нарѣчіе опредѣленно являлось съ своими индивидуальными чертами, въ своемъ индидуальномъ составѣ.

Принявъ за образецъ точныя науки о природѣ и поставивъ своимъ девизомъ полное уваженіе къ дѣйствительнымъ фактамъ, мы должны изслѣдовать и анализировать дѣйствительныя нарѣчія, не принимая изъ нихъ только отрывочныя, на удачу взятыя, явленія. Чтобы, однако, имѣть обобщающую точку зрѣнія, нужно въ основаніе изслѣдованій положить такое нарѣчіе, которое было бы, такъ сказать,

центральнымъ или кореннымъ, откуда виднѣе были бы пути по которымъ нарѣчія отступали отъ своего первоначальнаго единства. Собственно такой центральной, исходной точкой былъ первоначальный языкъ Тюрковъ, но мы рѣшительно не имѣемъ данныхъ чтобы знать его непосредственно. Но должно предположить, что чѣмъ ближе извѣстное нарѣчіе къ первоначальному языку по времени, тѣмъ ближе оно будетъ къ нему и по своему составу. И потому за исходный пунктъ изслѣдованій о Тюркскомъ языкѣ должно принять древнія нарѣчія отъ которыхъ имѣются письменные памятники.

Тюркская древность оставила намъ въ наслѣдство нѣсколько драгоцѣнныхъ памятниковъ. Первое, по древности, мѣсто занимаютъ между ними такъ называемые уйгурскіе памятники.

Уйгуры — древнее тюркское племя, обитавшее около Каракурума и искони отличавшееся отъ сродныхъ племенъ осѣдлостію и письменностію. Теперь, кажется, ни одно изъ тюркскихъ племенъ не называется этимъ именемъ, но можно считать прямыми потомками Уйгуровъ жителей Китайскаго Туркестана. Уйгуры изстари имѣли свое письмо, тогда какъ прочія Урало-Алтайскія племена оставались неграмотными. Въ послѣдствіи времени уйгурское письмо перешло къ монголамъ, а Тюрки которыхъ большая часть обратилась къ исламу, — а именно эти-то племена и грамотныя, — по причинѣ религіи приняли арабскій алфавитъ. Но быть можетъ изъ уваженія къ Чингизъ-Хану, усвоившему уйгурское письмо для своего роднаго языка, потомки его царствовавшіе между

прочимъ надъ Тюрками и, даже по принятіи нетерпимой, исключительной религіи Магомета, долго хранившіе въ дѣлахъ управленія Чингизову Ясу наравнѣ съ шаріатомъ, уйгурское письмо употреблялось Тюрками долго и въ оффиціальныхъ документахъ, каковы ханскіе ярлыки, и даже въ книгахъ религіозно-мусульманскаго содержанія.

Памятники, написанные уйгурскимъ алфавитомъ, суть слѣдующіе.

1. *Кудатку-биликъ*, подробно описанный Жоберомъ, въ Journal Asiatique, 1825 г., гдѣ помѣщенъ и довольно большой снимокъ съ манускрипта. Это infolio, въ 93 листа. Въ самомъ манускриптѣ есть нѣсколько любопытныхъ замѣтокъ, изъ которыхъ видно что книга первоначально написана въ 462 гиджры (= 1096 Р. Х.), а настоящій манускриптъ переписанъ въ 843 (= 1459) въ Геру. Нравоученіе въ видѣ стихотворнаго собесѣдованія олицетворенныхъ добродѣтелей.

2. *Бахтіаръ-намэ*, переводъ персидскаго романа; описанъ Жоберомъ, съ небольшимъ снимкомъ, въ Journal Asiatique, 1827. Списокъ 838 г. (= 1434 Р. Х.).

3. *Миграджъ* и *Тезкереи-ауліе*, два сочиненія въ одномъ спискѣ сдѣланномъ въ Гератѣ, 840 (= 1456). Разсказъ о вознесеніи Магомета на небо и патріархахъ и другихъ лицахъ священныхъ для мусульманъ.

4 и 5. Два ярлыка: Токтамыша къ Ягайлѣ отъ 795 г. и Тимуръ-Кутлука отъ 800 г. Первый изданъ въ извѣстномъ сочиненіи Г. Березина «Ханскіе ярлыки», другой — Гаммеромъ въ Fundgruben des Orients, t. IV, 359.

Сюда должно причислить уйгурскій словарь составлен-

ный въ пекинскомъ институтѣ переводчиковъ и нѣсколько донесеній туркестанскихъ владѣльцевъ императорамъ Минской династіи, — изданы Гаммеромъ въ сочиненіи Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren. Есть еще уйгурскія помѣтки на нѣкоторыхъ русскихъ актахъ отъ 15 вѣка. Изъ любопытной статьи Г. Бобровникова «О монгольскихъ подписяхъ на русскихъ актахъ» (Извѣстія Археолог. Общ., 1661, т. III) должно заключить что въ Золотой Ордѣ уйгурское, или по его монгольское, письмо было оффиціальнымъ. Судя по памятникамъ, можно думать что употребленіе уйгурскаго письма для языка Тюркскаго оканчивается съ 15 вѣкомъ, послѣ котораго арабское письмо, и прежде существовавшее спорадически, приняло исключительное господство у Тюрковъ. Но впрочемъ и доселѣ, по свидѣтельству О. Іакинѳа, «въ Туркестанскомъ княжествѣ употребляютъ монгольское письмо, называемое уйгурскимъ» (Статист. Описан. Кит. Импер. т. II, стран. 126).

Относительно уйгурскихъ памятниковъ замѣчу что не всѣ они вполнѣ изучены, какъ потому что бо́льшія сочиненія изданы только въ малыхъ образчикахъ, такъ, и еще болѣе, потому что не соединено изученіе Тюркскаго языка съ монгольскимъ. Восточныя каѳедры сгруппированы не на научномъ, филологическомъ основаніи, а примѣнительно къ относительнымъ литературамъ. Тюркское языкознаніе поставлено въ связи съ арабскимъ и персидскимъ. Странный вкусъ Тюрковъ — мусульманъ украшать свои сочиненія неограниченною никакими предѣлами примѣсью словъ и даже выраженій арабскихъ и персидскихъ требуетъ, для того чтобы читать всякую тюркскую

книгу à livre ouvert, знанія, и полнаго знанія, кромѣ Тюркскаго языка еще двухъ обширныхъ языковъ арабскаго и персидскаго. Но мнѣ кажется что соединеніе если не всѣхъ языковъ Урало-Алтайскаго семейства, по крайней мѣрѣ монгольскаго и Тюркскаго необходимо для прочнаго обезпеченія научной обработки Тюркскаго языка. Недостатокъ этого соединенія имѣлъ вредное дѣйствіе въ судьбѣ уйгурскихъ памятниковъ. Жоберъ, туркологъ, ошибочно дешифрировалъ уйгурское письмо, его впослѣдствіи поправилъ Г. Березинъ, но не вполнѣ. Гаммеръ перевелъ ярлыкъ Тимуръ-Кутлука по арабской транскрипціи существующей въ самомъ памятникѣ. Мирза Каземъ-Бекъ, въ равномъ совершенствѣ знающій всѣ мусульманскіе языки, неудачно объяснилъ ярлыкъ Токтамыша, именно по недоступности ему уйгурскаго письма. Г. Березинъ былъ счастливѣе его, потому что работалъ вмѣстѣ съ покойнымъ Банзаровымъ, опытнымъ въ монгольской палеографіи и отчасти знавшимъ по-татарски, но собственно археологическихъ трудностей ярлыка и онъ осилить не могъ.

Осмѣливаюсь откровенно высказать мое убѣжденіе что сей предпріимчивый оріенталистъ не совсѣмъ удачно въ отдѣлъ Уйгурскаго нарѣчія относитъ всѣ памятники написанные уйгурскими буквами. Должно различать письмо отъ языка: не на уйгурскомъ, конечно, діалектѣ писали Токтамышъ и Тимуръ-Кутлукъ. Иначе мы должны будемъ, напримѣръ, турецкій переводъ Библіи, напечатанный для малоазійскихъ грековъ греческими буквами, причислить къ греческимъ діалектамъ.

Еще, по моему мнѣнію, арабская транскрипція, приня-

тая всѣми учоными, нейдетъ къ уйгурскимъ памятникамъ: по свойству арабскаго алфавита, она не способна выразить наглядно существо уйгурскаго звукоизображенія, съ одной стороны сокращая гласныя, съ другой — давая произвольное произношеніе уйгурскимъ буквамъ. Какъ именно должно произнести, въ данномъ случаѣ, неопредѣленный алфавитный знакъ, за это ручаться нельзя въ языкѣ мертвомъ. Лучше, кажется, и для наглядности и для научной точности, дѣлать транскрипцію условно-принятыми латинскими буквами, такъ чтобы для каждаго изъ четырнадцати, по счоту Ибн-Арабшаха (Клапрота Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren, стран. 56), уйгурскихъ знаковъ опредѣлить приблизительно одинъ латинскій знакъ и имъ всегда замѣщать соотвѣтственный знакъ уйгурскаго письма.

Въ числѣ уйгурскихъ рукописей имѣемъ ли мы, въ самомъ дѣлѣ, памятникъ Уйгурскаго нарѣчія, которое для насъ было бы весьма драгоцѣнно какъ основаніе лингвистическихъ изслѣдованій? — Кажется, имѣемъ, и именно въ Кудатку-биликѣ.

Введеніе этой книги, неудачно прочтенное Жоберомъ, но въ изданномъ снимкѣ доступное для любознательности всѣхъ и каждаго, классическое по трудности и по богатству историческаго матеріала, представляетъ много задачъ. Кто эти китайскіе мудрецы и мачинскіе учоные, стихами и притчами которыхъ изукрашена дивная книга Кудатку и которые всѣ согласны что нѣтъ лучше ея книги на Тюркскомъ языкѣ? Что за Бугра-Ханъ *) и языкъ его — языкъ очевидно Тюрк-

*) Сутукъ Бухраханъ, умершій въ 429 г. гиджр., извѣстенъ га-

скій? Но привожу особенно важное мѣсто *), по своему чтенію, въ самодѣльной транскрипціи, отмѣчая сомнительныя слова знакомъ (?): buu kitab ni uquq? ni amin? saat multan? liq bitik? itt i? ar turur amm a buu kitab ni kašqar il i ta tuikal qilib mašriq maliki tabqza qani uskin? ka zikur miš turur malik buqr a qan ta ani aqir lab uis qas azib liq i ni ankqa baru iarliq a miš turur anink uzun iusub qas azib tib ati azun ta iaiilmiš turur. Не увѣренный въ точности своего чтенія, думаю перевести такъ: «Эту книгу, эту мудрость Аминъ Саадъ Мултанскій написалъ; далѣе, по эту книгу въ Кашгарскомъ государствѣ окончивъ, къ восточному царю, хану Табкчи представилъ, царь Буграа-Ханъ даже его почтивши при своей особѣ хаджибство дать изволилъ; поэтому Юсупъ придворный хаджибъ говоря имя его во вселенной распространилось». (Особенно сомнительно мое чтеніе: Аминъ Саадъ Мултанскій, но во всякомъ случаѣ здѣсь должно быть имя собственное съ относительнымъ прилагательнымъ.)

затомъ, который онъ распространилъ до Турфана и Комуля. Въ селѣ Алтынъ – Артышѣ, верстахъ въ 60 отъ Кашгара, находится его гробница уважаемая тамошними мусульманами (См. статью султана Валиханова объ Алтышарѣ. Зап. Географ. Общ. 1861 г. кн. III). Нѣкоторые позднѣйшіе ханы могли принимать имя Буграа, здѣлавшееся столь уважаемымъ.

*) Вотъ чтеніе и переводъ Жобера, для сравненія.

بو كتاب ى سوشك ى بيله ساعت مولود ليق فراز ايدنى آى
دورور اما بو كتابى كشغر ايلى‌ده دوكل قيلوپ مشرق مليكي
تبخچان خاني اوز كونغه يكورمش دورور مليك بخارا خان‌ده اني
اقير ليپ اوزخان نجيب ليكى انكا فرو يارلقامش دورور انيك
اوچون يوسف خان نجيب طاپ ادى ايچنده يابلمش دورور

Это введеніе могъ, по видимому, написать не первый сочинитель книги, а переписчикъ, ибо книга представляется уже распространившеюся почти по всей Азіи, и вездѣ получившею уваженіе и разныя почетныя названія. Быть можетъ, первымъ сочинителемъ книги былъ Аминъ Саадъ, а переписчикомъ — Юсупъ, придворный хаджибъ. Указаніе на мѣсто окончанія ея въ Кашгарѣ и отношеніе къ мусульманскимъ подданнымъ Китая (китайскіе мудрецы нарекаютъ ей имя арабское) наводятъ на предположеніе что она составлена на діалектѣ Уйгурскомъ. Эту догадку подтверждаетъ то что слово от быкъ — названіе одного изъ зодіакальныхъ знаковъ, въ 5-й главѣ Кудатку-биликъ, встрѣчается въ томъ же видѣ у Улугъ-Бека въ числѣ уйгурскихъ названій двѣнадцати часовъ (цитованное выше сочиненіе Клапрота Abhandlung, стр. 4).

Эта догатка ведетъ за собой другую. Разсказы о пророкахъ Рибгузи, т. е. кадія Рубати-Угузи (гдѣ это мѣсто? — а Угузъ считался родоначальникомъ Уйгуровъ), посвященные монгольскому по происхожденію, по религіи мусульманскому князю Тукъ-Бугѣ (также неизвѣстному), по языку близки къ Кудатку-биликъ, сколько можно судить о послѣднемъ по статьѣ Жобера. Названіе двѣнадцати знаковъ зодіака и семи

Cet ouvrage est comparable à une planète (litt. à une lune) qui détermine l'horoscope à l'heure de la naissance.

Cet ouvrage n'a point été composé dans le pays de Kachghar; mais un roi des contrées orientales en fit présent au khan de Badakhchan; ensuite le roi du Boukhara-khan, l'ayant divisé (par ordre de matières), ordonna qu'il porterait le nom de son vizir; voilà pourquoi le nom du vizir Ioussuf-Khan-Nedjib s'y trouve écrit (Journ. Asiat., 1825, pp. 43, 44 et 46).

планетъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ синонимическихъ или переводныхъ словъ, сводятся въ одинъ видъ, предположивъ ошибочность чтенія Жобера и переписчика Рибгузи *). Кромѣ того въ томъ и другомъ сочиненіи часто употребляется причастіе оканчивающееся на *міи* просто какъ прошедшее, тогда какъ въ Джагатайскомъ эта форма имѣетъ особое значеніе.

Буть справедлива эта догатка, тогда мы имѣемъ два большіе документа для Уйгурскаго нарѣчія, достаточные опредѣлить въ значительной степени его грамматическій и лексикографическій составъ. Вотъ почему, мнѣ кажется, необходимо было бы подвергнуть уйгурскій манускриптъ Кудатку, весь цѣликомъ, тщательному изученію преимущественно предъ другими уйгурскими памятниками. Но впрочемъ одно уже то говоритъ въ пользу этого манускрипта, что онъ есть древній списокъ древнѣйшаго и въ свое время уважаемаго тюркскаго сочиненія **).

Другое древнее тюркское нарѣчіе извѣстное по памятникамъ есть Команское или Половецкое. Команскіе матеріалы суть: 1) нѣсколько словъ, помѣщенныхъ въ большой Макарь-

*) Названія двѣнадцати знаковъ зодіака въ Кудатку-биликъ: 1) couzi, 2) ot, 3) chentez, 4) ourikh, 5) arslan, 6) couch 9) oulki, 10) oklik, 11) iounk, 12) balic; въ Рибгузи: قوذى, اود, ازيدر, قوچيق, آرسلان, بغداى بشى, اولكو, جذان, ياى, اوغلاق, سكاندور, اونكاى, قوغا, باليق.
Планеты въ Кудатку: sekentis, okhi, iourout, ichik, sebit, tilek; въ Рибгузи: كوره, بشيق, سقيق, آرزو, باحيق, (Ср. манускр. Рибгузи, Аз. М. И. А. Н. въ разсказѣ о Іосифѣ и l. c. p. 81).

**) Желательно чтобы фотографическое искусство воспроизвело и размножило этотъ любопытный манускриптъ и сдѣлало его доступнымъ для ученыхъ разныхъ странъ.

евской Минеѣ, за Августъ, именно: тагри Богъ, фериштa ангелъ, исраилъ архангелъ (Азраилъ), кокъ небо, тахъ престолъ, коушь солнце, илоудоузъ звѣзда, аанъ мѣсяцъ, каръ снѣгъ, амгуръ дождь, суоукъ студено, иси тепло, алкоранъ законъ, елфокажъ учители и великіе толковницы, етмакъ хлѣбъ; молла попъ. 2) Нѣсколько формулъ команскаго перевода Молитвы Господней, помѣщенныя въ Mithridates Аделунга. Команы, переселившись въ Венгрію, потеряли свой языкъ, но долго еще, изъ уваженія къ родной старинѣ, затверживали Молитву Господню на родномъ языкѣ, не понимая значенія ни одного слова, и на разныя манеры искажая и сокращая ее. Это очевидно одинъ переводъ, который теперь, по искаженнымъ записямъ, съ положительною увѣренностію и вполнѣ возстановить невозможно. 3) Но самый большой матеріалъ есть словарь команско-персидско-латинскій изданный, къ сожалѣнію съ безчисленными ошибками, Клапротомъ. За неимѣніемъ текстовъ, кромѣ двухъ-трехъ кратких выраженій и спряженія въ словарѣ, точнѣе опредѣлить грамматическое устройство Команскаго нарѣчія нельз

Третье мѣсто занимаютъ памятники Джагатайскаго н рѣчія, — названіе заимствованное отъ имени Джагатая, кот рому Чингизъ-Ханъ далъ въ удѣлъ всю Среднюю Азію о Сыръ-Дарьи до предѣловъ Индіи. На такомъ обширно пространствѣ было, конечно, множество разныхъ тюркски племенъ и нарѣчій, и потому названіе это не имѣетъ т опредѣленности, какъ Уйгурское или Команское.

Въ Джагатаевомъ удѣлѣ любовь къ наукѣ и поэзіи когда не оскудѣвала. Гератъ при султанѣ Хусеинъ-Ми

былъ собраніемъ знаменитостей литературныхъ. Но ученые писали на классическомъ, арабскомъ языкѣ; а въ области изящной словесности родной языкъ померкалъ въ сознаніи тюрковъ предъ богатствомъ и блескомъ персидскихъ поэтовъ. Творенія Фирдоуси, и особенно — Хафиза и Саади, были любимымъ чтеніемъ всѣхъ образованныхъ людей Средней Азіи. Роскошныя мистико-эротическія картины Хафиза и тонкія моральныя правоученія Саади, облеченныя въ формы языка изящныя и гармоническія, давали направленіе литературнымъ идеямъ тюрковъ и представляли готовый матеріалъ для выраженія своихъ вдохновеній. Большинство писало стихи по-персидски. Родной, Тюркскій языкъ остался главнымъ образомъ для дѣловой прозы, лучшимъ памятникомъ которой останутся записки султана Бабура. Въ поэзіи Тюркскій языкъ игралъ второстепенную роль. Даровитѣйшій и самый обильный поэтъ, котораго сочиненія сохранились до настоящаго времени, есть Миръ Алиширъ.

Въ отношеніи судьбы тюркской поэзіи и Тюрскаго языка весьма любопытно сочиненіе Миръ Алишира, подъ названіемъ Мюхакеметюл-лугатэйнъ. Въ немъ онъ говоритъ слѣдующее (по изданію Катрмэра Extraits d'Ali-Schir pp. 33 — 34): «Отъ государей арабскихъ и персидскихъ (сартъ) царское достоинство перешло къ тюркскимъ ханамъ. Отъ времени Гулагу-Хана и благополучнѣйшаго Тимуръ-Курекана до конца его достойнаго сына Шагрохъ-Султана возникали поэты писавшіе по-тюркски и султаны изъ его (Шагроха) сыновей и потомковъ съ поэтическимъ даромъ. То были поэты подобные Секкаси, Хайдару Хорезми, Атаи, Якыни,

Эмири и Гедаи; но не было однако никого въ уровень съ персидскими поэтами, кромѣ одного Мауляна Лутфи *), у котораго есть нѣсколько стиховъ стоющихъ чтобы прочитать предъ людьми съ поэтическимъ вкусомъ. Вотъ одинъ его стихъ:

اول كه حسن ايتتى بهانه ايلنى شيدا قيلغالى
كوزكو ديك قيلدى سينى اوزينى پيدا قيلغالى

Тотъ, Который содѣлалъ красоту предлогомъ къ очарованію людей,
Сдѣлалъ тебя какъ-бы зеркаломъ, для отраженія Себя.

Изъ султановъ ни отъ одного не явилось образцовыхъ слѣдовъ таланта и не осталось ничего что̀ сто́ило бы за-

---

*) Юсуфъ бенъ Абибекръ Секкаки, изъ Хорезма, болѣе извѣстенъ учеными сочиненіями по грамматикѣ и реторикѣ. Въ двухъ сборникахъ стихотвореній разныхъ авторовъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ (см Catalogue des man. et xylogr. orient. de la Bibliothèque Impériale Publique de St. Pétersbourg, 1862, встрѣчаются нѣкоторыя имена близкія къ приводимымъ у Миръ Алишира: Yaqiny DLV 95, Emry DLIV 6, DLV 10; Latify DLIV 54, DLV 43.
У Хаджи Хальфы я нашолъ только указаніе на стихотворенія Лутфи Неваи, быть можетъ тожественнаго съ Мауляна Лутфи и султана Хусейнъ-Мирзы. Въ томѣ III стран. 305:
ديوان لطفى نوايى تركى وله فى الزبدة خمسة ابيات
ديوان حسينى نوايى وهو السلطان حسين بيقرا المتوفى سنة ٩١١
Хаджи-Хальфы т. III, стр. 275 وله فى الزبدة ثلاثة ابيات
Подъ именемъ Зюбдэ здѣсь вѣроятно разумѣется большой сборникъ стиховъ разныхъ поэтовъ, записанный въ III томѣ Хаджи-Хальфы:
زبدة الاشعار تركى للمولى عبد الحى بن فيض الله الرومى
المتخلص بفائضى المتوفى سنة ١٠٣١

писать на бумагу, кромѣ султана Бабура. Слѣдующій стихъ есть слѣдъ его поэтическаго дарованія:

نیچه یوزونك کوروب حیران بولایین * الهی مین سنکا قربان بولایین

Доколѣ я буду изумленнымъ, смотря на твое лицо?
Боже мой! я готовъ сдѣлаться жертвою за тебя.»

Затѣмъ Миръ Алиширъ распространяется въ похвалахъ султану Хусейнъ-Мирзѣ, составившему Диванъ на Тюркскомъ языкѣ. Быть можетъ, восторженныя похвалы Алишира государственнымъ доблестямъ и поэтическимъ твореніямъ султана Хусейнъ-Мирзы были отчасти преувеличены извинительнымъ пристрастіемъ къ его царственному другу, предпочетшему для собственнаго Дивана языкъ Тюркскій. Султанъ Бабуръ дѣлаетъ нѣсколько другой отзывъ объ этомъ Диванѣ. «Онъ (Хусеинъ-Мирза) имѣлъ, говоритъ Бабуръ, стихотворное дарованіе, и составилъ Диванъ; онъ писалъ по-тюркски, подъ поэтическимъ прозвищемъ Хасанъ, *) нѣкоторые стихи недурны, только Диванъ Мирзы одного (стихотворнаго) размѣра.»

Миръ Алиширъ, который также заплатилъ не малую дань модѣ писать по-персидски, былъ почти единственнымъ или по крайней мѣрѣ могущественнѣйшимъ бойцомъ за родной языкъ. Онъ очень много написалъ въ прозѣ и особенно въ стихахъ. И видно потерявши уже надежду возстановить права Тюркскаго языка примѣромъ своихъ сочиненій, онъ,

*) Hasan (DLV 78) есть, по всей вѣроятности, султанъ Хусейнъ-Мирза.

подъ конецъ жизни (въ 905 году, а умеръ въ 906 году гиджры), написалъ «Тяжбу двухъ языковъ». Здѣсь онъ доказываетъ превосходство Тюркскаго языка надъ персидскимъ, какъ богатствомъ тюркскаго словаря, представляющаго выраженія для самыхъ частныхъ и тонкихъ оттѣнковъ идей которые у персіянъ не имѣютъ нарочитыхъ терминовъ, такъ разнообразіемъ и гибкостію грамматическихъ формъ. Энергически вступается онъ за свой родной языкъ, вооружаясь авторитетомъ своихъ литературныхъ заслугъ и всѣми признаннаго критическаго такта; общее стремленіе писать на чужомъ, персидскомъ, языкѣ онъ объясняетъ (очевидно не совсѣмъ вѣрно) легкостію и немногосложностію персидскаго языка. Это сочиненіе есть какъ-бы предсмертное завѣщаніе поэта патріота, хотя должно по правдѣ сказать что Миръ Алиширъ на дѣлѣ не оправдалъ своей мысли о лексическомъ богатствѣ Тюркскаго языка, употребляя постоянно въ своихъ сочиненіяхъ большую примѣсь чужихъ словъ.

Языкъ Миръ Алишира называемъ джагатайскимъ, потому что авторъ Словаря N° DXCIV И. П. Б. такъ называетъ его.

Былъ ли джагатайскій языкъ извѣстныхъ писателей однимъ изъ живыхъ нарѣчій, или общій, условно принятый языкъ литературы? Султанъ Бабуръ, при описаніи Андеджана (Баберъ-намэ стр. 3 *), замѣчаетъ: «Жители — тюрки,

---

*) (آندجان) ایلی نینك لفظی قلم بیرله راست تورانی اوجون کیم میر علی شیر نوایی نینك مصنفاتی باوجودکیم هریدا نشو ونما تابیب تور بو قیل بیلا دور . Не имѣю, къ сожалѣнію, точныхъ данныхъ,

устный языкъ жителей его сходится съ письменнымъ, потому что сочиненія Миръ Алишира, хотя возникли и выросли въ Гератѣ, написаны на этомъ языкѣ». Отсюда можно заключить: что былъ опредѣленный, принятый письменный языкъ, что этотъ языкъ установленъ Миръ Алиширомъ и что съ нимъ сходственно нарѣчіе Андеджана. Конечно, этого сходства не должно представлять полнымъ: въ живомъ народномъ нарѣчіи не могло быть такого множества иностранныхъ словъ, какъ въ сочиненіяхъ Миръ Алишира. Равнымъ образомъ глаголъ булмак, у этого поэта то съ буквой *б* въ началѣ, то безъ нея, и связка, то полная, то сокращенная, въ нарѣчіи народномъ должны были имѣть одну которую-либо форму. Слѣдовательно это сходство было преимущественно въ орѳографіи тюркскихъ словъ и грамматическихъ формъ.

Сочиненія Миръ Алишира, отвѣчая вполнѣ мистически-эротическому вкусу тюрковъ, имѣли обширное употребленіе и дошли до насъ во многихъ спискахъ. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ находятся великолѣпные манускрипты Дивана Неваи, изъ которыхъ одинъ (DLXIV) оконченъ въ 870 году, руки Султанъ-Али Мешгеди, по извѣстію Бабура, лучшаго изъ многочисленныхъ придворныхъ каллиграфовъ Герата, работавшаго въ день 30 стиховъ для Хусеинъ-Мирзы и 20 для Миръ Алишира. Его же каляму вѣроятно принадлежитъ рукопись Пятерицы (DLX) тогоже автора, окон-

---

чтобы опредѣлить причины этого сходства языка Миръ Алишира съ нарѣчіемъ именно андеджанскимъ.

ченная въ 898 году. Нельзя сомнѣваться что знаменитый художникъ, такъ неспѣшно и заботливо работавшій для султана или для самаго автора указанныя рукописи, воспроизвелъ во всей точности первоначальный текстъ. Поэтому его манускрипты имѣютъ для критики достоинство равное автографамъ. Эти-то и имъ подобныя рукописи должно принять за основные документы при изученіи языка Миръ Алишира.

Изъ Записокъ Бабура видно что онъ родился и росъ въ Андеджанѣ, поэтому андеджанское нарѣчіе было его природнымъ. И въ этомъ отношеніи Алиширъ и Бабуръ должны быть разсматриваемы вмѣстѣ.

Сочиненія Миръ Алишира и Записки Бабура дополняютъ другъ друга. Подлинные списки первыхъ должны преимущественно служить какъ основаніе для орѳографіи, за исключеніемъ впрочемъ тѣхъ случаевъ, когда стихотворная необходимость заставляла удаляться отъ дѣйствительныхъ формъ языка. Въ свою очередь Баберъ-намэ должно представлять богатый матеріалъ для опредѣленія грамматическихъ формъ въ ихъ значеніи. Султанъ Бабуръ излагалъ свои собственныя приключенія и наблюденія. Испытанныя имъ лично, они были имъ вполнѣ сознаны и прочувствованы, и потому изложены со всею индивидуальностію и характеристичностію самостоятельнаго живаго представленія. Простой, ясный разсказъ, откровенность и задушевность, какими отличается Баберъ-намэ, ручаются за естественность языка. Поэтому мы вправѣ ожидать что грамматическія формы въ этомъ твореніи разнообразнѣе по употребленію, характеристичнѣе и

точнѣе въ оттѣнкахъ своего кореннаго значенія, нежели въ такомъ сочиненіи въ которомъ искусственно и напыщенно излагаются предметы мистическіе и отвлеченные. А это мы должны въ нѣкоторой степени сказать о сочиненіяхъ Миръ Алишира.

Впрочемъ опредѣлить степень искусственности или народности языка нашихъ авторитетовъ, а главное ихъ фонетику можно было бы чрезъ сравненіе его съ нынѣшнимъ нарѣчіемъ Андеджана, предполагая что народный языкъ не могъ слишкомъ много измѣниться въ продолженіи четырехъ-сотъ лѣтъ. Это сравненіе, быть можетъ, повело бы далѣе къ рѣшенію вопроса о происхожденіи письменнаго Джагатайскаго языка и намекнуло бы на существованіе или несуществованіе какого-нибудь отношенія къ уйгурской системѣ письма.

Итакъ, при настоящемъ положеніи, намъ всего удобнѣе начать лингвистическія изслѣдованія съ такъ называемаго Джагатайскаго нарѣчія, по сочиненіямъ Миръ Алишира и султана Бабура *).

---

*) Не могу вполнѣ поручиться за орѳографію своего изданія Баберъ-намэ, особенно за троеточіе подъ буквою джимъ и медду въ косвенныхъ падежахъ и множеств. числѣ мѣстоименія 3-го лица. Впрочемъ таже орѳографія господствуетъ въ Extraits d'Ali-Schir Катрмэра. Нужно точное изданіе документальныхъ манускриптовъ, каковы нумера DLX и DLXIV И. П. Б.

Относительно имени родоначальника великихъ моголовъ, должно принять произношеніе И. Н. Березина — *Бабуръ*, съ краткимъ, бѣглымъ произнесеніемъ втораго слога, на что указы-

Основаніе и матеріалъ къ изслѣдованію всякаго живаго нарѣчія есть живая рѣчь народа которому оно принадлежитъ. Нужно только обращаться изъ народа къ такимъ личностямъ которыя бы вслѣдствіе ли долгаго пребыванія между чужими племенами, или ученыхъ претензій не измѣнили родному языку. Особенно должно избѣгать грамотѣевъ и книжниковъ. Чѣмъ менѣе напитался книгами человѣкъ, тѣмъ чище народный говоръ. Противъ грамотности впрочемъ вооружился я здѣсь только въ отношеніи тюркскихъ племенъ, потому что у всѣхъ ихъ замѣтно поползновеніе щеголять не чистотой роднаго слова, а смѣсью съ чужими стихіями. Вся цѣликомъ рѣчь простаго человѣка есть для лингвистическихъ наблюденій фактъ подлинный, нужно только чтобы рѣчь эта не была сбиваема искусственной постановкой или научными запросами, а безъ помѣхи текла какъ свободное выраженіе самостоятельно развивающихся идей. Если иногда придется допытываться отъ туземца какое понятіе съ даннымъ словомъ или оборотомъ соединяется въ его сознаніи, то въ этомъ случаѣ должно принимать подобныя опредѣленія съ осторожностію, потому что это уже отвлеченіе, толкованіе, не фактъ. Особенно важны изстари хранимые устно у нѣкоторыхъ племенъ разсказы и стихотво-

---

ваетъ опущеніе въ письмѣ его гласнаго звука. Что здѣсь надо ставить звукъ *у*, а не *е*, это указывается однимъ стихомъ въ Христоматіи Г. Березина (Т. I, стр. 229, строк. 6), гдѣ слово *Бабуръ* риѳмуется съ словомъ *дуръ*. Кромѣ того, одинъ учоный мулла, изъ здѣшнихъ татаръ, долго жившій въ Бухаріи, говорилъ мнѣ что въ Средней Азіи говорятъ Бабуръ.

енія. Въ нихъ можно встрѣтить болѣе сложную комбина-
цію грамматическихъ условій, и, записанные точно съ уст-
аго изложенія, они представляютъ для разносторонняго изу-
ченія удобство текстовъ, котораго нельзя имѣть, когда слу-
шаешь летучую рѣчь на чужомъ языкѣ. Кромѣ того ста-
инные разсказы всегда заключаютъ остатки древности, осо-
бенно въ отношеніи обычаевъ. Какъ данныя для тюркской
рхеологіи, важны разсказы тѣхъ племенъ которыя не измѣ-
нили ни своей старинной вѣры ни древнихъ обычаевъ и быта,
каковы нѣкоторыя шаманствующія племена въ Сибири.

Всякое лингвистическое положеніе должно основываться
на дѣйствительномъ фактѣ, въ нарѣчіи живомъ народномъ
на народномъ сознаніи и употребленіи, въ мертвыхъ па-
мятникахъ — на строго экзегетическомъ изученіи самыхъ па-
мятниковъ, такъ чтобы значеніе словъ и грамматическихъ
формъ и оборотовъ опредѣлялось преимущественно контек-
стомъ, или же сопоставленіемъ разныхъ мѣстъ одного и того
же сочиненія или автора, въ которыхъ искомое слово или
выраженіе встрѣчается.

Обработка каждаго изъ живыхъ нарѣчій на первый
разъ должна имѣть видъ монографическій; при этомъ должно
точно опредѣлить: 1) фонетику какъ звуковую систему дан-
наго нарѣчія; 2) подлинный видъ и подлинное значеніе грам-
матическихъ формъ и синтаксическихъ сочетаній; 3) зна-
ченіе отдѣльныхъ словъ, принимая каждое слово какъ вы-
раженіе цѣльной, нерѣдко своеобразной идеи, имѣющей боль-
шее или меньшее количество оттѣнковъ.

Поставивъ задачу тюркскаго языкознанія во всей ея об-

ширности, я имѣлъ въ виду только указать моимъ любознательнымъ слушателямъ идеалъ къ которому должны стремиться наши общія усилія. Изъ живыхъ тюркскихъ нарѣчій вполнѣ подручное и близкое для насъ теперь есть только нарѣчіе казанскихъ татаръ. Но въ сухихъ, неблагодарныхъ лингвистическихъ занятіяхъ пусть одушевляетъ васъ мысль, которая должна быть вамъ всегда присуща, что тюркская филологія есть довольно обширное и мало воздѣланное поле, предоставленное, по географическому положенію Россіи, въ удѣлъ отечественной наукѣ, и что, по выходѣ изъ университета приведется ли вамъ быть распространителями общечеловѣческаго просвѣщенія въ какомъ-нибудь пунктѣ обширнаго края для котораго Казань есть мѣсто высшаго образованія, или представителями отечественныхъ и общественныхъ интересовъ въ пограничныхъ областяхъ Азіи, во всякомъ случаѣ вы можете оказать великую услугу наукѣ даже простымъ, но добросовѣстно точнымъ, собираніемъ и приведеніемъ въ извѣстность сырыхъ матеріаловъ.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

А.

Нынѣшнее нарѣчіе Китайскаго Туркестана, само по себѣ служивающее изученія, какъ одно изъ нарѣчій Тюркскаго ыка, получитъ еще большую важность, если лингвисти-ски докажется его непосредственное происхожденіе отъ йгурскаго.

Вопросъ еще въ томъ во всѣхъ ли городахъ и мѣст-остяхъ подвластныхъ Китаю тюрки говорятъ однимъ на-ѣчіемъ.

Изданныхъ матеріаловъ китайско-туркестанскаго на-ѣчія не много, именно: 1) нѣсколько десятковъ словъ за-исанныхъ Клапротомъ, въ 1806 году, въ Усть-Каменогор-скѣ, на Иртышѣ, съ устнаго произношенія одного заѣзжаго урфанца, и изданныхъ имъ въ Reise in den Kaukasus, 1814, ом. II, стран. 496 — 502. — 2) Нѣсколько отрывочныхъ ыраженій написанныхъ въ Пекинѣ для Г. Васильева жи-елемъ Аксу и изданныхъ Г. Березинымъ въ его Христо-атіи (Част. I, стр. 22 — 27).

Осенью 1859 года явился въ Оренбургѣ, чрезъ Коканъ, динъ человѣкъ изъ Кашгара. Его звали ахунъ, — не соб-твенное имя, а почетное названіе для всякаго, какъ въ ругихъ мѣстахъ бай, ходжа, хазрятъ и т. п. Я началъ-ыло у него учиться по-кашгарски, но, по слишкомъ про-оватымъ, вялымъ манерамъ и по особенно картавому про-

изношенію, заподозрилъ что это его личный недостатокъ, не свойственный цѣлому нарѣчію, — и оставилъ уроки.

Вотъ все что̀ я записалъ со словъ моего кашгарскаго ментора. Носовое *н* я изображаю здѣсь и ниже въ башкирскомъ разсказѣ знакомъ ҥ.

Кышкаг ічідä азна кўндä базаг бўлыда въ Кашгарѣ базаръ бываетъ въ пятницу. Въ окрестности Кашгара слѣдующія деревни (кышлак): Аташ, Пäзwäд, Кызыл буjы, Ханрäк, Тазгун, Тукузак, Упал, Ташмілек, Ўстўн-Атыш, Алтын-Атыш (алтын, думаю, здѣсь значитъ не *золото*, а *нижній*), Агwа, Бешкерäм, Агwад, Дewлет баг, Коган, Сäмäҥ. — Шähрніҥ хэлкэ jезлік жители города — езликъ (?). Тіле ахун тілепчä языкъ ихъ такой же, какъ ахуна. Въ городъ пріѣзжаютъ кто на лошади, кто на ослѣ атлык кéледä, ішеклік келедä. Хлѣба̀ (ашлык): бугдаі пшеница, аккунак родъ тростника съ круглой головкой, съ кулакъ величиною, изъ этого дѣлается хлѣбъ и также кормъ для лошадей нан булыда, ат бугўзы булыда; кўммä кунак кукуруза, апа ячмень. Плоды jіміш: кугун дыня, таwаз арбузъ, шаптул шептала, ўзўм виноградъ, анар граната, энджір фига, алма яблоко, ўрäк урюкъ, ўджмä плодъ тутоватаго дерева. Шыда=кіпäзніҥ шыдысэ хлопчатникъ, кіпäз плодъ хлопчатника (цѣльный), зерна его чігіт, отдѣленный отъ зеренъ хлопокъ пахта. Въ Кашгарѣ нѣтъ шелковичнаго червя, а въ Хотанѣ есть шелковичный червь Кышкагда пілä jок, Хутанда пілä баг; шолкъ мешт.

Въ Кашгарѣ много мечетей мäчіт баг кöб, улицы узкія кўчäлäрä таг; улицы есть и прямыя и кривыя кўчä-

läг тўзе мä баг бураліганы ма баг. Домъ ўі, большой домъ уда, хакімніń удасэ. Стеклянныхъ оконъ не дѣлаютъ аінäк кылмаіда, а волоковыя окна тўньлўк. Печка учак съ трубою морэ̂. Зима бываетъ три мѣсяца кыш булыда jöч аі, зимою идетъ снѣгъ кышкы кўні каг jаґыда. Мебель: стулья кўса, они есть только у бековъ, у простаго народа нѣтъ кўса беглägдä баг, бухарада jок; обыкновенный четвероугольный столъ джоза, хон круглый столъ, низенькій, на которомъ подаютъ кушанье. Таґча нишъ въ стѣнѣ, въ видѣ шкапа, для посуды. Сетіл ведро́, ка̄чы большія ножницы, дўкат маленькія ножницы, пчак ножъ, болка молотокъ, кўшык ложка, чумич большая ложка, кулпа замо̂къ, ачку ключъ, мих гвоздь, кылтак щотка, сўпўнкä метла, домъ метутъ ўі сўпўредä, чегіз кошма, тўшäк перина, внутри ея хлопокъ ічідä пахта, текке подушка узкая и длинная, пäлäн перчатки, jаґак замша, кöн кожа выдѣланная изъ коровьей шкуры, кöньлäк рубаха, тамбал штаны, ўтäк сапоги, мäса ичиги, тумак зимняя шапка, бўнк лѣтняя шапка, каргыз бумага, темір желѣзо, туч жолтая мѣдь, мес красная мѣдь, таш камень, сунун мыло, мо̂т сукно, аґамчы толстая веревка, чігä тонкая веревка, думбак барабанъ. Jешіл зеленый, сырык жолтый, кызыл красный, хäурä свѣтлѣе темноголубаго, а̄к бѣлый. Каранґы темный, jурук свѣтлый.

Падша царь, до̂ґа (= даруга?) въ родѣ генералъ-губернатора, ка въ родѣ управляющаго киргизскою областію. Бawa дѣдъ, предокъ, мама́ бабка, деде отецъ, ана мать, уґал сынъ, кыз дочь, нäбрä внукъ, — уґлан нäбрä, кыз нäбрä внукъ, внучка, пеі нäбрä правнукъ, кўкўн нäбрä пра-

правнукъ, ака старшій братъ, іні младшій братъ, ігечі старшая сестра, сыньыл младшая сестра, таґа дядя по отцѣ, амма дядя по матери; съ жениной стороны: каін ата, каін ана, каін ака, каін іні, каін ігечі, каін сыньыл, кілін сноха, баджа своякъ, јеньге старшая сноха, хутын жена. Кол рука, джänäк локтевая кость, білäк вышелоктевая кость, алакан ладонь, кулам палецъ, беш маґдак большой палецъ, каштыкы кулам указательный, утру кулам средній, чымчылак мизинецъ; баш голова, маньлаі лобъ, гезјäм затылокъ, чач волосы, бујан шея, бунум мой носъ, аґыз ротъ, тіл языкъ, тіш зубъ, кöз глазъ, кöземнінь акэ, — карасэ, кач бровь, брут усы, сакал борода, макал клочокъ волосъ подъ губой, јаньак бакенбарды, іньек подбородокъ, клак ухо, аhка=уча спина, біл поясница, саґры бедро, пут нога, ушук щиколодка, кыньграк отъ щиколодки до колѣнъ, тез колѣно, јута вышеколѣнная кость.

Ат лошадь, — ат булабта; аґыр жеребецъ, баітал кобыла, акта меринъ, таі жеребенокъ, таічак. Бука племенной быкъ, уі кладеный быкъ, інäк корова, мозак теленокъ. Кучкар баранъ съ рогами. Каз гусь, ўhдäк утка, тöхы курица, хураз пѣтухъ, туруз павлинъ, кўкö индѣйка. Аґач дерево какъ матеріалъ, дірахт дерево какъ растеніе, джылдас корень, јапуґмак листъ, чечек цвѣтокъ. Даґја море, рѣка, су вода, сујымыз убдан у насъ вода хороша, кöл озеро (зола кўл).

Числительныя имена: бже 1, ішке 2, јöч 3, тöhт 4, беш 5, алтэ 6, јетте 7, секкез 8, токкоз 9, он 10, он бже 11... джігіhме 20, отоз 30, кэґк 40, іллех 50, атмэш 60,

jетмеш 70, сексен 80, токсан 90, jöз 100, міҥ 1000, біж туман 10,000, бжі лек 100,000. — Дни недѣльныя, начиная съ субботы: шамбä кўнä, jекшамбä, дўшамбä, сеішамбä, чаґшамбä, пашамбä, азна = джума кўнä. Въ году двѣнадцать мѣсяцевъ jəл ічідä он ішке аі; рамазанъ руз-аі, шевваль hеідеі, дальше араі; мухарремъ hўшр еjе, сафаръ сäпäh еjе.

Чэкы дыґан выходящій. Блут облако. Гаwа гўлгўлäдä громъ гремитъ. Біж кішініҥ кызы баґ бўржäніҥ уґлы баґ, ішкесе кäттä (= чоҥ) булды; уґлан хути алыда, тоі кылыда у одного человѣка есть дочь, у другаго сынъ, оба стали большіе; молодой человѣкъ женится, дѣлаетъ пиръ. Бала тапты родила. Кўhгенім бäріді я видѣлъ, каґадам смотрѣлъ. Кўhдäм видѣлъ. Каґаjмэз смотримъ. Кўh видь. Кāла смотрика. Безніҥ сўзіміз тўз наши слова правильны; jалґан імäс не ложно. Кімгä беhсä халлапта самъ располагаетъ кому дать.

Характеристическую картавость всѣхъ жителей Кашгара, доходящую иногда до опущенія буквы *р*, подтвердилъ мнѣ на словахъ султанъ Валихановъ. Кромѣ того, въ его статьѣ: «О состояніи Алтышара» (Записки Географ. Общ., 1861, книж. III) названіе кашгарскихъ воротъ: судавза, кумъ давза подтверждаетъ тоже.

Образцы разговоровъ писанные въ Пекинѣ мусульманиномъ изъ Аксу и помѣщенные въ Христоматіи Г. Березина, представляютъ нѣсколько характеристическихъ чертъ общихъ съ тѣмъ что надиктовалъ мнѣ ахунъ кашгарскій. Это — опущеніе *р* во множеств. числѣ (напр. N° 11 Г. Березина), въ связкѣ 3-го лица (N° 34, 43, 44), слово اوبدان вмѣсто آبدان,

مو — مو соединит. частица, یافورماق (N° 74)=japuïmak; въ орѳографіи аксуйца на мѣстѣ *п* вездѣ поставлено ف (N° 18, 72, 74), поэтому и слово جغان (N° 21, 22, 74) должно, кажется, читать چغان чапанъ, кафтанъ. Полуграмотный житель Аксу усиливался, повидимому, придержаться книжной орѳографіи, но иногда какъ-бы обмолвливался живыми формами своего нарѣчія.

Въ изданныхъ Клапротомъ словахъ турфанскаго нарѣчія также можно видѣть сходство съ кашгарскимъ: ui быкъ, chotun жена, tala степь, tagk гора, tutsch желтая мѣдь. Названіе красной мѣди kissülmisch, я думаю, неправильно слито изъ двухъ словъ: кызыл красный и мес красная мѣдь.

Отсюда можно догадываться что во всѣмъ Китайскомъ Туркестанѣ существуетъ одно нарѣчіе, только быть можетъ съ небольшими разностями.

По удостовѣренію султана Валиханова въ Кашгарѣ 17 медресе. Конечно ихъ не мало и въ другихъ городахъ. «Туркестанцы имѣютъ разныя книги, какъ то: ботаническія, врачебныя, гадательныя, мѣстословныя (?), историческія, лѣтописи и землеописанія разныхъ государствъ» (Описан. Джунгаріи и Восточнаго Тюркестана, Іакинѳа, стр. 228). Особенно интерены должны быть книги въ Турфанѣ и Комулѣ, гдѣ доселѣ употребляется уйгурское письмо. Турфано-комульскія книги и нарѣчіе должны быть основаніемъ критики изданныхъ Клапротомъ уйгурскаго словаря и доне-

еній императорамъ Минской династіи. Этотъ весьма любо-
ытный словарь показываетъ въ китайскихъ филологахъ не-
мѣнье порядочно опредѣлить значеніе словъ и даже от-
дѣлить начальную форму слова отъ грамматическихъ на-
ращеній. Относительно пятнадцати уйгурскихъ донесеній, изъ
которыхъ нѣкоторыя изданы Клапротомъ, очень можетъ быть
справедливъ слѣдующій отзывъ Абель-Ремюзы: «Письмо въ
нихъ весьма небрежно и не представляетъ ничего замѣча-
тельнаго, кромѣ того что строки расположены справа на-
лѣво, на манеръ китайскій.... Внимательное изученіе китай-
скаго перевода (этихъ донесеній) убѣдило меня въ его вѣр-
ности и буквальной точности, или лучше, въ томъ что складъ
татарскихъ писемъ (т. е. донесеній), за исключеніемъ только
извѣстныхъ частицъ и нѣкоторыхъ оборотовъ, рѣшительно
согласенъ съ кладомъ китайскимъ вообще и вчастности съ
складомъ китайскаго перевода присоединеннаго къ письмамъ
о которыхъ идетъ рѣчь». Абель-Ремюза положительно вы-
сказываетъ подозрѣніе что эти донесенія суть издѣліе ки-
тайской дипломаціи (См. Recherches sur les langues tartares,
. I, pag. 257 — 259, 263).

Отечественная наука, для полнаго изученія нарѣчія Ки-
тайскаго Туркестана и для окончательнаго разъясненія от-
носящихся къ нему запросовъ, должна воспользоваться пра-
вомъ Россіи назначать своего агента въ Кашгарѣ, куда со
всѣхъ сторонъ Китайскаго Туркестана и другихъ азіатскихъ
земель собираюся купцы. Кстати, должно сознаться что мы
какъ-то не умѣемъ извлекать научныхъ интересовъ изъ на-
шихъ обширныхъ и непосредственныхъ сношеній съ Азіею

Б.

Нарѣчіе Алтайское.

Помѣщаемые здѣсь матеріалы доставлены мнѣ Я. И. Фортунатовымъ.

1. Нѣсколько словъ и выраженій записанныя имъ въ Улалѣ, главномъ станѣ Алтайской духовной миссіи, отъ крещеныхъ Телеутовъ, въ 1859 году.

Син тамку тартыптесын ба? *куришь ли ты табакъ?* Јок, тартпассым *нѣтъ, не курю?* Теман, тюрägим балыптеть *не хорошо, у меня грудь болитъ.* Бу сининг кулынг уюхтаптет па? *что у тебя рука-то болитъ что-ли?* Јок, уюхтаптет па (?), *нѣтъ, не болитъ.* Бери киль *поди сюда.* Утыр мунда *садись здѣсь.* Силярди пожуптет па уйнарга? *пускаютъ ли васъ играть?* Пожуптет *пускаютъ.* Син билирма пичергэ? *умѣешь ли ты писать?* Билирим *умѣю.* Син кичирарга билирма? *умѣеть ли читать?* Син нимэ эриптедын? *что ты дѣлаешь?* Николай уйдэ ба? *дома ли Николай?* Уйдэ *дома.* Ул уйдэда јухтаптет *дома да спитъ.* Јухтабирь *разбуди.* Јухтаган да турбает *будилъ, да не встаетъ.* Уйдэ јогла *нѣтъ дома.* Кайда ул? *гдѣ онъ?* Каннаар барды? *куда пошолъ?* Бильбесим каннаар барган *не знаю куда пошолъ.* Уйнарга барган *пошолъ играть.* Кунакка барган *въ гости пошолъ.* Бу ким килиптет? *кто это сюда идетъ.* Бильбесым ким килиптет *не знаю кто идетъ.* Кыз килиптет *дѣвушка идетъ.* Мунаар сал *сюда клади.* Бугун чыкарыда сувок па? *сегодня на*

дворѣ холодно ли? Тўлўк *тепло.* Бу силердэ тўлўк *это у васъ тепло!* Силердэ тура бар ма? *у васъ есть ли дома?* Јок, бизьте јурт *нѣтъ, у насъ юрты.* Мин сини агашлы сугармым *я тебя палкой прибью.* Сугар болзан, айдарым *прибьешь, такъ скажу.* Син нимэ лаптесын? *что ты плачешь!* Ада мини сугуптеды *отецъ меня прибилъ.* Ул сини ни билän сугуптеды? *чѣмъ онъ тебя прибилъ?* Агашлы *палкой.* Капшагай баралы, сууптедым *пойдемъ скорѣй, я озябъ.* Бу аинта ба? *это такъ ли?* Аинта *такъ.* Ани мунаар кичирзан *позови его сюда.* Негрек? *зачѣмъ?* Кирек *нужно.* Каннаар барыптесын? *куда ты идешь?* Чишка (= агашка) утупка *въ лѣсъ за дровами.* Ут кирек кутериб алырга *надо огонь зажечь.* Јок, кутербе *нѣтъ, не зажигай.* Тизен (= ти) *пить.* Гэль аш теригэ *иди обѣдать.* Мин аш тирбесым *я не хочу обѣдать.* Слерге чишта джатарга јакшы па? *развѣ вамъ лучше жить въ лѣсу?* Син каннаар джатасын? *гдѣ ты живешь?* Шан кауптет *звонятъ.* Баралы худайга пажарырга *пойдемъ Богу молиться.* Бугун син будын ма шанда *сегодня былъ ли въ церкви?* Мин сердэ кўреним абысты *я видѣлъ у васъ священника.* Бу канды абыс *что это за священникъ?* Дэ, сарналы *давай пѣть.* Мин бильбесым сайнарга *я не умѣю пѣть.* Чыгарда нимэ кўрбес *на дворѣ ничего не видно.* Кармактырга барырбыз *мы пойдемъ рыбу удить.* Канды балык тартыптет? *какая рыба клюетъ?* Ажы тузун учун кулдык айттым *благодарю за твою хлѣбъ соль.* Јакшы изень кундын ма? *хорошо ли ты спалъ?* Уйдын ичинда сеерён *въ комнатѣ прохладно.* Пожатту бар *поѣзжай верхомъ.* Чају барса турабарар *пѣшкомъ устанешь.* Турабардык *мы устали.* Кўргезер *покажи.* Маа бер-

зень *дай мнѣ.* Чäрчöк айтып перь *скажи сказку.* Нирек кӱлӱб јасын? *что ты смѣешься?* Тын сувок эмес *не совсѣмъ холодно.* Мунда тöрöн ма? *глубоко ли здѣсь?* Мунда тайгыз *здѣсь мелко.* Мунда шумурт чыкпады *здѣсь черемуха не родилась.* Танып јасын ма? *понимаешь ли?* Курсак тіерге ят *ѣсть хочу.* Кидыр тур *посторонись.* Јангур иртып парыптет *дождь проходитъ.* Энчу јастыкту булзын *спокойной ночи!* Кӱрӱрын кӱрбедым, угарын ухпадым *видѣть не видалъ, слышать не слыхалъ.* Болгоныб јасын ба? *помнишь ли?* Јангыла турдым *теперь только я всталъ.* Тужеги кӱль ошхош *постель какъ озеро (мягко и пышно взбита).* Син кичэ минин сураган сын танда ајаз булыр ба тӱш булыр ба *ты вчера меня спрашивалъ: завтра будетъ ведро или пасмурно?* Мин айтканым ајаз булыр дип *я сказалъ: будетъ ведро.* Мин айтпаган бе дэм, оно ајаз булды *не говорилъ ли я — вотъ оно и стало ведро.* Ат бажынча алтын ајакту ашка турбады *золото величиною съ лошадиную голову не стоитъ пищи въ чашкѣ.* Туган кӱнӱнды кӱнделэб јадым *поздравляю со днемъ ангела (собств. со днемъ рожденія).* Ажым аз полды, бажым таз полды, мунан јанга тарыкпагын *кушанья у меня оказалось мало, голова моя оказалась плѣшивая: однако же не сердитесь на это.* Ажымды аз тебегын бажымды таз тебегын. Аз та ползо кӱбкö паала арык та ползо семизькä паала *не сочтите пищу мою малой, голову мою плѣшивой. Если и мало пищи — стоитъ многой, если и тощая — стоитъ жирной.* Баралдар *пойдемте.* Син анда кимды јатар? *ты тамъ у кого жилъ?* Бу ким јатыптет? *кто это лежитъ?* Ким билиптет ани? *кто его знаетъ?* Син мини билиптесын ма?

знаешь ли ты меня? Каин та бильбес сини? *какъ тебя не знать?* Билеримъ *знаю.* Бугӯн кар джады *сегодня снѣгъ шолъ.* Сувок мин тууп јадым *холодно, я озябъ.* Син Јашрада јаттын ма? *ты въ Бійскѣ что ли жилъ?* Јок, ибиш урак *нѣтъ немного дальше.* Мунан урак па? *далеко ли отсюда?* Акрын *тише.* Син негрек тибессыр? *что вы не ѣдите?* Ибиш бар *есть не много.* Ма берь *дай мнѣ.* Биське ким берир? *намъ кто дастъ?* Сирьдэ карындаштар бар ба? *есть ли у васъ братья?* Миндэ джанышла эдӧм бар *у меня есть одна только сестра.* Јаш *молода.* Карган имес *не стара.* Миним атамъ карган *у меня отецъ старый.* Сирьдэ ата узакта ульту бе? *у васъ отецъ давно ли померъ.* Узак ульды *давно померъ.* Алина тӓнганым *я домой ѣздилъ.* Син каинды араин барыптесын *какъ ты тихо ѣдешь.* Атынды качирыптесин *погоняешь лошадь.* Санабајадым уйнарга *я не хочу играть.* Сувок суда джогла *нѣтъ даже воды холодной.* Качан ма килиррыр *приходи когда нибудь.* Буш имезь *некогда.* Ајак *чашка.* Пујынча *по.* Кажы тушта? *гдѣ?* Кучэ *щи.* Пајагы *давишній.* Кажы кажы кшига *у нѣкоторыхъ людей.* Чамджа *рубаха.* Кичикдэ *вечеромъ.* Тумчык *носъ.* Эмтримэ *будто бы.* Тӧрӧн *глубоко.* Пут *нога.* Јан *высокій.* Узим *ротъ.* Танда *завтра.* Хатаб *опять.* Берь хатаб *въ первый разъ.* Худайдын куш *голубь.* Мунуз *молодецъ удалый.* Уйлы *умный.* Узулуп *напередъ.* Ухтым *слышалъ.*

2. *Нѣкоторыя молитвы переведены членами духовной миссіи на Алтаѣ. Помѣщаю «Отче нашъ».*

Эй тенгередеги Атабызъ, адынъ сенинъ алкалзынъ; каандегынъ сенинъ кельзинъ; канаинъ тенгередэ апаинъ эрдэ

дэ табышъ сенинъ бользынъ. Кюндэги ажыбысты бугюпъ безькэ бергиль. Канаипъ алымдарыбысты божодыбъ – ядыбызъ, бистынъ алымдарыбысты таштагылъ. Иткиргэ бизьти китербегиль, яманнанъ бизьти аргалагылъ.

3. Одна изъ телеутскихъ пѣсенъ, напечатанныхъ въ томскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, въ 40-хъ годахъ.

Баянымъ барда кійгенъ тонымъ
Яказы алтынъ тонъ мандыкъ тонъ эди.
Баянымъ јокта кэйгенъ тонымъ
Кулдаръ кійбесь куяру болды.

Баянымъ барда ичкен ажымъ
Кытайданъ кыларду эди·
Баянымъ јокта ичкенъ ажымъ
Кулдаръ ичпесь саалу кычэ.

Чикчеченъ бойлу баянымъ сылу
Онъ ардымнынгъ толазы эды
Отъ алказымнынгъ толазы эды.

Куу тужурбесь колюнэ
Кускунъ яманъ тюшкейля,
Тужуна кельбесь ямандаръ
Турганымъ мени тейгейля.

Касъ тюжурбесь кюлюнэ
Карга яманъ тюшкейля
Кажына кельбесь ямандаръ
Табхынымъ мени тейгейля.

Сенинъ Баянъ-Батырь Эртисъ-те.

В.

Башкирскій разсказъ.

Бер падшаныҥ ўс улы бар іні, уланларына ајта јуклаґыз бўл тўндä, тўшўґўздä ні кўрähігіз. Уланлары кілді атаhына иртäн, улуhу аітты мін падша булдум ті. Кўб ґаскäр бірді, падша ḱылды. Уртансыhы мін ігін сäсіб бајыḱтым тіні; уґа јўз кіші бірді ігін сäсірґä. Кесіhі уґурлуḱ білäн бајыḱтым ті. Кесі улун туḱмаб шäґäрдäн ḱууб жібäрді. Наґас'аґаhына кітті. Аґаhына барґас бер käрwäн кішіhінä таб булды. Аґаі käрwäндіҥ малын алајыḱ, ўґўзлäрін hујајыḱ. Аґаhы аітты кўб ґäскäр малын ḱалаітыб алајыḱ. Урманґа сыґты ла кітті, käрwäн кішіhінä карышы турду ла сыҥар ітігін сісіб ташлаб кітті. Мнä јата ітік тіб аіттылар, алманы кітті. Кўб жерґä барґас таґы ла ташланы ікінсі ітігін. Мунда ікäн таґы беріhі, інді кўллўбіз да ḱалмаі жўґўрўшäјік, ілґäрі ḱајбыз жітса аныбыз алырбыз—жўґўрўштілäр. Алар кіткäс ўґўзлäрін алыб ḱасты, булар ўґўзлäрін излäґäнінсä арбалаґы малларын алыб кітті, аґаhына кілтірді. Аґаhына таґы аітты: падшаныҥ лäукäлäґі малын алајыḱ тіні. Аґаhы таґыла булмас ті. Кырдан жерді ḱазыб барды алыстан, кўґäрсін ајаґына жібті бäілäб усурды, бер усун кулуна тутуб турды. Кўґäрсін падшаныҥ лäукähінä барыб ḱунды. Кўґäрсінді тартыб алды кулуна, жібін сісіб кўґäрсінді жібäрді, жібті шушы жердіҥ астынан hузды. Шунан самалаб туруб ḱалкыб сыḱты лäукäніҥ ічінä. Тішіктäн малды сыґарыб алыб кітті. Падшаґа аіттылар малыҥ бўтті, алыб кіттілäр ті; таґыла тултуруб кујды; таґыла алыб кітті шул тўнў; малы

лäукäгä тултурды таґыла. Алігі уґрыныњ тішігін кўрділäр, сумала куідылар. Наґас' аґаһын алыб кілді. Аґаі һін ілгäрі кір ті, ілгäрі кіргäіні аґаһы батты сумалаґа, башын кыркты ла алды аґаһыныњ, малды тіјäні. Аґаһыныњ башын алды, жіњäінä кілді; аґајымдыњ башын кўрһäњ ілäімінін, ілäрмін ті. Ул ўлһä, мін аґаідыњ урнуна һіњä жемаґат булурмын. Уґа нігä ілäінін тіб тукмаі куркытыб тымызды. Падша іртäгінінä кўрді баш јук käудä бар; бул käудäні танусы булурмы ті. Базарґа кіші жыіды. Жіњäінä бер алтын тäнкä бірді, аґаіды кўргäс жäлläрһін ілäрһін. Нігä ілäінін тіб падша аітыр. Мін жетім, бер алтын тањкäм баріні, ул жуґалыб шунуњ ўсун ілäјім тіб аіт. Бадша бер алтын тäнкä бірді. Падшаґа аітыштылар бік бур берäу бар ті. Падша салдат кејімін кејіб кілді. Куіманыњ ўстўндä утура älігі бур. Салдат булуб кілділä падша аіта; падшаныњ малы бар, жігіт жа урлајык ті. Бур кулунда кајыш сыбыртқы бар іні. Ант іткäн падша ул ті — ант іткäн падшаныњ *какъ можно* малын урларґа; баілардыњ бар, wäзірлäрдіњ бар ті; ханатлардыњ малын алырґа керäк ті, урлыґыњ булса. Падшаны білмäі сыбыртқы білäн тукмаі. Падша аіта мін јањглыш аіткан, кіскінін алајык wäзірлäрдіњ малын ханатлардыњ. Ханатлардыњ малына кіскінін барды; һін салдат ті, тäзränäн тыњнаб тур, мін läwкä ісінä барыб малын алајым. Салдат тыњнаб турса ішітті ханатлардыњ аітканын: іртäн падшаны кунакка сакырајык, падша ісäр дä ўлäр, ул ўлдісі һіні падша ітäрбіз. Падша тыњнаб турду ла ішітті, älіг бурга жўґўрўб барды. Еі бур ті, мін салдат тўґўл мін ті мін падша мын, іртäнгі кўнў кунакка сакыралар міші, ісі-

рә лә ўлтўрўгә ітәләр; іртән барајынма, алар *тоже* ўлтўрә, берінін падша ітә; сынарға кілгәінім, алған малың халал булһун; аіда қаітајық, кәңәш ітәјік. Мысыр бадшаһының кејімін жаһаб тең аткынса, ул кејімді мін кејејім, жаттан кілгән падша булајым, һінің білән бергә барајым, һиңә хәмір тіб бірірләр, һін ісмә, мін хўкўм жаһајым; аш ијәһі білән тәмлі тіб аітармын, қуркмаклықтан берәуһі ісәр һәм ўләр, мунан бузуқларды ўлтўрўрбіз һәм қаітырбыз. Кілділәр ісіріргә падшаға нәрсә бірділәр, падша ісмәні. Мысыр шәгәрінің падшаһына хўкўмгә турајық тіні ул ні тіб аітыр. Турдылар аш ијәһі білән тамні тіб аітты. Бер карты іскәіні ўлўб кітті, қалғаның күллўһіндә ўлтўрділәр да қаіттылар. Падша бајағы бурға қызын бірді, һәм wәзір қылды. Екінсі бер падша ішітті, уғрыһын тыјалмајанса, wәзірләрін ўлтўрўб уғрыға қызын біргән тіб ішітәмін, ағарда уғруһын міңәр мўхкәм нығытыб жібәрсін, жібәрмәһә гәскәр білән барыб қырырмын. Бу кіјawі уғры ішітті; бўрінән тун тікті, жўнўнўң ўс бўртўгў сајын wаг куңграу ішләтті, ајағына мышы ітік тікті, күллў јеріпә куңграу тақты. Ул бер ак кўк ат жікті, аттың жўнўнўң пўртўгў сајын куңграу тақты. Шунуң білән барды гәскәр білә, һаскәрді жулда ташлаб ўзі падшаға барды. Газрајыл мын ті бісәң білән һініи жаныңды алыр ўсўн кілдім тіні. Падша рўксәт сураны ўс кўнгә, пунан кіліб жанымды алырсын ті. Жалаңға сығыб қаітыб кітті, тунды ташланы, бўркті ташланы, хајырсы булуб кілді, ўрді падша сандық жаһатыр бісәһі білән ікіһінә, қырда алыб барыб кујуб тура ўзі ўзін біклаб, кўріб қаітты. Усўнсі ўн кілді, атты жігіб, куңграулы кејімді кејіб кілді. Мін

каісы јерде јатканыңды біламін ті, сандыкты күтаріб арбаға ңалды, алыб каітты. ўјўнä келтірді лä рузіганы алды, уігрынан куркмасаң несік кілдің мунда тіб сыбык білäн суктура. Куркмаклыктан шул уігрыіга падша падшалык урнун бірді, ўзі wäзір булуб турды.

Этотъ разсказъ записанъ мною въ Оренбургѣ, въ 1861 году, со словъ одного башкирца, изъ рода Кыпсакъ, человѣка грамотнаго. Содержаніе разсказа нисколько не интересно и даже изложеніе плоховато. Я рѣшился издать его только по скудости печатныхъ текстовъ для Башкирскаго нарѣчія, о которомъ, если не считать двухъ-трехъ отрывочныхъ замѣтокъ Г. Иванова, первое свѣдѣніе сообщено въ печати Г. Бекчуринымъ, напечатавшимъ въ своемъ «Начальномъ руководствѣ» башкирскій переводъ одного эпизода изъ исторіи Петра I-го и нѣсколько башкирскихъ словъ. Оба текста — его и мой — даютъ нѣкоторыя, впрочемъ необстоятельныя, указанія на свойства и законы Башкирскаго нарѣчія. Отъ нормально-тюркскаго типа оно отличается перемѣной согласныхъ, именно *с* въ глубоко-дыхательное *h*. Этотъ законъ давно заявленъ Г. Ивановымъ, но онъ, повидимому, имѣетъ нѣкоторыя исключенія. Далѣе, звуки *н* и (*т*) замѣняются одинъ другимъ: *д* въ окончаніи прошедшаго времени *дім*, послѣлогахъ *дан* ~~и да соединит. частицѣ да~~ замѣняется звукомъ *н*, всегда послѣ гласной буквы; наоборотъ *н* родит. и винит. падежей переходитъ въ *д* (*т*) послѣ согласныхъ и двугласныхъ. Да, послѣ гласной, переходит въ на.

Случайно записанные тексты, разумѣется, не могутъ вести съ результатамъ точнымъ. Подробно и точно изслѣдо-

30

ать Башкирское нарѣчіе можно только въ Башкиріи. Тамъ ке слѣдуетъ записать и народные разсказы, которыми баш-ирцы богаты.

Мой кыпсаковецъ и еще одинъ изъ рода Бурзянъ за-ѣряли меня что нарѣчіе Башкирское имѣетъ два *говора*, раз-ичающіеся нѣкоторыми словами и частію грамматически. Въ оказательство лексической разности они приводили что одинъ, менно ихъ, говоръ оглоблю называетъ тäртä, а другой — рыш (= кирг. арыс; это слово есть и у Абулгази), а въ грам-атическомъ отношеніи, другой говоръ опускаетъ иногда укъ *л*: каґан = калґан. Подобное опущеніе видимъ въ тек-тѣ Г. Бекчурина — напр. بوهالا (= بولسا دا).

Отступленіе отъ тюркской нормальности чрезъ взаим-ю замѣну согласныхъ: *н* и *д*, *л* и *д*, *м* и *б* встрѣчается, ъ большей или меньшей степени, въ нарѣчіяхъ: Башкир-омъ, Киргизскомъ, Алтайскомъ, Койбальскомъ и языкѣ кутскомъ. Такимъ образомъ эти члены тюркскаго рода ставляютъ, по видимому, особую группу. Подробное лингви-ическое изученіе со временемъ откроетъ причины этого сход-ва и покажетъ было ли оно слѣдствіемъ искони-общей дьбы этихъ нарѣчій, или какого-нибудь послѣдующаго за-ствованія. И если научно утвердится естественное, генети-ское значеніе этой группы, то откроются новыя точки я дальнѣйшаго ея подраздѣленія и отношенія разныхъ ея еновъ какъ къ Тюркскому языку вообще, такъ и къ раз-мъ другимъ его группамъ.

Поправка.

اونكاى سكاندور на 31 страницѣ, вмѣсто 7 строки снизу, долж
стоять на 5-й строкѣ снизу послѣ слова Рибгузи, въ числѣ п
нетъ.

ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ТЮРКСКИХЪ ДІАЛЕКТОВЪ

ВЪ ХУДАВЕНДГЯРѢ И КАРАМАНІИ.

СОЧИНЕНІЕ, ПРЕДСТАВЛЕННОЕ ДЛЯ СОИСКАНІЯ СТЕПЕНИ МАГИСТРА ТУРЕЦКО-ТАТАРСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ КАНДИДАТОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ВИКТОРОМЪ МАКСИМОВЫМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.
(В. О., 9 лин., № 12.)

1867.

По опредѣленію Факультета Восточныхъ языковъ печатать дозволяется 20 Декабря 1866 г.

Деканъ Факультета *М. А. Каземъ-Бекъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій трудъ, предлагающій изслѣдованіе особенностей тюркскихъ нарѣчій въ Худавендгярѣ и Караманіи, составленъ главнымъ образомъ на основаніи памятниковъ простонародной турецкой литературы въ Малой-Азіи и наблюденій надъ живою рѣчью народа.

Эти памятники я собралъ въ Анатоліи, которая вошла въ число областей, посѣщенныхъ мною съ ученою цѣлью въ 1863, 1864 и 1865-мъ годахъ, по порученію и при просвѣщенномъ содѣйствіи Императорскаго С. Петербургскаго Университета и Департамента Народнаго Просвѣщенія. Во время своего 11-ти мѣсячнаго путешествія по Малой-Азіи я записалъ въ разныхъ мѣстностяхъ Караманіи до 120-ти лирическихъ пѣсенъ, и присоединилъ къ нимъ слѣдующіе «дэстаны» (пѣсни эпическія):

1) дэстанъ, сложенный въ честь Генджъ-Османа, одного изъ военачальниковъ султана Мурада IV (1623—1640);

2) дэстанъ про Ибрагима-пашу, сына извѣстнаго египетскаго вице-короля Мехмедъ-Али, возстававшаго противъ султана Махмуда II-го;

3) дэстанъ, сложенный на смерть султана Махмуда II-го († 1839);

4) дэстанъ по поводу послѣдней войны Турціи съ Россіей;

5) » про Комарджи, дэребея;

6) дэстанъ про Джигалъ-Оглу, дэребея;
6) » » Гальёнджи;
7) » » адалійскаго дэребея, имя котораго не извѣстно;
9) » » разбойника Дэли-Мехмеда;
10) » » » Ялабука;
11) » » » Каданъ-Али;
12) » » » Кады-Кырана;
13) » » » Кюрдъ-Али;
14) » » » Синанъ-Оглу;
15) » » » Топалъ-зейбека;
16) » » » Сары-зейбека;
17) » о «мальчикѣ цырульника», и
18) » о «бѣдныхъ».

Изъ этихъ 18-ти поэмъ только три принадлежатъ караманскому нарѣчію [1]); всѣ же остальныя служатъ матерьяломъ для изслѣдованія тюркскаго говора въ худавендгярскомъ эялетѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что лирическія и эпическія пѣсни малоазійскаго простонародья, какъ почти единственное проявленіе его творческой дѣятельности, составляетъ драгоцѣнный матерьялъ для историка, если онъ захочетъ стать ближе къ массѣ народа, прислушаться къ ея стремленіямъ и не поддѣльнымъ, дѣвственнымъ чувствамъ. Въ этомъ отношеніи собранные мной памятники, не оставляютъ желать ничего лучшаго, ибо и записаны они со словъ людей безграмотныхъ.

Что же касается до ихъ формальной стороны, — въ ней не всегда видна безъискусственность простонародной рѣчи, и нерѣдко проявляется вліяніе болѣе развитаго діалекта, константинопольскаго. И чѣмъ болѣе искуственности во внѣшней формѣ этихъ памятниковъ народной литературы, тѣмъ сильнѣе отражается на нихъ вліяніе столичнаго нарѣчія. И именно въ дэстанахъ константинопольскія формы какъ будто вытѣснили мѣстныя, малоазій-

---

[1]) Эти три записанныя мной въ Караманіи поэмы слѣдующія: на смерть султана Махмуда, про разбойника Синанъ-Оглу, и о мальчикѣ цырульника.

скія; а въ лирическихъ пѣсняхъ и тѣ, и другія встрѣчаются въ одинаковомъ количествѣ.

Ясно отсюда, что лингвистъ можетъ пользоваться подобными матерьялами не иначе, какъ съ большимъ разборомъ: ему придется глубоко вникать въ особенности мѣстной рѣчи, чтобы отдѣлить въ ней черты всегда присущія народной жизни, отъ явленій случайныхъ, которыя вошли со стороны и могутъ быть оставлены безъ вниманія.

Оттого при изслѣдованіи грамматическихъ особенностей обоихъ помянутыхъ малоазійскихъ нарѣчій, я долженъ былъ своимъ наблюденіямъ надъ живою, ежедневною рѣчью народа дать преимущество передъ фактами, вошедшими въ пѣсни изъ книжнаго языка.

Считаю нужнымъ упомянуть здѣсь и о томъ, что значительная часть собранныхъ мной матерьяловъ была представлена въ транскрипціи мусульманскими буквами на разсмотрѣніе факультета восточныхъ языковъ. Я намѣревался, если факультетъ удостоитъ мой трудъ одобренія, издать его вмѣстѣ съ предлагаемымъ нынѣ сочиненіемъ въ видѣ приложеній къ нему. Но, съ одной стороны, желанье доставить ученымъ возможность изслѣдовать всѣ собранные мной памятники; а съ другой, — необходимость печатать ихъ въ двойной транскрипціи и съ переводомъ на русскій языкъ, — заставили меня отложить это намѣреніе. Въ этой мысли меня еще болѣе утвердили гг. профессоры Березинъ и Григорьевъ, которые также указали на эти условія для изданія памятниковъ малоазійской турецкой поэзіи. Вотъ отчего я и долженъ былъ просить факультетскій Совѣтъ о позволеніи издать собранныя мной пѣсни отдѣльной отъ этой диссертаціи книгой вмѣстѣ съ «изслѣдованіемъ о характерѣ простонародной турецкой литературы». Факультетъ удостоилъ мою просьбу своимъ согласіемъ тѣмъ болѣе, что самый текстъ настоящаго изслѣдованія представляетъ достаточное количество данныхъ, на которыхъ я основалъ свои изысканія.

Если матерьялы, занимавшіе насъ доселѣ, служили мнѣ глав

нѣйшимъ источникомъ для предлагаемаго труда, то слѣдующія сочиненія русскихъ и западно-европейскихъ ученыхъ не мало принесли мнѣ пользы, при опредѣленіи отношенія караманскаго и худавендгярскаго нарѣчій къ другимъ тюркскимъ діалектамъ:

1. Recherches sur les langues tartares par Abel-Rémusat. Paris. 1820.

2. Versuch über die tatarischen Sprachen von Dr. Wilhelm Schott. Berlin. 1836.

3. Die Grundzüge der finnischen Sprache mit Rücksicht auf den Ural-Altaischen Sprachstamm von H. Kellgren. Berlin. 1847.

4. Recherches sur les dialectes musulmans par E. Bérésine (Ученыя записки Императорскаго Казанскаго Университета. Казань. 1848 г.).

5. Общая грамматика турецко-татарскаго языка Мирзы А. Каземъ-Бека. Изд. 2-е. Казань 1846 г.

6. Grammaire raisonnée de la langue ottomane par James V. Redhouse. Paris. 1848.

7. Ueber die Bedeutungen der türkischen Verbalformen von Dr. Schlottmann (Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft. Leipzig. 1857).

8. Практическое руководство турецко-татарскаго-адербиджанскаго нарѣчія, составленное адъюнктомъ Лазаремъ Будаговымъ. Москва. 1857 г.

9. Ueber die Sprache der Jakuten von Otto Böhtlingk. S. Peterburg. 1851.

10. Практическое руководство къ изученію татарскаго языка Махмудова (по казанскому нарѣчію). Казань. 1858.

11. Татарская грамматика кавказскаго нарѣчія Макарова. Тифлисъ. 1848 г.

12. Татарская грамматика (по оренбургскому нарѣчію) Иванова. Казань. 1842 г.

13. Татарская грамматика (по тобольскому нарѣчію) Гиганова. С. Петербургъ. 1806 г.

14. Extrait d'un voyage de Paris à Erseroum. Journal asiatique. T. XIX. Paris. 1852.

15. Наконецъ, и труды по киргизскому языку, какъ вообще по тюркской филологіи одного изъ замѣчательнѣйшихъ между русскими лингвистами, и именно Н. И. Ильминскаго, сочиненія котораго разбросаны по разнымъ томамъ Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета.

Отдавая на благосклонный судъ читателей свой первый лингвистическій трудъ, не могу не высказать глубокой благодарности гг. профессорамъ Березину, Григорьеву и Каземъ-Беку за ихъ научные совѣты, подъ вліяніемъ которыхъ я исправилъ свое изслѣдованіе, на сколько позволили мнѣ мои силы.

35

ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ТЮРКСКИХЪ ДІАЛЕКТОВЪ ВЪ КАРАМАНІИ И ХУДАВЕНДГЯРѢ.

ВВЕДЕНІЕ.

Только въ послѣднія десять, пятнадцать лѣтъ европейцы получили возможность безъ особеннаго риска ѣздить по Малой-Азіи. Однако и совершонныя уже путешествія (Чихачова, Перро и другихъ) предпринимались не для изслѣдованія турецкаго языка въ этой странѣ. Да и не одинъ говоръ: свѣдѣнія по ея этнографіи и статистикѣ болѣе, чѣмъ скудны. И какъ желающій познакомиться съ этими отраслями науки и отыскать спеціальныя изслѣдованія будетъ безполезно перерывать каталоги: такъ безполезенъ будетъ трудъ и филолога, если онъ пожелаетъ въ спеціальныхъ сочиненіяхъ по турецкому языку въ Малой Азіи пріобрѣсть основательное знакомство съ его особенностями.

Тѣмъ не менѣе проницательность ученыхъ, основываясь на кое-какихъ показаніяхъ путешественниковъ, уже давно разграничила діалекты Румеліи и Анатоліи, и въ лингвистическихъ работахъ Вигьѐ, Жобера, Редуза и др. можно встрѣтить отрывочныя замѣтки объ особенностяхъ рѣчи малоазійскихъ турокъ. Но неполнота и самая отрывочность въ указаніяхъ западно-европейскихъ ученыхъ свидѣтельствуютъ, что такъ называемый малоазійскій діалектъ, подъ которымъ разумѣютъ весь тюркскій говоръ на полуостровѣ, былъ имъ извѣстенъ болѣе по имени, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

Изъ сочиненій русскихъ оріенталистовъ «Общая грамматика турецко-татарскаго языка Мирзы А. Каземъ-Бека», «по тщательной и полной разработкѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ отдѣловъ» стоитъ одиноко между подобными изслѣдованіями тюркскихъ нарѣчій [1]). Въ этомъ трудѣ нашъ извѣстный своими учеными заслугами лингвистъ приводитъ нѣкоторыя изъ особенностей и малоазійскаго діалекта. Такъ здѣсь сообщено, что въ извѣсныхъ случаяхъ для обозначенія винительнаго падежа въ говорѣ Малой Азіи употребляется татарская приставка [2]), и что нарѣчіе بله беле, съ соединенными притяжательными мѣстоименіями замѣняетъ собою возвратное или личное мѣстоименіе [3]). Къ такимъ-же свѣдѣніямъ должно отнести и правила о переходѣ звука ق въ خ [4]) и о поглощеніи согласной ل буквою ن [5]), когда ей предшествуетъ послѣдняя.

Какъ послѣднія два изъ приведенныхъ правилъ, такъ и нѣкоторыя другія характеризующія малоазійскій діалектъ особенности, которыя находятся въ «Общей грамматикѣ турецко-татарскаго языка», не отмѣчены, къ сожалѣнію, какъ принадлежность этого нарѣчія. Должно однако сказать, что г. Каземъ-Бекъ, поставивъ для себя задачей изслѣдовать наиболѣе рѣзко отдѣлившіеся одинъ отъ другаго тюркскіе идіомы, не могъ вдаваться въ точное и подробное опредѣленіе отличій столь близкихъ нарѣчій, какъ константинопольское и анатолійское.

Другое русское сочиненіе, въ которомъ находимъ свѣдѣнія о малоазійскомъ діалектѣ — изслѣдованіе г. Березина: «Recherches sur les dialectes musulmans».

---

[1]) Такой приговоръ является, какъ непосредственнный результатъ критикъ, появившихся вслѣдъ за изданіемъ упомянутаго труда г. Каземъ-Бека. Желающіе удостовѣриться въ истинѣ мной сказаннаго могутъ обратиться хоть бы къ сочиненію г. Березина: «Дополненія къ тюркской грамматикѣ. С. Петербургъ. 1846 г.»

[2]) Общая грамматика турецко-татарскаго языка Мирзы А. Каземъ-Бека. Изд. 2-е. Казань. 1846 г. Стр. 53.

[3]) ibid. Стр. 147.

[4]) ibid. Стр. 17.

[5]) ibid. Стр. 21.

Трудъ этотъ, «замѣчательный», по справедливому отзыву г. Ильминскаго, «своей обширной идеей», богатый указаніями относительно особенностей важнѣйшихъ изъ древнихъ и новыхъ тюркскихъ діалектовъ, по ясности и точности въ распредѣленіи ихъ по классамъ стоитъ гораздо выше запутанныхъ и произвольныхъ системъ западно-европейскихъ ученыхъ [1]). Въ немъ мы находимъ слѣдующую впервые составленную характеристику турецкаго языка въ Малой Азіи:

Ce dialecte (dialecte d'Anatolie ou de l'Asie Mineure) diffère de l'ottoman de Constantinople dans les cas suivants.

a. La prononciation et dure; les raffinements du dialecte constantinopolitain n'y sont pas connus. La lettre ك est prononcée partout comme *gh* (ايچكارى itshghari, dans l'interieur, يكرمى ighirmi, vingt); la lettre ق est prononcée comme *ch* (باقرم bacharem je regarde).

b. Dans les numératifs est employé l'addition tatare ب pour la formation des cardinaux et des distributifs.

c. Dans les pronoms on emploie le pronom déterminatif aderbidjan بلدم moi-même.

d. Dans la conjugaison des verbes la première persone du présent de l'indicatif a la terminaison ن, ون et نن; la seconde du pluriel du même temps a la terminaison سز au lien de سكز. Les verbes وار il y a et يوق il n'y a pas ont le caractère aderbidjanien.

e. Dans la lexicographie il y a plusieurs mots tatars et ader

---

[1]) Компетентность въ тюркской лингвистикѣ «Recherches» доказана, какъ отзывами объ этомъ сочиненіи спеціалистовъ, такъ и пользой, какую оно принесло для слѣдующихъ за нимъ изысканій. Лучшимъ доказательствомъ мною сказаннаго, кромѣ статьи, помѣщенной въ XIV томѣ Journal asiatique, служитъ мнѣніе г. Ильминскаго (см. Вступительное чтеніе въ курсъ турецко-татарскаго языка. Учен. Записки Каз. Университета за 1861 г.), и ссылки на изслѣдованіе г. Березина въ трудахъ Бётлинга и др.

bidjans; par ex. تاجيل salissant, ايلقى le troupeau de chevaux, سالخم la maladie contagieuse et cet [1]).

Недостатокъ матерьяловъ для изслѣдованія не позволилъ и г. Березину выставить всѣ уклоненія малоазійской тюркской рѣчи; но, опредѣливъ ея особенность въ фонетическомъ отношеніи, указавъ замѣчательныя своею оригинальностью грамматическія формы, обративъ вниманіе и на лексическое отличіе діалекта, авторъ Recherches точнѣе опредѣлилъ индивидуальность малоазійскаго нарѣчія, а равно указалъ стороны, гдѣ должно искать его обособленіе. Такимъ образомъ далъ возможность будущимъ ученымъ глубже проникнуть въ указанную шахту.

Сообщаемыя нашимъ оріенталистомъ свѣдѣнія о тюркскомъ языкѣ въ Малой Азіи для предлагаемаго труда имѣютъ еще и тотъ интересъ, что не всѣ они подтверждаются собранными мной матерьялами. Стало быть, не всѣ могутъ быть приняты, какъ свойства, общія говору всего полуострова.

Сюда прежде всего должно отнести уклоненія подъ буквами *b* и *c:*

Употребленіе татарской частицы لاب не удалось мнѣ подмѣтить ни въ Худавендгярѣ, ни въ Караманіи.

То-же самое я долженъ сказать и объ адербиджанскомъ мѣстоименіи بلم, хотя на употребленіе его малоазійцами указываетъ, какъ выше мы замѣтили, и г. Каземъ-Бекъ.

Высказанное мной предположеніе, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше особенностей малоазійскаго діалекта принадлежатъ исключительно говору только извѣстныхъ мѣстностей Анатоліи, обращается въ твердое убѣжденіе, когда мы обратимъ вниманіе на особенности подъ буквами *a* и *d*, и именно:

Произношеніе ق, какъ *x*, можетъ характеризовать говоръ въ Караманіи, но почти не встрѣчается въ Худавендгярѣ.

---

[1]) Ученыя Записки Казанскаго Университета за 1848 г. См. въ соч. Recherches sur les dialectes musulmans (E. Bérésine) p. 81—82.

Точно также совпаденіе глаголовъ وار «есть» и يوق «нѣтъ» съ адербиджанскими въ Караманіи обнаружилось сильнѣй, чѣмъ въ области, бывшей колыбелью для Оттоманской имперіи.

Совершенно обратное явленіе замѣтно между тюркскими идіомами въ обѣихъ названныхъ мѣстностяхъ относительно личной приставки 1-го лица единств. числа настоящаго времени изъявит. наклоненія:

Носовое произношеніе этой формы въ Худавендгярѣ можетъ заставить принять за ея окончаніе букву ن; но въ Караманіи мѣстоименная приставка, характеризующая 1-е лицо, слышна отчетливо.

Высказанныя мной ограниченія по поводу особенностей, замѣченныхъ г. Березинымъ въ рѣчи малоазійскихъ турокъ, невольно заставляютъ не согласиться съ тою мыслію, что на всемъ полуостровѣ употребляется только одинъ діалектъ. И это предположеніе получаетъ еще болѣе силы при разсмотрѣніи замѣтокъ г. Belin'а объ арзерумскомъ говорѣ.

Въ нихъ предлагается хоть слишкомъ ничтожное количество свѣдѣній, но, при всей ихъ бѣдности, приведенные факты ясно показываютъ индивидуальность арзерумскаго нарѣчія и его отличіе отъ говора въ Худавендгярѣ и Караманіи. Такъ въ лексическомъ отношеніи замѣчаются не употребительныя въ обѣихъ только-что названныхъ мѣстностяхъ слова: «lazout mais, blé de Turquie» [1]) не извѣстно ни въ Караманіи, ни въ Худавендгярѣ; адербиджано-татарское «Jakhchi bien, bon, c'est bien» [2]), которое, по увѣренію г. Бёлена, можно ежедневно слышать отъ жителя Арзерума, на всемъ западѣ Малой Азіи слыветъ за слово, чуждое тюркскому языку.

Если къ этимъ лексическимъ даннымъ присоединить и фонетическія особенности арзерумскаго говора, какъ то: высшую степень гуттуральности, твердость произношенія нѣкоторыхъ согласс-

---

[1]) Journal asiatique. T. XIX. Paris. 1852. P. 372.

[2]) ibid.

ныхъ буквъ, замѣну однѣхъ гласныхъ другими; а въ грамматическомъ отношеніи — бо̀льшее число случаевъ соприкосновенія съ адербиджанскимъ нарѣчіемъ, — то необходимо будетъ отдѣлить арзерумскую рѣчь не только отъ худавендгярской, но и отъ караманской.

Такимъ образомъ общими характеристическими чертами тюркскаго языка въ Малой Азіи все-таки останутся съ нѣкоторыми дополненіями слѣдующія положенія г. Березина.

«Твердость произношенія, отсутствіе константинопольскаго смягченія въ словахъ, особенности произношенія нѣкоторыхъ согласныхъ буквъ, употребленіе во 2-мъ лицѣ множествен. числа какъ въ настоящемъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ временахъ изъявительнаго наклоненія, а также и въ настоящемъ времени наклоненія желательнаго سز, вмѣсто سكز, и присутствіе татарскаго и адербиджанскаго элементовъ въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ».

Но вслѣдъ за этимъ должно сказать, что въ разныхъ мѣстностяхъ своеобразное примѣненіе къ цѣлому ряду явленій однѣхъ особенностей и неравномѣрное распредѣленіе другихъ дробитъ языкъ полуострова на отдѣльныя нарѣчія.

Чтобы сказанное было для читателя вполнѣ понятно, позволяю себѣ подтвердить фактами вторую часть своего положенія, тѣмъ болѣе что первая его половина достаточно объяснена и замѣченнымъ мной нѣсколько выше о малоазійской оригинальности въ произношеніи буквы ق и еще болѣе подтвердится въ фонетическомъ отдѣлѣ этого изслѣдованія. Въ отношеніи-же разнообразія въ распредѣленіи разныхъ особенностей можно замѣтить, что оно всего нагляднѣе сказалось въ употребленіи татарскихъ и адербиджанскихъ грамматическихъ формъ и словъ. Такъ въ караманскомъ нарѣчіи находится татарская глагольная форма на асы, äсӹ [1]), есть и адербиджанская приставка для обозначенія 1-го лица мно-

---

[1]) Двумя точками надъ гласной я хотѣлъ обозначить малоазійскіе мягкіе гласные звуки, средніе между русскими твердыми и соотвѣтствующими имъ мягкими. (Въ Фонетическомъ отдѣлѣ см. «Гласныя»).

жественнаго числа настоящаго и нѣсколькихъ другихъ временъ. Между тѣмъ въ этомъ же діалектѣ нѣтъ ни татарской частицы لاب, ни адербиджанскаго мѣстоименія بلم, которыя, вѣроятно, сохранились въ говорѣ Арзерума. Точно также въ лексическомъ отношеніи было замѣчено, что адербиджано-татарское يخشى «хорошо», извѣстное въ Арзерумѣ, не употребляется ни въ Худавендгярѣ, ни въ Караманіи, гдѣ однако можно нерѣдко слышать татарскія ата — отецъ, бай — богатый, кўпъ — много, ирламакъ — пѣть и др.

Однако распаденіе рѣчи малоазійскихъ турокъ на отдѣльные діалекты не покоится только на указанныхъ мной ограниченіяхъ, въ которыхъ ясно выразилась живучесть татарскаго и адербиджанскаго элементовъ въ разныхъ мѣстностяхъ страны. Оно, это раздѣленіе на нарѣчія, продолжается и въ уклоненіяхъ грамматическихъ формъ, вульгарно называемыхъ турецкими; при чемъ въ лексическомъ отношеніи поддерживается возникновеніемъ мѣстныхъ словъ изъ турецкихъ или татарскихъ корней.

Появленіе особенностей послѣдняго рода легко объясняется географическими и общественными условіями страны. Высокія горы, въ теченіи почти полугода покрытыя снѣгомъ; обширныя, часто солончаковыя степи; отсутствіе удобныхъ водяныхъ путей внутри материка, и съ ними опасности во время переѣзда, противъ которыхъ дурная администрація не представляетъ достаточной гарантіи, — все это должно было изолировать жизнь туземцевъ и такимъ образомъ содѣйствовать развитію діалектовъ. Что же касается до естественности такого явленія въ языкѣ, то филологическія изслѣдованія ученыхъ показываютъ намъ, какъ разростается языкъ, находящійся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ турецкій въ Малой Азіи. Напримѣръ, «въ Италіи приведено въ письменность и обнародовано печатью до двадцати разныхъ діалектовъ, а во Франціи Champollion-Figeac насчитываетъ до четырнадцати наиболѣе отличительныхъ нарѣчій» [1]). Правда, что

[1]) Лекціи по Наукѣ объ языкѣ Макса Мюллера. С. Петербургъ. 1865 г. Стр. 36.

приставочные языки отличаются отъ флективныхъ сравнительной бѣдностью описательныхъ корней; но это обстоятельство, задерживая діалектическое развитіе въ первоначальныхъ, необходимѣйшихъ понятіяхъ, не отвергаетъ извѣстной доли его въ идеяхъ второстепенныхъ. Ибо, если схваченъ одинъ какой нибудь характеристическій признакъ, такая идея и выражена. Оттого-то одинаковая степень народной мудрости представляется мнѣ въ обоихъ турецко-малоазійскихъ словахъ для выраженія идеи о жаворонкѣ: въ одномъ (тарла-кушу) онъ охарактеризованъ по мѣстопребыванію, а въ другомъ (джирлякь) видно, что наблюдатель былъ пораженъ его пѣвучестью [1]). Подобныя же соображенія можно было бы высказать и о карамано-худавендгярскихъ словахъ: сакъ-саанъ и ала-карга — сорока, чатма и ӧртмä — плетень, чäврä и язма — платокъ для обвязыванія во кругъ феса и др.

Однако значеніе представленныхъ мною аргументовъ не было бы выяснено вполнѣ, еслибы я при этомъ не замѣтилъ, что подобное лексическое обособленіе свидѣтельствуетъ о сравнительно позднемъ происхожденіи діалектическаго развѣтвленія. Послѣднее обстоятельство впрочемъ для меня безразлично. Ибо цѣль моя главнымъ образомъ состояла въ указаніи распаденія тюркской рѣчи въ Малой Азіи на отдѣльныя нарѣчія, а не въ опредѣленіи времени, когда оно случилось.

И такъ какъ эта мысль, уже нашедшая себѣ опору въ достаточномъ количествѣ аргументовъ, должна руководить мной въ мо-

---

[1]) Не менѣе живописно для обозначенія понятія о Жаворонкѣ и татарское слово: тургай. Оно взято изъ корня тур, дур, который въ турецко-татарскомъ языкѣ выражаетъ идею пребыванія на одномъ мѣстѣ и равносиленъ флективному корню *ст* въ словахъ: русскомъ *ст*-о-ять, латинскомъ *st*-are, нѣмецкомъ *st*-eh-en, персидскомъ и-*ст*-о-дэнъ, англійскомъ to *st*-and и др. Замѣчательно то, что этотъ-же самый корень тур, дур туркамъ послужилъ для слова лебедь тур-на, дур-на, которое въ татарскомъ языкѣ выразилось сложнымъ словомъ «ак-кушъ» то-есть бѣлая птица, лебедь, какъ турецко-малоазійское «тарла-кушу — жаворонокъ» значитъ собственно: «птица пашни».

емъ изслѣдованіи, ясно, что, прежде нежели я вступлю въ дальнѣйшій фазисъ своихъ изысканій, необходимо съ возможно строгою точностью указать пограничную черту тѣхъ мѣстностей, особенности говора которыхъ я намѣренъ разъяснить.

Въ этомъ отношеніи линія караванной дороги изъ Бруссы въ Конію черезъ Кутайю, Афьёнъ-Карахисаръ (Карахисаръ-Сахибъ) и Акшегеръ съ одной стороны, и караванная же дорога изъ Бруссы въ Ангору черезъ Енишегеръ, Биледжикъ и Бей-базаръ, съ другой — математически опредѣляютъ направленіе моей экскурсіи въ худавендгярскомъ эялетѣ.

Въ Караманіи мои изысканія, начавшись въ Коніи, главномъ городѣ этой области, захватили на юго-западѣ ея пространство между городами Караманомъ, Карабунаромъ и Эрегли, а затѣмъ, направляясь отсюда на сѣверо-востокъ, шли вплоть до Аксерая черезъ Боръ, Нигду, Орта-кёй и Халва-дэре. На сѣверъ отъ столицы знаменитаго сельджукскаго султана Алаэ-ддина моя экскурсія шла до Ангоры черезъ обширную солончаковую степь, въ которой деревни Инэви, Кулу-кёй и Бэзиръ-ханъ не могли не дать матерьяловъ для разъясненія особенностей караманскаго нарѣчія.

Такимъ образомъ въ мои филологическія изысканія вошелъ тюркскій говоръ западной части Виоиніи, какъ она раздѣляется на сѣверѣ теченіемъ Сангарія (у турокъ: «Сакарія»), Галатіи до Галиса (Кызылъ-Ирмака), Фригіи, исключая ея юго-западной части, Ликаоніи и западной Каппадокіи.

Только съ исхода XI-го вѣка по Р. Х. начала развиваться жизнь тюркскихъ племенъ въ этихъ странахъ. Сельджуки, въ первой половинѣ этого столѣтія овладѣвъ Персіей, вскорѣ вошли въ столкновеніе съ византійскими императорами, подъ властью которыхъ находилась Малая Азія. Сопровождаемые успѣхомъ въ борьбѣ съ послѣдними, они рѣшились подчинить своей власти и полуостровъ, что и было достигнуто при третьемъ персидскомъ султанѣ этой династіи Меликъ-шахѣ. Нѣтъ надобности излагать

здѣсь исторію сельджукскаго государства въ Малой Азіи, которое признавало сначала сюзеренную власть персидскихъ султановъ, но вскорѣ освободилось отъ всякаго подчиненія. Должно однако напомнить читателю еще и о томъ, что сельджукская монархія существовала въ Малой Азіи до конца XIII-го вѣка, когда она, ослабѣвъ вслѣдствіе междуусобныхъ войнъ потомковъ Алаэ-ддина, не могла выдержать натиска Монголовъ и, «исключая земли, занятыя послѣдними, распалась на одинадцать самостоятельныхъ владѣній, къ числу которыхъ принадлежитъ и царство, основанное Османомъ въ Виѳиніи» [1]). Это царство, какъ извѣстно, вскорѣ разрослось въ оттоманскую имперію.

Этотъ общій абрисъ исторической судьбы полуострова со времени переселенія сюда тюркскихъ племенъ имѣетъ для настоящаго труда то значеніе, что ставитъ насъ лицемъ къ лицу съ причиною наплыва и въ простонародную рѣчь малоазійскихъ турокъ громаднаго количества арабскихъ и персидскихъ словъ. Не отвергая значенія религіознаго и государственнаго вліяній, которыми многіе ученые исключительно объясняютъ происхожденіе въ турецкомъ языкѣ этого явленія, я не могу раздѣлять такого воззрѣнія вполнѣ. Ибо какъ не сильно вліяютъ религія и государство на простой народъ, не идутъ однако далѣе внѣшнихъ условій его быта и въ деспотическихъ странахъ, какой является Турція, не въ силахъ расширить умственный кругозоръ народа, развить его культуру. Отсюда въ исламѣ, который силится выдать себя за абсолютный монотеизмъ, мы видимъ рядомъ съ фанатизмомъ суевѣріе, весьма близкое къ идолопоклонству; а въ турецкомъ государствѣ, при кажущемся порядкѣ и дисциплинарности, замѣчаемъ анархическія дѣйствія чиновниковъ отъ пашей до забтіе, полицейскаго, по большей части, иррегулярнаго солдата. Подобное положеніе, правда, могло заставить турка принять отъ религіи и государства извѣстное количество словъ, усвоенныхъ ими для обозначенія разныхъ терминовъ. Но изъ него нельзя объяснить, по-

---

[1]) Histoire générale des Huns. Par. M. Deguignes. T. 2. LXI. Les Seljoucides d'Iconium. p. 75.

чему турецкій народъ, чтобы выразить уваженіе къ своему отцу, брату, матери употребляетъ не турецкія и не арабскія, а персидскія слова: пэдэръ, бэрāдэръ, мāдэръ.

Только непосредственное и скорѣе добровольное, чѣмъ насильственное соприкосновеніе массы народа съ персидской цивилизаціей и могло произвести это явленіе. Такое общеніе, безъ сомнѣнія, и было гораздо раньше переселенія малоазійцевъ на полуостровъ. Отсюда — множество персидскихъ словъ для обозначенія понятій, свойственныхъ осѣдлой жизни, а равно предметовъ отвлеченныхъ и понятій, обнаруживающихъ отношенія людей болѣе сложныя чѣмъ тѣ, въ которыхъ находится человѣческое общество, ограниченное только своей семьей. Должно однако здѣсь сказать, что одни изъ этихъ словъ стоятъ рядомъ съ турецкими, другія особнякомъ. Къ первымъ принадлежатъ, напримѣръ: ханä и ävъ — домъ, аңдачъ[1]) и бяльгӯзаръ — сувениръ, зäнгинъ и баи — богатый и т. п. Ко вторымъ: шеhеръ[2]) — городъ, чäрчäвä — рама, чаршäфъ — простыня и др.

Полагаемъ, что большинство арабскихъ словъ, касающихся народной жизни, каковы: хамамъ — баня, хаузъ — водоемъ, бассейнъ, каля — крѣпость и друг. вошли въ простонародный языкъ, перешедши сначала персидскій каналъ.

Предложенный мной въ общихъ чертахъ абрисъ исторической судьбы Малой Азіи имѣетъ здѣсь и этнографическое значеніе. Ибо, если мы признаемъ за несомнѣнное, что только «Сельджуки и одноплеменные съ ними по Огузу Туркмены» [3]), «занимающіе нынѣ пространство между Кесаріей, Діярбекиромъ и Аданой» [4]),

---

[1]) Буквою Ң я хотѣлъ обозначить караманскій носовой звукъ, выражаемый въ арабско-турецкомъ алфавитѣ буквою сагыръ-нуномъ. (Въ фонетическомъ отдѣлѣ см. о транскрипціи турецко-малоазійскихъ словъ русскими буквами).

[2]) Я позволилъ себѣ ввести въ русскую транскрипцію мусульманскихъ словъ латиское *h*. какъ оно читается въ словѣ homo, такъ какъ въ русской азбукѣ нѣтъ подобнаго звука. (Въ фонет. отд. см. о транскрипціи русскими уквами).

[3]) Histoire des l'empire ottoman par Hammer. T. I. L. I.

[4]) Lettres sur la Turquie par Ubicini. Paris. 1854. Partie 1-me. p. 24.

составляли выселившуюся на полуостровъ тюркскую расу, то должны будемъ согласиться, что большинство тюркскаго народонаселенія въ очерченныхъ мной границахъ принадлежитъ къ потомкамъ первоначальныхъ завоевателей края.

Кто-же такіе Сельджуки? изъ какихъ именно тюркскихъ народцевъ была составлена ихъ армія?—вотъ вопросы, на которые, за недостаткомъ документовъ, исторія не даетъ точнаго отвѣта. И только тотъ можетъ разрѣшить ихъ, кто, со всею строгостью, по принципамъ филологіи изслѣдуетъ говоръ потомковъ побѣдителей Романа Діогена. Но пройдетъ еще много времени, пока явится возможность дать какое-либо точное разъясненіе этимъ пробѣламъ въ нашей наукѣ. Съ этой точки зрѣнія мой трудъ есть не болѣе, какъ слабый матерьялъ для дальнѣйшихъ работъ по филологіи Востока.

Высказавъ свой взглядъ на характеръ турецко-малоазійскаго языка относительно его распаденія на діалекты, а равно и на значеніе, какое можетъ имѣть въ наукѣ ихъ изслѣдованіе, я перехожу къ непосредственному изысканію особенностей говора въ Худавендгярѣ и Караманіи.

Въ этомъ отношеніи, какъ по сущности дѣла, такъ и по свойству затронутыхъ мной сторонъ въ особенностяхъ малоазійскихъ нарѣчій, мой трудъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи можетъ быть представленъ въ слѣдующихъ отдѣлахъ.

1) Фонетическія особенности караманскаго и худавендгярскаго діалектовъ.

2) Ихъ грамматическое обособленіе и

3) Лексическое отличіе.

ОТДѢЛЪ I.

Фонетическія особенности караманскаго и худавендгярскаго нарѣчій.

Задача, которую я предположилъ разобрать въ первомъ отдѣлѣ состоитъ въ томъ, чтобы показать стороны, которыми обособились въ фонетическомъ отношеніи оба только что названные туреко-малоазійскіе діалекты взаимно и отъ константинопольскаго нарѣчія. И такъ какъ это обособленіе обнаружилось въ выговорѣ и измѣненіи буквъ не только согласныхъ, но и гласныхъ, то я и долженъ разсмотрѣть подмѣченныя мной особенности въ каждомъ изъ этихъ проявленій тюркскихъ звуковъ по розно. Но, прежде изложенія фонетическихъ отличій, необходимо условиться въ способѣ обозначенія карамано-худавендгярскихъ звуковъ.

О транскрипціи карамано-худавендгярскихъ звуковъ русскими буквами.

Извѣстно, что тюркскія племена, принявшія исламъ, вмѣстѣ съ религіей получили для своей письменности и арабскую азбуку. И хотя тюрки-мусульмане находятъ возможнымъ ею пользоваться, но неудобства столь велики, что и между ними уже возникъ вопросъ «объ измѣненіи шрифта». [1]). Особенно много затрудненій

---

[1]) См. Мэджмӯэи фӯнӯнъ (Сборникъ искуствъ) № 14. 1280 года по гиджрѣ.

представляетъ арабскій алфавитъ при выраженіи гласныхъ буквъ. «Въ немъ», какъ справедливо замѣчено г. Григорьевымъ, «есть только три знака, изъ коихъ каждый означаетъ не какую либо отдѣльную гласную, а цѣлую группу гласныхъ одного рода. Изъ знаковъ этихъ», продолжаетъ этотъ-же ученый, «ا можетъ означать одинаково и *а* и *е*; подъ و можно подразумѣвать *о*, *ö*, *у*, *ü*; ى можетъ читаться за *и*, *ы*, даже за *э*» [1]).

Хотя это замѣчаніе и вызвано, по видимому, киргизскимъ языкомъ, однако оно вполнѣ примѣнимо и къ карамано-худавендгярской рѣчи. И въ ней хоть бы начертаніе كورك можетъ быть прочитано шестью разными способами, каждый разъ мѣняющими его значеніе. При этомъ буква و произносится, какъ *ö*, *ü* или какъ согласная *в*, а начальная буква ك должна читаться то какъ русское *к*, то какъ *г* въ словѣ: городъ. Можно было бы привести и много другихъ подобныхъ примѣровъ; но, повторяемъ, неудобства мусульманскаго письма, при всемъ уваженіи тюрковъ къ начертаніямъ Корана, сознано уже ими самими, и, стало быть, тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчи объ его пригодности въ разсужденіяхъ европейцевъ. Намъ могутъ поставить на видъ богатство арабскаго алфавита для обозначенія согласныхъ буквъ. Но это богатство въ примѣненіи къ нарѣчіямъ, особенности которыхъ я намѣренъ изслѣдовать, состоитъ только изъ трехъ буквъ (ج, غ, ق), при отсутствіи девяти гласныхъ.

Такое положеніе дѣла, не смотря на все уваженіе лингвиста къ самобытному развитію постороннихъ для него элементовъ, ставитъ изслѣдователя языка, какъ будто, въ противорѣчіе съ самимъ собою, заставляетъ обращаться къ средствамъ, лишоннымъ традиціонной заслуги. И необходимость подобной мѣры въ научномъ отношеніи является тѣмъ болѣе разумною, что, при сравнительномъ сопоставленіи тюркскихъ нарѣчій, уничтожаются и тѣ преимущества мусульманскаго шрифта, о которыхъ было сказано нѣ-

---

[1]) О передачѣ звуковъ киргизскаго языка буквами русской азбуки. В. Григорьевъ. (См. Ученыя Записки Казанскаго Университета. 1862 г.),

сколько выше. Между тѣмъ какъ точность въ обозначеніи звуковъ особенно важна въ лингвистическомъ трудѣ оттого, что «разности грамматическія и лексикографическія, съ внѣшней стороны, между тюркскими нарѣчіями зависятъ преимущественно отъ фонетики въ каждомъ нарѣчіи особенной» [1]).

Высказанныя соображенія еще на мѣстѣ заставили меня для точнѣйшаго обозначенія карамано-худавендгярскихъ звуковъ обращаться къ русской азбукѣ каждый разъ, какъ только представлялась на это возможность. Но такъ какъ и русскій алфавитъ въ своемъ не измѣнномъ составѣ также не достигаетъ научной цѣли, оказалось необходимымъ и въ немъ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны. При этомъ основанное на теоріи Лепсіуса академическое изданіе въ русской транскрипціи тюркскихъ пѣсенъ, собранныхъ Радловымъ, значительно облегчило мой трудъ. Отступленія, которыя я позволилъ себѣ сдѣлать отъ транскрипціи «Образцевъ народной литературы тюркскихъ племенъ, живущихъ въ южной Сибири и Дзунгарской степи», произошли частію оттого, что нѣкоторыхъ изъ показанныхъ тутъ звуковъ я не нахожу въ малоазійскихъ нарѣчіяхъ; отчасти потому, что, вмѣсто вновь изобрѣтенныхъ буквъ, счелъ бы за лучшее пользоваться уже готовыми русскими, если бы нашлись соотвѣтственные имъ звуки въ разсматриваемыхъ мной діалектахъ. Такимъ образомъ, какъ мнѣ кажется, нѣтъ необходимости замѣнить русское *э* буквою *ä*. Не менѣе удивляетъ меня отсутствіе въ транскрипціи г. Радлова твердаго усиленнаго *х*, звука, кажется, весьма употребительнаго между всѣми тюркскими племенами. Съ другой стороны, опредѣленіе буквы ҕ таково, что звукъ этотъ можно передать и безъ отдѣльной для него буквы. Такъ какъ онъ только слабое смягченіе буквы ҕ, то его легко обозначить, поставивъ за нимъ русское *ь*. Мнѣ скажутъ, что подобный пріемъ противорѣчитъ теоріи Лепсіуса «объ обозначеніи каждаго звука отдѣльнымъ начерта-

---

[1]) Вступительное чтеніе въ курсъ турецко-татарскаго языка. Н. Ильминскаго. (См. Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета 1861 г.).

ніемъ» [1]). Но въ такомъ случаѣ не мѣшало бы придумать третье *л* для слова الله, которое и въ наиболѣе мягкомъ тюркскомъ нарѣчіи въ Константинополѣ, иногда произносится «а л л а». Стало быть, тутъ буква *л* твердая, именно такая, какою она часто бываетъ въ русскомъ языкѣ и какой нѣтъ въ транскрипціи почтеннаго доктора.

Подобныя обстоятельства не позволили мнѣ удовольствоваться и алфавитомъ, составленнымъ г. Радловымъ. Но, имѣя въ виду сохранить, по возможности, однообразіе въ русскихъ изданіяхъ матерьяловъ для изученія тюркскихъ нарѣчій, я счелъ своимъ долгомъ держаться его, на сколько возможно, ближе. А потому и предлагаю его здѣсь въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

Для точнѣйшаго обозначенія карамано-худавендгярскихъ гласныхъ звуковъ приняты мной слѣдующія девять буквъ, изъ которыхъ не отличающіяся начертаніемъ отъ русскихъ не разнятся отъ нихъ и по своему выговору:

а, о, у, ы
ä, ö, ÿ, ӹ [2])

23 согласныхъ:

ḱ караманское } Твердое гортанное к, обозначаемое въ араб.
k худавендгярское } шрифтѣ буквою ق [3])

x̌ твердое, густо-гуттуральное х

х } произносятся, какъ и въ русскомъ языкѣ
к }

ḫ — твердое, гортанное *г*. Въ арабскомъ алфавитѣ этой буквѣ соотвѣтствуетъ غ

г выговаривается, какъ русское *г* въ словѣ: городъ

h произносится какъ латинское *h* въ словѣ homo

ɳ карам. густо-носовое *н* } Въ ар. алфавитѣ звукъ этотъ обозна-
ṅ худавендг. густо-носов. *н* } чается буквою ن сагыръ-нуномъ [4]).

---

[1]) См. Das Allgemeine lingwistische Alphabet. von Lepsius.

[2]) Произношеніе этихъ буквъ будетъ показано подъ рубрикою: «Гласныя».

[3]) Анализъ этого звука, его выговоръ и взаимное отличіе см. подъ рубрикою: «Согласныя».

[4]) ibid.

j произносится какъ латинское *j* въ словѣ: Jovis.

р
л
т
п
б
д
ч
в
н
с
з
ш
ж
м

Выговариваются какъ и въ русскомъ языкѣ.

ц произносится какъ *дж*.

Двѣ полугласныя: *ь*, *й*.

При помощи этихъ 34 буквъ можно передать довольно точно карамано-худавенгярскіе звуки.

Такимъ приговоромъ я отнюдь не допускаю мысли о совершенствѣ своей транскрипціи передъ системой г. Радлова. Но смѣю думать, что введеніе постороннихъ знаковъ надъ буквами только запутываетъ и безъ того довольно темное и сбивчивое дѣло, къ какому принадлежитъ звукъ и его передача. Нельзя не быть довольнымъ, если читатель только отчасти, только приблизительно уразумѣетъ чуждые ему звуки. Но этого можно достигнуть подробнымъ и сравнительнымъ анализомъ ихъ характера, наиболѣе отличительныя стороны котораго и будутъ показаны подъ рубрикою: гласныхъ и согласныхъ буквъ.

ГЛАСНЫЯ.

Гласными буквами въ карамано-худавендгярской рѣчи должно считать всѣ гласные звуки: выражаются ли они въ мусульман-

ской орѳографіи буквами, или только даютъ себя чувствовать присутствіемъ гласнаго знака («хэрэке»).

Первые звуки считаются гласными твердыми, послѣдніе — мягкими.

Только въ твердыхъ гласныхъ и выразилось, по преимуществу, взаимное отличіе караманскаго и худавендгярскаго нарѣчій.

Нельзя однако оставить безъ вниманія и хэрэке, такъ какъ отъ ихъ выговора въ значительной степени зависитъ особенная твердость турецко-малоазійскаго языка. Значитъ, произношеніе мягкихъ гласныхъ служитъ однимъ изъ существенныхъ отличій и худавендгярскаго діалекта отъ константинопольскаго.

О мягкихъ гласныхъ буквахъ.

Обращаясь къ указанію характера «хэрэке» въ разсматриваемыхъ мной нарѣчіяхъ Малой Азіи, надобно прежде всего сказать о подвижности этихъ звуковъ, объ ихъ частыхъ уклоненіяхъ въ твердыя буквы. Чѣмъ же объяснить эти явленія? какіе законы ими управляютъ? — вопросы, на которые пока нельзя отвѣчать; тѣмъ болѣе, что подмѣченныя мной общія стороны такого перехода въ однихъ случаяхъ уничтожаются совершенно противоположнымъ явленіемъ въ другихъ. Это колебаніе, пожалуй, показываетъ, что въ худавендгярскомъ и караманскомъ нарѣчіяхъ нѣтъ той строгой послѣдовательности своимъ принципамъ, какую замѣчаемъ въ рѣчи Константинополя. Тѣмъ не менѣе анализъ карамано-худавендгярскихъ гласныхъ звуковъ, особенно мягкихъ, по рознь (разъясненіе характера каждаго звука въ примѣненіи къ частнымъ явленіямъ цѣлой группы фонетическихъ фактовъ) — дѣло покуда не возможное. Оттого и остается довольствоваться изложеніемъ общихъ свойствъ хэрэке съ цѣлью показать, чѣмъ они могли вліять на отвердѣніе тюркской рѣчи въ худавендгярѣ и Караманіи.

Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что жители названныхъ мной мѣстностей произносятъ эти звуки такимъ обра-

зомъ, что между ними почти не слышно мягкихъ буквъ *е*, *э*, *и*, *ю*, придающихъ столько женственной граціи константинопольскому діалекту. Въ малоазійскихъ нарѣчіяхъ, составляющихъ предметъ нашего изслѣдованія, столичные мягкіе звуки уступили мѣсто среднимъ между ними и соотвѣтствующими имъ твердыми, или даже переходятъ въ эти послѣдніе:

Такимъ образомъ константинопольское *е*, *э* въ Худавендгярѣ и Караманіи звучатъ какъ *я*, или какъ придыханіе, звукъ — средній между буквами *э* и *а*, который въ приведенной выше азбукѣ означенъ буквою *ä*. Оттого-то столичное: гель! — приходи! здѣсь звучитъ: гяль! гечь — проходи! убирайся!... — гяч! эв-домъ-äв; эль — рука, вѣрнѣе: кисть руки — äль и т. п. Но твердость карамано-худавендгярскаго произношенія не ограничивается только показанной своеобразностью хэрэке: она продолжается въ ихъ огрубленіи, что выразилось, какъ уже сказано, въ измѣненіи мягкихъ гласныхъ буквъ на твердыя. Такъ столичное мерхемет — милосердіе въ Караманіи и Худавендгярѣ звучитъ: мархамат, х̇эбэр — извѣстіе — х̇абар и др.

Такая-же твердость въ нарѣчіяхъ только-что названныхъ областей замѣчается при произношенія гласныхъ *и*, *ю*.

Оба соотвѣтственные этимъ буквамъ карамано-худавендгярскіе звуки — ничто иное, какъ слабое смягченіе буквъ *ы*, *у*, ихъ придыханіе.

Произношеніе перваго изъ нихъ трудно объяснить, ибо нѣтъ ничего подобнаго въ европейскихъ языкахъ. Въ своей азбукѣ я хотѣлъ выразить его буквою *ӹ*. Это — звукъ, средній между русскими *и* и *ы*. Такъ произносятся: кӹр — грязь, нечистота, вмѣсто константинопольсяаго кир; сӹз — вы, вмѣсто сиз; бӹр — одинъ вм. бир и др.

Второй карамано-худавендгярскій звукъ *ӱ*, напоминаетъ, по своему произношенію, французское *u*, если бы не былъ нѣсколько грубѣе его. Константинопольскія: — гюн — день, солнце, гюз — осень, — въ Караманіи и Худавендгярѣ произносятся гӱн, гӱз и т. п.

Переходъ обоихъ звуковъ (ӹ, ӱ) въ твердые *ы*, *у* встрѣчается также часто, какъ и измѣненіе *я*, *ä* на *а*. Дал*ы*нда «на его вѣткѣ» звучитъ вмѣсто далӹнда; г*у*зäль — красивый, вмѣсто гӱзäль и др.

Эти особенности въ произношеніи хэрэке, отличающія караманскій и худавендгярскій діалекты отъ столичнаго, какъ не общи обоимъ помянутымъ нарѣчіямъ Анатоліи, должно однако сказать, что въ большей степени наклонность къ измѣненію мягкихъ гласныхъ на твердыя замѣтна все-таки въ говорѣ Караманіи. Такое явленіе можетъ быть объясняемо и бо̀льшей твердостью въ выговорѣ здѣсь нѣкоторыхъ согласныхъ буквъ, съ которыми гласныя обыкновенно образуютъ слогъ.

Чтобы высказанную мной мысль представить читателю съ бо̀льшей наглядностью, привожу въ транскрипціи русскими и мусульманскими буквами четверостишіе изъ дидактическаго стихотворенія караманскаго поэта Сейрани, помѣстивъ рядомъ и чтеніе по худавенгярскому произношенію:

ПО КАРАМАНСКОМУ ПРОИЗНОШЕНІЮ	ПО ХУДАВЕНДГЯРСКОМУ ВЫГОВОРУ
Ḱуран языльырха̀н аршӹ рахма̀нда	Куран языльыркян аршӹ рахма̀ндӓ
Сырры кудрäт кятыбӹн ä̈лӹнда ӹдыкь;	Сӹррӹ кудрäт кятыбӹн ä̈лӹндӓ ӹдыкь;
Ḱандыль асыльырха̀н тäннур öцунда	Кандыль асыльыркян тäннур öнӱндӓ
Бӱльбӱль ӹдыкь ҕонца далында ӹдыкь.	Бӱльбӱль ӹдыкь ҕонца дал̈ындӓ ӹдыкь.

Мусульманская транскрипція приведеннаго четверостишія съ сохраненіемъ на этотъ разъ орѳографіи, принятой въ Константинополѣ:

قرآن یازلورکن عرش رحمنده

سر قدرت کاتبك النده ایدك

قنديل آصوركن تنور اوكنده
بلبل ايدك غنجه دالنده ايدك

Переводъ этихъ мистическихъ стиховъ, въ окончательномъ результатѣ которыхъ проглядываетъ мысль поэта о томъ, что человѣческій духъ существуетъ прежде всего сотвореннаго и что расположеніе человѣка быть дервишемъ есть способность этого духа, слѣдующій:

Когда на тронѣ Всемилосердаго писался Коранъ,
Я уже былъ въ рукѣ могущественнаго писателя тайнъ;
И когда передъ «печью вѣсили лампу»
Я былъ соловьемъ и сидѣлъ на вѣткѣ розоваго бутона [1]).

Можно было бы привести много и другихъ отрывковъ съ цѣлью показать бо́льшую сравнительно съ худавендгярскимъ діалектомъ твердость хэрэке въ Караманіи; но всѣ подобныя доказательства только усилили-бы компетентность мнѣнія, что характеръ мягкихъ гласныхъ въ караманскомъ нарѣчіи, по существу своему, сходенъ съ худавендгярскимъ и кажующееся несходство обусловливается исключительно особенностями въ произношеніи нѣкоторыхъ согласныхъ буквъ. Впрочемъ капризъ, управляющій, по видимому, выговоромъ тюркскихъ гласныхъ звуковъ такъ ве-

---

[1]) Чтобы два послѣдніе стиха были вполнѣ понятны для читателя, надобно сказать, что въ предпослѣднемъ изъ нихъ рѣчь идетъ о печи въ кухнѣ тэкье, молельномъ домѣ дервишей, въ которомъ обыкновенно помѣщаются холостые изъ нихъ. Первообразъ тэкье, на кухнѣ которой неофитъ, по обряду послѣдованія мэвлеви (вертящихся дервишей), проводитъ въ послушничествѣ 1001 день, мусульманскіе мистики видятъ на небѣ. Такимъ образомъ только знакомство съ вѣрованіями дервишей, сущность ученія которыхъ формулируется въ положеніи: «абсолютное наслажденіе человѣческой природой», уясняетъ мысль Сэйрани, еще не вполнѣ развитаго нравственно: «Прежде чѣмъ устроилось небесное тэкье (принадлежащее къ числу первоначальныхъ твореній Бога), мой духъ, вѣрнѣе: духъ человѣка уже страстно упивался ароматомъ розы Божества и (изнывая въ страданьяхъ постигнуть Его существо) стоналъ, какъ стонетъ соловей по своей красавицѣ, розѣ».

ликъ, что нѣсколько ниже, при изложеніи караманскихъ особенностей въ твердыхъ гласныхъ, мы увидимъ явленія, прямо противорѣчащія тѣмъ фактамъ, которыя указаны въ приведенномъ четверостишіи Сейрани. Но, прежде чѣмъ я перейду къ указанію такихъ отличій, должно замѣтить, что вслѣдствіе отсутствія въ карамано-худавендгярской рѣчи мягкихъ константинопольскихъ буквъ: *е*, *э*, *и*, *ю*, произошли особенности во многихъ грамматическихъ окончаніяхъ. Важнѣйшимъ изъ уклоненій этого рода должно считать свойственную татарскому языку приставку множественнаго числа: ляр, лар, вмѣсто столичной лер, ляр. Сюда же надобно отнести и всѣ тѣ формы, которыя образуются приставленіемъ только гласныхъ буквъ, часто мягкихъ.

О твердыхъ гласныхъ буквахъ.

Относительно способа произношенія жителями Худавендгяра и Караманіи твердыхъ гласныхъ звуковъ, къ которымъ принадлежатъ буквы *у*, *ы*, *о*, нельзя не сказать, что въ обоихъ разсматриваемыхъ мной нарѣчіяхъ Малой Азіи сильно замѣтна упругость звука, его грубость. Но въ говорѣ Караманіи, сверхъ сказаннаго, есть еще факты, обнаруживающіе не только бóльшую сравнительно съ худавендгярскимъ діалектомъ близость мѣстной рѣчи къ татарскому языку, но и ея самостоятельность. Такимъ образомъ караманское нарѣчіе является діалектомъ, отличнымъ отъ худавендгярскаго, по мимо не одинаковаго распредѣленія въ нихъ обоихъ татарскаго элемента.

Къ особенностямъ этого рода принадлежитъ произношеніе въ герундійной формѣ, соотвѣтственной русскому дѣепричастію настоящаго времени, буквы *а* какъ *ы*. Впрочемъ это уклоненіе является только въ тѣхъ глаголахъ, которые передъ окончаніемъ неопредѣленнаго наклоненія имѣютъ букву *н*, какъ это можно видѣть изъ примѣровъ, находящихся въ слѣдующемъ отрывкѣ, записанномъ мной въ Нигдѣ:

Бу гун бäн Мяцнуна дӱндум, بو كون بن مجنونه دوندم
Јӧла баҳы*ны* баҳы*ны*!... يوله باخنه باخنه
Бäн гӹдарӹм, сäн ҡалырсäн, بن كدرم سن قالورسن
Ӹля баҳы*ны* баҳы*ны*!... ايله باخنه باخنه

Одасында тӱтӱн ҡоҡар: اوطه‌سنده توتن قوقر
Бäным дäрдым баца јӹтäр!... بنم دردم بكا يتر
Дост баґында бӱльбӱль ӱтäр, دوست باغنده بلبل اوتر
Гӱля баҳы*ны*, баҳы*ны*!... كله باخنه باخنه

Äрӹсын даґларың ҡарӹ.... اريسون طاغلارك قارى
Јӹтäр чäктым оh-у-зарӹ!... يتر چكدم آه وزارى
Сäвярӹм о назлы ярӹ, سورم او نازلو يارى
Ӹльдäн саҳы*ны*, саҳы*ны*!... [1] ايلدن صاخنه صاخنه

Сегодня, все смотря на дорогу,
Я сталъ Меджнуномъ!... [2])
Я уйду, ты-же останешься
И все будешь глядѣть на постороннихъ!...

Какъ соловей, смотря на розу,
Все поетъ въ саду друга;
Такъ (и отъ моихъ вздоховъ) въ ея комнатѣ «дымомъ запахло!...» [3]).
Довольно уже мнѣ такой боли!...

---

[1]) Въ мусульманской транскрипціи какъ этихъ стиховъ, такъ и всѣхъ тѣхъ, которые встрѣтятся въ текстѣ моего изслѣдованія далѣе, я старался, по возможности, сохранить діалектическія особенности, которыми отличились разсматриваемыя мной малоазійскія нарѣчія отъ константинопольскаго діалекта.

[2]) Имя героя извѣстной персидской поэмы, весьма популярной и въ Турціи.

[3]) Уже на 27-й стр. изъ примѣчанія къ отрывку изъ Сэйрани можно было видѣть, что соловей у восточныхъ поэтовъ принимается за «влюбленнаго въ розу».

Все скрываясь отъ постороннихъ,
Я люблю того кокетливаго друга.
Но довольно мнѣ вздыхать и рыдать:
Пусть только снѣгъ на горахъ растаетъ!...

Другой примѣръ подобнаго же произношенія герундійнаго *а*, мы имѣемъ въ выраженіи «салланы гяльмяк» — идти, покачиваясь; идти, съ перевальцемъ. Не менѣе употребительно между караманскими Донъ-Жуанами и рѣченіе: «назланы сӱйляр» — онъ говоритъ кокетничая, издѣваясь.

Что караманскій діалектъ не терпитъ буквы *а*, когда она слѣдуетъ за поднебными буквами, видно еще изъ того факта, что во многихъ коренныхъ словахъ, эта буква смягчается, переходитъ въ *я* или *ä*. Бойлямак — быть равну ростомъ, перейдти — звучитъ здѣсь, вмѣсто худавендгярскаго бойламак; улянъ — малый, мальчикъ, вм. оҕланъ или уланъ; бӹҷäр или пӹҷäр — родникъ вм. бунар; парä — деньги и названіе самой мелкой монеты въ Турціи, вм. пара и др.

Здѣсь же, для бо̀льшей ясности перевода, надобно сказать, что въ эротическихъ стихотвореніяхъ Востока любовь чаще представляется страданіемъ. И какъ пѣніе соловья — его стонъ; такъ и «вздохъ», по созерцанію восточнаго жителя, «необходимый спутникъ людскаго страданья». Нѣтъ надобности говорить, что черезъ чуръ ужь поэтическое турецкое выраженіе: «пахнуть дымомъ (отъ вздоховъ)» содержитъ въ себѣ еще менѣе правды, если только поэтъ къ выдыхаемой человѣкомъ углекислотѣ, которая, какъ извѣстно, не имѣетъ запаху, не присоединялъ газовъ столь любимаго въ Турціи чесноку. Но за то читатель не можетъ сомнѣваться въ томъ, что онъ въ приведенныхъ въ текстѣ изслѣдованія стихахъ знакомится съ аксессуарами чисто турецкой любви, съ обстановкой чувства «*en Turc sauvage*», по выраженію одного изъ замѣчательныхъ нашихъ мыслителей.

Кстати позволяю себѣ здѣсь-же прибавить и о томъ, что въ своемъ переводѣ турецкой пѣсни, желая сохранить точность ея смысла, я не могъ держаться параллели относительно размѣщенія стиховъ въ подлинникѣ. Отъ этого часто стихъ, оканчивающій въ турецкомъ текстѣ куплетъ, является въ началѣ его въ моемъ переводѣ. Это замѣчаніе, сдѣланное съ цѣлью облегчить трудъ начинающихъ учиться турецкому языку, я прошу имѣть въ виду при сличеніи моего перевода съ турецкимъ текстомъ и другихъ попадающихся въ этомъ изслѣдованіи отрывковъ изъ памятниковъ турецко-малоазійской простонародной литературы.

Въ худавендгярскомъ нарѣчіи также встрѣчаются примѣры такого произношенія элифа послѣ поднебныхъ буквъ, какъ это доказываютъ и слѣдующіе стихи изъ дэстана про дэрэбея Гальёнджи:

Бäным гёмӱшь аваданларым парлясын — بنم كومش آوادانلارم پارلاسون

Äшыдäн äшым достум бана аҕлясын — اشدن اشم دوستم بكا اغلاسون

Пусть блеститъ мое оружіе изъ серебра;
Пусть оплакиваютъ меня слышавшіе (о моей судьбѣ) мои сверстники, мои друзья!...

Но въ говорѣ провинціи, въ которой султанъ Османъ съ такимъ счастьемъ положилъ основаніе Турецкой имперіи, приведенные факты такъ рѣдко попадаются, что на ихъ основаніи нельзя относить этой особенности и къ худавендгярскому діалекту, который въ этомъ случаѣ гармонируетъ съ произношеніемъ въ Константинополѣ.

Отличіе караманскаго нарѣчія отъ говора въ Худавендгярѣ замѣтно и въ выговорѣ буквъ و, когда она гласная. Здѣсь вниманіе наблюдателя останавливаетъ то обстоятельство, что эта буква сохранила свой естественный звукъ какъ *у*, *ӱ* во многихъ изъ тѣхъ словъ, въ которыхъ она, по принципу «турецкаго языка» и особенно тюркскихъ идіомовъ въ Константинополѣ и Худавендгярѣ, перешла въ смягченное или твердое *о*. Въ первомъ стихѣ приведенной нѣсколько выше нигдской пѣсни читатель уже имѣлъ случай видѣть слово «дӱндум» я обратился, сдѣлался, сталъ, вмѣсто худавендгярскаго и столичнаго дöндӱм. Также звучатъ въ Караманіи и ӱгмяк — хвалить, вмѣсто öгмяк; дӱгмяк — бить, вм. дöгмяк; гӱстäрмяк — показывать, вм. гöстäрмяк; дул — вдовый, вм. дол и др.

Указывая на этотъ обломокъ отъ татарской фонетики, уцѣлѣвшій въ Караманіи вмѣстѣ съ другими, изъ коихъ нѣкоторые, какъ мы увидимъ ниже, находятся и въ худавендгярскомъ нарѣчіи, я долженъ сказать, что и константинопольское произношеніе этой буквы въ отчинѣ упоминаемаго въ исторіи Крестовыхъ походовъ Кылыджъ-Арслана не только извѣстно, но и встрѣчается рядомъ часто въ однихъ и тѣхъ-же корняхъ. «Аңа сор!» «Спроси у него!» можно ежедневно слышать рядомъ съ выраженіемъ: сураимь — я спрошу, какъ бы мнѣ спросить! «сӱйляр» «онъ говоритъ (обыкновенно), онъ (вѣроятно) будетъ говорить» вмѣстѣ съ «сӧйля! — говори!» Оттого то и константинопольскія: гёз — глазъ, гёмлекь — рубашка, гёнӱль — сердце произносятся

въ Худавендгярѣ:	въ Караманіи:
гӧз	ҕоз
гӧйнäкь	ҕойнакь
гӧнӱль	ҕоңӱль.

Хотя замѣченное мной колебаніе въ караманскомъ выговорѣ буквы و достаточно подтверждено уже приведенными примѣрами, но мнѣ хотѣлось-бы показать читателю эти факты въ ихъ связи съ другими словами, какъ они являются въ народной рѣчи. Съ этой цѣлью я и привожу здѣсь отрывокъ изъ стихотворенія каарманскаго поэта Умера. Нѣсколько произведеній этого поэта, какъ и мистическіе стихи Сейрани записаны мной въ Нигдѣ со словъ деревенскаго жителя, произношеніе котораго сообщило имъ свѣжесть аргументовъ, заимствуемыхъ изъ ежедневнаго говора народа:

Маһрыфäтың вар-ыса äһлынä густäр	معرفتك وار ايسه اهلنه كوستر
Ḱумашың јярыны тутар-мы астар	قماشك يرينى طوتارمى آستر
Һяр кяс аḱран ылян ḱунушмаḱ ыстäр	هركس اقران ايلن قونشمق ايستر
Тоҳуң ыхтыбары аң-ынан олмаз	طوخك اعتبارى آج اينان اولماز

Чыкаруп мяйдана дänсызы ўгмä — چقاروب میدانه دینسزی اوکه
Ташлар ыля дäрдлў сынаҥу дўгмä — طاشلار ایله دردلو سینه‌کی دوکه
Сäны сäвмäяны сäн даҳы сäвмä — سنی سومینی سن دخی سومه
Äй Умäр гўзäллыкь гўҥ-ынан олмаз — ای عمر کوزللك کوج اینان اولماز

Сытаго и голоднаго нельзя мѣрить одною мѣрою;
Развѣ серпянка замѣнитъ шелковую ткань?
(И такъ какъ) каждый говоритъ только съ ровнымъ себѣ,
То кажи-же и ты свой талантъ, если есть онъ въ тебѣ, знатоку его.

Не вѣрующаго не выводи на площадь для прославленія,
Ибо этимъ ты сталъ бы бить камнями свою больную грудь.
Вдвое не люби тѣхъ, кто не любитъ тебя...
О, Умеръ! «силой не пріобрѣтешь красоты» [1]).

Изъ собранныхъ мною караманскихъ пѣсенъ можно было бы привести много другихъ стиховъ, въ которыхъ встрѣтятся слова съ татарскимъ выговоромъ буквы و; но во всѣхъ ихъ, какъ и въ только-что помѣщенномъ стихотвореніи Умера, найдутся факты, подтверждающіе присутствіе здѣсь и столичнаго произношенія этой буквы. Оттого, сколь не часто въ караманскомъ нарѣчіи و звучитъ по татарски, все таки это явленіе нельзя принимать за общее правило и слѣдуетъ считать принадлежностью только *многихъ словъ*.

Совершенно другое значеніе имѣетъ вторая карамано-татарская оригинальность въ произношеніи этой же буквы. Оригинальность эта состоитъ въ томъ, что و, образовавъ конечный обыкновенно трехъ-буквенный слогъ, выговаривается какъ *ы*, ы,

---

[1]) Выраженіе: гўзäллыкь гўҥ ынан олмаз! «Силой красоты не бывать!»...— турецкая поговорка, употребляемая для обозначенія идеи невозможнаго достигнуть трудомъ до благополучнаго исхода дѣла, превышающаго вслѣдствіе какихъ-либо обстоятельствъ силы человѣка.

особенно послѣ гласныхъ *а*, *ä*, *ы*, *ӹ*. На эту особенность тюркскихъ діалектовъ указывалъ уже г. Каземъ-Бекъ [1]).

Я назвалъ ее карамано-татарскою:

Во 1-хъ, оттого, что, являясь въ татарскомъ языкѣ, она въ караманскомъ діалектѣ сопровождаетъ выговоръ всѣхъ коренныхъ словъ безъ исключенія, будутъ-ли то слова тюркскаго корня или иноземныя. Такъ тюркское слово, соотвѣтственное русскому— «дождь», въ Караманіи звучитъ яҕм*ы*р; слѣдовательно совпало, по выговору конечнаго слога, съ татарскимъ яңг*ы*р. Также произносятся въ Караманіи алт*ы*н — золото, байх*ы*ш — сова; чам*ы*р — грязь; арм*ы*д — груша, грушевое дерево; сам*ы*р — соболь; таб*ы*т — гробъ; ҷам*ы*з — буйволъ и др.

Во 2-хъ, хотя въ говорѣ Константинополя и худавендгярскаго эялета она и сопровождаетъ нѣкоторыя грамматическія приставки, но мнѣ не удалось ее подмѣтить при произношеніи коренныхъ словъ. Такимъ образомъ караманское яҕмыр — дождь въ константинопольскомъ и худавендгярскомъ нарѣчіяхъ звучитъ: яҕм*у*р; золото — алт*у*н; байхыш — сова въ Константинополѣ произносится байк*у*ш, а въ Худавендгярѣ: байҕ*у*; караманское «чамыр — грязь» въ обѣихъ мѣстностяхъ звучитъ чам*у*р и т. п.

Оттого-то я и отнесъ эту особенность къ числу такихъ свойствъ, которыми такъ наглядно отличается тюркскій говоръ въ Караманіи отъ худавендгярскаго.

Сказанное о гласныхъ звукахъ разсматриваемыхъ турецко-малоазійскихъ діалектовъ, при общей обоимъ нарѣчіямъ грубости этихъ звуковъ, достаточно показало и ихъ взаимное различіе, и это различіе выступитъ еще рельефнѣе въ изслѣдованіи караманохудавендгярскихъ согласныхъ буквъ, къ изложенію особенностей которыхъ я позволяю себѣ перейдти.

---

[1]) Общая грамматика турецко-татарскаго языка Мирзы А. Каземъ-Бека. Изд. 2-е. Казань. 1846 г. Стр. 22.

СОГЛАСНЫЯ.

Въ произношеніи жителями Худавендгяра и Караманіи согласныхъ буквъ замѣчаются слѣдующія особенности, отличившія говоръ этихъ областей отъ константинопольскаго діалекта:

1. Нѣкоторыя буквы произносятся съ бо́льшей твердостью, что повлекло за собой оригинальность ихъ выговора. Къ этой же тенденціи «произносить звуки съ особенной твердостью» надобно отнести и измѣненіе нѣкоторыхъ мягкихъ буквъ столичнаго говора на соотвѣтственныя имъ твердыя.

2. Однѣ буквы замѣняются другими того-же органа, не имѣя отношенія къ предъидущему явленію.

3. Нѣкоторыя буквы отбрасываются, что идетъ съ противоположнымъ явленіемъ въ другихъ случаяхъ.

4. Звуки несродные тюркскимъ діалектамъ другихъ странъ, не замѣчаются и здѣсь. На конецъ:

5. Не рѣдко въ словахъ перестановляются не только отдѣльныя буквы, но и цѣлые слоги.

Изъ указанныхъ мной особенностей карамано-худавендгярскихъ согласныхъ буквъ, первая такъ рѣзко разграничила караманскій и худавендгярскій діалекты, что замѣтившій ее никогда не позволитъ себѣ смѣшивать эти нарѣчія, принимать ихъ за одинъ тюркскій идіомъ. Прочія-жъ особенности, общія обоимъ нарѣчіямъ въ принципѣ, раздѣляютъ ихъ въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ, то есть: часто фактъ, подтверждающій тотъ или другой общій законъ принадлежитъ говору только извѣстной мѣстности, а для другой—не дѣйствителенъ. Ближайшій анализъ заявленныхъ мной отличій докажетъ читателю справедливость мной сказаннаго.

1) *О твердости въ согласныхъ буквахъ.*

Чтобы показать читателю вполнѣ наглядно, какъ сильна твердость карамано-худавендгярской рѣчи сравнительно съ констан-

тинопольскою, надобно разъяснить особенности въ произношеніи здѣсь звуковъ, обозначаемыхъ въ мусульманскомъ шрифтѣ буквами: кафъ (ق), гяфъ и сагыръ-нуномъ. Познакомившись съ характеромъ ихъ выговора, можно, во 1-хъ, составить себѣ вполнѣ ясное понятіе объ отличіи караманскаго и худавендгярскаго діалектовъ отъ столичнаго нарѣчія; а, во 2-хъ, узнать существенныя стороны ихъ взаимнаго фонетическаго различія.

Произношеніе буквы кафъ (ق) въ Худавендгярѣ и Караманіи имѣетъ тотъ общій характеръ, что лишено смягчающаго элемента, свойственнаго Константинополю, гдѣ этотъ звукъ отличается отъ мягкаго *к* только присутствіемъ твердой гласной. Такъ произносятся въ столицѣ Оттоманской имперіи: курд — волкъ и кӯрд — кюрдъ (названіе жителей Кюрдистана, потомковъ древнихъ Парфянъ); кыр — поле и кир — грязь; кар — снѣгъ и кяр — дѣло и т. п. Въ Караманіи и Худавендгярѣ уже по самому звуку, который слышенъ во время выговора, можно узнать, какая именно произносится буква: твердое или мягкое *к*, кафъ (ق) или кяфъ. Но степень ея гортанности не одинакова въ обѣихъ провинціяхъ: и если въ Худавендгярѣ она, какъ бы, предшествуется буквою *г*, то въ Караманіи звукъ, ею обозначаемый, выходитъ изъ болѣе глубокой части гортани, какъ будто имѣетъ за собой твердое *х* (ẋ). Такой оттѣнокъ въ произношеніи каждой изъ этихъ провинцій слышенъ между словами:

kопармаk	и	kупармаk — сорвать;
kалk!	»	kалk — встать!
kузу	»	kузу — ягненокъ;
ашkына	»	ашkыца — за любовь твою! [1])

---

[1]) Выраженіе: «ашkыца!» «за любовь твою!» произносится во время пира и соотвѣтствуетъ русскому: «за твое здоровье!» Но эта турецкая формула привѣтствія — терминъ дервишей и людей, имѣющихъ притензію на образъ мыслей послѣднихъ. Обыкновеннѣе же въ подобныхъ случаяхъ можно слышать выраженіе: «мӯхэббэтэ!» или «мӯхэббэтӣнэ!» то есть: «въ честь дружбы! (бесѣды!)» или: «въ честь твоей дружбы (бесѣды съ тобой!)».

Отъ этого усиленно гортаннаго произношенія въ Караманіи буквы ق происходитъ и частый ея здѣсь переходъ въ твердое, густо гуттуральное х (ẋ), чего въ худавендгярскотъ діалектѣ почти не встрѣчается. Примѣры, которыми можно подтвердить это явленіе, разсѣяны въ большомъ количествѣ по собраннымъ мною въ Караманіи памятникамъ простонародной турецкой литературы. Вотъ выдержки изъ стиховъ, въ коихъ находится эта особенность:

Въ нигдской пѣснѣ про Зейнебъ пѣвецъ, придя въ любовный экстазъ, высказываетъ его въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Бӹр дäстä гӱль олайдым: بر دسته كل اوليدم
Ẋоḳайдым äллярӹндä! خوقيدم اللرنده

Какъ бы мнѣ быть букетомъ изъ розъ:
И я бы разносилъ ароматъ по ея рукамъ!...

Въ одной изъ пѣсенъ, записанныхъ въ Силлѣ, мѣстечкѣ близъ Коніи (древняго Иконіума), влюбленный, тревожась несговорчивостью милой и увлекаясь болѣе и болѣе красотой дѣвушки, даже и въ обыкновенныхъ, незначительныхъ обстоятельствахъ ея жизни, находитъ для себя поводъ приходить въ восторгъ:

Сабаẋын вярмямӹшь сäни оẋудан: سبخين ويرمش سنى اوخودان
Äллярӹ бäлӹнда гӹтмяз ḳапыдан!... اللرى بلنده كتمز قپودن

Не далъ еще своего урока тебя учащій:
И не идетъ она отъ двери, а у самой руки въ бокахъ!...

Такимъ же образомъ произносятся въ Караманіи: маẋрама— платокъ, вмѣсто худавендгярскаго маḳрама; аẋча — деньги, вм. аḳча; баẋыш — взглядъ, вм. баḳыш; ваẋтым — время мое, вм. ваḳтым; сыẋаимь — какъ бы мнѣ сдавить, я сдавлю, вм. сыḳаимь; таẋар — онъ надѣваетъ на шею, набрасываетъ на шею, вм. таḳар и др.

Сколь не многочисленны факты, изъ которыхъ видно, что въ караманскомъ діалектѣ константинопольское твердое *к*, произносится какъ *х*, должно однако сказать, что эта особенность обнимаетъ далеко не всѣ случаи:

Имѣя мѣсто тамъ, гдѣ ق — безгласный звукъ или находится между двумя гласными, она никогда не встрѣчается, когда помянутый звукъ заключаетъ слово или является въ немъ при другихъ условіяхъ. Почему, указывая на это явленіе, какъ на одно изъ существенныхъ отличій караманскаго діалекта отъ худавендгярскаго, я объясняю его происхожденіе только усиленной гуттуральностью звука, обозначаемаго буквою ق.

Это-же объясненіе можно приложить и къ другому подобному явленію, именно: къ произношенію въ нѣкоторыхъ словахъ безгласнаго غ, какъ х. Худавендгярское баҕча — садъ, въ Караманіи звучитъ: баха; боҕча — узелъ, связка — боха и т. п.

Совпаденіе безгласныхъ *г* и *к* въ звуковомъ отношеніи показываетъ, отчего я эту оригинальность отношу къ предъидущей.

Не менѣе рельефно сказалась фонетическая оригинальность караманскаго и худавендгярскаго нарѣчій и въ произношеніи константинопольскихъ мягкихъ *г* (گ) и *к* (ك). Послѣдняя буква вошла въ наше изслѣдованіе только оттого, что она, какъ заключительный звукъ нѣкоторыхъ грамматическихъ окончаній, въ соединеніи съ сопровождающими ее приставками, по своему выговору, сходна съ первой. Стало быть, рѣчь идетъ только объ особенности звука, обозначаемаго въ русской транскрипціи буквою *г*.

Черта, характеризующая здѣсь оба малоазійскіе діалекта, состоитъ въ томъ, что упомянутая буква не имѣетъ столичнаго смягченія, сохраняетъ всюду свой натуральный звукъ. Но степень обнаруженія его гортанности въ каждомъ изъ разсматриваемыхъ мной нарѣчій Малой Азіи различна, и именно:

Въ Худавендгярѣ этотъ звукъ имѣетъ характеръ русскаго *г*, какъ оно произносится въ словѣ: городъ, а въ Караманіи онъ выходитъ изъ гортани глубже, звучитъ почти какъ гайнъ и

часто, подобно послѣдней буквѣ, сопровождается твердой гласной, хотя бы предъидущіе слоги и не требовали этого.

Слѣдующіе отрывки изъ караманскихъ и худавендгярскихъ памятниковъ простонародной литературы наглядно представятъ читателю замѣченное діалектическое различіе, выразившееся въ выговорѣ разсматриваемаго звука.

Въ припѣвѣ къ одной изъ нигдскихъ пѣсенъ находимъ примѣръ съ караманскимъ оттѣнкомъ въ произношеніи:

Ӓҕыль бӱр шяфталы вӓр....	اكل بر شفتالو ويرر

Нагнись-же и дай мнѣ одинъ поцалуй....

въ другой нигдской-же пѣснѣ густая гуттуральность гяфъ сохранена и когда эта буква безгласная:

Ӓвлярӱҥ ӓвлярӱҥ jӱксӓкь ӓвлярӱҥ	اولرك اولرك يوكسك اولرك
Гӱрӓм ӱчӱнӓ ҕоҹлӱм ӓҕлярӱм	كيرەم ايچنه كوكلم اكلرم

Я войду внутрь домовъ ея, домовъ... домовъ высокихъ...
И потѣшу (въ нихъ) свое сердце!...

Въ худавендгярской исторической пѣснѣ про Сары-зейбека, въ одномъ изъ стиховъ куплета, заканчивающаго «дэстанъ», встрѣчается слово اكلمك, въ которомъ буква ك, сохранивъ свой отличительный характеръ, не усиливается однако стать гортанной.

Удалый разбойникъ, видя, что наступило время и ему сложить голову, въ послѣднія минуты своей жизни вспомнилъ о матери и покинутой женѣ:

Анама сӧйлянӱ каралар баҕласын	انامه سويلەك قرەلار باغلاسون
Кадымам чӱксын, даҕ башӱнда аҕласын	قديمم چقسون داغ باشنده آغلاسون
Сары-зӓйбӓкь даӱ гӧйнӱн ӓгьлӓсын	صارى زيبك ديو كوكلك اكلسون

Скажите моей матери, чтобы она повязала трауръ;
А моя Кадимэ пусть войдетъ на вершину горы и тамъ плачетъ, —
«О, Сары-зейбекъ!» приговаривая, пусть облегчитъ свое сердце!...

Такому-же взаимному обособленію въ разсматриваемыхъ начіяхъ Малой Азіи подверглись константинопольско-турецкія слова: дэирмен — мельница; дэирьми — круглый; jiирми — двадцать; дэимекь — стоить, касаться, достигать; эирмекь — сучить нитки; дэишмекь — перемѣнять и др.

Но чтобы показанное различіе представилось читателю нагляднѣе, считаю не лишнимъ привести здѣсь и малоазійскій выговоръ этихъ словъ, какъ они звучатъ

въ Худавендгярѣ:	въ Караманіи:
дäгӈырмäн	дäӈырмäн;
дагӈырмӹ	дäӈырмӹ
jӈыгӈырмӹ	jыӈырмӹ
дäгмäк	дäӈмäк;
äгӈырмäк	äӈырмäк.
дäгӈышмäк	дäӈышмäк и др.

Столь-же ясно выразилось отличіе караманскаго нарѣчія отъ худавендгярскаго и въ выговорѣ сагыръ-нуна.

Его носовый звукъ, почти исчезнувшій въ константинопольскомъ діалектѣ, вполнѣ сохранилъ свой отличительный отъ *н* признакъ въ Малой Азіи. Однако и въ этомъ случаѣ караманское произношеніе подходитъ къ татарскому ближе, чѣмъ худавендгярское. Ибо въ Караманіи этотъ звукъ хотя и не заканчивается гортанной буквой—что мы видимъ въ татарскихъ нарѣчіяхъ — по крайней мѣрѣ, здѣсь, послѣ усиленно носоваго *н*, слышно придыханіе. Стало быть, и въ караманскомъ діалектѣ звукъ, который принято обозначать буквою сагыръ-нуномъ, является *сложнымъ*, — что и составляетъ въ отношеніи его существенную разницу, какую

мы замѣчаемъ между языками, популярно называемыми: татарскимъ и турецкимъ. Читателю извѣстна буква, которую, изъ уваженія къ *русско-нѣмецкому*, академическому изданію тюркскихъ пѣсенъ, собранныхъ Радловымъ, я принялъ въ свою транскрипцію при обозначеніи караманскаго сагыръ-нуна. Но, что касается до моего личнаго воззрѣнія на лучшій способъ обозначать его, мнѣ кажется, ' (apostrophe), поставленный послѣ носоваго *н* (ñ), точнѣе передалъ бы сущность дѣла. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ представляется караманское произношеніе словъ: баñ'а — мнѣ, саñ'а — тебѣ, ялыñ'ыщ — ошибка и др.

Въ худавендгярскомъ нарѣчіи въ выговорѣ сагыръ-нуна не слышно упомянутаго сочетанія звуковъ. Но и въ немъ наблюдатель, по густо-носовому произношенію этой буквы, съ перваго раза отличить ее отъ буквы *н:*

Носовое произношеніе французскаго *n*, хоть бы въ словѣ *en*, самымъ точнымъ образомъ опредѣляетъ характеръ худавенгярскаго «глухаго» *н* и разъясняетъ различіе между нимъ и соотвѣтственнымъ караманскимъ звукомъ, который, кромѣ выговора въ носъ, содержитъ въ себѣ, какъ уже сказано, еще другой элементъ. Замѣчательно то обстоятельство, что турецко-малоазійское нарѣчіе Худавендгяра, въ выговорѣ сагыръ-нуна отступивъ отъ караманскаго діалекта ближе къ говору столицы Оттоманской имперіи, хранитъ въ себѣ нѣсколько словъ, въ которыхъ первая составная часть разсматриваемаго нами тюркскаго звука выпала, а вторая отвердѣла, перешедши въ мягкое *к*. Константинопольскія: эñсэ — затылокъ; эñсэр — однотесный гвоздь, произносимыя въ Караманіи äñ'сä, äñ'сäр, въ Худавендгярѣ выговариваются äкьсä, äкьсäр. Спрашивается: «какія причины могли произвести это интересное для лингвиста-физіолога явленіе и что хочетъ ими сказать народная рѣчь?» — Не имѣя серьёзныхъ данныхъ для разъясненія этихъ вопросовъ, я оставляю ихъ in statu quo: — ученые, болѣе меня опытные, быть можетъ, остановятъ на нихъ свой пытливый взглядъ, и только тогда выдвинется во всей силѣ научное значеніе собранныхъ мной матерьяловъ.

Въ анализѣ согласныхъ звуковъ, которыми я доселѣ занималъ вниманіе читателя, можно было видѣть цѣлый рядъ данныхъ, отличившихъ караманское и худавендгярское нарѣчія одно отъ другаго. Эти данныя доказали намъ, что и согласные звуки перваго болѣе тверды, болѣе гортанны, чѣмъ во второмъ. Уже и между ними мы замѣтили такія явленія, такія фонетическія особенности, которыя свойственны почти безраздѣльно говору только одной какой-либо мѣстности.

Къ отличіямъ послѣдняго рода принадлежитъ и произношеніе въ Караманіи константинопольскихъ буквъ: ج, иногда и چ, какъ *ш*. У*ш*кур — гашникъ звучитъ въ караманскомъ нарѣчіи вмѣсто учкур; *ш*ам — чихта, вм. чам; туру*ш* — померанецъ, вм. тӯрӯнц и др.

Выставляя на видъ это отличіе, я не могу однако умолчать и о существующихъ въ народной рѣчи уклоненіяхъ отъ него. Въ караманскихъ пѣсняхъ можно не рѣдко найдти слова, которыя то подвергаются указанной особенности, то не разнятся отъ столичныхъ: гя*ш*ты — онъ прошелъ, перешелъ; ка*ш*тынц — ты убѣжалъ, мѣняются съ словами: гячты, ка чтынц; въ разговорной рѣчи выраженіе: «ӯчь бӯчӯк» — $3^1/_2$ варируется, по произношенію, съ рѣченіями: ӯчь бӯ*ш*ук и ӯ*ш*ь бӯчук. И это колебаніе караманскаго произношенія отъ одного принципа къ другому, — колебаніе, напоминающее соотвѣтственное явленіе въ выговорѣ буквы و, когда она гласная, — столь сильно, что ему подвергается одно и то-же слово не только въ производныхъ отъ него, но и въ своихъ грамматическихъ измѣненіяхъ. Чтобы сказанное мной было вполнѣ понятно, ниже привожу отрывки изъ двухъ караманскихъ пѣсенъ, въ которыхъ на глаголѣ ачмак — открыть выразилось указанное свойство. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что представляемые аргументы тѣмъ болѣ знаменательны, что списаны со словъ одного и того же лица.

Такъ поется въ пѣснѣ про «Незифѐ», которая въ своемъ увлеченіи не исполнила обрядныхъ предписаній Корана, за что и платится теперь насмѣшкой надъ ея горемъ:

Назыфяныц шам дыбындä сäсы вар — نظيفه‌نك چام ديننده سسى وار

Ачыш баҳыц боҳчасында нäсы вар — آچوب باخك بوخچه‌سنده نه‌سى وار

Слышенъ подъ пихтой голосъ Незифѐ;
Откройте-ка да посмотрите: «что въ узлѣ у ней?»

Во второмъ стихѣ приведеннаго «бэйта» (двустишія) мы видимъ, что герундій отъ глагола ачмак, и по выговору چ, не отличается отъ константинопольской соотвѣтственной формы. Между тѣмъ въ другой пѣснѣ 2-е лице повелительнаго наклоненія отъ этого-же глагола звучитъ съ измѣненіемъ упомянутой буквы на *ш*. Но вотъ и самые стихи, въ которыхъ читатель найдетъ еще одинъ, не извѣстный ему доселѣ примѣръ разсматриваемой оригинальности:

Јäмäныымыц ўшьлäры — يمنى‌مك اوجلرى

Чыкамац јокушлары — چقامك يوقشلارى

Јäманыымы дўрäыымь — يمنى‌مى دوره‌يم

Ашь-да койцуца гырäыымь — آچ‌ده قوينكه كيره‌يم

Ахъ! концы моей повязки!...
Но одна ты не въ силахъ взобраться на холмы ихъ (горъ).
Я заверчу мой тюрбанъ, —
Между тѣмъ ты раскрой свою грудь, чтобы прильнуть мнѣ къ ней.

Однако, при всемъ уклоненіи разговорной рѣчи отъ подмѣченной нами особенности къ столичному выговору, ея сила: — придавать мѣстному говору индивидуальность, имѣть, стало быть, діалектическое значеніе, — не исчезаетъ. Ибо какъ жители Караманіи во многихъ случаяхъ не могутъ обойдтись безъ произношенія константинопольской буквы ق, какъ ҳ; такъ точно составляетъ натуру многихъ словъ и выговоръ буквы چ, какъ *ш*.

И что сказанное истина, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что караманецъ, услышавъ, напримѣръ, слово чам, не понимаетъ его значенія, и только, послѣ подробнаго объясненія, можетъ догадаться, что рѣчь идетъ о родномъ ему шам. Ясно, что, не смотря на колебаніе простонароднаго выговора, особенность, о которой только-что было говорено, сохраняетъ свое существенное значеніе, когда надобно показать отличительныя свойства караманскаго діалекта.

Чтобы разсматриваемая оригинальность карамано-худавендгярской рѣчи, относительно «твердости» въ ней нѣкоторыхъ согласныхъ звуковъ, была исчерпана вполнѣ, мнѣ остается указать еще на нѣсколько проявленій этого свойства. Ихъ отличіе отъ предъидущихъ явленій состоитъ въ томъ:

Во 1-хъ, что двѣ изъ особенностей, которыя сюда войдутъ, принадлежатъ одинаково и словамъ тюркскаго корня, и иноземнаго; остальныя-же свойственны только послѣднимъ.

Во 2-хъ, всѣ онѣ, еще не указанныя особенности, доказывающія твердость согласныхъ звуковъ въ караманскомъ и худавендгярскомъ нарѣчіяхъ, — общи обоимъ этимъ тюркскимъ діалектамъ. И, стало быть, разъясняя тѣ изъ ихъ сторонъ, которыми они отличились отъ константинопольскаго нарѣчія, не могутъ представить данныхъ, подтверждающихъ ихъ взаимное различіе.

Вотъ особенности 1-го рода:

Столичное *б* по большей части перешло въ букву *п*. Такимъ образомъ константинопольскія слова: бўчак — ножикъ, бўнар — родникъ, бакыр — мѣдь, бастырма — родъ консервовъ, приготовляемыхъ изъ говядины, звучатъ

въ Худавендгярѣ:	въ Караманіи:
*п*учак	*п*учак
*п*ўнар	*п*ыцар (рѣдко бынар)
*п*акыр	*п*акыр
*п*астырма	*п*астырма.

Это же звукоизмѣненіе сопровождаетъ и букву *б* иностранныхъ словъ: хэбс — тюрьма, бэхыль — скупой, и персидскія: бэhар — весна, бāзāр — базаръ, рынокъ, торговый день — въ обѣихъ провинціяхъ измѣнились въ хапыс, пахыль, паhар и пазар.

Я не вижу въ этой оригинальности такого явленія, которое не объяснялось бы отличительными сторонами тѣхъ тюркскихъ діалектовъ, которые г. Березинъ назвалъ «западными» [1]). Нельзя однако сказать того же самаго о выговорѣ въ Худавендгярѣ и Караманіи такъ называемаго *таи мўэллефъ* (буквы ط). Эта буква въ тѣхъ случаяхъ, когда она въ тюркскихъ словахъ константинопольскаго діалекта произносится какъ *д*, въ Малой Азіи по бо́льшей части выговаривается также, какъ и въ языкѣ нашихъ татаръ. *Т*арак — гребенка, *т*урна — лебедь, *т*ат — вкусъ, *т*ар — тѣсный, *т*ам — крыша, *т*урмак — стоять, — употребительнѣе въ Худавендгярѣ и Караманіи, чѣмъ столичныя: дарак, дурна, дат, дар и т. д. Но малоазійскіе діалекты не ограничились только отверживаньемъ упомянутой мусульманской буквы, которая и въ Константинополѣ иногда издаетъ свой естественный звукъ; ибо тенденція малоазійцевъ «отверживать звукъ *д*», раздвинулась шире, подчинила себѣ и выговоръ иностранныхъ словъ. Тэкдыр — предопредѣленіе въ Худавендгярѣ выговаривается: тäк*т*ыр, а въ Караманіи — тäх*т*ыр; дўшьмэн — врагъ въ обѣихъ названныхъ малоазійскихъ провинціяхъ звучитъ — *т*ушьман; дэф — бубенъ — *т*äф; даулбаз — барабанщикъ на такъ называемомъ «турецкомъ барабанѣ» — *т*алынбаз и др.

Другой разрядъ общихъ обоимъ малоазійскимъ нарѣчіямъ особенностей, въ которыхъ проявилась твердость согласныхъ буквъ, обнимаетъ, какъ уже сказано нѣсколько выше, слова только не тюркскаго происхожденія. Правда, я могъ бы привести эти факты въ лексическомъ отдѣлѣ, дабы показать, что у малоазійцевъ есть стремленіе освоивать иноземныя слова, ихъ «отур-

---

[1]) См. Recherches sur les dialectes musulmans par. E. Bérésine.

*

чивать»; но такъ какъ, по существу своего характера, они обнаруживаютъ тотъ или другой законъ малоазійско-турецкой фонетики, то я и предпочелъ изложить ихъ здѣсь.

Такимъ образомъ хотя въ турецкомъ языкѣ, да и вообще въ тюркскихъ діалектахъ, есть довольно словъ, въ образованіи корней которыхъ приняло участіе густо-гуттуральное *г* (гайнъ); но этотъ звукъ не встрѣчается здѣсь въ началѣ слова [1]), а только во второй его части. Преимущество же начинать слово уступаетъ всегда какому-либо другому звуку, хотя бы онъ состоялъ только изъ одной гласной, какъ — въ словахъ: *а*ҕа — старшій братъ, дядя; *а*ҕыр — тяжелый; *а*ҕыз — ротъ и др.

Оттого-то нисколько не удивительно, что въ большинствѣ арабскихъ и персидскихъ словъ, начинающихся съ буквы гайнъ (غ), эта буква въ Малой Азіи переходитъ въ твердое *к* (ق), — обстоятельство, которое доказываетъ и особенную твердость мѣстной рѣчи. Ибо въ столицѣ Турціи густо-гортанное *г* подошло подъ условія тюркской фонетики на совершенно противоположныхъ началахъ: оно въ этихъ случаяхъ смягчилось въ выговорѣ сравнительно съ произношеніемъ націй, у которыхъ заимствованы такія слова. Вотъ и примѣры, которые наглядно покажутъ, сколь противоположными принципами управляются столичный и малоазійскіе діалекты. Арабскія: غريب — чужестранецъ, странникъ, غضب — гнѣвъ, غيرت — старательность, рвеніе, усердіе, غم — печаль, غنى — богатый; персидское: غنچه — бутонъ, по преимуществу, на розѣ, — такъ произносятся

нъ Константинополѣ,	Худавендгярѣ	и Караманіи:
гäриб,	карӹб,	ḱарӹб;
гäзэб,	казäб,	ḱазäб;

[1]) Въ турецко-французскомъ лексиконѣ Гг. Біанки и Киффера между словами, начинающимися съ буквы غ, только одно gharmetch приведено, какъ слово тюркскаго корня. Татарско-русскій словарь Троянскаго предлагаетъ только ҕырламак — храпѣть, которому въ Константинополѣ соотвѣтствуетъ хырламак.

гäйрэт,	кайрäт,	ḳайрäт;
гäни,	канӹ,	ḳанӹ;
гäм,	кам,	ḳам;
гӱнче,	конца,	ḳонца.

Этою же относительною твердостью малоазійскаго произношенія объясняется замѣченный нами фактъ, что буква *айнъ* (ع), которой не достаетъ между тюркскими звуками, измѣняется въ карамано-худавендгярскомъ говорѣ на *h* или *x*. Арабскія: عبا — названіе толстаго верблюжьяго сукна а также верхняго платья, похожаго покроемъ на халатъ; اعلام — объявленіе, ساعت — часъ, معرفت — талантъ, искусство, марафетъ и др. въ Караманіи и Худавендгярѣ звучатъ: *h*аба, ӹ*x*лям, са*h*ат, ма*h*рӹфäт. Сюда же принадлежитъ и то свойство карамано-худавендгярской рѣчи, по которому въ иноземныхъ словахъ къ начальному *а* прибавляется мягкая гортанная буква *h* или *x*. Атэшь — огонь, въ Худавендгярѣ произносится хатäшь; энбар — амбаръ — ханбар и др.

Указаніемъ послѣднихъ отличій, доказывающихъ какъ болѣзненно, съ какимъ усиліемъ поддаются малоазійцы постороннему вліянію я исчерпалъ всѣ случаи, въ которыхъ выразилась твердость карамано-худявендгярскихъ согласныхъ буквъ. И если сдѣланныя мной наблюденія въ окончательномъ своемъ результатѣ не могли не убѣдить читателя въ томъ, что въ говорѣ малоазійскихъ тюрковъ есть татарскій элементъ, какъ существенное отличіе отъ константинопольскаго діалекта, — то должно было принять и мнѣніе, что этотъ элементъ распредѣленъ здѣсь не равномѣрно. Принявъ эту мысль, легко понять, какія причины заставили меня допустить раздѣленіе карамано-худавендгярской рѣчи на два діалекта. И это дѣленіе тѣмъ болѣе основательно, что самостоятельность караманскаго нарѣчія сказалась бо́льшимъ въ немъ разнообразіемъ относительно самаго состава упомянутаго элемента.

Но что это за составъ? На какихъ данныхъ могутъ быть основаны столь смѣлыя предположенія? Уже не адербиджанизмъ-ли караманская особенность въ произношеніи твердаго *к*? Или: не свойства-ли языка нашихъ татаръ выразились въ выговорѣ буквъ: ى и ب? Не киргизскій-ли, наконецъ, принципъ приведется видѣть въ произношеніи ج какъ *ш*?

Слишкомъ мало имѣемъ данныхъ для доказательства послѣдняго предположенія, еслибы мы вздумали придавать ему серьёзное значеніе. Но присутствіе здѣсь ногайскаго элемента неоспоримо и подтвердится и другими фактами въ дальнѣйшемъ развитіи нашего изслѣдованія. Что-же касается до вліянія адербиджанскаго нарѣчія, то оно обнаружилось и на худавендгярскомъ діалектѣ, какъ въ томъ мы убѣдимся при изложеніи карамано-худавендгярскихъ особенностей, выразившихся въ «замѣщеніи согласныхъ буквъ одна другою безъ тенденціи отверживать звуки», къ разсмотрѣнію чего я теперь и приступаю.

2) *О взаимномъ замѣщеніи согласныхъ буквъ одного и того-же органа.*

Къ важнѣйшимъ изъ особенностей, обнаруживающихъ выставленный въ заглавіи настоящаго изслѣдованія принципъ малоазійскихъ согласныхъ звуковъ, безспорно принадлежитъ переходъ *л* и иногда *м* въ *н*.

Эта особенность — точнѣе: часть ея — переходъ *л* въ *н* — характеризуетъ, по указанію г. Казем-Бека, преимущественно адербиджанское нарѣчіе; ибо въ послѣднемъ она имѣетъ болѣе широкое примѣненіе, захватываетъ бо́льшее число случаевъ. Въ разсматриваемыхъ діалектахъ Малой Азіи ей подверглось *л* грамматическихъ приставокъ, когда онѣ слѣдуютъ за словомъ, оканчивающимся буквою *н*.

Примѣры, подтверждающіе переходъ *л*, а въ Караманіи и буквы *м* въ *н*, въ большомъ количествѣ разсѣяны по собраннымъ мной памятникамъ малоазійской народной литературы. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ караманскихъ пѣсенъ, въ которыхъ чита-

тель найдетъ такіе факты: въ одной изъ силлійскихъ пѣсенъ поэтъ тоскуя по своей милой, говоритъ:

Ḱанны чайляр аҳыш гыдäр дурулмаз.... — ننو چایلر آخوب کدر طولماز

Никогда не останавливаясь, текутъ рѣки, обагренны кровью....

а за тѣмъ черезъ нѣсколько стиховъ въ этой-же пѣснѣ поется:

Чаырлыḱта чымäнныктä äвым вар — چایرلقده چمنکده اوم وار

Кömур ҕозлу быр jöсма-да сäвгым вар — ومر کوزلو بر یوصمه‌ده سوکوم وار

Въ луговомъ мѣстѣ, въ полевомъ мѣстѣ есть домъ у меня;
Есть у меня и любимая: «шалунъ она съ угольными глазками!...»

Въ другой караманской пѣснѣ, имѣющей цѣлью умолить милую на свиданье, въ заключительномъ куплетѣ говорится:

Бäн саҥа олдум ашыḱ ḱар бäязым — بن سکا اولدم عاشق قار بیاضم

Äвыҥыз пäкь ḱараҥыḱ — اوکز پك قراکنق

Яḱ гяль баҥа быр ышыḱ — یاق کل بکا بر ایشق

Я влюбился въ тебя, мой «бѣлый снѣжокъ!»
Слишкомъ темно въ вашемъ домѣ:
Приди-жъ и зажги мнѣ какой нибудь свѣточь!....

Хотя не чуждо этого свойства и худавендгярское нарѣчіе, какъ уже сказано объ этомъ нѣсколько выше; но оно лишено той послѣдовательности, какая замѣтна въ караманскомъ говорѣ. Оттого то въ памятникахъ, служащихъ матерьяломъ для изслѣдованія тюркскаго діалекта въ Худавендгярѣ, рядомъ съ хаваннар — мортиры, аҳьян-нар — вельможи, знатные, сановитые,

зажиточные находятся: шӯкӯран-ликь — признательность, благодарность вмѣсто караманскаго шӯкӯран-никь; кан-лы — кровавый вмѣсто кан-ны и т. п. Въ этихъ-то отступленіяхъ и выразился тотъ оттѣнокъ діалектическаго различія, который въ упомянутыхъ нарѣчіяхъ Малой Азіи всюду (въ каждой особенности) такъ или иначе даетъ себя чувствовать. Но прежде, чѣмъ покончимъ дѣло съ этой отличительной стороной карамано-худавендгярскаго говора, считаю не лишнимъ познакомить читателя хотя съ двумя отрывками изъ дэстановъ, гдѣ можно найдти въ связи съ другими словами рѣчи примѣры, доказывающіе присутствіе обсуждаемой оригинальности въ худавендгярскомъ нарѣчіи.

Въ эпической пѣснѣ про разбойника Кюрдъ-Али поэтъ, выставляя превосходство своего героя надъ другими предводителями шаекъ, говоритъ:

Кӯрд-Алы äфäлярын кочаҕы	كرد على افەلرك قوجاغى
Зäйбäклярын тушьманнары бöляр пучаҕы	زيبكلرك دوشمانلارى بولر پچاغى

Кюрдъ-Али самый храбрый изъ атамановъ;
Оттого ножи его зейбековъ[1]) и разсѣкаютъ врага на двое.

Въ дэстанѣ про разбойника Кады-кырана (истребителя кадіевъ), жившаго, по словамъ малоазійцевъ, въ царствованіе сул-

---

[1]) Зейбекъ — названіе тюркскаго племени, живущаго въ Малой Азіи близъ Айдина. Племя это повсемѣстно на полуостровѣ извѣстно своимъ удальствомъ, которое обыкновенно испытываютъ на себѣ подвергающіеся грабежу проѣзжіе. Но не рѣдко зейбеки упражняютъ свою ловкость и молодечество, отбивая стада другъ у друга. Такой образъ жизни и сдѣлалъ ихъ родовое имя равносильнымъ нарицательному: «разбойникъ». Не слѣдуетъ однако забывать, что не отъемлемая принадлежность этого понятія и идея въ извѣстной мѣрѣ удальства, а иногда и великодушія, участья къ судьбѣ бѣдняковъ, протеста противъ насильственнаго накопленія богатства въ однѣхъ рукахъ, — что составляетъ особенность турецкой жизни. Стало быть съ словомъ «зейбекъ» соединена идея разбоя, свойственнаго этому тюркскому племени. И такъ какъ въ русскомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтственнаго слова, то я долженъ былъ удержать его въ своемъ переводѣ.

тана Махмуда II, поэтъ устами своего героя такъ разсказываетъ объ его подвигахъ, которые только въ полной насиліями турецкой жизни могли служить содержаніемъ для поэмы и которые всею своею тяжестью падаютъ, по преимуществу, на мѣстныхъ христіянъ:

Мӱрадча ḳаялары ӧнумӱ дуйдулар	مرادچه قیالاری اوکمی طویدیلار
Кара-баш папас бӱтун ӥіннарä дулдулар	قرا باش پاپاس بتون اینره طولدیلار
Дäлӥлярӥм думан-ӥіля ḥяпсӥнӥ буḡдулар	دلیلرم دومان ایله هپسنی بوغدیلار

Въ волю наслышались скалы моего голоса!...
«Черноголовые попы» [1]) наполнили всѣ норы;
А мои молодцы дымомъ ихъ всѣхъ задушили.

Если я, въ подтвержденіе своихъ замѣчаній о присутствіи разсматриваемой особенности въ худавендгярскомъ нарѣчіи, приведу здѣсь слова: гям-нäр — удила, äрäн-нäр — храбрые, фäрман-нар — граматы, то будетъ исчерпанъ весь запасъ данныхъ, доставляемыхъ для доказательства моего положенія дэстанами. Между тѣмъ караманскія пѣсни, кромѣ фактовъ уже предъявленныхъ, представляютъ еще слѣдующіе: гӥрдан-нäр — шеи, ḳадын-нар — госпожи, женщины, яран-нäр — друзья, яран-нӥкь — дружеская бесѣда, нӥшан-ны — обрученная, ый, бӥльмäдыӊ-ӊы — развѣ ты не зналъ, вäрмäяӊаӊ-ӊы — развѣ ты не дашь и др.

Этимъ количественнымъ сопоставленіемъ фактовъ я хотѣлъ сказать, что настоящая отличительная отъ константинопольскаго

---

[1]) Эпитетъ: «черноголовый (кара-баш)», явившійся въ слѣдствіе головнаго убора восточнаго духовенства, до такой степени употребителенъ въ живой рѣчи, что не рѣдко можно слышать и отъ тамошнихъ христіянъ, которые замѣняютъ имъ часто слово «папас» — священникъ, откуда, вѣроятно, произошло наше простонародное: «попъ».

нарѣчія сторона обособленія малоазійскихъ діалектовъ караманскому говору свойственна болѣе, чѣмъ худавендгярскому, — обстоятельство, обусловливаемое и близкимъ сосѣдствомъ Караманіи съ Адербиджаномъ.

Но, убѣдившись въ переходѣ «приставочнаго» *л* въ *н*, когда оно слѣдуетъ за послѣдней буквой, нельзя оставить безъ вниманія невольно возникающаго вопроса: «случается-ли этотъ переходъ въ коренныхъ словахъ и при другихъ условіяхъ?» Ибо въ противномъ случаѣ онъ былъ бы только соблюденіемъ до нѣкоторой степени правилъ гармоніи въ звукахъ, чего въ извѣстной долѣ не лишена турецко-малоазійская рѣчь. Между тѣмъ какъ появленіе такого-же перехода въ корняхъ словъ, и при условіяхъ, не входящихъ въ разрядъ представленныхъ, не позволитъ ограничиться подобнымъ объясненіемъ и заставитъ искать его происхожденіе глубже, въ причинахъ этнографическихъ, и именно: въ вліяніи на мѣстную рѣчь адербиджанскаго элемента, — чѣмъ мы и открыли свое изслѣдованіе объ этой карамано-худавендгярской оригинальности. Отвѣтъ въ данномъ случаѣ хотя не можетъ быть отрицательнымъ, но не богатъ фактами; такъ какъ изъ коренныхъ словъ, въ которыхъ обнаружилось это-же свойство, и притомъ послѣ буквы *м*, мнѣ удалось подмѣтить только два. Изъ нихъ одно — тюркскаго корня, другое же — арабское. Слова эти: гойнäкь — рубашка, вѣроятно, звучавшее сначала: гомнäкь вмѣсто константинопольскаго: гёмлекь и хам-н-а — нападеніе вмѣсто хэмле.

Другой случай замѣщенія буквъ обнаруживается на переходѣ *р* въ *л*. Особенность эта, свойственная обоимъ составившимъ предметъ нашего изслѣдованія діалектамъ Малой Азіи, особенно сильно затронула слова иноземныя и характеризуетъ только нѣкоторыя изъ словъ тюркскаго корня. Кромѣ того въ худавендгярскомъ діалектѣ ей подверглась и герундійная форма на pak, päk. Вотъ отрывокъ изъ эпической пѣсни про разбойника Ялабука, гдѣ читатель найдетъ примѣры измѣненія грамматическаго *р* на *л*:

Даҕдан салланалак гäлӣр Ялабук	داغدن صاللنەلق كلور يلابوق
Пучак äлӣндä парлаялак гялӣр Ялабук	پچاق النده پارلیەلق كلور يلابوق
Тушманы гöрунца ягланалак гялӣр Ялабук	دشمانی كورنجه ياغلنەلق كلور يلابوق

Сходитъ Ялабукъ съ горы, переваливаясь;
Идетъ онъ и въ рукѣ его ножъ блеститъ....
Когда Ялабукъ завидитъ врага, на встрѣчу идетъ къ нему, жиромъ сталь помазывая.

Что измѣненіе герундійнаго *р* на *л* не есть явленіе, случайно попавшее въ дэстанъ про Ялабука, но сопровождаетъ тюркскую рѣчь въ Худавендгярѣ ежедневно, могутъ служить доказательствомъ и слѣдующія записанныя мной на мѣстѣ фразы: äснäjä*лäкъ* мярдӣвяндäн ашаҕа äндӣ — онъ, зѣвая, сошелъ съ лѣстницы; чаба*лалак*, чаба*лалак* ҕаныны курталды — онъ спасся, долго барахтаясь.

Изъ тюркскихъ словъ, которые въ худавендгярскомъ нарѣчіи подверглись такой же перемѣнѣ, мнѣ извѣстны: кӯплӯ — мостъ и культармак — спасать; а изъ иностранныхъ я могу указать сäльвäр — военачальникъ, вмѣсто сэрвэр и тӯльбä — могильный склепъ, мавзолей, вмѣсто тӯрбэ.

Караманскій діалектъ, сохраняя *р* въ упомянутой герундійной формѣ, въ произношеніи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ гармонируетъ съ худавендгярскимъ нарѣчіемъ, какъ то видно въ слѣдующемъ стихѣ, взятомъ мной изъ конійской пѣсни про Ахмеда, убитаго своими товарищами:

Аллах бӣзы ӣфтырадан культура	الله بزی افترادن قورترا

Да избавитъ насъ Богъ отъ навѣтовъ!...

То же явленіе замѣчается и во многихъ иностранныхъ словахъ, употребляемыхъ жителями Караманіи: täшяккуль — бла

годареніе — звучитъ здѣсь вмѣсто тэшеккӯр, мяльhям — мазь — вмѣсто мэрhем, kалянфыль — гвоздика вмѣсто карэнфиль; бяльгӯзар — сувениръ вм. бэргюзар и др.

Какъ въ изслѣдованіи особенностей, обличающихъ сравнительную «твердость» карамано-худавендгярскихъ согласныхъ буквъ, должно было указать на нѣсколько явленій, принадлежащихъ только иноземнымъ словамъ: такъ и здѣсь (въ анализѣ замѣщенія однѣхъ буквъ другими безъ тенденціи отверживать звуки) мнѣ осталось еще разсмотрѣть тѣ изъ данныхъ, которыя обнимаютъ слова не тюркскаго корня.

Въ этомъ отношеніи интересно замѣщеніе иностраннаго *с* буквою *з*. *З*äдäф — перламутръ во всѣхъ слояхъ карямано-худавендгярскаго общества замѣнило собою правильное садэф. Также звучатъ въ простонародной рѣчи: *з*äвда — меланхолія вм. сэвда, *з*ӯмбӯль — гіацинтъ вм. сӯнбӯль, *З*аля или *З*алыхä (женское имя) вм. Салихэ; *з*äбäб — причина вм. сэбэб.

Зная, что буква *с* вошла въ составъ многихъ тюркскихъ корней, а, стало быть, произношеніе ея не можетъ затруднять жителя Малой Азіи, мы единственную хоть сколько нибудь разумную причину показаннаго замѣщенія можемъ видѣть только въ желаніи освоить пришлый матерьялъ.

Однако же не одна только послѣдняя тенденція обнаруживается въ взаимномъ переходѣ «губныхъ буквъ».

И въ данномъ случаѣ не новость въ наукѣ измѣненіе иностраннаго *в* на *ф* въ карамано-худавендгярскихъ словахъ: äх*ф*ал обстоятельства, *ф*ӯцӯд — особа, бытіе; kаса*ф*äт — огорченіе и т. п. вмѣсто арабскихъ: احوال-وجود-قساوت, которые звучатъ въ Константинополѣ: äхваль, вюцӯд, касаветъ. Переходъ этотъ совершается по тому же закону тюркской фонетики, который и въ самой столицѣ Турецкой имперіи допустилъ употребленіе увак мелкій, рядомъ съ уфак.

Точно также мало интереса для наблюдателя представляетъ и стремленіе жителей Караманіи и Худавендгяра произносить ино-

странное *н*, какъ *м*, что мы видимъ въ словахъ: *м*ӹзам — военная служба, вмѣсто низам — уставъ (въ Константинополѣ); *м*уска и *м*оска — записка, нашептанная человѣкомъ праведной жизни: дервишемъ, муллой и т. п. амулетъ — вм. нӯсхе — копія, списокъ съ книги; зу*м*буль — гіацинтъ вм. сӯнбӯль и др. Я сказалъ выше, что эта особенность мало интересна для наблюдателя и сказалъ оттого, что слишкомъ близкая, родственная связь звуковъ *м* и *н* въ силахъ дать, какъ будто, извѣстную долю правды предположенію о безсознательномъ выговорѣ простого народа. Но такой взглядъ, оставаясь на почвѣ германскихъ лингвистовъ, не обнимаетъ еще вопроса со всѣхъ сторонъ. И въ пользу послѣдняго предположенія доказательствомъ отчасти служитъ разница въ значеніи словъ: муска и нӯсхе.

Совершенно другую характеристическую черту караманскаго и худавендгярскаго діалектовъ представляетъ замѣна начальнаго *б* на *м*. Сюда принадлежатъ: употребительное во всѣхъ классахъ малоазійскаго общества *м*ӓнӓфшӓ — фіялка вмѣсто бэнэфше, и простонародныя: *м*аhана — предлогъ вм. бэhāнэ и маз*м*ата — протоколъ, постановленіе вм. мазбата.

Вѣдь «буква *б*, какъ начальная», по справедливому замѣчанію Шотта, въ «османо-турецкомъ языкѣ господствуетъ» [1]). И это обстоятельство, какъ мнѣ кажется, составляетъ одно изъ его существенныхъ фонетическихъ отличій отъ «сѣверныхъ и восточныхъ» тюркскихъ нарѣчій, въ которыхъ вмѣсто *б* тутъ стоитъ *м*. Такая разница представляется между

османо-турецкими	и	татарскими:
*б*уюн — шея		*м*уюн
*б*уз — ледъ		*м*уз
*б*ыик — усы		*м*ыик
*б*урун — носъ		*м*урун
*б*унда — здѣсь, сюда		*м*унда и *м*ундаҕ и т. д.

[1]) См. Versuch über die tatarischen Sprachen von Dr. Wilhelm Schott. Berlin. 1836. S. 30.

Но слова, представленныя подъ рубрикою османо-турецкихъ, звучатъ и въ карамано-худавендгярскомъ говорѣ также, какъ въ Константинополѣ. Значитъ, не можетъ быть рѣчи о сопоставленіи ихъ съ соотвѣтственными татарскими словами. При всемъ этомъ, сходство между малоазійско-турецкими: мянäфшä — фіялка, kалянфыль — гвоздика и татарскими: миляуша (ميلاوشا) и kаленфер (قلنفر) не есть случайное. И такимъ образомъ, сопоставляя это явленіе съ другими выше показанными фактами, гдѣ караманскій и худавендгярскій діалекты соприкасаются съ татарскими нарѣчіями, по неволѣ приходишь къ убѣжденію, что здѣсь еще сильно чувствуются элементы «сѣверныхъ» тюркскихъ діалектовъ.

Къ такимъ же не лишеннымъ этнографическаго значенія уклоненіямъ принадлежитъ и переходъ въ иностранныхъ словахъ мягкихъ гортанныхъ: *h* и *x* въ *ф*. Кўhейлян — арабская гнѣдая лошадь — въ Караманіи и Худавендгярѣ произносится ку*ф*яйлян, тэвхид — исповѣданіе Бога въ одномъ лицѣ, какъ признаютъ магометане съ евреями — тау*ф*ид; сульх — миръ, примиреніе — сул*ф*.

Отсутствіе въ большинствѣ тюркскихъ нарѣчій звука *h* и слабое участье, какое приняло въ составленіи корней мягкое *x*, дѣлаютъ вполнѣ понятнымъ не только переходъ буквъ *h* и *x* въ *ф*, звукъ болѣе сродный турецкому языку, но и выбрасыванье упомянутыхъ буквъ, чѣмъ мы должны начать изслѣдованье 3-ей особенности въ карамано-худавендгярскихъ согласныхъ буквахъ.

3) *Выбрасыванье однѣхъ буквъ, что идетъ съ противоположнымъ явленіемъ относительно нѣкоторыхъ другихъ согласныхъ звуковъ.*

Отчужденіе малоазійцевъ отъ вышеупомянутыхъ гортанныхъ буквъ столь сильно, что они не прочь выбрасывать ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это возможно эфонически и лексически, то есть,

когда при отбрасываньи не происходитъ какофоніи и не смѣшиваются два слова разнаго значенія. Такъ выговариваются въ обоихъ разсматриваемыхъ мной діалектахъ Малой Азіи: мапус — посаженный въ тюрьму вм. мэхбус; фät — завоеваніе вм. константинопольскаго фетїх; мäд — похвала, хваленье вм. мэдї и др. Но слово сульх — миръ, какъ мы видѣли выше, принял турецко-малоазійскій характеръ на совершенно иныхъ началахъ. И это случилось, по моему крайнему разумѣнію, оттого, что оно отбросивъ конечное *х*, смѣшалось бы въ выговорѣ съ тюркским сул — лѣвый.

Какъ нельзя еще утверждать, что татарскимъ характером отмѣчена особенность, о которой мы только-что говорили; так остается покуда открытымъ и вопросъ: «выпаденіе *гайнъ* (غ) слѣдуетъ-ли считать принадлежностью такъ называемаго турецкаг языка или татарскаго?» Не смотря на наклонность г. Шотта, п видимому, къ послѣднему предположенію, я позволяю себѣ н принимать мнѣнія этого замѣчательнаго германскаго изслѣдова теля оттого, что и турецкій языкъ не лишенъ этого же свойства Такимъ образомъ «башкирское», по мнѣнію автора Versuch «улян»[1])—мальчикъ, малый употребительно въ Караманіи вмѣст оҕлан, какъ это слово звучитъ въ Худавендгярѣ и Константи нополѣ; въ караманскомъ же нарѣчіи находится чырмаḳ — звать, кричать вмѣсто чаҕырмаḳ. Съ другой стороны тура вм туҕра — вензелевое изображеніе въ монограммѣ имени и ти тула султана свойственно одинаково и караманскому діалекту, худавендгярскому. Положимъ, что эти факты, находясь въ ту рецкомъ языкѣ рядомъ съ сыҕыр — рогатый скотъ вмѣст восточно-тюркскаго сыр, еще не позволяютъ принять противоположное мнѣніе; ибо они могутъ показывать не иное что, как вліяніе восточно-тюркскаго элемента на турецкую рѣчь. Оттого-то мнѣ и остается только сказать: къ какому-бы источнику, как исключительную его принадлежность, не отнесли выбрасыванья

---

[1]) См. Versuch über die tatarischen Sprachen S. 32.

буквы ج, здѣсь для насъ важно то, что караманскій діалектъ сравнительно съ худавенгярскимъ представляетъ въ бо́льшемъ количествѣ и болѣе рѣзкія данныя, которыя могутъ сообщить въ извѣстной мѣрѣ достовѣрность мнѣнію объ естественности разсмотрѣнной особенности и въ турецкомъ языкѣ. А это обстоятельство не можетъ оставаться безъ вліянія на различіе между обоими упомянутыми малоазійскими нарѣчіями, слѣдить за взаимнымъ отличіемъ которыхъ по неволѣ вмѣстѣ со мной долженъ и читатель.

Но граница, проведенная такимъ образомъ между караманскимъ и худавендгярскимъ нарѣчіями, снова сливается въ общей имъ обоимъ подставкѣ звука *н* передъ шипящими буквами нѣкоторыхъ тюркскихъ и иностранныхъ словъ и передъ *т* въ словахъ только послѣдняго рода. Кылыц — сабля въ Караманіи и Худавендгярѣ звучитъ кылы-н-ц; суч — преступленіе — су-н-ч; мэцлис — засѣданіе, меджлисъ (то есть: комисія, составленная изъ мусульманъ и христіанъ и имѣющая совѣщательный голосъ въ распоряженіяхъ областныхъ правителей) въ обоихъ только-что названныхъ областяхъ Малой Азіи произносится: мä-н-цлис; фӱрсет — удобный случай — фырса-н-т и т. п.

Другою общею нарѣчіямъ Худавендгяра и Караманіи особенностью, входящею въ разсматриваемый теперь принципъ согласныхъ буквъ, должно считать то, что въ иностранныхъ словахъ передъ начальными *л* и *р* ставится гласный звукъ *ы* или *у*. Послѣдній бываетъ только тогда, когда онъ гармонируетъ съ гласной перваго слога. Это свойство — подставлять передъ упомянутыми согласными гласный звукъ — не только по своему проявленію, но и по отношенію къ условіямъ тюркской фонетики, распадается на два уклоненія, объясняемыя разными причинами. Такимъ образомъ подставленіе гласной передъ начальнымъ *л*, находимое въ словахъ: ӹ-лязым — необходимый вм. лязым; ӹ-ляӹк — приличный вм. ляик; ӹ-ляһана — капуста вм. ляһана; ӹ-ляш — трупъ вм. ляш и др. — не можетъ имѣть иного объясненія кромѣ того, которое я позволилъ себѣ дать при указаніи на переходъ иностраннаго *с*

въ *з*[1]). И что оно весьма не далеко отъ истины, доказательствомъ служатъ цѣлые столбцы тюркскихъ словъ, начинающихся съ буквы *л*. Чтобы убѣдиться въ правдѣ послѣдняго, стоитъ только обратиться къ любому турецкому или татарскому словарю.

На началахъ болѣе широкихъ и, такъ сказать, необходимыхъ для тюркскихъ произносительныхъ органовъ покоится другая половина разсматриваемой оригинальности. Но положеніе этого вопроса въ наукѣ, особенно западно-европейской, столь важно, что, при изложеніи особенностей въ карамано-худавенгярскихъ согласныхъ буквахъ, мы отводимъ для него отдѣльную рубрику. Въ ней должна быть разсмотрѣна «четвертая сторона обособленія упомянутыхъ буквъ». Она состоитъ въ томъ, что

4) *Караманское и худавендгярское нарѣчія сохранили отчужденіе*, если можно такъ выразиться, *отъ тѣхъ звуковъ, которые не сродны большинству тюркскихъ діалектовъ другихъ странъ.*

Въ изслѣдованіи подвергнутыхъ анализу отличительныхъ свойствъ карамано-худавендгярской рѣчи время отъ времени уже давалъ себя чувствовать только что формулированный ея фонетическій принципъ. Доказательства этаго можно найдти въ тѣхъ подраздѣленіяхъ настоящаго отдѣла, которыя имѣли предметомъ показать: сравнительную твердость согласныхъ въ караманскомъ и худавендгярскомъ діалектахъ и стремленіе этихъ нарѣчій измѣнять одни константинопольскіе звуки на другіе безъ тенденціи къ отверживанью. Но ни въ одномъ изъ указанныхъ явленій подобнаго рода принципъ фонетической стойкости не проявился съ такимъ упорствомъ, съ такой ревностью сберечь свои національныя черты въ языкѣ, какія громко о себѣ говорятъ въ неуклонномъ преслѣдованьи пришлаго матерьяла особенностью, о которой идетъ

---

[1]) Въ изслѣдованіи «О взаимномъ замѣщеніи согласныхъ буквъ одного и того-же органа» см. разсужденіе о переходѣ въ иностранныхъ словахъ буквы *с* въ *з*. Стр. 54.

рѣчь. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что отсутствіе въ тюркскихъ корняхъ буквы *р*, какъ начальной, принадлежитъ, какъ мнѣ кажется, къ числу такихъ свойствъ, которыми «татарскіе», по выраженію Шотта, «языки» отличаются не только отъ флективныхъ и симитическихъ, но и финскихъ. Правда, что г. Шоттъ, считая эту особенность свойственною монгольскому и манджурскому языкамъ, отвергаетъ ее въ тюркскихъ діалектахъ. «Ибо тюрки», по мнѣнію этого ученаго, «принявъ исламъ, вмѣстѣ съ нимъ допустили въ свой языкъ много арабскихъ и персидскихъ словъ, начинающихся съ буквы *р*, и, слѣдовательно, по необходимости, должны были привыкнуть и къ ея выговору, когда она начинаетъ слово» [1]). Такими, вѣрнѣе: почти такими соображеніями авторъ Versuch подкрѣпляетъ свое положеніе. Но дѣло въ томъ, что органическая жизнь, безъ которой не мыслима субстанція языка, не такъ слаба, чтобы могла уступить одному религіозному вліянію, при извѣстной обстановкѣ, только скользящему по народной жизни. И замѣчаніе почтеннаго германскаго оріенталиста является справедливымъ только относительно константинопольскихъ тюрковъ, этого выродка между своими соплеменниками; «педераста», по турецкому же выраженію, не знающаго, куда наклониться, на какое вліяніе ему опереться, и то, нагло выхваляясь распущенностью публичной женщины, выдѣляющаго себя изъ обширной тюркской семьи поговорками въ родѣ: «бен тӱрк дэилемь!» — «Je ne suis pas Turc!» то съ безразсудной хвастливостью юноши-мота «выдающаго себя за представителя и главу» [2]) тѣхъ, отъ кого онъ такъ опрометчиво

---

[1]) См. Versuch über die tatarischen Sprachen S. 28.

[2]) Послѣднее сказано мной по поводу заявленій константинопольской газеты: «Терджумани-äхваль» (Истолкователь событій) о томъ участіи, какое могло имѣть константинопольское правительство въ дѣлѣ освобожденія изъ бухарскаго плѣна извѣстныхъ итальянскихъ путешественниковъ. Такимъ же направленіемъ проникнуто много и другихъ статей упомянутой газеты, наприм. по поводу переименованія офиціальнаго турецкаго органа «Journal de Constantinople» въ «Turquie». А такъ какъ газета «Тэрджумани-äхваль» издавалась *Директоромъ турецкихъ почтъ*, Огёхъ-эфенди, то мы, не боясь ошибиться,

отказался. Что же касается до другихъ тюркскихъ нарѣчій, то вотъ уже нѣсколько столѣтій, какъ племена, говорящія на нихъ, приняли исламъ, а съ нимъ, правда, много и словъ, начинающихся съ буквы *р*, при всемъ этомъ отчужденіе отъ этой буквы, когда она начальная, все еще въ первобытной свѣжести. По крайней мѣрѣ русско-татарскія: у-руза—постъ вмѣсто персидскаго рузэ; у-рус — русскій и др. идутъ въ параллель съ монгольско-манджурскимъ «o-rosz», на которомъ, по видимому, г. Шоттъ основалъ свое мнѣніе о томъ «затрудненіи, какое дѣлаетъ этотъ звукъ Монголамъ и Манджурамъ»[1]). И что это отчужденіе также свѣже и въ разсматриваемыхъ діалектахъ Малой Азіи, доказательствомъ служатъ слѣдующія карамано-худавендгярскія слова: у-рузгяр—вѣтеръ вм. рузгяр; у-рускат — позволеніе вмѣсто рухсэт; ӹ-рахт — сбруя вм. рэхт; ӹ-раф — полка вм. раф; ӹ-рза—соизволеніе вм. риза; ӹ-рца — просьба вм. рэца; ӹ-рändä — рубавокъ вм. рэндэ; ӹ-рьяхан мускусъ, базилика вм. рэйхан; у-рья — сонъ, сновидѣніе вм. руя; ӹ-рäчяль — варенье, приготовляемое изъ фруктовъ или нѣкоторыхъ огородныхъ овощей и патоки, вмѣсто рэчель и др.

Да не подумаетъ читатель, что авторъ настоящаго труда уже не разъ замѣченнымъ упоромъ малоазійскихъ діалектовъ противъ посторонняго вліянія хотѣлъ выставить ихъ достоинство, ихъ болѣе высокое назначеніе сравнительно съ константинопольскимъ нарѣчіемъ. Отнюдь нѣтъ; тѣмъ болѣе что, захватывая этотъ интересный вопросъ, какъ выходящій изъ границъ лингвистической работы, только въ скользь, я уже опредѣленно о немъ высказался въ разсужденіи о твердости карамано-худавендгярскихъ согласныхъ буквъ. Здѣсь же могу только напомнить, что константинопольское нарѣчіе ничто иное, какъ дальнѣйшее развитіе малоазійскихъ діалектовъ, ихъ усовершенствованіе, результатъ,

---

должны принимать ея мнѣнія, по меньшей мѣрѣ, за такія, какія вращались въ константинопольской чиновничьей средѣ, почти единственномъ представителѣ тюркскаго нарѣчія, извѣстнаго подъ именемъ «константинопольскаго».

[1]) См. Versuch über die tatarischen Sprachen S. 28.

который до селѣ выработанъ обще-тюркскою рѣчью. Вотъ все, что я позволяю себѣ прибавить въ заключеніе своихъ соображеній о подставкѣ гласной передъ начальнымъ *р* иностранныхъ словъ, предоставляя однако читателю самому дѣлать окончательные выводы изъ предлагаемыхъ мной лингвистическихъ данныхъ.

5) *О перестановкѣ согласныхъ буквъ.*

Послѣдняя подмѣченная мной особенность караманскаго и худавендгярскаго нарѣчій относительно выговора въ нихъ согласныхъ буквъ состоитъ въ томъ, что здѣсь перестановляются не только отдѣльныя буквы, но и цѣлые слоги. Свойство это, по замѣчанію г. Березина, принадлежитъ адербиджанскому діалекту [1]). Въ упомянутыхъ нарѣчіяхъ Малой Азіи оно особенно сильно затронуло опять таки иноземныя слова и захватило только нѣкоторыя изъ словъ тюркскаго корня. При этомъ, хотя и настоящій законъ остается для обоихъ нарѣчій общимъ, но исключительность употребленія данныхъ только въ извѣстной мѣстности устанавливаетъ въ говорѣ то различіе, на основаніи котораго онъ распадается на два діалекта. Такимъ образомъ только въ Худавендгярѣ рядомъ съ сора вмѣсто сонра — послѣ — можно слышать сорна, а также и ҫыlбаk — нагой вмѣсто чиблаk. Въ Караманіи приведенныя два слова выговариваются правильно; но съ другой стороны, произносимыя въ Худавендгярѣ по константинопольски: пачавра — тряпка, пäрваз — карнизъ въ Караманіи звучатъ: пачарва, пäвраз. Такое же отношеніе между обоими упомянутыми областями Малой Азіи замѣтно и въ распредѣленіи слѣдующихъ иноземныхъ словъ, которыя подверглись перестановкѣ согласныхъ буквъ: тахна — захолустье вм. тэнhà — одинъ, одинокій; дäврыш — дервишъ вм. дэрвишь; порьяз — сѣверный вѣтеръ вм. пойраз; äрбышым — шелкъ вм. эбришим; кысля — церковь вм. клысä или кэлисэ; пäрянҫя — окно вмѣсто

---

[1]) Recherches sur les dialectes musulmans (E. Bérésine). P. 64. См. Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета за 1849 г.

пэнцерэ; каынца — по богатому, какъ богатый, много вмѣсто каныцä (ҕанице); дäйра — море, открытое море вм. дэрья; äждähра — драконъ вм. эждэрhа; урускат — позволеніе вм. руҳсэт; кявран — караванъ вм. кярвäн и др.

Указанною особенностью въ согласныхъ буквахъ я исчерпалъ всѣ фонетическія свойства, которыми караманское и худавендгярское нарѣчія отличились какъ отъ константинопольскаго діалекта, такъ и одинъ отъ другаго.

И хотя въ послѣднемъ отношеніи мои изысканія, по видимому, не приводятъ къ желаемому результату, такъ какъ многіе факты оказались общими этимъ обоимъ малоазійскимъ идіомамъ, и, стало быть, границы, ихъ раздѣляющія, часто уничтожаются. Но, при всемъ этомъ, оттѣнокъ діалектическаго между ними различія время отъ времени давалъ себя чувствовать довольно явственно:

> «Болѣе цѣлостное произношеніе въ Караманіи «глухаго *н*»; усиленная гуттуральность кафъ и гяфъ, произношеніе *ч* какъ *ш*; особенности въ выговорѣ герундійнаго *а* (*ä*) и буквы *э*, когда она гласная, соединясь съ присутствіемъ только въ извѣстной мѣстности много другихъ лингвистическихъ данныхъ», о которыхъ, безъ сомнѣнья, помнитъ читатель, —

вотъ свойства, которыя столь существенно отличаютъ караманскую рѣчь отъ худавендгярской, что принимать ихъ за одинъ діалектъ было бы научнымъ абсурбомъ. И если сличимъ оба разсматриваемыя нарѣчія между собою, то нельзя не прійдти къ убѣжденію, что діалектъ Худавендгяра, по своей сравнительной мягкости, служитъ необходимымъ звѣномъ, связывающимъ столичный говоръ съ рѣчью другихъ болѣе отдаленныхъ малоазійскихъ провинцій.

Такой выводъ, основанный на характерѣ звуковыхъ отличій, подтвердится и грамматическими уклоненіями, къ анализу которыхъ я теперь перехожу.

ОТДѢЛЪ II.

Грамматическія особенности караманскаго и худавендгярскаго нарѣчій.

Самое вѣрное и точное мѣрило для разпознаванія взаимнаго отношенія языковъ, а равно и діалектовъ — ихъ грамматика, или вѣрнѣе: ея сущность, то есть, склоненіе и спряженіе. Только строгій анализъ послѣднихъ увѣнчалъ успѣхомъ труды ученыхъ, посвятившихъ свою дѣятельность лингвистическимъ изслѣдованіямъ. Но если сравнительная филологія достигла съ этой стороны до значительнаго количества научныхъ результатовъ, — во всякомъ случаѣ философское мышленіе играло тутъ бо̀льшую рѣчь, чѣмъ то обусловливается наукой, имѣщей полное право стоять въ ряду «точныхъ» знаній человѣка. И что сказанное не лишено правды, лучшимъ доказательствомъ служитъ: «слабое знакомство съ діалектами», въ чемъ сознается столь добросовѣстный дѣятель, каковъ г. Шоттъ. Оттого то посильнымъ изслѣдованіемъ, имѣя въ виду увеличить запасъ научныхъ пріобрѣтеній для будущихъ философскихъ работъ въ «наукѣ объ языкѣ», я вовсе не имѣю притензіи примкнуть къ тому или другому ученому лагерю, раздѣляющему тюркологовъ хоть бы по поводу теоріи о происхожденіи падежныхъ тюркскихъ приставокъ. А за тѣмъ, для меня безразлична и *мѣстоименная*, по видимому, теорія г. Бетлинга, «который усиливается систему тюркскихъ склоненій под-

вести подъ норму флективныхъ языковъ» [1]); не болѣе значені въ моемъ изслѣдованіи могутъ имѣть и смѣлыя предположені г. Шотта, который «приставки дательнаго, творительнаго и мѣстительнаго падежей отводитъ къ корню *дур* (стоять) а происхожденіе родительнаго ищетъ въ постпозитивной манджурской частицѣ *ningge* [2]).

Нѣсколько иначе я позволю себѣ отнестись къ вопросу: «есть ли въ тюркскихъ діалектахъ падежи? вопросу, разрѣшаемому отрицательно г. Редузомъ. Хотя сочиненіе этого лингвиста: «Grammaire raisonnée de la langue ottomane» доселѣ остается лучшимъ изслѣдованіемъ о константинопольскомъ нарѣчіи, но и оно не лишено значительныхъ промаховъ, между которыми теорія о значеніи падежныхъ приставковъ занимаетъ довольно видное мѣсто. Ибо, отводя всѣ приставки въ разрядъ послѣлоговъ, стало быть, представляя ихъ значеніе конкретно, авторъ «Критической грамматики оттоманскаго языка» отвлеченными опредѣленіями, напримѣръ частицы لَ, выдаваемой имъ также за послѣлогъ, вѣрнѣе: «за предлогъ (préposition)» [3]), противорѣчитъ основнымъ своимъ тенденціямъ. Не могло иначе и быть: такъ какъ мудрено и устоять на такой почвѣ, на какой вздумалось г. Редузу основать свою теорію.

И въ самомъ дѣлѣ, что такое склоненіе, какъ не указаніе отношеній между предметами? А за тѣмъ, проводникъ этого указанія, способъ выраженія падежей можетъ быть различный и зависитъ отъ совершенно другихъ условій. И такъ какъ каждый языкъ сначала не имѣлъ ничего абстрактнаго, то мы должны признать существованіе падежей даже въ односложныхъ языкахъ, хотя бы большая часть этихъ падежей выражалась частицами,

---

[1]) См. Введеніе (Einleitung) въ сочиненіи Бетлинга: Ueber die Sprache der Jakuten. St. Petersburg. 1851.

[2]) Въ соч. Шотта Versuch über die tatar. Sprachen см. главу: Выраженіе множественнаго числа и отношеній падежа. (Ausdruck des Plurals und der Casus-Verhältnisse).

[3]) Grammaire raisonnée de la langue ottomane par James V. Redhouse. Chapitre sixième. Des prépositions. p. 155—156.

еще имѣющими самостоятельное значеніе, какъ это есть, напримѣръ въ китайскомъ языкѣ [1]). Тѣмъ менѣе возможно отвергать существованіе склоненія въ тюркскихъ діалектахъ, гдѣ большинство приставокъ съ незапамятныхъ временъ потеряло свое самостоятельное значеніе.

Объ особенностяхъ въ склоненіи.

Отъ общаго взгляда на значеніе тюркскихъ приставокъ въ связи съ теоріей склоненія вообще, я обращаюсь къ ближайшей цѣли моего труда, именно къ указанію отличій карамано-худавендгярскаго склоненія.

Должно сказать, что въ этомъ отношеніи мое изслѣдованіе не оправдаетъ, быть можетъ, ожиданій читателя. Ибо, кромѣ особенностей, вытекающихъ изъ фонетическихъ условій, только караманское нарѣчіе представляетъ оригинальность, отличившую его отъ константинопольскаго діалекта. Эта оригинальность состоитъ въ томъ, что послѣ словъ, оканчивающихся на гласную букву, въ винительномъ падежѣ употребляется татарская приставка: *ны*, *нь*, которая характеризуетъ въ данномъ случаѣ и адербиджанское нарѣчіе [2]).

Указанная отличительная сторона караманскаго склоненія, постоянно сопровождая ежедневную рѣчь народа, встрѣчается и во многихъ памятникахъ лирической поэзіи. Такъ въ силлійской пѣснѣ про дѣвушку Салихэ поется:

Зäманä пуштундан кяндыны сакын زمانه پوشتندن كندونى صاقن

Берегись-же ты отъ педерастовъ нашего времени!

---

[1]) Такое мнѣніе я основалъ на фактахъ, представленныхъ въ сочиненіи Макса Мюллера: «Лекціи по наукѣ о языкѣ». С. Петербургъ. 1865 года. Стр. 83 — 84.

[2]) Существованіе этой особенности въ тюркской рѣчи Малоазійцевъ указано еще Казембекомъ. См. въ Общей грамматикѣ турецко-татарскаго языка. Изд. 2-е. Стр. 53.

Въ припѣвѣ къ одной изъ пѣсенъ, записанныхъ мной въ Нигдѣ, находимъ еще фактъ, подтверждающій то же явленіе.

Ӧртӯ-вӓр язма*ны* бойлӯ бojӯнца — اورتيوير يازمەنى بويلو بويجه

Бӓн сарамадым сарсын ыlляр дojӯнца — ن صارەمدم صارسون ايللر طويجه

Закройся же ты платкомъ во всю его длину;
Не могъ я тебя обнимать!?... такъ пусть-же до насыщенья цалуютъ другіе!...

Дэстаны, собранные въ Худавендгярѣ, не представляютъ ни одного примѣра, который показывалъ бы, что татарская приставка для обозначенія винительнаго падежа употребляется и въ худавендгярскомъ нарѣчіи, гдѣ всюду ее замѣняетъ константинопольская особенность, т. е. удлинненіе приставки, подставляемой послѣ словъ, оканчивающихся на согласную букву. И что отсутствіе въ худавендгярскихъ поэмахъ упомянутой формы нельзя относить только къ характеру ихъ изложенія, нельзя объяснять одной ихъ книжностью, которою, правда, онѣ сильно запечатлѣны, — доказательствомъ служитъ то, что въ эпической же пѣснѣ, записанной въ Коніи, мы все-таки встрѣчаемся съ винительн. падежемъ, оканчивающимся на *ны*, *ныӣ*. Примѣръ такого рода даетъ намъ дэстанъ, сложенный на смерть султана Махмуда 2-го.

Рабыня-поэтъ, Гюль-Изаръ, говоря отъ имени умирающаго, жалуется, какъ будто, и на свою судьбу, которая отнимаетъ у ней не владыку только, — хоть и знаетъ она, что этотъ умирающій въ минуту своего каприза не задумался-бы отправить ее въ мѣшкѣ въ волны Босфора:

Бӓ hӓй фялякь нӣ ыshын гяльдың яныма — بەهى فلك نه ايچون كلدك يانمه

Акыбӓт пӓнчӓ*ны* вурдуң цаныма — عاقبت پنجەنى اوردوك جانمه

О, небо! къ чему ты подошло ко мнѣ?
Когтями смерти ударило мою душу....

И въ самомъ дѣлѣ, какъ сильно не было бы вліяніе книжной литературы на произведеніи, ставшемъ въ Турціи достояніемъ народа, безграмотный разскащикъ не вольно, по привычкѣ къ ежедневному говору, при дикламаціи, вноситъ въ такое произведеніе извѣстную долю мѣстныхъ особенностей. Эти то соображенія, соединясь съ моими наблюденіями надъ ежедневною рѣчью въ Худавендгярѣ, заставляютъ меня отсутствіе въ дэстанахъ татарской приставки для обозначенія винительнаго падежа объяснять тѣмъ, что форма эта въ худавендгярскомъ нарѣчіи не употребляется.

О карамано-худавендгярскомъ спряженіи глаголовъ.

Отъ небогатаго оригинальными формами склоненія переходя къ указанію особенностей въ спряженіи, замѣчаемъ совершенно обратное явленіе. Ибо здѣсь мы видимъ цѣлый рядъ формъ, которыми караманское и худавендгярское нарѣчія отличаются не только отъ столичнаго діалекта, но и одинъ отъ другаго.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что карамано-худавендгярское спряженіе, если характеризовать его въ общихъ чертахъ, представитъ двоякаго рода особенности:

Однѣ, оставаясь общими обоимъ упомянутымъ малоазійскимъ діалектамъ, служатъ ихъ отличіемъ отъ константинопольской рѣчи.

Другія — устанавливаютъ взаимное различіе этихъ тюркскихъ нарѣчій.

Къ особенностямъ перваго рода принадлежатъ:

1) Фонетическое сгараніе нѣкоторыхъ формъ, что обнаруживается неполнотою ихъ приставокъ;

2) 2-е лице единственнаго числа какъ въ настоящемъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ временахъ обозначается не личнымъ мѣстоименіемъ (سن), что дѣлается въ бо́льшей части тюркскихъ

діалектовъ; а «притяжательнымъ соединеннымъ», то есть носовымъ звукомъ, который принято выражать въ мусульманскомъ шрифтѣ буквой ك, при этомъ:

3) во множественномъ числѣ это же лице въ большинствѣ соотвѣтственныхъ формъ принимаетъ سز вмѣсто константинопольскаго سكز, и только въ будущемъ времени остается соединенное притяжательное мѣстоименіе كز.

При этихъ чертахъ, общихъ, какъ уже сказано, обоимъ разсматриваемымъ нарѣчіямъ Малой Азіи караманскій діалектъ отличается отъ худавендгярскаго тѣмъ, что въ немъ, съ одной стороны, замѣчается:

бо́льшая цѣлостность нѣкоторыхъ формъ, чѣмъ доказывается сравнительная древность ихъ, а съ другой:

присутствіе такихъ татарскихъ и адербиджанскихъ приставокъ, которыя во 2-мъ діалектѣ или совсѣмъ не встрѣчаются, или употребляются весьма рѣдко.

Чтобы фактически подтвердить сдѣланный мной абрисъ карамано-худавендгярскаго спряженія, перехожу къ указанію по рознь каждой изъ его особенностей.

Отличіе настоящаго времени изъявит. наклоненія.

Между особенностями этого времени прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе наблюдателя 3-е лице единственнаго числа:

Въ Караманіи оно произносится съ прибавленіемъ къ константинопольской соотвѣтственной формѣ звуковъ: *ур*, *ўр* или *у*, *ў*. Такимъ образомъ, столичное: геліёр — онъ приходитъ (теперь), онъ идетъ въ Коніи звучитъ: гялӹјӧр-*ур* или гялӹјор-*у*; чикыёр — онъ всходитъ (теперь), онъ выходитъ (теперь) — чӹкыјӧр-*ур* или чӹкыјор-*у*. Впрочемъ послѣдняя форма (гялыјору чӹкыјору) болѣе употребительна въ худавендгярскомъ нарѣчіи.

Существованіе въ караманскомъ нарѣчіи первой изъ двухъ упомянутыхъ формъ можно подтвердить многими примѣрами изъ собранныхъ мной лирическихъ пѣсенъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Въ конійской пѣснѣ, сложенной въ память Ахмеда, убитаго своими товарищами, поэтъ, рисуя грустное состояніе Хуссейнова сына, говоритъ:

Тосун Ахмäд ҹурасы ыля гязы-ҹорур	طوسن احمد جوره‌سی ایله گزیورور
Ӱшь гӱн äввäль öляҹяҕыны бы-льҹорур	اوچ کون اوّل اوله‌جکنی بلیورور
Дост аҕлаюп душьманнары гӱ-лӱҹорур	دوست اغلایوب دوشمانناری گولیورور

За три дня впередъ, какъ будто, зная о своей смерти,
Жеребенокъ Ахмедъ гуляетъ съ свой джурою: [1])
Плачутъ по немъ друзья и усмѣхаются враги! [2])

Слѣдующіе два другіе стиха, въ которыхъ читатель найдетъ примѣры караманскаго 3-го лица единств. числа настоящаго вре-

---

[1]) Джура — инструментъ съ выпуклымъ корпусомъ и длинной ручкой. Своей структурой джура напоминаетъ нашу балалайку. На ней натянуты четыре металлическія струны и играютъ при помощи лопаточки изъ черешневой коры.

[2]) Поэтическая сторона послѣдняго стиха, какъ и его связь съ предъидущими, основана на недосказанности, которою особенно отличается турецкая лирическая поэзія. Недосказанность и неточность въ искусствѣ, не исчерпывая идеи во всемъ ея объемѣ, обыкновенно только раздражаютъ нервы. И это то особенно нравится восточному жителю, на котораго такое же вліяніе производитъ все окружающее. Но не въ натурѣ человѣка подобное состояніе. Оттого то, хотя не охотно турки объясняютъ свои стихи, но смыслъ ихъ и для сподвижниковъ Мухаммеда-аль-Фатыха является законченнымъ. Такимъ образомъ въ приведенныхъ стихахъ они вотъ что видятъ: «За три дня впередъ Ахмедъ предчувствуетъ свою смерть, оттого и взялъ онъ джуру; играетъ на ней и поетъ, въ послѣдній разъ гуляя по улицамъ деревни. Въ игрѣ и пѣніи Ахмеда такъ много грусти, что она передана и слушателямъ:

«Плачутъ по немъ друзья и (радостно) усмѣхаются враги!»

которые поняли изъ тоски своей жертвы, что они достигнутъ до своей цѣли.

мени, взяты мной изъ пѣсни, написанной по поводу послѣдняго сильнаго землетрясенія въ Бруссѣ:

Шу Бурсаныҥ чӧшмäлярӹ ҳарлаjорур	شو بروسه‌نك چشمه‌لری خارلایورور
Ҷаррах гяльмӹшь яräлярӹ баґлаjорур	جراح کلمش یاره‌لری باغلایورور

Журчатъ въ этой Бруссѣ фонтаны;
Пришелъ хирургъ и перевязываетъ раненыхъ [1]).

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для убѣжденія, что 3-е лице единственнаго числа настоящаго времени звучитъ въ Караманіи такъ, какъ было показано нѣсколько выше. Но откуда произошла эта форма? Есть ли она искаженіе столичной или на оборотъ: константинопольская имѣетъ въ ней свой первоначальный источникъ? Такъ какъ, по общеизвѣстному принципу лингвистовъ: «та грамматическая форма древнѣе, которая полнѣе выражена», — то мы, не колеблясь, соотвѣтственную столичную форму должны производить изъ караманской. При этомъ возникаетъ самъ собою вопросъ: откуда же взялась послѣдняя? Вѣдь древнѣйшіе тюркскіе діалекты, и именно: уйгурскій и джагатайскій, съ глагольными формами которыхъ можно сопоставлять «османское» время, извѣстное въ грамматикѣ г. Казем-Бека подъ именемъ «втораго настоящаго», для выраженія разныхъ оттѣнковъ упомянутаго времени не имѣютъ двухъ отдѣльныхъ формъ. Равнымъ образомъ нѣтъ двухъ формъ для обозначенія настоящаго времени и въ новыхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ, не исключая и адербиджанскаго съ крымскимъ, которыя

---

[1]) Знаніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ брусское землетрясеніе 1859 г. облегчаетъ понимать смыслъ этихъ двухъ стиховъ, не имѣющихъ между собой никакой связи и вполнѣ понятныхъ только мѣстному жителю, который извлекаетъ изъ нихъ слѣдующее: «количество раненыхъ повалившимися зданіями было такъ велико, что на улицѣ же подавали имъ первую помощь, при чемъ вода журчавшихъ фонтановъ служила и для обмыванья ихъ ранъ».

болѣе другихъ родственны съ господствующимъ языкомъ Оттоманской имперіи.

Изъ сказаннаго, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ: что, если кто нибудь захотѣлъ бы рѣшить вопросъ: откуда происходитъ караманское 3-е лице настоящаго времени, то было бы необходимо обратиться къ даннымъ, предлагаемымъ турецкимъ же языкомъ. И въ этомъ случаѣ вліяніе слова: вермек (ويرمك), способнаго, при другихъ глаголахъ, сообщать дѣйствію оттѣнокъ опредѣленности, которую мы находимъ въ константинопольскомъ настоящемъ времени и которая слышна въ выраженіяхъ: гӯлувермек — засмѣяться, япы-вермек — сдѣлать, а равно и звуковое совпаденіе рѣченій: гӯлӯ-верыр и япӹ-верыр съ караманскими: гӯлӯ-jорур и япы-jорур, хотя, по видимому, и приближаютъ къ разрѣшенію оттоманскаго сфинкса; но производство грамматическихъ приставокъ отъ выраженій, еще доселѣ въ языкѣ употребительныхъ, слишкомъ было бы натянуто, если выдавать его за истину. Оттого то я и могу здѣсь утверждать только то, что константинопольская приставка настоящаго времени есть искаженіе, дальнѣйшее развитіе караманской. И что послѣднее справедливо, въ этомъ убѣждаетъ насъ способность тюркскихъ и глагольныхъ формъ къ фонетическому сгаранію, что всего нагляднѣе обнаружилось на недостаточномъ вспомогательномъ глаголѣ:

Какъ ново-тюркское: дыр — онъ есть относится къ джагатайскому: дурур, такъ и константинопольское: гезӹёр — къ караманскому: гязыjорур.

А за тѣмъ, хотя въ собранныхъ мной памятникахъ малоазійской народной литературы и нѣтъ другой, упомянутой выше карамано-худавендгярской формы, болѣе употребительной, какъ уже сказано, въ Худавендгярѣ, чѣмъ въ Караманіи; но существованіе ея обусловливается постепенностью въ совершеніи акта. Такъ что худавендгярское: гялӹjору — онъ приходитъ (теперь), онъ идетъ является необходимой связью между обточеннымъ столичнымъ: геліёр и полнымъ караманскимъ: гялӹjорур.

Сопоставленіе этихъ трехъ, еще живыхъ, правда, тюркскихъ формъ въ силахъ доказать противникамъ лингвистическихъ изслѣдованій, что послѣднія, обращаясь къ анализу своихъ данныхъ, имѣютъ такіе же точные результаты, какими отличаются вообще естественныя науки, — если только изслѣдователь не увлекается своей фантазіей, которую, сознаемся, не прочь развивать чтеніе классическихъ писателей, особенно древнихъ.

Отъ этого вопроса времени, переходя къ предмету нашихъ изысканій, должно обратить вниманіе читателя на то обстоятельство, что въ обоихъ разсматриваемыхъ мной нарѣчіяхъ Малой Азіи во множественномъ числѣ упомянутая форма не отличается отъ константинопольской, и столичныя: геліерлер — они приходятъ теперь, они идутъ теперь (то есть, въ данный моментъ находятся въ дѣйствіи: «приходить») и язарляр — они пишутъ теперь (въ данный моментъ находятся въ дѣйствіи писанья) употребительны и въ Караманіи съ Худавендгяромъ, гдѣ они звучатъ: гялӹјорляр и языјорлар.

Второе лице единств. числа настоящаго времени въ худавендгярскомъ нарѣчіи отличается отъ той же формы константинопольскаго діалекта не только мѣстоименной приставкой, которая обозначена въ немъ «соединеннымъ притяжательнымъ мѣстоименіемъ» вмѣсто личнаго, но и тѣмъ, что въ говорѣ Худавендгяра выпадаетъ буква *р*, входящая въ составъ отличительной приставки настоящаго времени. Такимъ образомъ, äснäјоӣ — ты зѣваешь (теперь), чалыјоӣ — ты воруешь (теперь), ты играешь теперь (на инструментѣ) въ упомянутой провинціи звучатъ вмѣсто столичныхъ: эснэёр-сен, чалӹёр-сен.

Въ караманскомъ нарѣчіи хотя извѣстна и худавендгярская форма и хотя можно ежедневно слышать и въ Коніи выраженіе: «нä япыјоӣ? — что ты подѣлываешь?» выраженіе, которымъ, послѣ стереотипнаго мусульманскаго привѣтствія, любятъ начинать разговоръ жители Кутайи или Афьонъ-Карахисара; но въ бывшей

столицѣ Алаэддина, какъ и въ другихъ караманскихъ городахъ, 2-е лице ед. числа настоящаго времени не отбрасываетъ своей характеристической согласной буквы. Сходство-же этого лица съ худавендгярскимъ нарѣчіемъ относительно мѣстоименной приставки не можетъ не показывать слишкомъ близкую, кровную связь между этими обоими тюркскими діалектами.

Примѣры караманской формы, о которой было только что говорено, можно видѣть въ слѣдующихъ фразахъ: «Һяр гӱн уќујоруң — да нä олацак» — «Ты каждый день учишься, — что же будетъ изъ этого?» «Сäн шынцыкь явуз сöйлjорун ватаныца гäдышь яклашты-мы?» — «Ты теперь бойко говоришь... близко ли время твоего отъѣзда на родину?»

Объ обособленіи 2-го лица настоящаго времени во множественномъ числѣ уже было говорено, но, не желая отсылать читателя къ предшествовавшимъ страницамъ своего труда, я привожу здѣсь эту уже помянутую форму карамано-худавендгярскаго спряженія: ышлjор-сыз — вы работаете (теперь); отурујор-сыз — вы сидите теперь, звучатъ въ Караманіи и Худавендгярѣ вмѣсто константинопольскихъ: ишлеёр-сенӱз, отуруёр-сенӱз.

Вѣроятно, читатель уже замѣтилъ, что я, говоря объ особленіи 2-го лица настоящаго времени, не подкрѣплялъ своихъ указаній выписками изъ памятниковъ народной малоазійской литературы. Я долженъ былъ такъ поступить оттого, что ни дэстаны, ни лирическія пѣсни не представляютъ въ себѣ нужныхъ намъ примѣровъ. Уже было говорено о книжномъ характерѣ стиля въ первыхъ памятникахъ турецкой поэзіи. Что же касается до встрѣтившагося намъ пробѣла въ лирическихъ произведеніяхъ, то отсутствіе въ нихъ нужныхъ на этотъ разъ фактовъ происходитъ, вѣроятно, потому, что, при обращеніи къ другому лицу, не случилось надобности разграничить тотъ скрупулезный оттѣнокъ въ дѣйствіи, какой существуетъ между настоящимъ временемъ и аористомъ, когда послѣдній совпадаетъ съ нимъ по значенію. Что подобное объясненіе не лишено правды, доказательствомъ слу-

житъ употребленіе въ лирическихъ пѣсняхъ 3-го и 1-го лицъ настоящаго опредѣленнаго времени. Примѣры 3-го лица были приведены въ своемъ мѣстѣ. 1-е же лице караманскаго настоящаго времени мы находимъ въ конійской пѣснѣ «къ Аешѣ»:

Поэтъ, которому потребовалось точно опредѣлить моментъ дѣйствія, говоритъ:

Бäн гӹдыјом сäн фыґана башылама بن كديوم سن فغانه باشلامه

Я ухожу... не начинай же ты стона!...

Приведенный только-что фактъ показываетъ, что худавендгярское выбрасыванье изъ настоящаго времени отличительной согласной уже отозвалось и на караманскомъ нарѣчіи. И это явленіе тѣмъ болѣе знаменательно, что оно стоитъ здѣсь рядомъ съ цѣльными формами для обозначенія 2-го и 3-го лицъ единственнаго же числа; кромѣ того, оно заслуживаетъ вниманія еще и потому, что правильное 1-е лице ед. числа настоящаго времени въ народномъ говорѣ Караманіи и Худавендгяра совсѣмъ не встрѣчается. Впрочемъ худавендгярская соотвѣтственная форма все-таки отличилась отъ караманской по выговору мѣстоименной приставки, какъ уже сказано объ этомъ въ Введеніи къ моему изслѣдованію: ея носовое здѣсь произношеніе только, по смыслу рѣчи, позволяетъ отличить 1-е и 2-е лица этого времени: «Бу гӯн чӹф сӯрӯён̇, оныи ӹчӹн сана гяльмягä вактӹм јок» — «Я теперь пашу, оттого и нѣтъ времени прійдти къ тебѣ».

1-е лице множественн. числа въ худавендгярскомъ нарѣчіи личною приставкою сходится съ константинопольскимъ діалектомъ, но отличается отъ него тѣмъ, что, какъ и въ единственномъ числѣ, выбрасываетъ характеристическую согласную этого времени.

Употребленіе этой формы можно видѣть изъ слѣдующихъ фразъ:

«Бу гӯн дäрсӹмыз нäрдä ḳалды!... Хӯссäйн äфäндӹ ӹля

сäхрая вары*јоз*» — «Я иду съ Хуссейномъ эфенди въ поле[1]), такъ сегодняшній нашъ урокъ пропалъ»; «Баҕа чыкы*јоз* дä артык ышымызä дорҕун гяльды» — «Такъ какъ мы «выѣзжаемъ» теперь въ «виноградникъ», дѣло наше уже остановилось». Или: кутайскій жандармъ въ отвѣтъ на мое замѣчаніе о томъ, что сбились съ дороги, сказалъ: «шынцыкь сулу сäпян быр аз бракар да јол баллы олур». — «Сейчасъ дождь со снѣгомъ, вѣроятно, нѣсколько перестанетъ и мы распознаемъ дорогу», — а затѣмъ, видя мое безпокойство, прибавилъ: — «коркма! гяця калаҷаҕымыз кунаҕа доҕру гялы*јоз*» — «не бойся! мы ѣдемъ прямо на станцію, гдѣ должны ночевать»

Хотя въ нѣкоторыхъ сопредѣльныхъ съ худавендгярскимъ эялетомъ мѣстностяхъ Караманіи можно встрѣтить форму, о которой я доселѣ говорилъ, однако какъ въ нигдскомъ, такъ и въ конійскомъ санджакѣ обособленіе 1-го лица во множественномъ числѣ отъ столичнаго нарѣчія сказалось не фонетическимъ сгараніемъ характеристической согласной, но употребленіемъ адербиджанской личной приставки. Такимъ образомъ: äснäерук — мы зѣваемъ, отурујорук — мы сидимъ звучатъ въ Караманіи, по преимуществу, передъ худавендгярскими: äснäјоз и утурујоз.

Такъ какъ приставленіе отрицательной частицы *ма* (*мä*) къ

---

[1]) Имѣя ввиду ознакомить съ духомъ турцицизмовъ, я въ большинствѣ случаевъ старался подыскать соотвѣтственныя имъ русскія выраженія; такъ какъ буквальное значеніе приведенныхъ фразъ и мало знакомый съ турецкимъ языкомъ легко можетъ узнать при помощи лексикона. При этомъ должно замѣтить, что я не рѣшился дотронуться до тѣхъ турецкихъ выраженій, въ которыхъ рисуется оригинальность жизни малоазійскихъ турокъ. Такъ съ выраженіемъ: «сäхрая вармак» «идти въ поле» соединена идея майской прогулки, часто продолжающейся нѣсколько дней сряду, а во фразѣ, слѣдующей за этой, въ рѣченіи: «баҕа чыкмак» «выходить, выѣзжать въ виноградникъ», хоть и слышна для городскаго жителя Малой Азіи прежде всего идея русскаго: «переѣзжать на дачу», но опять таки и въ немъ живо представляются и тѣ особенности, которыми отличается дачная жизнь малоазійцевъ, и мѣстность на которой обыкновенно устраивается ихъ лѣтнее помѣщеніе.

Такія то характеристическія выраженія я оставилъ въ буквальномъ переводѣ, отмѣчая ихъ вноснымъ знакомъ.

лицамъ настоящаго времени не вліяетъ на дальнѣйшее его отличіе, я и перехожу къ обзору другихъ отличительныхъ глагольныхъ формъ.

Особенности въ аористѣ изъявит. наклоненія.

Обособленіе аориста изъявительнаго наклоненія идетъ въ параллель съ настоящимъ временемъ:

Та же оригинальность въ употребленіи личныхъ приставокъ; то же и только менѣе послѣдовательное выбрасыванье характеристической согласной, при чемъ въ гласныхъ сохраняется ихъ первоначальный характеръ.

Такимъ образомъ, 3-е лице единственнаго и множественнаго чиселъ аориста изъявительнаго наклоненія въ его утвердительномъ видѣ не отличается въ караманскомъ и худавендгярскомъ діалектахъ отъ столичныхъ соотвѣтственныхъ формъ; и потому я не считаю нужнымъ его подтверждать примѣрами.

Но это же лице въ един. числѣ отрицательно-вопросительнаго аориста въ обоихъ упомянутыхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ Малой Азіи звучитъ безъ отличительной согласной. И, въ данномъ случаѣ, мое выраженіе было бы не точно, если бы я сказалъ, что буква *з* проглатывается въ произношеніи, какъ бываетъ въ извѣстныхъ случаяхъ съ турецкимъ *р*, — нѣтъ, должно сказать, что буква *з* въ этой формѣ совсѣмъ не выговаривается.

Въ дэстанѣ, сложенномъ про египетскаго пашу Ибрагима, сына извѣстнаго правителя Египта Мехмеда Али, посланный противъ побѣдителя султанскаго войска при Коніи какой-то Иззэтъ паши въ слѣдующихъ словахъ уговариваетъ своего противника положить оружіе:

. . . . . Ибраһам паша! . . . . . ابراهام پاشا

Дäвлäт нӱфузу дур гячма мы таша? دولت نفوذی در کچه‌می طاشه

. . . . . Ибрагимъ паша!

Вѣдь это—воля царя: не проходитъ ли она и сквозь камни?

Въ памятникахъ, собранныхъ мной въ Караманіи, такая же форма находится въ пѣснѣ, обращенной къ молодой женщинѣ:

Пѣвецъ, жалуясь на судьбу, которая мѣшаетъ его свиданію съ милой, въ явленіяхъ природы и въ мѣстной обстановкѣ жизни, какъ будто, находитъ оправданіе и утѣшеніе въ постигшемъ ихъ горѣ:

Ӓнгӣн дӓрӓлӓрӣ кӧльгӓ басма-мы яр	اینکین دره‌لری کولکه باصمامی یار
Гӱзӓль сӓвӓнлярӹ бӓйляр асма-мы яр	کوزل سونلری بکلر آصمامی یار

Другъ! развѣ не падаетъ тѣнь и на широкія равнины?

И развѣ беи не вѣшаютъ любящихъ красавицъ?!...

Такое же произношеніе этой формы можно подтвердить и многими изъ замѣченныхъ мной на мѣстѣ фразъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: «шу сукак чаршӹя чӹкмамы?» — «эта улица развѣ не выходитъ къ базару?» «Ӹштӓ jокушь башлajору сӓн ӹн-дӓ хайван бӹр аз ӓглянсын... олма-мы?» — «Вотъ и подъемъ!... нельзя ли тебѣ сойдти съ лошади: пусть бы животное немножко отдохнуло!...» «Нӓ дӓӹ фӓс чикарац башӹц саук алмамы?» — «Къ чему ты все снимаешь фесъ? развѣ не простудишь головы?...» и т. п.

Однако эта форма такъ звучитъ только въ единственномъ числѣ. Во множественномъ она остается правильной. Точно также, она произносится безъ особенныхъ измѣненій и въ отрицательно-положительномъ видѣ.

Общая обоимъ нарѣчіямъ особенность аориста изъявительнаго наклоненія 2-го лица обоихъ чиселъ напоминаетъ собою обособленіе этого же лица въ настоящемъ времени:

Какъ 2-е лице настоящаго времени, такъ это же лице и аориста, относительно характера личной приставки, представляетъ ту же оригинальность, еще не замѣченную ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ тюркскихъ діалектовъ, а повторяющееся и въ этой формѣ фонетическое сгараніе отличительной согласной показываетъ, что образованіе формъ въ разговорной рѣчи, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ тюркскихъ племенъ не оцѣпенѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно представлялось доселѣ. Карамано-худавендгярскія: сäвäҥ — ты любишь, ты будешь любить; язаҥ — ты пишешь, ты будешь писать — факты, еще не являвшіеся передъ пытливымъ умомъ филологовъ. И они тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что множественное число уже не имѣетъ этихъ отличій: сäвäрсыз и язарсыз — формы, находимыя и въ другихъ тюркскихъ діалектахъ. И такъ какъ оригинальность единственнаго числа болѣе нуждается въ аргументахъ, то я приведу здѣсь нѣсколько отрывковъ, заимствованныхъ мной изъ дэстановъ и лирическихъ пѣсенъ.

Въ дэстанѣ про Комарджи деребея, посланный противъ него Азизъ-паша, величаясь съ восточной хвастливостью передъ своимъ противникомъ, говоритъ ему:

. . . . . täным kokaman	. . . . . تنم قوقه‌ماك
Бäн быр асланым фäндым тутаман	بن بر ارسلانم فنم طوته‌ماك
Сäн kaba kaba атан сöзүнда karшымда дураман	سن قبا قبا آتاك سوزكده قارشومده دوره‌ماك

Грубы рѣчи твои: не устоишь ты противъ меня и въ словѣ;
Я левъ, ловкость котораго тебѣ распознать не удастся!...
Нѣтъ, «не нюхать тебѣ моего тѣла! ..»

Въ поэмѣ про Ибрагима пашу находимъ другой примѣръ въ словахъ героя этой пѣсни, въ которой побѣдоносный сынъ Мехмеда-Али представляется побѣжденнымъ:

Чяктым аскярӥмӥ нä ӥстäн бäндäн چكدم عسكرمى نه استك بندن

Я отвелъ свое войско, что же еще тебѣ нужно?!...

Совершенно такую же форму 2-го лица аориста можно не разъ встрѣтить и въ памятникахъ, собранныхъ въ Караманіи. Такъ въ пѣснѣ, описывающей двусмысленные поступки красавицы Зейнебъ, поется:

Äдалым Зäйнäб Зäйнäб ادالم زينب زينب

Сармалара сäн якӥшыӊ äй ӊӱзäль Зäйнäб صارمه‌لاره سن ياقشك سكشمش زينب

О, моя Зейнебъ!... затѣйливая Зейнебъ!...
Ты годна для обниманій, красавица Зейнебъ!...

Въ игривой по формѣ пѣснѣ, сложенной, какъ будто, какимъ то заключеннымъ въ тюрьму, находимъ такой стихъ:

Нä бахаӊ баӵяларда نه باخاك باجه‌لارده

Караӊӊык гäӵялäрдä قراكنق كيجه‌لرده

Ночью — потемки....
Къ чему же ты смотришь?!...

Примѣры, здѣсь представленные, показываютъ, что отбрасыванье во 2-мъ лицѣ единств. числа характеристической согласной умѣстно не только въ утвердительномъ аористѣ, но и въ отрицательной его формѣ, гдѣ на мѣсто *р* является *з*, принимаемое г. Шоттомъ за видоизмѣненіе первой буквы. И выпаденіе *р* во 2-мъ лицѣ столь послѣдовательно, что оно сопровождаетъ эту форму и въ ея отрицательно-вопросительномъ видѣ, какъ это видно изъ слѣдующаго стиха:

Ӄоркма мы сäн зäманäныӊ ӄурдундан قورقمامى سن زمانه‌نك قوردندن

Ӄojун гӥдäр ӄузу гялӥр ардындан قوين كدر قوزى كلور آردندن

Когда уходитъ овца, идетъ за ней въ слѣдъ и ягненокъ,
Ты же развѣ не боишься *нынешнихъ* волковъ?

1-е лице ед. числа разсматриваемаго времени ни въ утвердительной, ни въ отрицательной формахъ въ карамано-худавендгярской рѣчи не отличается отъ столичнаго. Во множественномъ же числѣ караманскій діалектъ обособился адербиджанской личной приставкой. Примѣры этого лица можно видѣть въ слѣдующихъ фразахъ: «Ак̇ сäрайда ӹкӹ ӱш гӱн утуруп, К̇ыр-Шяһярä, ӹн-шаалла, бäрабäр гӹдäрӹкь» — «Въ Аксераѣ два три дня проживши, въ Кыръ-Шегеръ, если будетъ угодно Богу, поѣдемъ вмѣстѣ»; «Сäн чаршӹда гязäсӹя к̇адар бӹз к̇аһвä маһвä ӹчäрякь шурда аҕлянӹрӹк» — «Покуда ты гуляешь на базарѣ, мы останемся здѣсь и будемъ пить кофе» и т. п.

Объ особенностяхъ въ будущемъ и другихъ временахъ.

Существенныя особенности обоихъ разсмотрѣнныхъ нами временъ карамано-худавендгярскаго спряженія поддерживаются и обособленіемъ въ будущемъ времени изъявительнаго наклоненія. Но здѣсь эти же уклоненія проявились съ бо́льшимъ упорствомъ: ибо заключительная согласная выбрасывается въ первомъ и второмъ лицахъ обоихъ чиселъ; кромѣ того, притяжательное соединенное мѣстоименіе употребляется, какъ личная приставка, не только въ единственномъ, но и во множественномъ числѣ. Но, чтобы отличительныя стороны этого времени были очерчены вполнѣ, должно сказать еще, что караманскій діалектъ въ первомъ лицѣ множественнаго числа относительно мѣстоименной приставки совпалъ съ худавендгярскимъ.

Изъ сказаннаго ясно видно, что особенности будущаго времени, рѣзко отличающія караманскій и худавендгярскій діалекты отъ костантинопольскаго нарѣчія, въ существенныхъ чертахъ принадлежатъ имъ обоимъ. И только въ утвердительныхъ формахъ способъ пришпиливанья, такъ сказать, къ корню глагола

слога *джа* (джä), остающагося отъ полной приставки, слегка проводитъ линію, разграничивающую оба нарѣчія.

Между тѣмъ какъ въ Караманіи этотъ способъ одинаковъ съ константинопольскимъ, въ Худавендгярѣ гласная, служащая какъ бы проводникомъ между приставкой и корнемъ, въ большинствѣ случаевъ исчезаетъ въ произношеніи. Такимъ образомъ будущее время изъявительнаго наклоненія въ каждой изъ названныхъ мѣстностей звучитъ такъ

	въ Худавендгярѣ:	въ Караманіи:
я сдѣлаю	яп-ҫам	яп*а*-ҫам
мы сдѣлаемъ	яп-ҫаз	яп*а*-ҫаз
ты сдѣлаешь	яп-ҫаӈ	яп*а*-ҫаҷ
вы сдѣлаете	яп-ҫаӈыз	яп*а*-ҫаҷыз
онъ сдѣлаетъ	яп-ҫаk	яп*а*-ҫаk̇
они сдѣлаютъ	яп-ҫаklар	яп*а*-ҫаk̇лар

Но эта отличительная черта обоихъ діалектовъ (то есть, способъ приклеиванья приставокъ) исчезаетъ въ формахъ отрицательныхъ; ибо въ послѣднихъ и худавендгярскій діалектъ не отступилъ отъ общаго правила.

При этомъ должно сказать, что не всѣ лица будущ. времени могутъ быть подтверждены примѣрами, взятыми изъ памятниковъ простонародной литературы малоазійскихъ турокъ. Только 1-е и 2-е единствен. числа и то въ пѣсняхъ, собранныхъ въ Караманіи, могутъ найдти себѣ опору въ свидѣтельствахъ подобнаго рода.

Такъ въ пѣснѣ, сложенной по поводу дѣвушки, открывающей своей матери страсть къ Хасану, находимъ слѣдующія данныя:

Нӈынä сäн ölьмäяҫяӈ-ҫы	ننه سن اولیه‌جك‌می
Ӈстäр ӈсä вäрмäяҫяӈ-ҫы	استر ایسه ویرمیه‌جك‌می
Бозук̇ олдуґу бӈльмäяҫяӈ-ҫы	بوزق اولدیغی بلمیه‌جك‌می
Нӈынä нӈынä ҫаным, нӈынä	ننه ننه جانم ننه
Бäн Хасана яндым ґӈынä	بن حسنه یاندم کنه

Нӹнӓ пӓнцярӓдӓц бахӹшацам — نه پنجره‌دن باخشه‌جم
Хасан ӹлян öпӱшяцям — حسن ایلن اوپشه‌جم
Гяця гӱндӱз — шяцам — کیجه کوندز سکشه‌جم

Вѣдь узнала жь бы ты, что я ему отдалась...
Но развѣ и ты не склонилась бы на его требованья?!...
Матушка!... развѣ не должна ты умереть?!...
Матушка!... матушка!... душа моя, матушка!...
Я снова сгорѣла по Хасанѣ!...
Матушка! я буду переглядываться съ нимъ въ окно,
Я стану цаловаться съ Хасаномъ,
Днемъ и ночью я отдамся страстному съ нимъ упоенью!...

Въ другой пѣснѣ, мóлодецъ, призываемый за совершонное имъ дѣло къ отвѣтственности передъ судомъ, на канунѣ своего выѣзда, съ такими словами обращается къ своему престарѣлому, по видимому, отцу:

Аман бабан ахшям ода якацам — امان بابام اخشام اوطه یاقه‌جم
Јӹгӹтляры бӓн одая сокацам — یکتلری بن اوطه‌یه صوقه‌جم
Бӓн гӹдӓрсӓм бакалым нӓ япацаӊ — بن کدرسم باقه‌لم نه یاپه‌جك

Прости, мой отецъ! я затоплю вечеромъ горницу,
Натолкаю въ нее мóлодцевъ;
Но когда я уйду, какъ ты будешь (безъ меня) работать?...

Въ дополненіе къ приведеннымъ аргументамъ привожу здѣсь и нѣкоторыя изъ подмѣченныхъ мной на мѣстѣ фразъ, въ которыхъ встрѣчается будущее время:

«Бурда даha чок-мы утурацаз» — «Долго ли еще мы тутъ останемся?»

«Ойля ӹсӓ сӓн уку яз бӓн каhвядӓ бӹр нӓргӹля ӹчӹп ӊӹнӓ гяляцям». — «Если такъ, ты занимайся (читай, пиши); я же, выкуривъ въ кофейнѣ кальянъ, снова приду».

«Шынцы шурда шу кадар вакыт калыб-тä артык Муллабäй мядрäсäсынä бу гун варамаяцаныз» — «Такъ долго здѣсь оставшись, сегодня уже не въ состояніи будете пойдти въ медресе [1]) Муллы-бея».

«Шу кадар тюркю язан оннары нä ыдцян» — «Ты столько записываешь пѣсенъ... къ чему онѣ тебѣ?»

«Нä ысä боутан быр ышь тыр лякын шуну сöйляяцяз-дä каѣвä ычсäкь фäна-мы олур» — «Э, чтобы тамъ ни было, пустяки! но когда я продиктую эту, развѣ будетъ дурно, если мы выпьемъ по чашкѣ кофе?»

Хотя указанныя мной отличительныя стороны будущаго времени еще не исчерпываютъ всѣхъ обособившихся карамано-худавендгярскихъ личныхъ глагольныхъ формъ, но не упомянутыя изъ нихъ не представляютъ особеннаго интереса для изслѣдователя. Послѣднее я говорю оттого, что обособленіе не разсмотрѣнныхъ еще здѣсь временъ состоитъ только въ оригинальности мѣстоименныхъ приставокъ, которыми они отличились отъ константинопольскаго нарѣчія. При этомъ, караманское нарѣчіе разнится отъ худавендгярскаго тѣмъ, что въ немъ болѣе данныхъ для сопоставленія его съ адербиджанскимъ языкомъ. Такъ, наприм. 2-е лице «прошедшаго совершеннаго времени» звучитъ въ карамано-худавендгярской рѣчи по бóльшей части: язмышыц — ты написалъ; говорятъ (слышно), что ты написалъ; язмыш*сыз* — вы написали; говорятъ (слышно), что вы написали. Можно, пожалуй, сказать, что эти формы напоминаютъ соотвѣтственныя имъ адербиджанскія. Но такое сходство даетъ себя сильнѣе чувствовать въ караманскомъ нарѣчіи, въ которомъ и 1-е лице множественнаго числа относительно характера мѣстоименной приставки совпало съ говоромъ Адербиджана, между тѣмъ какъ худавендгярскій діалектъ въ этомъ отношеніи сходится съ константинопольскою рѣчью.

---

[1]) Медресе — мусульманская семинарія.

Такой же результатъ извлекается изъ карамано-худавендгярскаго 2-го лица множеств. числа настоящ. врем. накл. желательнаго (гыдäсыз—чтобы вы ушли; о еслибы вы ушли!... чыкасыз—чтобы вы вышли, вы взобрались, влѣзли!) и караманскаго 1-го лица множественнаго числа этого же времени (гыдаыкь и гыдäкь — какъ бы намъ уйдти! чтобы намъ уйдти! утураык и утурак — какъ бы намъ сѣсть, чтобы намъ сѣсть!...)

Я не нахожу нужнымъ подтверждать сказанное мной приведеніемъ здѣсь мѣстныхъ фразъ, ибо присутствіе этихъ формъ въ говорѣ Малой Азіи заявлено въ наукѣ много раньше появленія моего изслѣдованія, и обусловливается замѣчаніемъ г. Березина объ «адербиджанскомъ характерѣ глаголовъ: وار — есть и يوق — нѣтъ» [1]), и только желаніе соблюсти нѣмецкую аккуратность въ разъясненіи хотя бы и мелочей, на которыхъ покоится діалектическое различіе малоазійской рѣчи, заставило меня упомянуть объ нихъ. Но этимъ напоминаньемъ уже подмѣченныхъ другими учеными отличій турецко-малоазійской рѣчи я указалъ всѣ особенности, которыми исчерпывается какъ взаимное различіе карамано-худавендгярскихъ временъ, такъ и ихъ уклоненіе отъ константинопольскаго діалекта.

О герундійной формѣ на асы (äсы).

Если въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ глагольныхъ формъ можно было видѣть вліяніе на малоазійскую рѣчь адербиджанскаго нарѣчія, то въ безличномъ глагольномъ выраженіи, оканчивающемся на *асы* (*äсы*), сказалось присутствіе элементовъ «сѣверныхъ» тюркскихъ діалектовъ.

Эта форма, извѣстная и въ Худавендгярѣ съ Константинополемъ по рѣченіямъ: вересіе алмак — взять взаймы и ве-

---

[1]) Въ введеніи къ этому изслѣдованію см. характеристику малоазійскаго діалекта, представленную г. Березинымъ въ его «Recherches sur les dialectes musulmans».

ресіе вермекь — дать въ долгъ, полной гражданственностью пользуется только въ Караманіи. Здѣсь она въ ежедневномъ и разнообразномъ употребленіи и является то въ сопровожденіи частицъ, то отдѣльно, при чемъ послѣднее обстоятельство видоизмѣняетъ ея значеніе.

Употребленная отдѣльно, она имѣетъ два значенія:

во 1-хъ, имени отглагольнаго, показывающаго необходимость дѣйствія и, стало быть, въ этомъ случаѣ сходится съ причастіемъ на جق (جك) въ выраженіяхъ: дönэцеим вар — мнѣ должно вернуться; алацаим вар — мнѣ должно получить (у меня есть вещь, которую должно мнѣ получить) и т. п. Примѣры такого значенія глагольнаго выраженія оканчивающаго на асы (äсы) можно видѣть въ слѣдующемъ отрывкѣ, записанномъ мной въ Коніи:

Мыісыра вармадан дўндўм дўнäсым гяльды	مصره وارمه‌دن دوندم دونه‌سم كلدى
Осман-бäй оґлуму гяльды гўрäсым	عثمان بك اوغلى كلدى كوره‌سم
Сынамы ханчара гяльды вурасым	سينه‌مى خنجره كلدى اوره‌سم
Дўшўб ханäкляра гяльды öлясым	دوشوب خندقلره كلدى اوله‌سم

Пришлось мнѣ вернуться, еще не поѣхавъ въ Египетъ;
Пришлось повидать своего сына Османъ-бея;
Наступило время, когда нужно ударить себя кинжаломъ въ грудь;
Въ ровъ упавъ, нужно было мнѣ умереть!..

Во 2-хъ, предшествуемая личными мѣстоименіями, форма эта показываетъ желаніе, чтобы исполнилось дѣйствіе. Въ этомъ случаѣ она (какъ въ разговорѣ, такъ и въ пѣсняхъ) чаще сопровождается частицей *джа* (*джä*), какъ бы придающей выраженію болѣе энергіи, силы. Такъ, ежедневно можно слышать въ Караманіи

фразы въ родѣ: сäн о ҫяһямьдан гыдäсыҫа — чтобы ты онъ... въ адъ пошелъ!... кӧр оласыҫа—чтобы ослѣпъ!... асы ласыҫа!... — чтобы повѣсился!... и т. п.

Такого же рода примѣры находятся въ пѣснѣ, обращенно къ Константинополю:

Истамбул Истамбул вäйран ҡалясы	ستانبول استانبول ویران قلعه‌سی
Ташыҫы топраҡыны аман сäлляр аласы	ـاشکی طپراغکی امان سیللر آلاسی
О-да быҫяляын ярсыз ҡаласы	ـده بزجه‌لین یارسز قالاسی

О, Стамбулъ! Стамбулъ!.... въ развалинахъ ег крѣпость!...

О, горе!... пусть же потоки унесутъ твои камни глину;

Пусть же и онъ (этотъ городъ) останется, какъ и я безъ друга!...

Но, какъ уже сказано, и въ пѣсняхъ эта форма чаще являетс въ сопровожденіи частицы *джа* (джä). Въ разныхъ мѣстах караманскихъ памятниковъ простонародной литературы можн найдти нѣсколько примѣровъ ея употребленія. Позволяю себ здѣсь привести изъ нихъ два:

Поэтъ, жалуясь на лѣтнее безлюдье веселаго и, на сколь возможно въ Турціи, эманципированнаго мѣстечка Силле, когд жители его разбредаются на заработки, такъ начинаетъ свок пѣсню:

Сазымыҫ дӱзäны joҡ	سازمك دوزنی یوق
Аман Аман	امان امان
Чаланыҫ ызäны joҡ	چالانك ایزنی یوق
Аман Аман	امان امان

Јыкыласыца шу Сылля јыкыласыца — يقلاسيجه شو سلّه يقلاسيجه

Аман Аман — امان امان

Яз ылян гязаны јок — ياز ايلن كزنى يوق

Аман Аман — امان امان

Нѣтъ строя въ сазѣ [1]) моемъ!...
Горе!... горе!...
Нѣтъ и вдохновенья у музыканта!...
Горе!... горе!...
Пусть же развалится это Силле, пускай она разрушится!...
Горе!... горе!...
Нѣтъ въ немъ лѣтомъ гуляющихъ!...
Горе!... горе!...

Чрезъ нѣсколько стиховъ, рисуя состояніе этого мѣстечка зимой, когда, съ возвращеніемъ съ заработковъ греческаго, по преимуществу, народонаселенія, Силле становится шумнымъ, полнымъ разгула, пѣвецъ невольно восклицаетъ:

Шян оласыца Сылля — شان اولاسيجه سله

Аман Аман — امان امان

Пусть же цвѣтетъ это Силле
Дивно и чудно!...

Третій оттѣнокъ въ значеніи глагольной формы, оканчивающейся на *асы*, *äсы*, обнаруживается тогда, когда она, въ соединеніи съ падежными приставками, сопровождается еще нарѣчіями кадар дäгын-«до».

---

[1]) Сазъ своей структурой напоминаетъ джуру (см. примѣч. на стр. 70), но сазъ не сравненно болѣе ея. На сазѣ отъ 12-ти до 16-ти струнъ, тогда какъ на джурѣ, какъ уже было сказано, только 4. Играютъ на сазѣ также при помощи лопаточки изъ черешневой коры.

Въ соединеніи съ только что упомянутыми словами она замѣняетъ въ караманскомъ діалектѣ константинопольскій герундіумъ на *инджа* (*инджe*) и равносильна ему и по значенію, что можно видѣть изъ слѣдующихъ фразъ: «Сäн ыішыны бытырäсыя ḱадар баḱ бäным ḱардашым гялыр о вахыт Сылляда ўчь дöрт гўн отуруруз». — «Прежде чѣмъ ты окончишь свое дѣло, посмотри, что пріѣдетъ мой братъ, и тогда три четыре дня мы поживемъ въ Силле». «Баḱ бызым турäлярымыз насл дыр дўн ахшям äлыны ḱырасыя ḱадар кянды ḱарысыны дўгдў» — «Вчера онъ колотилъ свою жену, покуда не переломилъ ей руки... видишь, каковы наши нравы!...» «Нä ылязым ḱаhвä äгяр бурда утурсаḱ ханымыза гялясыя ḱадар гўн батацаḱ» — «Къ чему кофе? если мы здѣсь посидимъ, солнце закатится прежде, чѣмъ мы придемъ въ нашъ ханъ» [1]).

Сколь ни разнообразны оттѣнки въ значеніи представленнаго вниманію читателя караманскаго глагольнаго рѣченія; но всѣ они, какъ радіусы, идущіе къ центру, стягиваются къ смыслу соотвѣтственной татарской формы, которую г. Ивановъ называетъ будущимъ причастіемъ [2]).

Утверждать это заставляетъ меня не только ея *форменная* тожественность въ караманскихъ выраженіяхъ: دونەسم كلدى, اولەسم كلدى и т. п. и въ татарскихъ: «اوشبو يرده قالاسى»—«здѣсь надобно остаться» [3]), «شول اورنده يورط صالاسى» — «тамъ можно выстроить домъ» [4]) — но и логическая связь, находимая между этими татарскими выраженіями и указанныя выше значеніями этой формы въ Караманіи. Оттого то я, не колеблясь, принялъ ее за форму, общую языкамъ турецкому и татарскому, если возможно такъ называть тюркскія нарѣчія Турецкой имперіи и Россіи.

---

[1]) Ханъ въ Турціи — то же, что въ Персіи — каравансерай, съ особенностями и назначеніемъ котораго знакомъ читатель, по разсказамъ русскихъ путешественниковъ, бывшихъ на Востокѣ.

[2]) Татарская грамматика Иванова. Казань 1842 г. см. о причастіяхъ.

[3]) ibid.

[4]) ibid.

Представляя эти данныя въ доказательство сходства карамано-худавендгярской рѣчи съ «сѣверными» тюркскими діалектами, я однако не позволяю себѣ дѣлать на ихъ основаніи какіе-либо историческіе выводы. И поступаю такъ оттого, что наиболѣе отдаленная цѣль настоящаго труда состоитъ въ томъ, чтобы уже въ разсмотрѣнныхъ съ фонетической и грамматической сторонъ двухъ діалектовъ Малой Азіи указать элементы, почти не находимые въ константинопольскомъ нарѣчіи. И ежели сдѣланныя мной наблюденія, какъ первая попытка, быть можетъ, еще не исчерпываютъ предмета во всемъ его объемѣ, то, по крайней мѣрѣ, они ведутъ къ указанной цѣли: ибо и они показали,

во 1-хъ, что карамано-худавендгярская рѣчь въ извѣстной степени самостоятельна не только сравнительно съ константинопольскимъ нарѣчіемъ, но и относительно всѣхъ другихъ тюркскихъ діалектовъ;

во 2-хъ, и въ моихъ изысканіяхъ болѣе точно и бо̀льшимъ количествомъ фактовъ доказано соприкосновеніе турецко-малоазійскихъ нарѣчій съ адербиджанскимъ и, такъ называемымъ, татарскимъ языками, что впрочемъ было извѣстно ученымъ и до появленія моего труда. Но не имѣлось данныхъ для разрѣшенія вопроса: «одинаково-ли это сходство на всемъ протяженіи полуострова?» Въ этомъ отношеніи мой трудъ также отчасти удовлетворяетъ любознательности читателя; ибо въ немъ показано, что соприкосновеніе турецко-малоазійской рѣчи съ упомянутыми языками, ослабѣвая по мѣрѣ уклоненія тюркскихъ поселеній на западъ полуострова, даетъ еще себя чувствовать и въ Худавендгярѣ фонетическими и грамматическими особенностями.

Наконецъ, въ 3-хъ, нельзя не напомнить здѣсь и того факта, что фонетическая сгараемость, замѣченная въ нѣкоторыхъ караманскихъ грамматическихъ формахъ гораздо чаще имѣетъ мѣсто въ худавендгярскомъ нарѣчіи.

Вотъ въ общихъ чертахъ результатъ, къ которому могли привести сдѣланныя мной доселѣ изысканія относительно отличи-

тельныхъ сторонъ худавендгярскаго и караманскаго діалектовъ. Слѣдующій за симъ разборъ лексическаго обособленія этихъ нарѣчій представитъ новыя данныя въ подтвержденіе уже подмѣченныхъ явленій.

Но прежде, нежели я перейду къ этому послѣднему отдѣлу моего изслѣдованія, должно замѣтить, что только отсутствіе строго грамматическихъ особенностей въ формахъ, которыя мной не указаны, не позволило мнѣ о нихъ упоминать.

ОТДѢЛЪ III.

Лексическое обособленіе тюркскихъ діалектовъ въ Худавендгярѣ и Караманіи.

Собранные мной матерьялы, на основаніи которыхъ можно составить понятіе объ особенностяхъ караманскаго и худавендгярскаго нарѣчій, не представляютъ достаточнаго количества данныхъ для всесторонняго изслѣдованія этого вопроса въ лексическомъ отношеніи.

При всемъ томъ, взаимное обособленіе тюркскихъ идіомовъ въ Худавендгярѣ и Караманіи съ лексической стороны возможно показать довольно осязательно и тѣми доказательствами, какими мы теперь располагаемъ.

Такимъ образомъ лексическая индивидуальность караманскаго нарѣчія выражается присутствіемъ въ немъ словъ, не извѣстныхъ ни въ Константинополѣ, ни въ Худавендгярѣ, слишкомъ ощутительно подчинившемся съ этой стороны столичному діалекту.

Такъ караманскія: мала — тряпка; ḱаҗҗы — телѣга; алхад — груша; јошь (يوش) — сырость; хая — дворъ; ха-нӓй — коридоръ въ ханѣ, заѣзжемъ домѣ; ḱыҗҕар — дружка; саḱсаҕан — сорока; җырлякь — жаворонокъ, — въ худавендгярскомъ нарѣчіи совпали съ константинопольскими словами: «тряпка» въ Худавендгярѣ, какъ и въ столицѣ Турецкой имперіи

обозначается словомъ: пачавра; телѣга — араба; груша — армуд; сырость — яшлык; дворъ — хавлы; коридоръ въ заѣзжемъ домѣ — гязынты; дружка — саҕдыч; сорока — ала карҕа; но слово «жаворонокъ» выражается въ Худавендгярѣ составнымъ: тарла-кушу, которое употребляется здѣсь вмѣсто столичнаго: чаир-кушу.

Достойно вниманія, что изъ приведенныхъ караманскихъ словъ два первыя, кажется, туркменскія. «Јошь» (يوش) — сырость, по готовому къ печатанію «Турецко-татарскому словарю» г. Будагова, киргизское слово; а «кынҕар» — дружка доселѣ употребительно въ казанскомъ татарскомъ нарѣчіи въ значеніи «*несправедливый*» [1]). Точно также и караманское слово: «сак-саҕан» — сорока не можетъ не напоминать татарскаго «сооюскан».

Эти факты доказываютъ намъ, что караманскій діалектъ въ лексическомъ отношеніи, какъ и въ своей фонетикѣ [2]) представляетъ смѣсь элементовъ изъ разныхъ тюркскихъ діалектовъ. Въ pendant къ этому замѣчанію нельзя оставить безъ вниманія и той отличительной стороны караманскаго нарѣчія, которая въ двухъ первыхъ отдѣлахъ моего изслѣдованія выражена въ тезисѣ: «о сильнѣйшемъ сравнительно съ худавендгярскимъ діалектомъ преобладаніи въ Караманіи татарскаго и адербиджанскаго элементовъ». Такой характеръ караманскаго діалекта подтверждается и его лексикологіей. Такъ ежедневно употребительныя въ разныхъ мѣстностяхъ области, бывшей, такъ сказать, ядромъ сельджукскихъ владѣній въ Малой Азіи: тӯрӓ — обычай, нравъ, тупраксы — землистый, јохсулу — бѣдный, аҷдач — сувениръ, салык — вѣсть, извѣстіе, ӣрламак — пѣть и др. забыты въ Худавендгярѣ и уступили мѣсто или константинопольскимъ, или иностраннымъ словамъ: —

---

[1]) Практическое руководство къ изученію Татарскаго языка. Соч. Махмудова. Казань 1858 г. См. стр. 26.

[2]) См. въ Отдѣлѣ 1-мъ «*О твердости въ согласныхъ буквахъ*»,

Караманское тупраксы въ говорѣ только-что названной провинціи уступило мѣсто константинопольскому топраклы; вмѣсто ырламак худавендгярцы говорятъ, по столичному: тюркю чаґырмак или тюркю сойлямякъ; слово аґдач по всюду въ Худавендгярѣ замѣнено искаженнымъ персидскимъ бальгюзар и т. п.

Однако и худавендгярскій простолюдинъ доселѣ еще употребляетъ татарско-адербиджанскія: ата — отецъ, бай — богатый, кюп — много, ылкы — лошадиное стадо, салхам — прилипчивая болѣзнь и др.

Утверждая, что представленная сторона взаимнаго лексическаго обособленія караманскаго и худавендгярскаго нарѣчій отличаетъ ихъ отъ константинопольскаго діалекта, лишеннаго въ своемъ лексиконѣ адербиджанской и татарской примѣси, мы не должны однако забывать о громадномъ наплывѣ арабскихъ и персидскихъ словъ и въ малоазійскую тюркскую рѣчь. Этотъ наплывъ въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ онъ здѣсь является, послужилъ однимъ изъ существенныхъ отличій въ лексическомъ отношеніи турецкаго языка отъ татарскаго [1]). И если одной стороной этого факта малоазійскій говоръ совпадаетъ съ константинопольскимъ, то другой его стороной: желаньемъ освоить пришлый матерьялъ, воплотить его въ свой національный характеръ, — карамано-худавендгярская рѣчь безпорно отличаются отъ столичной.

Въ фонетическомъ отдѣлѣ мы видѣли, какъ выразилась эта тенденція къ выговору иностранныхъ словъ. Здѣсь же должно сказать, что она не ограничивается только измѣненіемъ ихъ внѣшней, формальной стороны, чѣмъ является произношеніе словъ; но захватываетъ дѣло глубже: часто видоизмѣняетъ ихъ содержаніе, съуживаетъ ихъ значеніе, придавая послѣднему ха-

---

[1]) Recherches sur les dialectes musulmans par. E. Bérésine. См. Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета за 1848 г.

рактеръ, вытекающій изъ обстановки мѣстной жизни. Такъ арабское нӯсхэ — копія, списокъ въ карамано-худавендгярской рѣчи, измѣнясь въ *муска* или *моска*, означаетъ «записку, нашептанную въ предохраненіе отъ несчастій»; а простонародно-малоазійское мӹзам вм. низам значитъ: «военная служба»; точно также персидское дэрья — море, измѣнившись въ *дайра*, перестало выражать общую идею моря и означаетъ только часть его, что на нашъ языкъ можно передать словами: «открытое море». Такой же перемѣнѣ въ значеніи подверглись слова: эда (ادا) — манера, кокетство, означающее у щеголей Малой Азіи: «кончикъ выставленнаго кушака», что говоритъ о кокетливой манерѣ одѣваться; рейхан, произносясь *ӹ-рьяхан*, означаетъ спеціально «мускусъ», вмѣсто болѣе широкаго значенія, какое это слово имѣетъ въ Константинополѣ.

Указавъ на эту общую обоимъ разсмотрѣннымъ мной малоазійскимъ діалектамъ особенность, я долженъ заключить свои наблюденія надъ ихъ лексическими отличіями.

Соглашаюсь, что этотъ отдѣлъ бѣденъ изысканіями сравнительно съ другими, ему предшествовавшими. Но его бѣдность произошла, съ одной стороны, отъ скудости простонароднаго словаря, а съ другой, отъ недостаточнаго еще количества фактовъ, которые имѣются теперь на лицо. Сознавая вполнѣ, что лексическое обособленіе караманскаго и худавендгярскаго нарѣчій нуждается въ болѣе полной разработкѣ, я не могу не поставить на видъ, что и мои наблюденія подтвердили не опровержимыми аргументами мысль объ отличіи карамано-худавендгярской рѣчи отъ константинопольской и о распаденіи ея самой на два отдѣльные одинъ отъ другаго діалекта, что доказать и было ближайшею цѣлью моего труда.

Компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ читателямъ предоставляю судить, на сколько я успѣлъ приблизиться къ своей задачѣ; но позволяю себѣ надѣяться и на ихъ снисхожденіе, такъ какъ мой

трудъ только опытъ, основанный, на матерьялахъ мною же и собранныхъ въ теченіе, быть можетъ, слишкомъ короткаго пребыванія въ странѣ, языкъ которой, строго говоря, не имѣетъ литературы и, слѣдовательно, можетъ быть усвоенъ продолжительнымъ и настойчивымъ общеніемъ съ народомъ, который на немъ говоритъ.

80

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. На турецкій языкъ въ Малой Азіи нельзя смотрѣть, какъ на одно нарѣчіе, общее для всего полуострова.

2. Фонетическое обособленіе караманскаго діалекта отъ худавендгярскаго поддерживается его грамматическими и лексическими особенностями.

3. Выпаденіе изъ середины словъ буквы غ, принимаемое г. Шоттомъ за особенность «восточныхъ» тюркскихъ діалектовъ, характеризуетъ и турецкій языкъ.

4. Уклоненія караманскаго діалекта отъ своихъ звуковыхъ особенностей не мѣшаютъ принимать послѣднія за существенныя отличія этого нарѣчія отъ тюркскаго говора въ Худавендгярѣ.

5. Карамано-худавендгярскій способъ обозначенія 2-го лица единственнаго числа въ настоящемъ и нѣкоторыхъ другихъ временахъ изъявительнаго наклоненія есть хотя и болѣе искусственный, чѣмъ въ другихъ тюркскихъ діалектахъ, но вполнѣ логичный въ тюркской формализаціи.

6. Караманское 2-е лице единствен. числа настоящаго врем. изъявительнаго наклоненія—болѣе древняя форма, чѣмъ соотвѣтственная ей константинопольская.

7. Сходство карамано-худавендгярской рѣчи съ адербиджанскимъ діалектомъ обусловливаетъ близкую связь, существовавшую между тюркскимъ населеніемъ Малой Азіи и Адербиджана до переселенія тюрковъ въ Анатолію.

8. Константинопольскій діалектъ въ лексическомъ отношеніи потерялъ обще-тюркскія національныя черты.

9. Отличіе турецкаго языка въ Малой Азіи отъ константинопольскаго діалекта поддерживается историческими преданіями полуострова и отношеніями столичнаго правительства къ провинціямъ, находящимся подъ его верховной властью.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Страница.	*Строка.*	*Читай:*	*вмѣсто:*
2	6 (снизу)	безъискусственности	безъискуственности
9	11 (сверху)	est	et
—	13 (снизу)	personne	persone
19	4 (сверху)	турецко-	туреко-
22	13 »	аршӹ	аршь̈
23	43 »	-худавендгярскіе	-худавенгярскіе
30	8 (сверху)	и	н
32	9 »	караманскаго	каарманскаго
37	14 (сверху)	Силле	Силлѣ
39	2 (снизу)	كوكلن	كوكلك
40	6, 7 (сверху)	нарѣчіяхъ	начіяхъ
41	7 »	кажется, что ’	кажется, ’
42	2 (снизу)	отплачивается ей	платится
43	12 (сверху)	اوحلرى	اوحلرى
49	3 »	طورلماز	طولماز
—	7 »	шалунья —	шалунъ
54	12 »	карамано-	карямано-
63	8 (снизу)	абсурдомъ	абсурбомъ
64	1 (сверху)	распознаванія	разпознаванія
64	12 (снизу)	имѣющей	имѣщей
66	11 »	роль	рѣчь
68	6 (сверху)	декламаціи	дикламаціи
70	15 »	своей	свой
76	15 (снизу)	турцизмовъ	турцицизмовъ
77	5 »	паша	паши
86	12 (сверху)	оканчивающагося	оканчивающаго
87	8 »	бӹзцяляӹн	бӹцяляӹн

СОДЕРЖАНІЕ

МОНГОЛЬСКОЙ КНИГИ,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

МОРЕ ПРИТЧЪ

(*Уликгэрунъ далай* ᠤᠯᠢᠭᠡᠷᠦᠨᠦ ᠳᠠᠯᠠᠢ)

Изложенное

О. Ковалевскимъ.

КАЗАНЬ.

Въ университетской типографіи.

1834.

Перепечатано изъ Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета.

Содержаніе Монгольской книги, подъ заглавіемъ: *Море притчъ.*

Копія съ письма Г. Ковалевскаго къ Господину Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа.

Ваше Превосходительство!

Казанскій Университетъ, по ходатайству Вашему имѣетъ нынѣ въ своей Библіотекѣ богатое собраніе Монгольскихъ, Маньджурскихъ, Тибетскихъ и Китайскихъ книгъ, сколько полезныхъ для изученія сихъ языковъ, а не менѣе того и къ объясненію Исторіи, Географіи и вообще положенія и состоянія народовъ Восточной Азіи, столь еще мало намъ извѣстныхъ. Это драгоцѣнное, съ неимовѣрнымъ трудомъ сдѣланное пріобрѣтеніе, должно быть предметомъ не одного простаго любопытства, но и ученыхъ изслѣдованій. Я укажу здѣсь только на однѣ Монгольскія сочиненія съ ихъ подлинниками, въ коихъ сокрыты свѣдѣнія, весьма не многимъ еще доступныя, по причинѣ незнанія языковъ; — свѣдѣнія, могущія познакомить насъ съ вѣрованіемъ, Философіею и Исторіею

приверженцевъ Буддизма въ древней Индіи, Китаѣ, Тибетѣ и Монголіи.

Европеецъ, обозрѣвая любопытнымъ окомъ вселенную, не упускалъ случая заглядывать и въ Азійскій востокъ; но часто тамъ призракъ принималъ за неоспоримую истину; изъ частныхъ замѣчаній дѣлалъ заключенія о цѣломъ; собственными идеями затмевалъ чужія понятія, отрывистыя извѣстія ставилъ въ Систематическій порядокъ, прикрывая нищету достовѣрныхъ и критически разсмотрѣнныхъ подробныхъ свѣдѣній своими догадками. Но возможно-ль изчислить всѣ погрѣшности и противорѣчія пользующихся неопредѣленнымъ званіемъ *Оріенталистовъ*? Можно-ли высказать нелѣпости, поддерживаемыя изъ одного самолюбія или упрямства и закоснѣлости въ старыхъ предразсудкахъ? Не говоря о мелочныхъ спорахъ Историческихъ, вспомнимъ только Буддизмъ и разнообразныя о немъ мнѣнія Европейцевъ. Однимъ показался онъ расколомъ (сектою) православной (orthodoxae) браминской вѣры; другіе сочли его ровесникомъ и соперникомъ Браманизма, полагая, что оба произошли отъ одной древнѣйшей Индійской религіи. Нѣкоторые думали, что Буддизмъ состоитъ въ грубѣйшемъ суевѣріи, наноситъ жесточайшій вредъ человѣчеству, проповѣдуетъ многобожіе или идолопоклонство съ пагубными правилами; другіе напротивъ доказываютъ, что онъ въ самомъ началѣ былъ ничто иное, какъ одна изъ многихъ философскихъ сектъ Индійскихъ, которая послѣ измѣнясь въ религію, вырвала Азіатцевъ изъ лона звѣрскаго невѣжества и облагородивъ ихъ чувства и мысли, содѣйствовала успѣхамъ образованности. Многіе увѣряли насъ, что Буддійскіе учрежденія древностію своею восходятъ за нѣсколько столѣтій до Р. Х., между тѣмъ какъ другіе отнесли оныя не далѣе VII вѣка нашей Хронологіи, дабы

подвергнуть оныя несомнѣнному вліянію Христіанства. Нужно-ли говорить здѣсь, какъ перехваченныя, не хорошо понятыя идеи Фоевскія или Цейланскихъ Буддистовъ, насильно наши ученые прилѣпили къ древнему Индійскому Буддизму? Est modus in rebus. . . Они забыли, что въ подобныхъ изслѣдованіяхъ надобно тщательное обращать вниманіе *на мѣсто и время.*

Впрочемъ недостатокъ надлежащихъ пособій и матеріаловъ, равно какъ и неумѣренное стремленіе ученыхъ къ составленію общихъ понятій о цѣлости, безъ предварительнаго разсмотрѣнія и соображенія подробностей, могутъ почесться источникомъ и причиною многочисленныхъ ошибокъ въ изложеніи столь обширнаго предмета.

Желая, по силамъ и возможности, ознакомить нашихъ Читателей съ сокровищами Монгольской Литтературы, такъ мало еще извѣстной, я предпринялъ представить имъ содержаніе собранныхъ мною печатныхъ и рукописныхъ книгъ; но отказываюсь отъ всякихъ собственныхъ предположеній и догадокъ. Никто, я думаю, и не потребуетъ отъ меня предварительнаго плана, какъ единственной формы, въ которую должны быть переливаемы всѣ сочиненія, столь разнообразныя по своей сущности и наружному виду. Космологія, Исторія и Догматика Буддистовъ составляютъ первую цѣль моихъ трудовъ, посвященныхъ чтенію и описанію Монгольскихъ книгъ, изъ коихъ одну часть я намѣренъ представить въ переводѣ, съ нужнѣйшими объясненіями, а прочія въ видѣ обозрѣній или извлеченій.

Для образца, на первый разъ, я представляю Вашему Превосходительству краткое извлеченіе изъ любимой

и весьма уважаемой Буддистами книги, которая, по моему мнѣнію, можетъ служить начальнымъ руководствомъ для изслѣдователей основаній вѣры, столь далеко распространившейся между Азійскими народами. Здѣсь вы не найдете ни системы, въ которую можно было бы привести религіозныя положенія, ни опроверженій оныхъ; но замѣтить изволите простое только указаніе порядка древнихъ *Легендъ*, изъ коихъ видна довольно цѣль и средства для достиженія оной употребляемыя приверженцами Буддизма. Здѣсь пересказаны дѣянія Буддъ разныхъ временъ, правила ими преподанныя слушателямъ своимъ; здѣсь при удобномъ случаѣ помѣщены краткія извѣстія о Царяхъ Индійскихъ, сопряженныя съ судьбой Буддизма, и проч.

Уликгэрунъ далай, море притчъ. Въ семъ собраніи повѣстей изложено ученіе, легкимъ и понятнымъ образомъ для всенароднаго чтенія, о способахъ достиженія степени Будды.

Экземпляръ сей книги, принадлежащій Библіотекѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета, напечатанный на 260 листахъ, имѣетъ въ длину $4\frac{1}{2}$, а въ ширину $13\frac{3}{4}$ вершковъ. Доски для него вырѣзаны были въ шестое лѣто правленія *Юнъ-дженъ*, по Монг. *Найралту тубъ* (1722—1735), первой лѣтней луны 15 числа; слѣдовательно, по нашей Хронологіи, 1728 года.

Сочиненіе раздѣлено на 12 главъ, въ коихъ заклю-

чаются 52 параграфа. Каждый изъ нихъ начинается словами: *однажды слышалъ я, что* и проч., ибо имѣетъ въ виду представить дѣянія и изреченія Будды, собранныя учениками и слушателями его, а оканчивается описаніемъ впечатлѣнія, произведеннаго на зрителей.

Море притчъ входитъ въ составъ *Ганджура* и помѣщено (по *каталогу*, хранящемуся въ Библіотекѣ Университета) въ 28-мъ томѣ отдѣленія, подъ заглавіемъ: *собраніе сутръ* (судуръ).

Теперь разсмотримъ подробно всѣ повѣсти по порядку.

Глава первая.

(1 — 25. л.).

§. 1. *Сакямуни* (Шигемуни), въ Индійскомъ Царствѣ *Макгада*, посредствомъ духовныхъ упражненій приобрѣвъ совершенство и святость Будды и увидѣвъ невозможность исправить всѣ одушевленныя существа, пожелалъ содѣлаться *нирваною*. Тегріи низпустившись съ небесъ, представъ предъ лице Всесовершеннѣйшаго, поклонились ему и сложивъ ладони умоляли его оставить свое намѣреніе и продолжать просвѣщеніе тварей ученіемъ о вѣрѣ. Для вящшаго убѣжденія его воспоминаютъ они страданія, коимъ онъ подвергался въ прежнихъ своихъ перерожденіяхъ на

Джамбудвипъ ради спасенія себя и другихъ. Дѣянія его изложены здѣсь въ особыхъ статьяхъ:

а.) О Кганашанибали, могущественномъ и милосердомъ Царѣ, который для блага подданныхъ своихъ рѣшился всѣмъ пожертвовать за ученіе святыхъ. *Лю-Дваджа* браминъ, прибывъ во дворецъ его предложилъ свои услуги въ семъ дѣлѣ, съ условіемъ, чтобы Царь дозволилъ вонзить въ тѣло и зажечь въ ономъ тысячу свѣчь. Царь охотно соглашается, но подданные заклинаютъ его любовью къ нимъ не подвергать жизни столь великой опасности. Просьба ихъ тщетна. Браминъ, по желанію Царя, научаетъ что: „*все приобрѣтенное имущество со временемъ истощится; всякая высота низринется; все любимое будетъ отлучено; все что родится, должно неминуемо умереть.*" Послѣ сихъ словъ Царь съ радостью произноситъ, что онъ ищетъ ученія единственно для приобрѣтенія достоинства Будды, дабы всѣ одушевленныя существа просвѣтить свѣтомъ премудрости. Лишь окончилъ сіи слова, потряслось небо, земля и святыя обиталища Тегріевъ, которые низпустившись во вселенную и узрѣвъ разрушенною всю плоть Царя, пролили слезы. Наконецъ Хормуста, владыка 33-хъ Тегріевъ прибылъ спросить у страдальца, не раскаивается-ли онъ въ своемъ поступкѣ при толикихъ мученіяхъ? — Ни мало, возразилъ Царь, и въ одно мгновеніе тѣло его изцѣлилось. Въ лицѣ упомянутаго Царя находился тогда самъ Сакямуни.

б.) О Бирлингъ Кгирлингъ, могущественномъ Царѣ, который изъ любви къ своимъ подданнымъ для просвѣщенія себя вѣрою, по совѣту Лю-дважда брамимина, велѣлъ вонзить въ тѣло свое тысячу гвоздей. Ученіе же брамина заключалось въ сихъ словахъ: *Всякое созданіе тлѣнно, всякое перерожденіе неразлучно съ мученіями, все видимое вмѣщаетъ въ себѣ пустоту* (буддійскую), *все мое есть ничто, ничего нѣтъ моего.*"

в.) Объ одномъ Царевичѣ (*Сакямуни*), который, по совѣту брамина (*Хормусты*), ради св. ученія бросается въ огненный ровъ. Преподанное же ему ученіе объ обязанностяхъ Бодисатвъ относится къ умерщвленію всѣхъ страстей и милованію одушевленныхъ существъ.

г.) Въ городѣ *Варанаса* (Бенаресъ) *Утпала* глава Ришіевъ дозволилъ снять съ себя кожу на бумагу, кости свои употребить вмѣсто камыша, а кровь вмѣсто чернилъ для писанія святаго ученія объ обязанностяхъ Бодисатвъ, а именно: объ избѣганіи смертоубійства, воровства, лжи, обмана, брани и всякаго вожделѣнія.

д.) Нѣкогда *Сакямуни* на семъ Джамбудвипѣ воплотился въ *Шибсанъ Хана*, извѣстнаго по своему богатству, могуществу и милосердію. Между тѣмъ когда владыка Тегріевъ Хормуста, приближаясь къ

концу жизни, сѣтовалъ предъ *Ибсесова Карма* Ханомъ о невниманіи къ ученію Будды нынѣшняго періода, и что нѣтъ существа, къ которому можнобъ обращаться съ вѣрою. Ханъ сей, превратившись въ горлицу, а Хормуста въ ястреба, летятъ во дворецъ Шибсана, строгаго исполнителя правилъ Бидисатвъ. Горлица, будто преслѣдуемая жестокимъ ястребомъ, проситъ спасенія жизни у Царя; ястребъ же представляетъ себя изнуреннымъ отъ голода. Царь, движимый состраданіемъ къ одушевленнымъ существамъ, рѣшился изрѣзать свое тѣло, дабы накормить голоднаго и сохранить жизнь преслѣдуемой птицѣ. Хормуста, принявъ на себя прежній видъ, спрашиваетъ у Царя, чего онъ желаетъ за такую добродѣтель? — *Ничего болѣе*, отвѣчалъ Шибсанъ, *какъ удостоиться совершенства и святости Будды!* Такимъ образомъ найденъ былъ Будда, который для блага твореній жертвовалъ собою!

Сими воспоминаніями о прежнихъ дѣяніяхъ Сакямунія Царь *Эсрува* (Брахма) умоляетъ его, дабы перемѣнивъ мысль о переселеніи въ *нирвану*, продолжалъ благодѣтельствовать одушевленнымъ существамъ.

§. 2. *Будда*, спасши двухъ воровъ, разсказываетъ *Анандѣ* повѣсть о Царевичѣ, пожертвовавшемъ своею жизнію для сохраненія тигрицы, которая, за неимѣніемъ пищи, хотѣла пожрать своихъ дѣтенышей. Нѣкогда въ особѣ сего Царевича находился самъ Будда. (Повѣсть сія съ переводомъ и изъясненіями помѣще-

на *Г. Шмитомъ* въ концѣ Монгольской Грамматики, изданной въ С. Петербургѣ 1832. 4°.)

§. 3. О 2-хъ браминахъ, изъ коихъ одинъ желалъ во второй жизни воплотиться въ Царя, а другой въ Тегрія. Первый изъ нихъ за исполненіе принятыхъ на себя духовныхъ обязанностей удостоился желаемаго перерожденія, а послѣдній за нерадѣніе воплощенъ въ дракона.

§. 4. Объ одномъ юношѣ, который послѣ кончины своего родителя пришедъ въ крайнюю бѣдность нанялся въ услуженіе и приобрѣтенное значительное количество золота принесъ въ жертву Буддамъ, за что въ слѣдующемъ перерожденіи получилъ достоинство *Побѣдителя вражьей силы* (Архата, Будды).

§. 5. Купцы, отправляясь на море для отыскиванія дорогихъ рѣдкостей, взяли въ путеводители одного *Убашія*. Во время мореплаванія, Тегрій принимая на себя различные ужасные виды человѣковъ, спрашивалъ у нихъ: встрѣчаются-ли на родинѣ ихъ подобныя чудовища? Путеводитель въ своихъ отвѣтахъ изложилъ какъ мученія и казни, коимъ подвергаются одушевленныя существа въ адскихъ царствахъ за преступленія въ нынѣшней жизни, такъ и награды, коихъ удостоиваются исполнители закона. Въ заключеніи находится свѣдѣніе о разрушеніи міра.

Глава вторая.

(25 — 46 л.)

§. 6. Вельможа одинъ на берегахъ *Ганга* умолялъ *Манибадра* Тегрія о посланіи ему сына. Если исполнишь мое желаніе, говорилъ онъ, вознесу тебѣ благоуханіе, а въ противномъ случаѣ готовъ статую твою изломать и бросить въ огонь. Манибадра, не имѣя такой власти, обратился сперва къ *Бисманъ Тегрію*, а потомъ къ Хормустѣ Царю, который велѣлъ одному сыну Тегрія, приближающемуся уже къ кончинѣ, родиться сыномъ Вельможи, обѣщая ему достоинство *Тойна*. Новорожденный былъ неповредимъ, но увидѣвъ, что родители препятствуютъ ему въ принятіи духовнаго званія, прибѣгнулъ къ Буддѣ, съ помощію его получилъ степень *Гэлонга*, а занявшись изученіемъ св. Писанія, приобрѣлъ достоинство *Архата*. Это была награда за спасеніе жизни одному человѣку въ прежнемъ перерожденіи!

§. 7. О мальчикѣ, который собиралъ милостыню для пропитанія престарѣлыхъ слѣпыхъ своихъ родителей. Будда похваливъ сію добродѣтель, ученикамъ своимъ изъ Исторіи прежнихъ перерожденій разсказалъ происшествіе, въ которомъ онъ для родителей жертвовалъ тѣломъ и жизнію своею, за что послѣ былъ вознагражденъ.

§. 8. Объ уродливой Царевнѣ *Очиръ*, которую о-

тецъ выдалъ за нищаго, но извѣстнаго по своему хорошему происхожденію человѣка, а Будда превратилъ въ красавицу. Безобразіе ея было наказаніемъ за неуваженіе, оказанное къ одному *Пратіекъ*, красота же наградою за принесенное раскаяніе въ своемъ проступкѣ.

§. 9. Объ одномъ младенцѣ *Алтанъ эрдэниту*, въ *Ширавасунъ* городѣ, родившемся съ двумя золотыми монетами въ рукахъ. Родители его отъ сего разбогатѣли, а онъ самъ отъ Будды получилъ званіе Тойна, а потомъ и достоинство Архата, побѣдителя вражьей силы, вмѣстѣ съ такимъ даромъ, что до чего бы ни коснулся, все превращалось въ золотыя монеты; ибо онъ въ прежнемъ перерожденіи будучи нищимъ, за проданныя дрова получивъ двѣ монеты, принесъ въ жертву Буддѣ, отъ чистаго сердца.

§. 10. Объ одномъ молодомъ человѣкѣ, *Тэгрійнъ цэцэкъ*, который въ прежнемъ перерожденіи будучи нищимъ, собиралъ цвѣты и приносилъ въ жертву съ благоговѣніемъ сонму (буддійскаго) духовенства, за что нынѣ удостоившись красоты и достатка, усерднѣйше угощалъ Будду съ его товарищами, получилъ духовную степень Гэлонга и наконецъ сдѣлался Архатомъ.

§. 11. О *Тегрійнъ эрдэни* молодомъ человѣкѣ, удостоившемся степени Гэлонга, а потомъ и Архата,

за то, что онъ въ прежнемъ перерожденіи, во время Кассіапы Будды, подносилъ дары по своему состоянію и оказывалъ особенное уваженіе къ сонму духовенства.

§. 12. Всесовершеннѣйшій Будда, получивъ достоинство *явно пришедшаго*, многихъ учениковъ своихъ произвелъ въ духовное званіе. Приверженцы его отъ радости воспѣвали ему похвалы. Будда же поклялся дѣйствовать въ пользу усердныхъ послѣдователей, а окружавшимъ его Гэлонгамъ разсказалъ слѣдующее происшествіе: Нѣкогда Варанасскій Царь *Тэмэцэкчи* во время прогулки на горахъ отъ усталости уснулъ, а супруги его, отправившись въ лѣсъ за цвѣтами, нашли одного *Аршія* (*Риши*, учителя, святаго), по имени Кулицэкчи, неподвижно сидящаго въ рощѣ; приблизились къ нему съ благоговѣніемъ, поднесли цвѣты въ даръ и слушали поученія его о вѣрѣ. Царь проснувшись и отыскавъ своихъ супругъ возлѣ Ришія, узналъ, что онъ занимается усовершенствованіемъ себя въ долготерпѣніи. Потому для испытанія его отсѣкъ ему руки и ноги. Тогда потряслось небо и земля; прибѣжали ученики удостовѣриться въ непоколебимости духа своего наставника. Испуганный Ханъ услышалъ клятву Ришія и былъ свидѣтелемъ какъ кровь его превратилась въ молоко, а изувѣченное тѣло приняло прежній видъ. Но когда всѣ страшилища и вся природа готовились наказать дерзскаго Хана, сострадательный Риши, внявъ моленію грѣшника, освободилъ его отъ смерти. Тогда-то симъ Риши-

емъ былъ настоящій Будда, постоянно занимающійся спасеніемъ существъ отъ мученій.

§. 13 Однажды *Ананда*, размышляя объ удивительныхъ достоинствахъ своего наставника, для вразумленія присутствовавшихъ лицъ рѣшился просить его показать, какимъ образомъ въ прежнія времена своихъ приближенныхъ пропитывалъ собственнымъ тѣломъ и кровью, а потомъ открывъ для нихъ врата ученія, ввелъ на путь къ спасенію. Удовлетворяя сему желанію, Будда разсказалъ, какъ онъ нѣкогда находился въ лицѣ *Асаракчи Куцуту* Хана, доставившаго добродѣтельнымъ своимъ правленіемъ совершенное счастіе подданнымъ, такъ что когда *Якшасы* жаловались на недостатокъ человѣческаго мяса и крови для пропитанія, то онъ пожертвовалъ своею особою для жестокихъ чудовищъ, дабы симъ средствомъ спасти народъ свой отъ всякаго вреда, обѣщая притомъ, что коль скоро получитъ совершенство и святость (буддійскую), употребитъ всѣ мѣры для показанія пути къ вѣчному блаженству. Въ то время упомянутыми Якшасами былъ нынѣшній *Контанія* съ своими товарищами.

Глава третья.

(46 — 70 л.)

§. 14. Когда Всесовершеннѣйшій Будда занимался просвѣщеніемъ народа вѣрою, шесть лжеучителей (*Тиртика*, Философы) своею хитростію успѣли об-

манутъ толпы черни, водворить противное ученіе и разлить грѣховную заразу въ высшемъ даже сословіи. Лишившись надлежащаго уваженія избѣгалъ онъ свиданія со своими соперниками: наконецъ по убѣжденію разныхъ Индійскихъ Царей вынужденнымъ нашелся унизить гордыню ихъ, то чудесами, которыя творилъ среди стеченія многочисленнаго народа, то проповѣдью объ истинахъ вѣры своей, которую съ необыкновенною твердостію и рѣшимостію внушалъ толпящимся вокругъ его людямъ. Преніе сіе кончилось гибелью противниковъ Будды и обращеніемъ послѣдователей ихъ въ буддійскую вѣру. Побѣдоносный Будда лучами свѣта озаряетъ все небо. На каждомъ лучѣ является цвѣтокъ *линхоа* и изъ каждаго цвѣтка происходитъ Будда, научающій закону. Обрадованные зрители съ благоговѣніемъ взираютъ на божество. Самъ *Эсрува* приглашаетъ Будду, воздаетъ подобающія ему почести, а яркіе лучи наполняютъ вселенную и благочестивыя существа достигаютъ цѣли своего желанія. Потомъ Будда, внявъ просьбѣ четырехъ *Махараджа* (Великихъ Царей) Тегріевъ, переселился въ ихъ обиталища для проповѣди: посѣщая различныя царства творилъ чудеса; наконецъ простеръ руку до 18 отдѣленій Ада, гласомъ ученія принесъ помощь страждущимъ тамъ существамъ за прежде содѣланные ими грѣхи.

На усердное моленіе *Упакампа* Хана Будда открываетъ, что онъ столь великую святость и силу получилъ единственно чрезъ рачительное исполненіе

десяти добродѣтелей, и сіе обстоятельство яснѣе излагаетъ въ притчѣ о *Биликту кгэрэлъ* Царевичѣ, который послѣ кончины своего родителя согласился принять престолъ съ тѣмъ, чтобы подданные его старались поступать по десяти добродѣтелямъ, отвергая всѣ грѣховныя дѣла. Между тѣмъ, повелитель *Шимнусовъ*, завидуя благоденствію народа, подложнымъ письмомъ отъ имени добродѣтельнаго Царя склоняетъ къ грѣхамъ. Но гласъ страждущей невинности вызвалъ Хана къ возстановленію прежняго порядка.

По просьбѣ выше упомянутаго Хана Будда о побѣдѣ, одержанной надъ шестью лжеучителями разсказываетъ въ слѣдующей притчѣ: Хормуста, принявъ на себя видъ врача, предложилъ лекарство супругамъ одного безплоднаго Хана. Младшія изъ нихъ немедленно послѣдовали сему совѣту; старшая же, увидѣвъ уже дѣйствіе лекарства на другихъ, употребила выжимки только и родила безобразнаго въ сравненіи съ прочими сына. Младенецъ, пришедъ въ возмужалость успѣлъ, побѣдить одного Хана, отъ силы коего родные братья его прежде убѣжали. Обрадованный отецъ старался пріискать для него прелестную невѣсту, но получилъ оную не прежде, какъ послалъ одного красиваго сына вмѣсто безобразнаго жениха. Со временемъ подлогъ сей былъ открытъ и новобрачная тайно отправилась къ отцу своему. Мужъ съ лукомъ и трубою послѣдовалъ за нею. Между тѣмъ шесть Вассаловъ, узнавъ о возвращеніи красавицы, воору-

женною рукою потребовали ее въ замужство. Отецъ въ отчаяніи хотѣлъ было уже разсѣчь дочь на шесть частей и отослать къ врагамъ; но по совѣту вельможъ, рѣшился отдать тому, кто одержитъ побѣду надъ наглецами. Является Царевичь, зять его; выпустивъ стрѣлу, входитъ въ станъ осаждающихъ, отсѣкаетъ имъ головы и покоривъ войска возвращается съ женою къ своимъ родителямъ. Посредствомъ талисмана, полученнаго отъ Хормусты, возсіялъ онъ необыкновенными прелестями, а съ помощію четырехъ Царей драконовъ (Нагараджа) воздвигнулъ великолѣпнѣйшій дворецъ изъ драгоцѣнныхъ камней. — Въ заключеніи Будда объясняетъ, что въ то время симъ безобразнымъ Царевичемъ былъ онъ самъ, Вассалами Тиртики, соперники его, и что за поднесеніе нѣкогда масла одному больному Пратіекѣ, пребывавшему на горѣ, нынѣ удостоился столь необыковенной милости. (cf. I. J. *Schmidt's* Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literärischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel Asiens, vorzüglich der Mongolen und Tibeter. S. Ptbg. 1824. 254—277.)

Глава четвертая.

(70 — 87. л.)

§. 15. Во время болѣзни Будды, когда врачъ приготовлялъ лекарство, *Девадата*, движимый завистью, выпросилъ для себя все количество лекарства и принявъ оное, захворалъ; но, по неизчерпаемому милосердію Всесовершеннѣйшаго освобожденъ былъ отъ

недуга. При семъ случаѣ на вопросъ Ананды, Будда разсказалъ происшествіе, изъ коего явствуетъ, что Девадата и прежде неоднократно былъ его противникомъ. Однажды Варанасскій Ханъ, увидѣвъ во снѣ златоцвѣтнаго звѣря, повелѣлъ промышленникамъ подъ смертною казнію доставить кожу его. Звѣроловы согласились отдать значительное количество имущества тому, кто предприметъ убить упомянутаго звѣря; а въ случаѣ смерти его вознаградить жену. Для сохраненія людей вызвался одинъ охотникъ. Недостаткомъ пищи приведенный въ крайнее положеніе, началъ онъ призывать спасителя. Является желаемый звѣрь, оживляетъ полумертваго промышленника, добровольно отдаетъ ему свою кожу. Тогда-то симъ звѣремъ былъ нынѣшній Будда, а свирѣпымъ Ханомъ Девадата.

Въ 16. §. воспѣты достоинства, заслуги и преимущества духовной особы предъ прочими буддійскими добродѣтелями. Потомъ слѣдуетъ повѣсть объ одномъ сѣмейномъ старцѣ, который для полученія степени Тойна прибѣгалъ ко многимъ слушателямъ, но не видя никакого успѣха въ своей прозбѣ, обратился къ самому Буддѣ и по его приказанію сдѣланъ былъ Гэлонгомъ. Но вмѣсто того, чтобы поселиться въ монастырѣ, избѣгая товарищей, хотѣлъ онъ вскочить въ воду. Модгалвани магическою силою перенесъ его на противный берегъ и тамъ примѣрами и притчами объяснилъ ему причины наказанія въ будущей и обязанности въ нынѣшней жизни. Притчи: а.) о жен-

щинѣ, влюбленной въ самую себя, б.) о служанкѣ, которая вкуснѣйшія явствы, предназначенныя въ жертву, оставляя для себя, крохи только подносила Гэлонгу, в.) о Тойнѣ, который имущество, принадлежащее къ Ховаракамъ отдавалъ постороннимъ людямъ, г.) объ охотникѣ, который убивалъ много звѣрей, д.) о рыцарѣ, умерщвлявшемъ людей, наконецъ е.) о прежнихъ дѣяніяхъ выше упомянутаго старца.

Глава пятая.

(87—109 л.)

§. 17. О важности духовныхъ обязанностей *(шакшабатъ)* и заслугахъ особъ, принявшихъ оныя на себя. Притча объ одномъ *Убаши*, который скорѣе рѣшился умертвить себя, чѣмъ согласиться на предложеніе красивой и богатой дѣвицы.

§. 18. Во время пребыванія Будды въ *Ширавасутѣ* одинъ богатый житель, умирая, оставилъ пять дочерей и беременную жену, отъ которой послѣ родился сынъ безъ глазъ, ушей, носа, языка, рукъ и ногъ, по имени *Мачи-Сами*. Но до появленія его въ свѣтъ, согласно мѣстнымъ законамъ, уже прибылъ чиновникъ для принятія оставшагося имѣнія въ пользу казны, такъ какъ послѣ его не осталось потомства мужескаго пола, однако же справедливый Царь, внявъ просьбѣ осиротѣвшихъ дочерей, велѣлъ возвратить имъ все до разрѣшенія отъ бремени вдовы, и по рожденіи сына отдать имъ въ полное распоряженіе. Старшая дочь вы-

ходитъ замужъ и изъ любви къ нему дѣлаетъ всякое ему угожденіе. Будда, на вопросъ мужа о причинѣ столь необыкновеннаго явленія, отвѣчалъ притчею объ одномъ человѣкѣ, имѣвшемъ двухъ сыновей, по имени Укликгэ и Шакшабатъ, очень скромныхъ, правдолюбивыхъ, сострадательныхъ къ неимущимъ и заслужившихъ общенародную похвалу. Старшій изъ нихъ назначенъ былъ судьей. Онъ подвергся сильному искушенію со стороны своей жены, подкупленной купцомъ, который чужое имущество желалъ себѣ присвоить. Симъ судьей былъ вышеупомянутый Мачи-Сали. За несправедливое рѣшеніе дѣла онъ былъ мучимъ въ Аду, отъ котораго освободившись послѣ 500 перерожденій явился въ столь нещастной наружности, но завладѣлъ отцовымъ имуществомъ за подаваніе милостыни нищимъ.

§. 19. При Буддѣ въ *Ширавасунѣ* у одного тамошняго жителя родилась дочь въ бѣломъ тонкомъ полотнѣ. Постригшись въ монашество, вскорѣ получила она святость Бога. Будда объяснилъ сіе притчею объ одномъ нищемъ, имѣвшемъ одинъ только кусокъ холста, въ которомъ когда отправлялся для испрошенія себѣ милостыни, жена его вынуждена была лежать закутавшись въ траву. За прибытіемъ Тойна къ воротамъ, нищая рѣшилась отдать ему послѣдній холстъ для снисканія себѣ блаженства въ будущей жизни, убѣждая мужа, что нынѣшняя нищета есть послѣдствіе прежней скупости и невниманія къ бѣднымъ. „Подавъ милостыню, говорила она, ес-

ли и умру, то обрѣту щастіе." Посредствомъ Будды сіи нищіе получили одѣяніе съ царскими украшеніями, были приняты въ число Ханскихъ собесѣдниковъ: сверхъ сего упомянутая женщина въ слѣдующихъ перерожденіяхъ являлась въ полотнѣ и была осыпана богатствомъ.

§. 20. Одна служанка, лишенная платья и пропитанія, не могши перенести безпрестанныхъ побоевъ отъ богатаго своего господина, удалилась на берегъ рѣки и тамъ, оплакивая несчастную судьбу, желала скорѣе окончить жизнь. Прибывшій Тойнъ посовѣтовалъ оной продавать нищету; велѣлъ обмывъ руки раздавать милостыню. „Могу-ль я исполнить твое приказаніе, не имѣя ничего у себя?" спросила старуха. Можешь, отвѣчалъ Тойнъ; возми чашку, налей воды и подай мнѣ! Потомъ велѣлъ идти въ домъ своей госпожи и тамъ уснуть на травѣ. Она тамъ умерла, а душа ея, за раскаяніе въ прежнихъ поступкахъ, переселилась къ 33-мъ Тегріямъ. Госпожа, проснувшись, приказала трупъ вытащить на кладбище: но дѣвы Тегріи, посыпая оный цвѣтами, возвѣстили о достоинствахъ умершей служанки.

§. 21. Однажды въ *Ширивасунтъ* родился златоцвѣтный младенецъ *Алтанъ Тегри* и былъ открытъ колодезь, доставляющій все по желанію хозяина. У Джамбага народа же родилась златоцвѣтная дѣвица *Алтанъ кеэрэлъ* и былъ открытъ колодезь подобный первому. Съ согласія родителей дѣти соединились

бракомъ. На свадьбѣ ихъ Будда съ сонмомъ духовенства своими поученіями укрѣпилъ вѣру всѣхъ присутствовавшихъ на пиршествѣ такъ, что новобрачные, немедленно принявъ духовное званіе удостоились совершенства и святости Бога. — Будда, на вопросъ Ананды о столь рѣдкомъ происшествіи; разсказалъ притчу о нищихъ, которыя нѣкогда крайне соболѣзновали о томъ, что ничего не могутъ поднести въ даръ духовенству. Мужъ потомъ, роя землю, нашелъ золотую монету; купивъ новый сосудъ и наполнивъ водою, опустилъ монету и, покрывъ зеркаломъ, взятымъ у жены, подарилъ духовенству. За таковое усердіе переродились они въ кругу 33.хъ Тегріевъ, нынѣже явились въ лицѣ Алтанъ Тегрія и Алтанъ Кгэрэла.

§. 22. Въ *Ширавасунѣ* Тегріи, снисходя къ молитвѣ одного богатаго жителя, послали ему сына необыкновенной красоты, который послѣ во время пиршества на берегу рѣки, упавъ въ воду, былъ поглощенъ рыбою, изъ коей въ другомъ мѣстѣ однимъ служителемъ былъ вынутъ и представленъ госпожѣ. Родители, узнавъ о семъ, требовали выдачи сына, но не успѣвъ въ своемъ предпріятіи, принесли жалобу Царю и получили отвѣтъ, что спорящіе должны воспитывать мальчика до совершеннолѣтія, а потомъ дать ему по одной женѣ, и тотъ возметъ его, чья невѣстка родитъ сына. Между тѣмъ мальчикъ пожелалъ поступить въ духовное званіе, и съ дозволенія родителей получилъ благословеніе отъ Будды. Потомъ

Будда, по просьбѣ Ананды, сказалъ притчу, изъ коей видно, что сей мальчикъ за исполненіе духовныхъ обязанностей и поднесеніе золотой монеты одному Буддѣ въ прежнемъ перерожденіи, нынѣ награжденъ богатствомъ и блаженствомъ.

Глава шестая.

(109 — 130 л.)

§. 23. Въ *Вайсали* Будда однажды спросивъ у Ананды: по приобрѣтеніи четырехъ магическихъ силъ, сколько еще времени пробудетъ онъ въ семъ мірѣ, велѣлъ ему въ уединеніи подумать. Между тѣмъ отъ Владыки грѣшныхъ *Шимнусовъ* услышавъ, что просвѣтивъ безчисленное множество существъ, онъ долженъ уже содѣлаться *нирваною*, насыпалъ песку на ноготь и спросилъ у него: гдѣ болѣе, на ногтѣ-ли или на землѣ?— На землѣ, отвѣчалъ Шимнусъ. Потомъ Будда объявилъ ему, что число просвѣщенныхъ къ непросвѣщеннымъ соразмѣрно количеству песка на ногтѣ съ пескомъ на земли, и обрадовалъ симъ извѣстіемъ, что чрезъ три мѣсяца содѣлается *нирваною*. Тогда Ананда видѣлъ во снѣ исчезающее огромное дерево, вѣтви и листья коего разлетѣлись отъ дуновенія вѣтра. Это было предзнаменованіе скорой кончины. Столь горестное извѣстіе растрогало всѣхъ учениковъ Будды. Они стеклись насладиться еще лицезрѣніемъ своего наставника. Въ томъ числѣ былъ и знаменитый *Шаритутра*, который съ печали кончилъ жизнь. Душа его переселялась изъ одного буддійскаго царства въ

другое, а бренные останки сожжены на сандальномъ кострѣ. При семъ случаѣ Будда произнесъ притчу о Царѣ *Саранъ-Кгэрэлъ*, прославившемся своимъ могуществомъ, богатствомъ, а еще болѣе благодѣяніями, поощрявшемъ своихъ вассаловъ къ раздачѣ щедрой милостыни и обнародовавшемъ свою готовность удовлетворить желанію каждаго. Громкое его имя возбудило зависть въ другомъ Царѣ, который вызвалъ даже охотниковъ умертвить соперника. Одинъ Браминъ, увлеченный лестными обѣщаніями, отправился въ столицу требовать не милостыни, но головы Саранъ-Кгэрэла. Добродѣтельный Царь отвергнувъ просьбы всѣхъ своихъ подданныхъ и вельможи Маха-Чандра, преклонилъ голову на отсѣченіе, повелѣвая наслѣднику своему не мстить убійцѣ. Но лѣсной Тегри однимъ ударомъ поразилъ брамина, а потомъ по просьбѣ сострадательнаго Царя возвратилъ ему жизнь. Царь палъ отъ меча брамина. Потряслась земля и чертоги Тегріевъ: Бодисатвы зарыдали. Услышавъ о семъ, завидливый Ханъ кончилъ жизнь. Презрѣнный цареубійца умеръ отъ голода и страха. Тогда-то, по изъясненію Будды, завидливымъ Ханомъ былъ нынѣшній Шимнусъ, браминомъ Девадата, лѣснымъ Тегріемъ Маха-Модгалвани, Маха-Чандрой Шарипутра.

§. 24. Въ *Ширавасунтъ* одинъ вельможа, отецъ семерыхъ сыновей, при концѣ жизни, для послѣдняго изъ нихъ, посредствомъ брамина, во владѣніяхъ *Сри-тикта*, пріискалъ добродѣтельную, милосердую, умную и красивую невѣсту, которая, будучи еще въ дорогѣ

къ жениху, успѣла дважды сохранить жизнь тестю, а потомъ дома, принявъ все хозяйство на свои руки, восхитила родителей своею распорядительностію и почтеніемъ къ старшимъ; спасла Царицу, мудростію же поддержала честь Царя, а произведя въ свѣтъ 32-хъ сыновей необыкновенной силы, заставила всѣхъ трепетать. Но сіи юноши, по причинѣ шалости самаго меньшаго, были оклеветаны предъ Царемъ и лишены жизни. Головы ихъ присланы въ ящикѣ къ матери, тогда какъ она, угощая у себя Будду съ сонмомъ духовенства, просила низпослать ей чувство состраданія и дозволеніе прислуживать больнымъ Гэлонгамъ. Будда, исполнивъ ея желаніе, отправился въ садъ. Мать, увидѣвъ въ ящикѣ головы убіенныхъ, хладнокровно перенесла такое несчастіе, будучи увѣрена въ тлѣнности всего въ мірѣ. Но обиженные родственники, пошедъ войною противъ несправедливаго Царя, обложили его столицу. Испуганный Царь ищетъ убѣжища у Будды, а Ананда обращается съ вопросомъ о причинѣ такого неистовства. Оказалось, что оные юноши наказаны нынѣ за убіеніе быка у одной бѣдной женщины, а за возжиганіе нѣкогда свѣчь предъ божествомъ пользовались недавно богатствомъ и чрезвычайною силою.

Глава седьмая.

(130 — 148 л.)

§. 25. Въ южной Индіи, у *Суварна-буми* народа *Маха-Кабина* Царь славился правдолюбіемъ и могу-

ществомъ такъ, что никто не дерзалъ противоборствовать ему. Однажды разсматривая тонкое полотно и узнавъ, что оно получается изъ Срединнаго царства (*Макгада*) вспомнилъ старую вражду съ тамошнимъ Царемъ: отправилъ къ нему посольство съ требованіемъ рабскаго уваженія. Будда, принявъ участіе въ положеніи обиженнаго, велѣлъ отвѣчать посланнику, что есть еще Царь, гораздо сильнѣе его, къ которому онъ долженъ обратиться. Посолъ ѣдетъ въ Ширавасунъ. Будда является въ видѣ всемірнаго Монарха, Маха Модгалвани дѣлается Царедворцемъ, садъ Принца Илагукчи сіяетъ драгоцѣнностями, а по срединѣ онаго блеститъ великолѣпнѣйшій дворецъ. Пораженный столь неожиданными предметами посланникъ съ трепетомъ представъ предъ Царя, подноситъ письмо отъ своего повелителя. Хубилганъ, бросивъ оное подъ ноги, какъ владыка четырехъ Двиповъ, требовалъ уваженія и покорности отъ Маха-Кабина, подъ опасеніемъ неминуемаго наказанія. Такимъ образомъ гордый Царь вынужденъ былъ со многочисленною толпою своихъ вассаловъ придти поклониться Монарху и испытать свое безсиліе. Между тѣмъ, Будда въ его владѣніяхъ, магически распространилъ вѣру, а принявъ прежній видъ и снисходя къ моленію Маха-Кабины далъ ему степень Тойна, съ коею онъ удостоился потомъ святости Архата, какъ награды за возобновленіе одной *субурги*, въ прежнемъ своемъ перерожденіи, вскорѣ послѣ кончины Касіяпа-Будды.

§. 26. Въ Ширавасунѣ послѣ *Прасанджита* Хана возсѣлъ на престолѣ сынъ его *Вайдурія*, вассалы коего, пренебрегая законы вѣры, умерщвляли людей. Тогда многія женщины высшаго сословія, отрекшись отъ міра, приняли обѣтъ Шимакцы, получая все пропитаніе отъ народа, а для просвѣщенія себя вѣрою отправились къ старшей Шимакцѣ; но будучи упрекнуты въ своемъ поступкѣ, обратились къ *Утпала* Шимакцѣ съ просьбою объ объясненіи закона святыхъ, и получили въ отвѣтъ изреченія о пламени страстей, насъ пожирающихъ, трудности спасенія и страданіяхъ человѣковъ. Наконецъ Шимакца въ воспоминаніи о прежнихъ приключеніяхъ раскрыла всю горькую участь свою въ теченіи немногихъ лѣтъ: (потеря мужа, дѣтей, родителей, зарытіе въ землю и проч). По повелѣнію Будды удостоилась она степени Тойна, а потомъ и святости Архата. Прежнія страданія ея были послѣдствіемъ проклятія, а послѣднее счастіе наградою за подачу милостыни Пратіекѣ.

§. 27. Будда, на вопросъ Ананды объ обращеніи первыхъ пяти учениковъ, отвѣчаетъ, что они прежде питались его мясомъ, а нынѣ вкусили *рассіяна* ученія. Въ незапамятное время на семъ Джамбудвипѣ *Сотола-Карми*, узнавъ отъ пророковъ, что въ теченіе двенадцати лѣтъ не будетъ дождя, движимый состраданіемъ къ одушевленнымъ существамъ, раздавалъ хлѣбъ народу, а когда явилась зараза, то умолялъ Будду о превращеніи его самаго въ рыбу для насыщенія ал-

чущихъ. Желаніе его сбылось. Пять плотниковъ, поймавъ рыбу, не токмо себя, но и всѣхъ приходящихъ прокормили. Благоговѣйные переродились въ Тегріевъ. Тогда-то симъ Царемъ былъ нынѣшній Будда, плотниками пять главныхъ учениковъ, народомъ же восемьдесять тысячь прозелитовъ.

§. 28. Однажды Будда съ Анандою на дорогѣ, ведущей въ садъ Принца *Илагукчи*, встрѣтили играющихъ мялютокъ, изъ конхъ двое поднесли ему въ даръ песку. Будда, принявъ ласково сіе приношеніе, отдалъ Анандѣ для употребленія въ храмѣ, прибавляя, что одинъ изъ жертвователей со временемъ содѣлается Осока Ханомъ, а другой его царедворцемъ, которые завладѣвъ Джамбудвипомъ. прославятъ *три сокровища* (Триратна), станутъ воздавать почести мощамъ, воздвигнутъ восемьдесять четыре тысячи *субургъ*. Въ заключеніе разсказалъ притчу о Царѣ *Такинъ* (въ моей рукоп. *Кгэкгенъ*) *Чидакчи*, оказывавшемъ особенное къ Буддѣ своего времени и сонму духовенства уваженіе со всѣми подданными, за исключеніемъ подвластныхъ Хановъ. Царь для приведенія ихъ въ вѣру желалъ передать имъ икону Будды, но ни одинъ изъ живописцевъ не могъ съ точностію изобразить примѣты божества. Потому самъ Бууда, написавъ икону, вручилъ Царю для снятія вѣрныхъ копій. Такимъ образомъ возбудилъ благоговѣніе во всемъ народѣ. Тогда-то упомянутымъ Царемъ былъ нынѣшній Будда.

§. 29. Будда однажды удивилъ Ананду своимъ сми-

реніемъ, оказывая особенное почтеніе старшему духовенству. По сему случаю произнесъ притчу объ одномъ Варанасскомъ жителѣ, который все свое имѣніе употребилъ на пріобрѣтеніе семи золотыхъ сосудовъ и спряталъ оные въ землѣ. Послѣ кончины его змѣй, стрегущій сіе золото, въ продолженіе многихъ лѣтъ за пристрастіе къ оному перерождался въ змѣя; наконецъ, призвавъ человѣка, отдалъ ему сосудъ для врученія духовенству и умолялъ его о своемъ спасеніи. Желаніе его исполнилось. Принесенный змѣй, возблагоговѣвъ къ вѣрѣ, отдалъ и остальные сосуды Ховаракамъ, за что былъ переселенъ въ Царство 33-хъ Тегріевъ. Въ то время упомянутымъ здѣсь человѣкомъ былъ нынѣшній Будда, змѣемъ же Шарипутра; а какъ прежде человѣкъ смирился предъ ужаснымъ и гнѣвнымъ змѣемъ, такъ нынѣ Будда съ почтеніемъ обратился къ сонму старшаго духовенства.

§. 30. Во время пребыванія Будды въ *Раджагриха*, одинъ нищій браминъ нанялся въ работники и за вырученныя деньги угощалъ духовныхъ, въ надеждѣ счастія: жена же его дала обѣтъ. Между тѣмъ *Прасанджита* Ханъ, увидѣвъ человѣка, привязаннаго къ дереву, обѣщалъ прислать ему пищи; но возвратившись во дворецъ, забылъ данное слово. Въ полночь, вспомнивъ алчущаго, отправился къ нему; но встрѣтивъ препятствіе со стороны злыхъ духовъ, Ракшасовъ и другихъ страшилищъ, вызывалъ охотниковъ за тысячу *лянь* золота доставить пищу страдаль-

цу. Брамминская жена, положившись на свои духовныя заслуги, рѣшилась отыскать онаго человѣка, и накормивъ на дорогѣ больныхъ Ракшасовъ, сберегла несомую пищу, получила отъ нихъ щедрую награду, а насытивъ привязаннаго къ дереву человѣка, получила обѣщанное золото отъ Хана. Такимъ образомъ браминъ, сдѣлавшись богатымъ, произведенъ былъ въ число Царедворцевъ: съ удовольствіемъ жертвовалъ онъ своимъ имѣніемъ на угощеніе Будды и духовенства.

Глава восьмая.

(148—170 л.)

§ 31. Будда въ *Раджагриха*, по случаю избранія *Ананды* въ прислужники, произнесъ притчу о богатомъ и знаменитомъ браминѣ, который умолялъ жертвами *Эсрува*, *Хормусту* и всѣхъ *Тегріевъ* о низпосланіи ему сына. По истеченіи 12 лѣтъ старшая супруга родила ему сына, черновласаго, златолицаго, по имени *Екэ укеликгэту* (великаго милостынедавателя). Съ возрастомъ сего юноши увеличивались и познанія. Во время торжественной прогулки внѣ столицы съ удивленіемъ взиралъ онъ на толпы людей, которые для собственнаго пропитанія не щадили ни жизни ни имѣнія своихъ ближнихъ. Пользуясь дозволеніемъ отца истощилъ $\frac{2}{3}$ сокровищъ на вспомоществованіе бѣднымъ, стекавшимся со всѣхъ сторонъ, а для новыхъ пріобрѣтеній рѣшился пуститься на море за драгоцѣнными камнями: не смот-

ря на всѣ увѣщеванія чадолюбиваго родителя отправился въ путь. Ограбленный на дорогѣ прибѣгнулъ онъ къ одному брамину объ одолженіи 3000 лянь золота взаймы: но получилъ оное съ условіемъ, по совершеніи путешествія, жениться на браминской дочери. Великій милостынедаватель, окончивъ благополучно странствіе съ купцами, предпринялъ одинъ путь къ чертогамъ *царя драконовъ* (Нагараджа). Получивъ три драгоцѣнныхъ камня отъ драконовъ, вздумалъ еще подняться на воздухъ и лишился всего пріобрѣтенія своего. Тогда въ отмщеніе драконамъ хотѣлъ было изсушить море. Намѣреніе сіе превышало его силы. По содѣйствію *Вишну* и *Тегріевъ*, драконы вынуждены были возвратить похищенные камни. Сынъ Брамина летитъ къ тестю. Посредствомъ талисмановъ осыпанъ былъ сокровищами. Потомъ поспѣшилъ къ родителямъ, которые съ печали лишились зрѣнія: талисманомъ очистилъ глаза ихъ, обезпечилъ всѣ нужды бѣдныхъ, а поученіями привлекъ къ исполненію добродѣтелей. Тогда-то родителями его были *Содадами* ханъ и *Махамая*, родители нынѣшняго Будды; великимъ милостынедавателемъ самъ Будда, драконами *Шарипутра*, *Модгалвани* и *Ананда*, который въ прежнихъ перерожденіяхъ оказывалъ глубочайшее уваженіе къ своему наставнику.

§ 32. Въ томъ же городѣ однажды Будда, въ присутствіи *Эсрува Тегрія*, *Хорусты* и проч., явился

со всѣми признаками божества, разливая яркій свѣтъ золота. Онъ долженъ былъ изумленному духовенству разсказать, что это случается не въ первый разъ. Въ незапамятное время на семъ Джамбудвипѣ у одного Царя родился сынъ *Толинъ чирайту*, имѣющій златоцвѣтное тѣло, волосы черные, на ладоняхъ знаки колеса, на ногахъ изображенія коня и слона. Со столь необыкновенными качествами соединялъ онъ въ своей особѣ величіе, по которому, согласно волѣ родителя, возведенъ былъ на престолъ, предъ старшимъ своимъ братомъ. Нѣкогда Будда находился въ лицѣ сего Царевича.

Глава девятая.

(170—190 л.)

§ 33. Во время пребыванія Будды въ Ширавасупѣ, *Девадата* вмѣстѣ съ шестью лжеучителями (*Тиртика*) распространялъ мнѣніе, что худыя дѣла не составляютъ грѣха, равно какъ хорошія добродѣтели. Ананда изъ любви къ своимъ братьямъ со слезами принесъ жалобу Буддѣ на столь вредное ученіе, и въ отвѣтъ получилъ извѣстіе, что Девадата, по своему любостяжанію и тщеславію, въ прежнихъ даже перерожденіяхъ старался разрушить основанія добродѣтелей. Въ *Варанаса* (Бенаресъ) нѣкогда у одного брамина были два сына: кроткій *Сайнъ эрикчи* и гнѣвный *Магу эрикчи*, которые, собравъ по 500 товарищей, пустились искать драгоцѣнныхъ

камней. Чрезъ 7 дней, когда всѣ припасы кончились, старшій изъ нихъ началъ возсылать молитвы ко всѣмъ Тегріямъ и вскорѣ увидѣлъ ключь чистой воды, а по наставленію явившагося Тегрія отрѣзавъ вѣтвь у дерева получилъ пищу, одѣяніе и драгоцѣнные камни: младшій же въ надеждѣ богатой добычи вырвалъ съ корнемъ дерево. Тотчасъ вышли 500 Ракшасъ, которыя пожрали его со спутниками. Въ то время старшимъ Царевичемъ былъ нынѣшній *Будда*, а младшимъ *Девадата*, который, вопреки спасительнымъ наставленіямъ Будды, не переставалъ вредить ему.

§ 34. *Ананда* съ прочими товарищами удивлялся милосердію, какое всегда оказывалъ Будда своему врагу *Девадатѣ*. Посему случаю услышалъ онъ слѣдующую притчу о Царѣ, имѣвшемъ двухъ сыновей *Буянту* и *Никгулту*, изъ коихъ первый, увидѣвъ толпы тварей страждущихъ отъ голода, холода, болѣзней всякаго рода и зная несчастныя послѣдствія въ будущей жизни за злодѣянія, здѣсь сотворенныя, выпросилъ у отца дозволеніе употребить сокровища на пособіе нуждающимся, а по истощеніи богатства, въ сопровожденіи 500 купцовъ и младшаго брата, съ 3000 лянь золота отправился на море искать драгоцѣнныхъ камней. Проводникъ, указавъ ему бѣлую, лазуревую и желтую горы и передавъ свѣдѣніе о городѣ на золотомъ пескѣ, отъ старости умеръ. Потому Буянту Царевичь одинъ пошелъ въ городъ и возвратился съ успѣхомъ, между тѣмъ

какъ младшій братъ съ купцами, нагрузивъ свои лодки камнями, сдѣлался причиною ихъ потопленія. Буянту разсѣялъ грусть его, показавъ пріобрѣтенныя въ городѣ драгоцѣнности и обѣщая раздѣлиться оными въ случаѣ крайней надобности. Завидливый *Никгулту*, опасаясь немилости родительской, ночью во время сна выколовъ брату глаза, съ драгоцѣнностями убѣжалъ. Страдалецъ узналъ о виновникѣ своего несчастія отъ лѣснаго Тегрія. Излеченный пастухомъ слоновъ отправился въ Лишяръ городъ, гдѣ игрою на флейтѣ привлекая къ себѣ жителей, собралъ столь много милостыни, что могъ прокормить 500 нищихъ. Оттуда перешелъ къ садовнику пугать птицъ и тамъ случайно сдѣлавшись предметомъ состраданія и любви Царевны, лишился слѣпоты и торжественно былъ введенъ во дворецъ. Между тѣмъ Никгулту успѣлъ увѣрить родителей, что старшій братъ его утонулъ вмѣстѣ съ купцами. Но Царь получивъ чрезъ птицу извѣстіе о настоящемъ положеніи Буянту, младшаго сына низвергнулъ въ подземелье, отнесся къ Лишярскому хану объ увольненіи старшаго. Буянту сперва исходатайствовавъ богатое награжденіе пастуху слоновъ за его услуги, съ почестями и сокровищами возвратился къ родителямъ, испросилъ прощеніе Никгултую, а потомъ отыскавъ спрятанныя имъ драгоцѣнности, роздалъ щедрою рукой милостыню бѣднымъ и неимущимъ, поощрялъ всѣхъ къ исполненію добродѣтелей. Въ то время симъ благодѣтельнымъ Царевичемъ былъ нынѣшній Будда, Ли-

шарскимъ ханомъ Касіяпа, а Никгултуемъ Девадата, который, не смотря на всѣ свои злодѣянія, пользуется милосердіемъ Будды.

§ 35. Въ *Ширавасунѣ* 500 нищихъ, пользовавшихся пропитаніемъ при божественномъ наставникѣ и его духовенствѣ, прибѣгаютъ къ Буддѣ съ просьбой объ удостоеніи ихъ степени священства. Всесовершеннѣйшій объявилъ имъ, что ученіе его о вѣрѣ чисто, какъ ключевая вода, свойственно всякому званію и положенію человѣка, безъ различія пола и возраста, далъ имъ желаемую степень Гэлонговъ. Вскорѣ послѣ сего, когда Принцъ *Илагукчи* угощалъ у себя его вмѣстѣ съ сонмомъ духовенства, новопроизведенныхъ же, лишенныхъ славы знаменитаго происхожденія, оставилъ безъ вниманія; Будда магическою силой хубилгана, отправивъ ихъ по воздуху въ сѣверный зловонный *Двипъ* за сарацинскимъ пшеномъ, велѣлъ собраться потомъ съ прочимъ духовенствомъ на пиршество. Такимъ образомъ пристыдивъ Принца разсказалъ притчу какъ нѣкогда въ *Варанаса* (Бенаресъ) *Ришіи*, узнавъ отъ предсказателей о двенадцатилѣтнемъ бездождіи, спрашивали *Индукчія*, богатаго жителя, согласится-ли онъ во все несчастное сіе время кормить ихъ, ибо, въ противномъ случаѣ, будутъ принуждены искать другаго убѣжища. Желаніе ихъ было исполнено. 500 человѣкъ отряжено для прислуги. Но они вскорѣ соскучили своею обязанностію угождать нищимъ. Однажды слу-

житель забылъ даже пригласить Ришіевъ къ обѣду: неотступная его спутница, собака, въ извѣстное время воемъ дала знать духовенству. Ришіи прибыли и спустя нѣкоторое время увѣдомили Индукчія о приближеніи дождя. Плодородіе вознаградило труды хозяина. Прислужники раскаялись въ своемъ поступкѣ. За порицаніе духовенства 500 разъ перерождались они въ нищихъ, а за раскаяніе удостоившись милости достигли предѣловъ *орчиланга*. Тогда-то симъ Индукчіемъ былъ нынѣшній Будда, нерадивымъ прислужникомъ Принцъ Илагукчи. Собака же была вознаграждена въ слѣдующихъ перерожденіяхъ.

Глава десятая.

(190 — 207 л.)

§ 36. Одинъ слѣпой *брамминъ* съ удивленіемъ спрашивалъ у народа, поспѣшно идущаго въ садъ Принца Илагукчи, о мѣстопребываніи Будды: будучи знакомъ восьми голосовъ просилъ взять и его съ собою. Коль скоро услышалъ онъ проповѣдующаго голосомъ *Эсруа*, возблагоговѣлъ къ божеству, собственными глазами увидѣлъ Будду, украшеннаго 32 примѣтами и послѣ земныхъ поклоненій удостоился степени Гэлонга, а потомъ пріобрѣлъ силу *Побѣдителя врага* (чувственнаго наслажденія). Столь необыкновенная милость Будды привела въ сомнѣніе всѣхъ учениковъ, такъ, что Ананда осмѣлился спросить у наставника о причинѣ оной. Слѣдующая притча послужила

отвѣтомъ. Одинъ Царь на семъ Джамбудвипѣ управлялъ своимъ народомъ весьма счастливо, видя въ томъ награду за добрыя дѣла въ прежнемъ перерожденіи. Дабы заслужить блаженство, поощрялъ онъ всѣхъ своихъ вельможъ и вассаловъ творить милостыню. Не смотря на сіи убѣжденія, одинъ пограничный вассалъ былъ скупъ и немилосердъ, такъ, что царедворецъ его убѣжалъ ко владыкѣ Джамбудвипа съ донесеніемъ о неповиновеніи своего повелителя. Возгорѣлась война. Грѣшный Царь скрылся; но по совѣту злаго брамина отправилъ слѣпца къ Царю съ просьбою о глазахъ, вмѣсто милостыни. Между тѣмъ несчастныя воздушныя и земныя предзнаменованія приводили народъ въ уныніе. Благодѣтельный Царь исполнилъ желаніе посланника. Тогда потряслось небо, земля, чертоги Тегріевъ, посыпались цвѣты, низпустился Хормуста къ страдальцу. Твердая вѣра возвратила зрѣніе Царю, а злобный вассалъ скончался отъ страха. Добродѣтельнымъ Царемъ былъ самъ Будда, а злобнымъ Девадатта, слѣпцомъ же нынѣшній браминъ, одаренный окомъ вѣры, окомъ премудрости.

§ 37. Одинъ богатый сановникъ отдалъ своего сына на воспитаніе извѣстному по своей учености брамину. Чрезвычайные успѣхи въ наукахъ снискали дружбу и уваженіе у наставника, а красота лица плѣнила супругу его. Страстная женщина не могла успѣть въ своемъ предпріятіи, оклеветала воспитанни-

ка предъ мужемъ. Браминъ, по праву учителя, велѣлъ ему, ради спасенія души, послѣ семидневнаго поста умертвить тысячу человѣкъ и отрѣзавъ у каждаго по одному пальцу, сдѣлать четки и носить на шеѣ. Юноша удивился такому порученію, совершенно противному правиламъ вѣры; но получивъ мечь изъ рукъ наставника, убилъ 999 человѣкъ и для пополненія назначеннаго числа, когда рѣшился было умертвить свою родительницу, принесшую ему пищу, самъ Будда явился, успѣлъ привести его въ раскаяніе, просвѣтилъ вѣрою и удостоивъ степени Гэлонга, а потомъ Архата, взялъ его съ собою въ садъ Принца Илагукчи. *Хуругунъ эрикэту* (имя юноши, носящаго четки изъ пальцевъ) надѣвъ духовное одѣяніе отправился въ храмъ, гдѣ пріобрѣлъ славу сладкопѣніемъ, въ награду за построеніе субурги для мощей *Касіяпа—Будды* въ прежнемъ перерожденіи. *Прасанджита* Царь готовился уже съ ратью наказать убійцу столь многихъ людей; но узнавъ отъ Будды, что ужасный сей злодѣй сдѣлался нынѣ смиреннымъ, совершенно безвреднымъ и послѣ раскаянія въ своемъ поступкѣ удостоился степени Архата,—взглянулъ на кашляющаго Ламу и упалъ отъ одного воспоминанія о прежнемъ его варварствѣ. Будда объяснилъ сіе происшествіе притчей объ одномъ Варанасскомъ Царѣ, рожденномъ отъ Хана и львицы, который случайно отвѣдавъ человѣческаго мяса, велѣлъ всегда оное приготовлять. Потеря многихъ младенцевъ возмутила народъ, такъ, что Царь, съ по-

мощію Риши Ламы, превратившись въ *Мангуса* едва успѣлъ ускользнуть изъ рукъ негодующихъ вельможъ, и тамъ не преставалъ пожирать людей. Соединившись съ другими Мангусами, для пиршества велѣлъ умертвить тысячу Царевичей. И когда одного не досчитано, Царь Мангусовъ улетѣлъ за сыномъ Содасоми Хана. Юноша въ то время слушавшій поученія брамина, просилъ дозволенія 7 дней оставаться на мѣстѣ. Наставникъ же вѣщалъ о разрушеніи вселенной, о тлѣнности всего видимаго, мученіяхъ твореній и вѣчности духовныхъ свойствъ. Послѣ сего Принцъ, не смотря на всѣ препятствія со стороны Царедворцевъ, отправился согласно данному обѣщанію къ Царю Мангусовъ и повторивъ ему слова брамина, не токмо самъ освободился отъ смерти, но и Мангуса, убѣдивъ въ истинѣ ученія, заставилъ распространять оное по лицу земли. Тогдашнимъ Царевичемъ былъ нынѣшній Будда, жестокимъ же Царемъ нынѣшній Хуругунъ Эрикэту, котораго Будда во всѣхъ перерожденіяхъ, воздерживая отъ грѣховъ, велъ къ высочайшему блаженству.

Потомъ *Прасанджита* Ханъ спросилъ: правда-ли, что грѣшники во всѣхъ своихъ перерожденіяхъ будутъ убиваемы симъ Хуругунъ Эрикэту? — Внемли! отвѣчалъ Будда. Нѣкогда Варанасскій Царь имѣлъ двухъ весьма красивыхъ и сильныхъ сыновей, изъ коихъ младшій завидуя старшему, что онъ послѣ отца завладѣетъ престоломъ, вознамѣрился въ уедине-

ніи проводить жизнь по образу Ришіевъ. Съ дозволенія родителя въ теченіе многихъ лѣтъ исполнялъ свой обѣтъ. Между тѣмъ умираетъ Царь, потомъ и наслѣдникъ его. Царедворцы соглашаются пригласить младшаго Принца, живущаго на горахъ: но не легко успѣли въ своемъ предположеніи. Молодой Ханъ совершенно предался чувственному наслажденію. Царедворцы схватили его съ намѣреніемъ умертвить и избрать новаго для себя повелителя. Отчаянный Ханъ изрекъ на нихъ проклятіе: убивать во всѣхъ будущихъ перерожденіяхъ! Этимъ Царемъ тогда былъ нынѣшній *Хуругунъ эрикэту*, а мятежниками люди имъ убиваемые. Грѣхи не остаются безъ наказанія. Упомянутый Лама хотя и находится въ собственномъ жилищѣ, но пылаетъ всегда адскимъ огнемъ. Нынѣ онъ крѣпокъ, какъ мѣдь, скоръ, какъ птица, а свободенъ отъ мученій *орчиланга* за соблюденіе духовныхъ обязанностей еще при *Касіяпа—Буддѣ*.

Глава одиннадцатая.

(207—241 л.)

§ 38. Въ *Ширавасунѣ* одна женщина крайне сокрушалась, что по причинѣ бѣдности ничего не можетъ поднести въ даръ Буддѣ. Послѣ цѣлодневнаго хожденія пріобрѣвъ одну полушку, хотѣла на оную купить масла для лампы; но по милости продавца получивъ болѣе, чѣмъ надлежало, поднесла оное Буддѣ, умоляя его о посланіи ей свѣта мудрости для

распространенія между одушевленными существами. Изо всѣхъ лампъ одна только теплилась до самаго разсвѣта, такъ, что Модгалвани собиравшій жертвы въ храмѣ ни какимъ образомъ не могъ оной погасить. Будда вѣщалъ, что воды четырехъ морей недостаточны для потушенія сей лампы, столь усердно принесенной, а женщину произвелъ въ Тойны, обѣщая ей со временемъ достоинство Будды; для успокоенія же любопытства учениковъ разсказалъ повѣсть о двухъ женщинахъ, богатой и нищей, изъ коихъ каждая приглашала къ себѣ Касіяпа—Будду съ духовенствомъ. Будда сперва былъ у послѣдней и сподобилъ ея достоинства *единожды возвращающейся*. Первая же за свою гордость и высокомѣріе въ слѣдующихъ 500 перерожденій являлась нищею и въ низкомъ состояніи, и потомъ за усердіе удостоилась степени Тойна.

Тамъ же многіе приходили въ садъ Принца въ теченіе 7 дней со свѣчами въ жертву Буддѣ. Божественный наставникъ, на вопросъ Ананды о причинѣ такихъ почестей, отвѣчалъ притчею объ одномъ Царѣ, на семъ Джамбудвипѣ, *Васика*, у котораго родился сынъ, имѣющій златоцвѣтное тѣло, съ 32 примѣтами и 80 прелестями. Призванный физіогномъ вѣщалъ, что младенецъ не можетъ быть сравниваемъ ни съ Тегріами ни съ людьми; если женится, будетъ всемірнымъ Царемъ, если же получитъ степень Тойна, сподобится достоинства Будды. Имя ему дано

Эрдени уснирту, ибо онъ имѣлъ на головѣ одну драгоцѣнность. Пришедши въ возрастъ получилъ степень Тойна, а снискавъ достоинство Будды несъ помощь безчисленнымъ одушевленнымъ существамъ. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ Царь воздавалъ подобающія ему почести, а Обасига Гэлонгъ собиралъ для него жертвы, пока Царевна велѣла отъ себя все нужное ему доставлять и за то удостоилась степени Тойна. Симъ Гэлонгомъ былъ *Девангара* Будда, а Царевной нынѣшній *Сакямуни* Будда, который за приношеніе нѣкогда свѣчь одаренъ былъ красотою.

§ 39. Въ *Раджагриха* молодой *Башицаръ* изъ любви къ одной дѣвицѣ началъ упражняться въ искуствѣ скомороха для забавы Хана. Однажды, падая съ каната, спасенъ, былъ Модгалваніемъ, съ обѣщаніемъ отказаться отъ женитьбы. Въ самомъ дѣлѣ прибѣгнувъ къ Буддѣ сподобился онъ степени Гэлонга, а потомъ и совершенства Побѣдителя врага. По сему случаю Будда разсказалъ повѣсть объ одномъ молодомъ человѣкѣ, въ *Варанаса*, прекрасной наружности, воспитавшемъ птенца, на которомъ послѣ поднимался на воздухъ. За страстную любовь къ Царевнѣ заслужилъ онъ смертную казнь и получивъ дозволеніе отъ Царя бросился съ дерева, но былъ спасенъ птицею. Тогда-то симъ молодымъ человѣкомъ былъ Башицаръ, а птицею Маха-Модгалвани.

§ 40. Объ одномъ бѣдномъ браминѣ, котораго

безобразная супруга въ гнѣвѣ умертвила семь своихъ дочерей вмѣстѣ съ ихъ мужьями. Браминъ же во время жатвы, взявъ у сосѣда быка и по неосторожности упустивъ его, не смѣлъ возвратиться домой. Потому отправился къ воистину пришедшему Буддѣ и нашелъ сидящаго подъ деревомъ, въ простотѣ души своей позавидовалъ его участи. Будда, внявъ моленію его, сподобилъ степени Гэлонга, а послѣ поученія, и святости *Побѣдителя врага.* Наконецъ на вопросъ Ананды о семъ произшествіи, разсказалъ повѣсть объ одномъ браминѣ, который мудрымъ Царемъ не токмо былъ признанъ невиннымъ по многимъ жалобамъ, но одаренный богатствомъ проводилъ жизнь въ блаженствѣ.

§ 41. Въ *Ширавасунѣ* одинъ богатый браминъ узнавъ отъ 6-ти наставниковъ, что онъ останется безпотомнымъ, надѣлъ изорванное платье и началъ горевать, что все имущество по смерти его должно перейти въ руки Хана. *Шимакца,* примѣтивъ брамина въ такомъ положеніи, убѣдила его въ невѣдѣніи упомянутыхъ наставниковъ и совѣтовала прибѣгнуть къ воинству, пришедшему Буддѣ. Браминъ въ новомъ платьѣ представъ предъ Будду, получилъ утѣшительный отвѣтъ, что вскорѣ родится у него сынъ, который пожелаетъ быть Тойномъ. По его просьбѣ Будда, окруженный сонмомъ духовенства въ слѣдующій день посѣтилъ домъ брамина и былъ принятъ съ подобающими почестями. Оттуда отправился къ

одному ключу и пилъ воду изъ него. Обезьяна же выпросивъ чашку у Ананды, вскочила на дерево и наполнивъ оную медомъ поднесла Буддѣ, но вскорѣ упавъ умерла, а душа ея немедленно переселилась въ лоно безплодной жены брамина. Родившійся сынъ, по имени *Балту* (медовый), испросилъ для себя степень Тойна, а выслушавъ ученіе о четырехъ истинахъ, сдѣлался Архатомъ, побѣдителемъ врага. При Касіапа-Буддѣ же одинъ молодой Гэлонгъ, увидѣвъ другаго, перескакивавшаго ровъ, уподобилъ его обезьянѣ, вскорѣ однако раскаявшись въ своей шалости, избавился отъ наказанія въ аду; но за прежнюю насмѣшку долженъ былъ 500 разъ переродиться въ обезьяну. Степень Тойна и встрѣча съ Буддою освободили его отъ всѣхъ мученій.

§ 42. Одинъ изъ хорошаго сословія и очень богатый человѣкъ *Таланъ Машицаръ*, въ слѣдствіе молитвы къ Тегріямъ и драконамъ получилъ сына *Ташила*, прелестной наружности. Тогда всѣ его зданія наполнились семью сокровищами. Между тѣмъ больному Царевичу Вайдурія врачи совѣтовали употребить *Курширса* для излеченія себя, и Царь обѣщалъ тысячу *лянь* золота тому, кто принесетъ упомянутую драгоцѣнность; услышавъ же, что она находится у Ташила самъ къ нему отправился съ просьбою. Великолѣпіе и богатство дома привело его въ крайнее удивленіе. Получивъ драгоцѣнность пожелалъ хозяину встрѣтить Будду и при семъ слу-

чаѣ объяснилъ кто есть Будда? Хозяинъ, немедленно представъ предъ лицо Будды, удостоился степени Гэлонга, а возблагоговѣвъ къ святому ученію, получилъ совершенство Побѣдителя врага.

По сему случаю Будда объяснилъ въ притчѣ прежнія заслуги сего Архата, а именно: когда, послѣ кончины Маши-удзэкчи Будды, 500 Гэлонговъ въ уединеніи предавшись богомыслію, посылали одного изъ среды: своей въ городъ за милостыней, а удостоившись святости велѣли ему объявить: какой награды желаетъ для себя? Перерождиться въ Тегрія, пріобрѣсть богатство и наконецъ достигнуть святости! отвѣчалъ Гэлонгъ и желаніе его было удовлетворено.

§ 43. Въ *Макгадѣ* во время рожденія одного младенца явился золотой слонъ, который надѣлялъ богатствомъ всѣхъ сверстниковъ юноши *Дзаганъ Тэткукчи.* Царевичь видя столь необыкновенное явленіе, вздумалъ, по возшествіи на престолъ, завладѣть слономъ. Но слонъ возвратился къ прежнему своему хозяину, который, опасаясь мщенія со стороны Хана, прибѣгнулъ къ Буддѣ съ просьбою объ удостоенія степени священства. Сдѣланъ онъ былъ сперва Тойномъ, потомъ Гэлонгомъ, а выслушавъ ученіе о четырехъ истинахъ, получилъ степень Архата, но никогда не разлучался со слономъ. На вопросъ Ананды о прежнихъ заслугахъ Дзаганъ тэш-

кукчія, Будда отвѣчалъ: если кто либо на нивѣ трехъ сокровищъ посѣетъ нѣсколько зеренъ добродѣтели, тотъ непремѣнно получитъ вѣчные плоды. И такъ, послѣ кончины Касіяпа-Будды одинъ благоговѣйный поклонникъ, починивъ изломанную статую слона въ Субургѣ, молился о низпосланіи ему богатства. По смерти переродился онъ въ Тегрія, потомъ въ кругу человѣковъ сдѣлался весьма богатымъ. Тогда-то симъ человѣкомъ былъ нынѣшній Дзаганъ тэшкукчи Гэлонгъ.

Глава двенадцатая.

(241—268 л.)

§ 44. Однажды въ *Ширавасунѣ* Будда надѣвъ нѣсколько изорванное платье, вмѣстѣ съ Анандою собиралъ милостыню. Принявъ благосклонно лоскутокъ холста для починки платья предвѣщалъ жертвователю брамину, что онъ за сіе со временемъ содѣлается Сайнъ-дзунгъ-биликту Буддою. Тотчасъ многіе увидѣвъ, что браминъ за столь малое подаяніе удостоится чрезвычайной награды, поднесли Буддѣ различныя платья изъ полотна. Въ отвѣтъ на сіе Будда разсказалъ, какъ онъ нѣкогда будучи въ семъ мірѣ подъ именемъ Маши-удзэкчи Будды, былъ приглашенъ со всѣми товарищами къ одному царедворцу; о чемъ узнавъ Ханъ немедленно прибѣгнулъ къ нему съ подобною же просьбою, но получивъ отказъ, вынужденъ былъ снискать согласіе упомянутаго вель-

можи на принятіе Будды. Тогда Всесовершеннѣйшій посѣтилъ обоихъ и отъ перваго изъ нихъ принялъ три духовныя ризы. Симъ царедворцемъ въ то время былъ нынѣшній Будда, который во всѣхъ своихъ перерожденіяхъ за добродѣтели получалъ награды.

§ 45. Будда, когда Гэлонги собралиль къ нему на поклоненіе въ саду Принца *Илагукчи*, разсказалъ имъ притчу объ одномъ грѣшникѣ, (низверженномъ въ адъ) котораго Эрлики впрягши въ колесницу, погоняли желѣзнымъ молотомъ. Знакомые изъ состраданія умоляли блюстителей ада о дозволеніи имъ тащить колесницу. Но грѣшникъ палъ подъ сильнымъ ударомъ разгнѣваннаго Эрлика, и тотчасъ переселился въ царство 33-хъ Тегріевъ. Симъ грѣшникомъ нѣкогда былъ Будда, который по сіе время старается возбуждать чувство состраданія во всѣхъ одушевленныхъ существахъ.

§ 46. Нѣкогда въ *Ширавасутѣ* Будда окружавшимъ Гэлонгамъ объясняя наказаніе предназначенное корыстолюбцамъ подтвердилъ разсказомъ о прежнихъ своихъ страданіяхъ, особенно въ царствованіе на семъ Джамбудвипѣ *Кусала* Хана, у котораго изъ волдыря на маковкѣ родился злотоцвѣтный, очень красивый сынъ, подъ именемъ *Орой-эцэ-тӯрӯксэнъ*. Послѣ кончины отца, сынъ владычествовавшій уже въ одной провинціи, принялъ престолъ. Четыре *Махараджа* дали ему благословеніе, поставивъ на

главѣ его сосудъ благовонной воды. Хормуста, Царь Тегріевъ, возложилъ на него драгоцѣнную корону. Народъ, дворецъ, сады, воды, словомъ: все подвинулось къ мѣстопребыванію младаго Царя, даже и символы семи сокровищъ. Такимъ образомъ Ханъ сей сдѣлался всемірнымъ. Пропитаніе и всѣ удовольствія подданныхъ его обезпечены были безъ малѣйшаго труда съ ихъ стороны. Однажды *Якша* прибывъ къ дворцовымъ воротамъ, пригласила Царя посмотрѣть блаженство на *ŷкэртŷ* и *Магу дагуту двипахъ*, во владѣніяхъ Махараджа и 33 Тегріевъ. Царь сидѣлъ на престолѣ вмѣстѣ съ Хормустою, поразилъ полчища Асуріевъ, спасъ Тегріевъ. Но за гордость послѣ толикихъ успѣховъ низпалъ изъ царства Тегріевъ у вратъ прежняго своего дворца и, умирая, сознался предъ толпами народа, что погибаетъ единственно отъ тщеславія и корыстолюбія. Потому вы, Гэлоши, прибавилъ Будда, видя столь худыя послѣдствія отъ сихъ пороковъ, избѣгайте оныхъ, а ищите святости и совершенства Божія! При Б рана Буддѣ сынъ одного брамина за подношеніе въ даръ Буддѣ нѣсколькихъ зеренъ гороху современемъ сподобился великой награды, царствованія въ четырехъ Двипахъ.

§ 17. Въ *Ширавасутѣ* у одного милостынедавателя была дочь, по имени *Маха*, которая съ благоговѣніемъ поднесла Буддѣ плодъ *Амра*. Она вышедши за Такшарійскаго Царевича, произвела въ свѣтъ

10 младенцевъ, украшенныхъ необыкновенными прелестями. Когда они пришли въ совершеннолѣтіе и намѣревались отправиться на облаву, чадолюбивая родительница запретила имъ убивать звѣрей, объясняя имъ, что, по словамъ Будды, за убійство ожидаетъ наказаніе въ аду, и возбудила въ нихъ желаніе, представъ предъ лицо Будды, просвѣтиться вѣрою. Юноши сіи современемъ пріобрѣли достоинство Архатовъ и всегда жили вмѣстѣ.

Нѣкогда воздвигнута была субурга для помѣщенія праха Хамукги-ибэкгэкчи Будды, которая послѣ разрушилась отъ ветхости. Одна женщина, благоговѣя къ священному мѣсту, начала оную поправлять съ помощію 10 прохожихъ, которые за таковое доброе дѣло въ слѣдующихъ перерожденіяхъ сдѣлались весьма счастливыми. Они-то теперь получили достоинство Архатовъ.

§ 48. *Упа-Кгупта* нищій браминъ, по своему высокомѣрію не могъ удостоиться степени Тойна. Однажды Будда, въ присутствіи учениковъ предвѣщалъ, что по истеченіи столѣтія отъ кончины его, упомянутый браминъ, сдѣлавшись Тойномъ, будетъ истиннымъ благодѣтелемъ безчисленныхъ существъ; умирая же приказывалъ Анандѣ составленныя *Судры* распространять. Ананда передъ смертью своею передалъ оныя ученику *Васика* съ тѣмъ, чтобы онъ сдѣлавъ Тойномъ *Упа-кгупту*, вручилъ ему всѣ кни-

ги для сохраненія. Упомянутый Тойнъ, согласно предсказанію Будды, употреблялъ различныя средства для смиренія существъ и приведенія оныхъ въ вѣру.

§ 49. Пятьсотъ турпановъ прилетѣли слушать поученій Будды, но сдѣлавшись жертвою птичника, переродились въ шестнадцати-лѣтнихъ дѣтей Тегріевъ, которые, разсмотрѣвъ прежнія свои дѣянія, собрали цвѣты и разныя благовонныя вещества и поднося оныя Буддѣ въ Варанасѣ, просили о духовномъ наставленіи. Желаніе ихъ было удовлетворено объясненіемъ четырехъ истинъ. Удивленный Ананда воскликнулъ: пришедшій въ міръ Будда всѣхъ насъ оросилъ дождемъ ученія, посредствомъ коего не токмо люди, но родившіеся даже въ царствѣ животныхъ удостоиваются высочайшей награды! Потому, истинное къ нему благоговѣніе должно считаться неоцѣненною добродѣтелью.

§ 50. *Девадата*, намѣреваясь убить Будду, уговариваетъ Царевича *Аджатасатру* возстать противъ отца, дабы вдругъ правленіе свѣтское и духовное принять въ свои руки. Лишь Аджатасатру началъ царствовать, подданные его перестали подавать милостыню Гэлонгамъ, которые тотчасъ съ жалобою обратились къ Буддѣ. Всесовершеннѣйшій послѣ поученія о рачительности къ успѣхамъ вѣры, показывая явный въ себѣ примѣръ, отвѣчалъ слѣду-

ющею повѣстью: При могущественномъ царѣ *Тэкши* въ семъ мірѣ поселилось неуваженіе къ вѣрѣ, такъ, что *Пратіеки*, жившіе нѣкогда въ лѣсахъ и на горахъ вынуждены были подняться на воздухъ и оттуда низносылать помощь одушевленнымъ существамъ: тогда звѣри воздавали имъ почести. Въ то время, одинъ левъ, обитатель горъ, питаясь плодами только и травою, никому ни малѣйшаго вреда не дѣлалъ. Видомъ своимъ столь прельстилъ звѣролова, что тотъ предпринялъ умертвить его для поднесенія Царю, въ надеждѣ большой награды: потому, скрывая лукъ и стрѣлы подъ духовною одеждой, отправился на гору и выстрѣлилъ въ спящаго царя звѣрей. Разбуженный левъ простилъ виновнаго и умирая произнесъ таинственныя слова, отъ чего потряслось небо и земля, изъ безоблачнаго неба полился обильный дождь и Тегріи почтили цвѣтами бездушные уже его останки. Звѣроловъ представилъ Царю шкуру убитаго звѣря, но получилъ весьма незначительную награду; ибо по книгамъ извѣстно было, что златошерстныя животныя суть истинные Бодисатвы. Царь же узнавъ отъ ученаго Рищія значеніе таинственныхъ словъ, тотчасъ воздалъ жертвы и поклоненія львиной шкурѣ и воздвигнулъ нарочно для оной *субургу*. Левъ сей за побужденіе другихъ къ добродѣтелямъ въ теченіе многихъ Калпъ являлся въ видѣ всемірнаго царя, а за доставленіе блаженства всѣмъ существамъ содѣлался Буддою, т. е. *Сакямуніемъ*. Царь, почитатель его, сдѣлался главою человѣковъ

и Тегріевъ, а за исполненіе добродѣтелей нынѣ находится въ Бодисатвѣ Майтрея, а звѣроловъ воплотился въ Девадатту.

§ 51. Близь *Раджагриха* въ грязной водѣ явился четвероногій червь, подобный змѣю. Приходитъ Будда и видя, что окружавшіе его Гэлонги не знали сего обстоятельства, начинаетъ слѣдующій разсказъ: Послѣ кончины *Маши-удзэкчи* Будды 104 тыс. Гэлонговъ, строгіе исполнители его правилъ поселились въ уединенномъ монастырѣ у подошвы горы, окруженномъ деревьями и прудами, и тамъ достигли высокой степени святости. Между тѣмъ, купцы сбившись съ дороги, попали въ упомянутое убѣжище и, съ благоговѣніемъ поклонившись, поднесли дары Гэлонгамъ, а по окончаніи путешествія возвращаясь съ драгоцѣнностями, богатую милостыню вручили ихъ эконому. По истребленіи всей пищи Гэлонги велѣли ему на принесенныя купцами драгоцѣнности пріискать жизненныхъ припасовъ. Экономъ на сіе не соглашался, доказывая, что полученная милостыня собственно ему принадлежитъ. Гэлонги разсѣялись въ разныя стороны. Экономъ, какъ виновникъ ссоры, былъ низверженъ въ адъ и мучился 31 калпу въ грязи. Тысяча Буддъ станутъ показывать его въ сей водѣ своимъ ученикамъ.

---

§ 52. Во время пребыванія Будды въ саду *Илагукчія*, *Ананда* и *Шарипутра*, ученики его, ночью

неоднократно окомъ Тегріевъ высматривали существа, нуждающіяся въ просвѣщеніи вѣрою. Однажды собака, слѣдовавшая за купцами, съѣла кусокъ мяса, за что хозяинъ переломивъ ей ногу, бросилъ въ пустыни. Шарипутра, надѣвъ духовное одѣяніе, съ чашкою въ рукахъ, тотчасъ полетѣлъ накормить голодное животное и просвѣтить ученіемъ о вѣрѣ. Собака потомъ переродилась въ Ширавасунѣ въ браминскаго сына, который чрезъ семь лѣтъ сдѣлался Тойномъ и удостоился степени Архата. При Касіяпа-Буддѣ былъ онъ Гэлонгомъ, имѣвшимъ пріятнѣйшій голосъ; но за порицаніе товарища своего, а именно за сравненіе голоса его съ собачьимъ лаемъ, подвергся онъ наказанію, перерождаясь 500 разъ въ собаку.

Симъ оканчивается важное и любимое сочиненіе, коего отдѣльныя главы не рѣдко бываютъ списываемы Буддистами, для обыкновеннаго чтенія въ степномъ сѣмейномъ кругу. Воспоминанія о дѣяніяхъ основателя вѣры, простое повѣствованіе объ одушевленныхъ существахъ, съ примѣненіемъ къ правиламъ религіи и буддійскимъ добродѣтелямъ, показывающее средства достиженія святости, укореняющъ основанія нравственности въ сердцахъ юныхъ слушателей.

СВѢДѢНІЯ

О МАНЬЧЖУРАХЪ

ВО ВРЕМЕНА

ДИНАСТІЙ ЮАНЬ И МИНЪ.

Исправляющаго должность ординарнаго профессора

САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Василья Васильева.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

По опредѣленію факультета Восточныхъ языковъ печатать позволяется, 26 ноября 1863 года.

Деканъ факультета восточныхъ языковъ *А. Мухлинскій.*

Въ типографіи В. Головина.

СВѢДЕНІЯ

110

О МАНЬЧЖУРАХЪ ВО ВРЕМЕНА ДИНАСТІЙ ЮАНЬ И МИНЪ.

ИСПРАВЛЯЮЩАГО ДОЛЖНОСТЬ ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА

САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Василья Васильева.

СВѢДЕНІЯ О МАНЬЧЖУРАХЪ ВО ВРЕМЕНА ДИНАСТІЙ ЮАНЬ И МИНЪ.

—

История народовъ Средней Азіи имѣетъ нѣкоторый интересъ только въ случаѣ ихъ политическахо значенія. Въ другое время нѣтъ никакой возможности прослѣдить за всѣми мелочными подробностями ихъ жизни. Въ другихъ странахъ народы болѣе просвѣщенные, не смотря на свою слабость, заботятся сами о преданіи потомству тѣхъ незначительныхъ въ общности, но интересныхъ для нихъ самихъ, переворотовъ, которые совершались въ ихъ быту; въ случаѣ укрѣпленія и усиленія небольшаго такого владѣнія, древняя исторія его уже готова. Но народы Средней Азіи не ведутъ собственныхъ записокъ, они предоставляютъ исторію своей страны сосѣдямъ болѣе ихъ образованнымъ и послѣдніе вписываютъ только тѣ событія, которыя имѣли связь съ ихъ внутренней жизнію. Такимъ образомъ въ послѣдствіи образуются тѣ неминуемые пропуски, которые бросаются невольно въ глаза при чтеніи исторіи этихъ странъ, тѣ многочисленныя затрудненія, которыя старается разрѣшить историкъ и которыя часто подавляютъ

самое глубокое изученіе, самую основательную ученость.

Но съ конца XIV столѣтія трудно указать на какую нибудь другую страну во всей Азіи, о судьбѣ которой можно было бы извлечь изъ тѣхъ или другихъ источниковъ меньше свѣденій чѣмъ о Маньчжуріи. И между тѣмъ безспорно, что ни одна нація въ Азіи не пріобрѣла такого значительнаго положенія какъ маньчжурская; значеніе ея съ половины XVII столѣтія принадлежитъ уже всемірной исторіи, и никакъ не можетъ быть исключено изъ исторіи всего человѣчества. Маньчжуры являются внѣ своей страны, еще обладателями Китая, Монголіи, Цзюнгаріи, Туркестана и Тибета. Въ слѣдствіе этого прежняя судьба ихъ пріобрѣтаетъ также всемірный интересъ; историкъ поневолѣ переносится мыслями въ ту страну, изъ которой они вышли и, уже съ большимъ сожалѣніемъ останавливается на пропускахъ въ судьбѣ этихъ Средне-Азіятцевъ.

Періодъ болѣе къ намъ близкій болѣе тѣменъ, чѣмъ времена отдаленныя. Со времени первыхъ сношеній обитателей Маньчжуріи съ Китаемъ, начавшихся еще до Р. Х. до начала XII столѣтія, судьба этой страны, неимѣвшей никакого значенія внѣ своихъ границъ, рѣдко пользовавшейся самостоятельностію, однако отмѣчена довольно удовлетворительно въ исторіи. Настоящее маньчжурское правительство позаботилось о собраніи изъ всѣхъ источниковъ всѣхъ возможныхъ сохранившихся свѣденій и издало ихъ въ одномъ обширномъ сочиненіи, извѣстномъ подъ именемъ *Мань-чжоу*

юань лю као:—Изслѣдованіе о древней исторіи Маньчжуровъ. Съ начала XII столѣтія предки нынѣшнихъ Маньчжуровъ, извѣстные подъ общимъ именемъ Чжурчженей, пріобрѣтаютъ въ первый разъ политическое значеніе, важное если не для всего свѣта, то по крайней мѣрѣ для восточной Азіи; они завоевываютъ Монголію и половину Китая; исторія за этотъ періодъ ихъ владычества очень обширна и подробна. Но въ слѣдъ за этимъ съ паденіемъ могущественной династіи, основанной Чжурчженями, династіи Цзинь или Айжинь, въ продолженіи четырехъ столѣтій до вторичнаго возвышенія, Маньчжуровъ, тоже самое Мань чжоу юань лю као, такъ ревностно заботящееся о передачѣ древней исторіи, сообщаетъ самое незначительное количество данныхъ. Какимъ образомъ изъ историческихъ данныхъ ускользнули факты, которыми обыкновенно исторія богаче по мѣрѣ приближенія къ настоящимъ временамъ. Виною этого опущенія должно ли считать политическое безсиліе Маньчжуровъ или, сверхъ того, есть и другія причины? Маньчжурія въ этотъ періодъ не прекращала тѣхъ связей, въ которыя она вступила уже съ давняго времени съ сосѣднимъ съ ней Китаемъ; при двухъ династіяхъ Юань и Минъ, господствовавшихъ одна за другой по паденіи династіи Цзинь, Маньчжурія была вполнѣ подчинена первой и находилась въ вассальныхъ отношеніяхъ ко второй; слѣдовательно предполагать, что китайская исторія, постоянный и единственный источникъ, изъ котораго только и можно почерпать свѣденія о древнихъ Маньчжурахъ, выпустила ихъ изъ виду по той причинѣ,

что не было ни какихъ сношеній у Китая съ этой страной, нѣтъ возможности. Зная аккуратность и даже мелочность китайскихъ документовъ, нѣтъ никакого вѣроятія думать, чтобъ этихъ документовъ не существовало—и дѣйствительно всѣ свѣденія доказываютъ, что до насъ не дошли только въ цѣлости современныя записки, или, что они намъ еще не вполнѣ извѣстны.

Первое предположеніе относится къ временамъ династіи Юань, основанной монгольскими государями, прямыми продолжателями и потомками Чингисхана. Не для одной маньчжурской исторіи можно пожалѣть о потерѣ тѣхъ драгоцѣнныхъ документовъ и книгъ, которыя были составлены при этой династіи. Достигши славы и могущества, которыхъ не достигала еще ни одна предшествовавшая династія, властвовавшая въ Китаѣ, она естественно позаботилась о переданіи своей славы въ потомство; была составлена подробная исторія о подвигахъ Чингисхана, Угэдея, Гуюка и Мункэ, и это описаніе не дошло до насъ. Одна Географія земель, принадлежавшихъ юаньской династіи простиралась до 1000 главъ и она также потеряна. Странная судьба! извѣстно, что Рашидъ Эддинъ также составилъ въ Персіи Географію и эта часть его великаго труда до сихъ поръ также не отыскана. Однакожъ, если занимающіеся персидской литературой не отчаялись еще въ отысканіи труда Рашидъ-Эддина, то будемъ надѣяться что современемъ мы можетъ быть также отыщемъ и часть географіи, составленной при юаньской династіи. Намъ извѣстно, что въ огромномъ сборникѣ

Юнъ-ло да дянь, отысканномъ въ библіотекѣ Пекинской при настоящей династіи, помѣщена большая половина этой географіи и, если китайское правительство до сихъ поръ еще не обнародовало этихъ остатковъ, то конечно это должно приписать не неумѣнью или незнанію, еще менѣе недостатку средствъ, а только исключительно зависти.

Настоящая династія хотя и была весьма могущественна, хотя она и можетъ похвалиться предъ всѣми другими, удержаніемъ въ своихъ рукахъ разнородныхъ царствъ, составляющихъ восточную Азію, въ продолженіи двухъ вѣковъ, чему еще не бывало примѣра въ исторіи востока, за всѣмъ тѣмъ по быстротѣ и обширности завоеваній, она никакъ не можетъ сравняться съ основанной потомками Чингисхана. Китайцы хвалятся богатствомъ своей исторіи, своимъ философскимъ элементомъ, будто въ нее внесеннымъ, безпристрастной оцѣнкой фактовъ, но какъ скоро пристальнѣе взглянешься въ содержаніе ихъ исторіи, въ факты, которые она передаетъ, въ сужденія, которыя произноситъ, то все болѣе и болѣе убѣждаешься въ ихъ эгоистичномъ тщеславіи, которое готово не только исказить факты, но даже и истребить ихъ. Если, какъ мы сказали выше, исторія народовъ Средней Азіи имѣетъ пропуски въ слѣдствіе того, что, Китайцы записывали событія, имѣвшія исключительную связь съ ихъ собственной исторіей, то еще болѣе эти пропуски должно приписать ихъ видимому презрѣнію ко всему иностранному, проистекающему собственно изъ завистливаго само-

любія. Если настоящая династія самая могущественная изъ всѣхъ существовавшихъ, исключая юаньскую, старается всячески устранить всякую память о превосходствѣ послѣдней, имѣвшей съ ней еще то сходство, что обѣ онѣ принадлежатъ иностранцамъ, то что должно сказать о чувствахъ династіи Минъ, которая смѣнила Юань, была къ ней въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ, будучи чисто китайской, и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не могшей сравниться съ своей предшественницей въ пространствѣ владѣній. Если бы можно было заставить забыть эту исторію, то, конечно минская династія, въ другомъ случаѣ имѣвшая, не меньше нынѣшней, претензіи на покровительство наукѣ не остановилась бы никакими средствами.

Хотя книгопечатаніе въ Китаѣ извѣстно было задолго до юаньской династіи, однакожъ въ то время еще мало печаталось книгъ, вѣроятно, по не привычкѣ еще націи къ книжной торговлѣ и по сравнительной дороговизнѣ изданія. Китайскіе библіоманы гордятся еще болѣе нашихъ обладаніемъ самыхъ древнихъ печатныхъ книгъ, но, сколько извѣстно, количество названій, сохранившихся отъ того времени, весьма ограничено.—Слѣдовательно есть все вѣроятіе думать что книги, составленныя при юаньской династіи, относящіяся къ ея исторіи и географіи не были напечатаны, а число манускриптовъ было самое ограниченное. Вотъ чѣмъ должно объяснить погибель тогдашнихъ документовъ; самимъ Монголамъ, если у нѣкоторыхъ самыхъ значительныхъ и были списки, было не до

того, чтобъ сохранить ихъ, у Китайцевъ ихъ, можно сказать навѣрно не было. Да при тогдашнихъ смутахъ погебли и не одни эти памятники; мы видимъ, что до насъ не дошли переводы на монгольскій языкъ съ китайскаго, равно какъ и переводы Буддійскихъ книгъ съ тибетскаго на китайскій. То, что интересовало правительство, не нашло сочувствія въ китайцахъ побѣжденныхъ, тѣмъ болѣе могло ли сочувствовать къ трудамъ этого правительства, другое его смѣнившее. А между тѣмъ если существовашіе въ другихъ мѣстахъ списки могли погибнуть, то мы знаемъ навѣрное, что они цѣликомъ перешли въ руки минскаго правительства изъ правительственныхъ библіотекъ и архивовъ юаньской династіи. Минская исторія говоритъ положительно, что Сюй-да, полководецъ минскаго государя, по взятіи Пекина, опечаталъ всѣ кладовыя и архивы во дворцѣ бѣжавшаго юаньскаго Императора, слѣдовательно минская династія имѣла подъ рукой всѣ юаньскіе документы. Никогда восторжествовавшая династія не спѣшила такъ составленіемъ исторіи своей предшественницы какъ минская; исторія династіи Юань явилась уже на 3-й годъ повзятіи Пекина; огромные томы были составлены въ шесть мѣсяцевъ, какъ будто нарочно для того, чтобъ этой поспѣшностію прикрыть чувства антипатіи и самолюбія.

И такъ намъ нечего удивляться, если мы узнаемъ очень мало о судьбѣ Манчжуріи при династіи Юань изъ исторіи этой династіи, составленной съ поспѣшностію, когда, кромѣ того что касается собственно Китая, мы находимъ въ ней вообще

очень мало фактовъ, относящихся къ другимъ странамъ. Здѣсь пропуски очень понятны и, касательно Маньчжуріи, можетъ быть поступлено было болѣе по небрежности, нежели изъ нежеланія говорить о такихъ странахъ, которыя еще не были завоеваны.

Но какимъ образомъ въ исторіи династіи Минъ, которой мы должны были бы руководствоваться для исторіи Маньчжуріи послѣ паденія юаньской династіи, въ исторіи, составленной послѣ продолжительнаго ожиданія, не сказано ни одного слова о сношеніяхъ съ Китаемъ Маньчжуровъ. Ужели и здѣсь не было источниковъ и никакихъ документовъ; кому же и лучше передать подробно и безошибочно исторію народа, какъ не тому правительству, которое онъ создалъ. Положимъ, что настоящее правительство, выпуская изъ оффиціяльной исторіи династіи Минъ исторію своего народа, послѣдовало только примѣру, принятому другими исторіографами: Такъ въ исторіи династіи Цзинь, основанной Чжурчженями, мы напрасно ищемъ указаній на жизнь и сношенія съ Монголами, которые смѣнили этихъ Чжурчженей и послѣ писали ихъ исторію; значитъ самолюбіе царствующаго дома не позволяетъ вставлять его исторію въ ту картину, въ которой главный фонъ составляетъ исторія другой династіи. Но почему въ упомянутой нами выше *Маньчжоу юань лю као*, книгѣ, спеціяльно посвященной судьбѣ Маньчжуровъ, не сказано ничего, кромѣ перечисленія родовъ, которые, въ царствованіе Юнъ-ло, изъявили покорность минской династіи? Съ перваго

взляда можно бы было подумать, что правительство не написало ничего о судьбѣ своего народа за два съ половиной вѣка, единственно по неимѣнію фактовъ, можно подумать, что обитатели Маньчжуріи были до того независимы при минской династіи, что не имѣли никакихъ сношеній съ Китаемъ, жили въ какъ то отдаленіи и потомъ вдругъ являются подъ предводительствомъ смѣлаго основателя нынѣшней династіи, чтобъ завоевать большую половину восточной Азіи. Болѣе всего можетъ соблазнить та мысль, что если нынѣшнее правительство ничего не могло сдѣлать для исторіи тѣхъ временъ, то тѣмъ болѣе частному лицу уже нечего и думать отыскать что нибудь новое. Но на дѣлѣ оказывается не такъ; мы имѣемъ такъ много доказательствъ, что при минской династіи китайскіе писатели и чиновники очень хорошо знали Маньчжуровъ, записывали малѣйшія столкновенія съ ними и слѣдили за ихъ переворотами. Между прочими книгами въ нашей библіотекѣ находится одно сочиненіе, составленное при минской династіи это: *У бянь дянь цп–Дѣла по пяти границамъ.* Кажется оно до сихъ поръ не было извѣстно въ Европѣ, да намъ не помнится, чтобъ и сами китайскіе писатели ссылались на это сочиненіе. Между тѣмъ здѣсь мы находимъ такія подробности о Маньчжурахъ, которыхъ и не подозрѣвали; изъ этого должно заключить, что въ послѣдствіи откроется еще больше сочиненій, которыя разъяснятъ намъ вполнѣ темный періодъ до начала нынѣшней династіи. Но что за причина, что само маньчжурское правительство не стараол сьни

сколько о собраніи и сохраненіи подобныхъ свѣдѣній. Ясно видно что здѣсь разсчетъ чисто политическій; при минской династіи судьба Маньчжуровъ была незавидна; между ними, вѣроятно, была еще незначительнѣе судьба предковъ основателя нынѣшней династіи; передавая исторію этого времени надобно было бы разсказывать о такихъ происшествіяхъ, которыя не очень лестны для самолюбія маньчжурскаго народа и особливо маньчжурскихъ повелителей, которые всячески стараются внушить въ своихъ подданныхъ мысль, что они высокаго происхожденія, что предки ихъ были даже не простые смертные и, вотъ, на мѣсто простыхъ историческихъ фактовъ, нынѣшнее правительство выдаетъ, въ началѣ исторіи своей династіи, нелѣпую басню о ея происхожденіи, умалчиваетъ о самомъ необходимомъ, лучше хочетъ прикинуться совсѣмъ невѣдущимъ, чѣмъ дать просторъ истинѣ. Въ Китаѣ нѣтъ цензуры, но всякій писатель очень хорошо понимаетъ цѣль и намѣренія своего правительства и свои обязанности въ отношеніи къ нему; еслибы онъ рѣшился составить подлинную исторію о происхожденіи настоящей династіи, то не осмѣлился бы ее обнародовать: по крайней мѣрѣ во всѣхъ частныхъ извѣстныхъ намъ исторіяхъ династіи Минъ, написанныхъ въ настоящее время, ни слова не говорится о Маньчжурахъ. Можетъ быть сначала и составлялись записки и извлеченія, но онѣ должны скрываться тщательно въ глубинѣ библіотекъ, не могутъ переходить изъ рукъ въ руки и, если мы припомнимъ, что этотъ порядокъ продолжает-

ся уже двѣсти лѣтъ, то есть большое опасеніе, что они и совсѣмъ затерялись. Правительство готово все сдѣлать, чтобъ уничтожить всѣ тѣ памятники и воспоминанія, которыя для него непріятны и, конечно, пользуясь болѣе продолжительнымъ существованіемъ, чѣмъ всѣ другія династіи, оно вполнѣ достигло бы своей цѣли, еслибъ до него существовали только одни письменные документы. Къ счастію, напечатанныя сочиненія не такъ легко истребляются и мы увѣрены что, обративъ вниманіе на эту эпоху, ученые откроютъ кромѣ У бянь дянь цѣ еще много сочиненій, изъ которыхъ можно извлечь свѣдѣнія.

Но такіе фокусы, которые позволяетъ себѣ дѣлать правительство въ отношеніи къ исторической истинѣ, бросаютъ сильное подозрѣніе на всю китайскую исторію. Извѣстно, что самыми лучшими сочиненіями въ этомъ родѣ считаются такъ называемыя оффиціяльныя исторіи. Дѣло исторіи всегда считалось въ Китаѣ дѣломъ государственнымъ: при дворахъ первыхъ государей уже были исторіографы, въ числѣ первыхъ памятниковъ письменности уже является исторія въ видѣ лѣтописи. Правительство, наслѣдующее предыдущей династіи, почитаетъ своей обязанностію издать исторію предшествовавшей; но это самое обстоятельство даетъ ему право выказать свое вліяніе на извѣстные факты; потому увѣреніе, что въ Китаѣ все дѣлается безпристрастно въ отношеніи къ исторіи, оказывается ложнымъ. Если мы уличили настоящее правительство въ продѣлкахъ, то будьте увѣ-

рены, что тоже самое дѣлали и другія династіи. Мы говорили уже о томъ, какъ составляла исторію своей предшественницы династія Минъ; династія Юань составила превосходную исторію цзинь ской династіи, но и въ ней также выпущено все, что касается сношеній этой династіи съ Монголами. Вотъ причина почему новѣйшіе ученые поставлены въ затрудненіе на щетъ происхожденія Монголовъ; потомки Чингисхана, точно также какъ и нынѣшніе маньчжурскіе повелители, предпочли простому историческому разсказу басню о происхожденіи фамиліи Кіотовъ, изъ которой они происходили. Стараясь придать больше блеска своей династіи, они ввели въ заблужденіе ученыхъ, которые предполагаютъ предковъ Чингисхана, какими то могущественными государями, тогда какъ на основаніи современнаго китайскаго писателя [1]) мы видимъ, что Ѣсукэй, отецъ Чингисхана, былъ не болѣе какъ простой десятскій Ванъ Хана.

Но обратимся къ болѣе отдаленнымъ временамъ. Китай, ни въ древнія ни въ новыя времена, не имѣлъ такого великаго государя, каковъ былъ Цинь-ши Хуанди и между тѣмъ память о немъ предана нарѣканію подъ перомъ историковъ, которыми руководила самолюбивая и завистливая политика правительства, поручившаго имъ написать его исторію. Не то-ли же самое мы видимъ и въ началѣ исторической письменности; когда Китай былъ раздѣленъ на удѣлы, то каждый дворъ старался

---

[1]) Смотри нашу исторію и древности Средней Азіи. с. 217.

какъ можно лучше разукрасить свою исторію и эти то стремленія произвели ту путаницу, которой не могъ разобрать уже самъ Конфуцій, первый китайскій неоффиціальный писатель.

Изъ этого очень ясно видно какихъ трудовъ европейскому ученому стоитъ усвоеніе собственнаго воззрѣнія въ тѣхъ фактахъ, которые передаютъ ему китайцы. Съ перваго взгляда на полное собраніе китайской исторіи можно подумать, что въ ней уже все сдѣлано и что знающему китайскій языкъ стоитъ только читать многотомныя сочиненія и извлекать изъ нихъ машинально свѣденія, но на дѣлѣ оказывается совсѣмъ не то; кромѣ страннаго расположенія, которое заставляетъ занимающагося перебирать все сочиненіе, для того чтобъ получить полное понятіе объ одномъ какомъ нибудь отдѣльномъ событіи, кромѣ утомительнаго труда, кромѣ постояннаго критическаго напряженія, которое однакожъ можетъ открыть истину только при полномъ изученіи предмета, историку сверхъ того постоянно представляются вопросы, которымъ онъ напрасно ищетъ разрѣшенія постоянно встрѣчаетъ онъ искаженія, пропуски.

Южная Маньчжурія, родина цзиньской династіи, одна изъ первыхъ подверглась нападенію Монголовъ. Чтобы уничтожить своихъ враговъ, Чингисханъ, по совѣту передавшихся ему Киданьцевъ

долженъ былъ поразить ихъ въ самой отчизнѣ Съ этой цѣлью онъ отправилъ въ 1214 году Мухури для завоеванія Ляо-си; покореніе этой страны не представило большихъ затрудненій. Между тѣмъ, еще раньше этого, въ 1213 году Киданецъ Ѣлюй Лю-гэ, поставленный Чжурчженями тысячникомъ на сѣверныхъ границахъ, испуганный подозрѣніями своихъ повелителей противъ остававшихся еще вѣрными Киданей, убѣжалъ въ Лунъ-ань (бывшій Хуанъ-лунъ фу) и тамъ, собравъ до 100.000 приверженцевъ, провозгласилъ себя главнокомандующимъ и отправилъ посланца къ Монголамъ для изъявленія покорности. Разбивъ посланнаго противъ него цзиньскаго полководца Хошо, Ѣлюй Люгэ провозгласилъ себя Ваномъ, овладѣлъ всемъ Ляодуномъ и избралъ своимъ мѣстопребываніемъ Сяньпинъ (въ нынѣшнемъ Тѣ-линъ сянѣ). Это намекаетъ на его сомнительную преданность Монголамъ; но вскорѣ Ѣлюй Люгэ долженъ былъ изъявить полную покорность Чингисхану, который оставилъ за нимъ титулъ главнокомандующаго и назначилъ его мѣстопребываніемъ Гуанъ-нинъ.

Что достаточно было этихъ событій, что бы передать въ руки Монголовъ всю южную Маньчжурію, и они были тверды въ этомъ своемъ новомъ владѣніи, объ этомъ мы можемъ заключить изъ того, что въ 1219 году Монголы воюютъ уже съ Корейцами путь къ которымъ лежитъ чрезъ Маньчжурію. Но какъ и когда перешла въ руки Монголовъ Сѣверная Маньчжурія объ этомъ не говорится въ юаньской исторіи. Можно бы заключить что сѣ-

верная Маньчжурія при возмущеніи Лю-гэ досталась въ его руки и, какъ его владѣніе, перешло вмѣстѣ съ тѣмъ къ Монголамъ, но исторія говоритъ положительно о томъ только, что Лю-гэ владѣлъ Ляодуномъ, слѣдовательно сказать этого навѣрное нельзя. Конечно, въ это время сѣверная Маньчжурія не могла быть чрезмѣрно населена, потому что самое большое количество ея обитателей ушло, какъ и при нынѣшней династіи, вслѣдъ за правительствомъ, избравшимъ столицей Пекинъ, въ Китай, но все таки завоеваніе этой обширной страны не могло быть произведено такъ легко, какъ покореніе Ляодуна и Ляоси. Въ послѣднихъ Маньчжуры были ослаблены въ своемъ сопротивленіи, множествомъ враждебныхъ имъ Киданей, помнившихъ прежнее свое величіе, и Китайцевъ, для которыхъ было все равно кому ни подчиняться; но въ сѣверной Маньчжуріи, (разумѣя нынѣшнее Гириньское воеводство, мы никогда не встрѣчаемъ другихъ обитателей, кромѣ чистыхъ Маньчжуровъ, потому здѣсь сопротивленіе должно быть значительнѣе.

Такъ мы видимъ, что въ дорогѣ Кай юань-лу укрѣпился чжурчженьскій генералъ Бусянь-ваньну, и только въ 1233-мъ году, монгольское войско, взявъ его въ плѣнъ, дошло до Кай-юаня, послѣ чего Монголамъ покорились округъ Шобинь и всѣ восточныя земли. Но должно ли изъ этого заключать, что до того времени сѣверная Маньчжурія оставалась нетронутой. Очень вѣроятно предполагать, что успѣхи оружія Чингисхана обозначились здѣсь на первыхъ же порахъ его усиленія. Могъ

ли онъ въ то время, когда провозглашалъ себя Императоромъ на берегахъ Онона, владѣя на западѣ всей Монголіей, оставить въ покоѣ ближайшія восточныя земли. Мы видимъ что при цзиньской династіи, въ окрестностяхъ Боиръ-нора, обитали народы называемыя Угу и Дилэ [1]); могли ли и они остаться нетронутыми до завоеванія Ляодуна, а съ покореніемъ ихъ, могли ли смѣлые Монголы, которые едва утвердившись въ Ляодунѣ, начали уже войну съ Корейцами, не проникнуть въ земли, обитаемыя коренными Маньчжурами. Могли ли однакожъ собственные монгольскіе писатели оставить безъ упоминанія о такомъ важномъ завоеваніи? Очевидно, что вся вина лежитъ на поспѣшности, съ которой минскіе ученые составляли юаньскую исторію.

Пробѣгаемъ дальнѣйшія судьбы юаньской исторіи и въ ней не находимъ никакого намека на какое нибудь замѣчательное событіе въ Маньчжуріи; ужели маньчжуры были такъ слабы, что немогли даже сдѣлать никакого движенія къ возвращенію своей независимости, какъ это всегда водится у побѣжденныхъ? Какъ бы то ни было, нѣтъ никакого сомнѣнія, что вся нынѣшняя Маньчжурія составляла полную собственность Монголовъ; они владѣли ей не номинально, какъ мы убѣдимся въ этомъ сей часъ же изъ разсматриванія Географіи юаньской династіи. Но, чтобъ мы не могли впол-

---

[1]) Исторія и древности вост. ч. Ср. Аз. стр. 107).

нѣ полагаться на точность и послѣдней, мы можемъ убѣдиться изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ новѣйшее время Рускіе, плывя по Амуру, недалеко отъ устья его, открыли памятникъ, свидѣтельствующій, что здѣсь при юаньской династіи была построена и вновь перестроена буддійская кумирня Юнъниисы. Между тѣмъ, по всѣмъ извѣстнымъ намъ китайскимъ источникамъ, мы не могли бы даже и подозрѣвать, что такъ далеко простиралось здѣсь монгольское владычество, тѣмъ болѣе что сами нынѣшніе Маньчжуры бросили здѣшній край. И такъ, на этотъ разъ, мы должны опасаться и въ географіи скорѣе пропусковъ, чѣмъ излишества, какъ это случается въ другомъ случаѣ, когда китайцы любятъ захватить на бумагѣ и такія земли, которыя имъ вовсе не принадлежатъ

По географіи, приложенной къ исторіи юаньской династіи, которая, конечно, представляетъ только малѣйшую часть того огромнаго труда, о которомъ мы говорили выше, мы встрѣчаемъ города сѣверной, а отчасти и южной Маньчжуріи, въ запустѣніи; то и дѣло говорится, что тутъ и здѣсь находятся развалины бохайскихъ, ляоскихъ или цзиньскихъ городовъ; о самомъ нынѣшнемъ Мугденѣ, тогдашнемъ Шэньянѣ, говорится, что онъ былъ сожженъ. И такъ, если въ это время не существовали цзиньскіе города то, что было причиной ихъ паденія; ужели одно спокойное завладѣніе было тому причиной? Напротивъ, когда водворился миръ, мы видимъ стремленіе самихъ Монголовъ завести здѣсь колоніи. При Хубилаѣ, въ 1292-мъ году въ прежней дорогѣ Буюй, или Фуюй было осно-

вано монгольское темничество съ колоніей изъ 300 семействъ Маней и 190 Чжурчженей, поселенныхъ на мѣстностяхъ Чалагань (Чулгань?) и Лалинь; около того же времяни до тысячи семействъ изъ новаго монгольскаго войска поселены въ запустѣлой странѣ Хасхань. Въ 1295 году такая же колонія основана въ окрестностяхъ Чжао-чжоу; она состояла изъ 220 семействъ Наинь Булагачи (послѣднее слово значитъ: собольи звѣроловы,—можетъ быть тоже что и родъ Бутха), изъ 80 семействъ Шуй-Дада и 300 семействъ покорившихся Чжурчженьскихъ солдатъ.

При цзиньской династіи Маньчжурія раздѣлялась на двѣ провинціи и въ ней перечисляется большое количество городовъ; очевидно, это происходило изъ желанія придать большую важность кореннымъ владѣніямъ правительства; напротивъ при монгольской династіи большая часть городовъ была закрыта и во всей Маньчжуріи считалась одна только провинція (Синъ Чжунъ шу шэнъ) Ляодунъ, въ которой были поставлены темничества (Вань ху фу) и семь слѣдующихъ дорогъ (лу): 1) Дорога Шэнь янъ лу имѣла главнымъ своимъ центромъ Ляоянъ; здѣсь значительнѣйшими обитателями были поселенцы изъ передавшихся Корейцевъ и для нихъ начали отстраивать разрушенные города. Здѣсь былъ департаментъ: успокоивающій корейское войско и народъ (Ань фу Гао ли цзюнь минь Цзунъ-гуань фу) 2) дорога Кай-юань лу, къ которой, какъ должно предполагать, были въ послѣдствіи причислены и остальныя пять дорогъ, потому что географія говоритъ, что земли этой дороги

простирались до восточнаго океана, Кореи и Монголіи. По взятіи въ плѣнъ вышеупомянутаго чжурчженьскаго Генерала Бусянь Ваньну и по покореніи восточныхъ земель, въ 1235 году основаны были два темничества: Кай юань и Нань цзинъ, главнымъ средоточіемъ которыхъ былъ сначала однакожъ не нынѣшній Кай юань сянь, а Лунъ хуанъ фу. Въ 1267 изъ этихъ темничествъ образована была дорога Ляодунъ, послѣ переименованная въ Кай юань. Сначала отъ этой же дороги зависѣлъ и Д-тъ Сянь пинъ фу, но послѣ онъ былъ отдѣленъ и подчиненъ прямо Ляодунскому вѣдомству; въ Сянь пинъ фу, какъ въ важномъ пунктѣ поставленъ былъ въ 1288-мъ году гарнизонъ.

Названія прочихъ пяти дорогъ всѣ не перечисляются; географія выражается только такъ: земли дорогъ Хайлань, Шуй Дада и прочихъ обширны; обитатели живутъ разсѣянно; при началѣ юаньской династіи здѣсь поставлены были надъ народомъ и войскомъ пять темничествъ (Цзюнь минь Вань ху фу) для защиты и охраненія сѣверной границы: 1) Темничество Таовэнь, лежавшее въ 4000 ли отъ Шанду (Долоннора). (Маньчжоу юань лю као въ этомъ названіи Тао вэнь видитъ рѣку Тунь, вытекающую, въ 700 ли на СВ. отъ Нингуты изъ озера тогоже имяни и впадающую на Ю. въ Куньтунъ цзянъ; здѣсь и при минской династіи былъ учрежденъ округъ и тысячничество). 2) Темничество Хулха, лежавшее въ 4200 ли отъ Долоннора и въ 3800 (?) отъ Пекина; тутъ протекали рѣка Хулха, соединявшаяся съ Куньтунъ цзяномъ и р. Хайлань, впадавшая въ море. 3) Одолинь или Одори. (Здѣсь

полагается первоначальная родина нынѣшняго маньчжурскаго дома; это названіе встрѣчается и въ началѣ минской династіи. Въ исторіи Минскаго Тайцзу сказано, что отъ Ляояна до Хуньчжохунь считается 3400 ли, а оттуда до Одори 1000 ли, отъ котораго до темничества Тунь считается 180 ли; въ другомъ мѣстѣ сказано что Одори находится въ 1200 ли отъ Кай юань сянь'я. Нынѣ отъ Синъ цзина до Одори считается 1500 ли). 4) Темничества: Товолинь или Тогоринь и 5) Боку (Буху олень?) цзянъ—упоминаются только по имяни.

Юаньская Географія прибавляетъ къ этому перечисленію слѣдующее: «Всѣ эти темничества имѣли подъ своимъ завѣдываніемъ особые участки, находившіеся на Ю. и на С. отъ Кунь тунъ цзяна; жители всѣ принадлежали къ Шуй Дада и Нюйчженямъ и всѣ, по древнему обычаю, не имѣли осѣдлости, а занимались звѣриной ловлей; приставленные чиновники управляли народомъ сообразно съ обычаями». Вотъ одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ, которые сообщаетъ намъ юаньская исторія объ отдаленныхъ краяхъ Маньчжуріи; но сколько затрудненій представляется для полнаго объясненія текста. Тутъ сказано, что эти земли покорены были при началѣ юаньской династіи, но когда имянно и какъ—при Чингисханѣ ли, или уже по взятіи Кай юаня, т. е. послѣ 1233-го года, это еще вопросъ. Что разумѣть подъ выраженіемъ: приставленные чиновники? оставили ли Монголы свободу Шуй Дада и Нюйчженямъ, давъ ихъ же одноплеменникамъ почетныя титла и право управленія, или посылали своихъ людей для управленія? То и другое имѣетъ на своей

сторонѣ вѣроятіе; съ одной стороны кажется невѣроятнымъ, чтобъ Монголы могли сами управлять жителями, которые не имѣли постоянной осѣдлости; съ другой, по паденіи юаньскаго владычества, мы видимъ, что многіе маньчжурскіе роды управляются монгольскими старшинами. Названіе Шуй Дада для насъ также новое; въ другомъ мѣстѣ [1]) мы предложили свое объясненіе на это названіе. Мы видимъ въ немъ смѣсь китайскаго слова шуй-вода съ туземнымъ названіемъ народа Дада. Въ Маньчжуріи, обильной рѣками, всѣ поколѣнія носятъ, по большой части, названія по рѣкамъ и рѣчкамъ, при которыхъ они обитаютъ, и которыя имъ служатъ естественнымъ сообщеніемъ за непроходимыми лѣсами и горными хребтами, чрезъ которыя начали прокладывать дороги только въ послѣднее время. Названіе водяныхъ очень естественно такимъ поколѣніямъ; оно встрѣчается еще за долго до названія Чжурчженей и сохранилось и нынѣ въ искаженномъ, или, лучше, мѣстномъ словѣ Мангу, съ которымъ рускія эскадры плывшія по Амуру, въ первый разъ познакомили ученый свѣтъ. Впрочемъ, мы не выдаемъ здѣсь своего мнѣнія нисколько за непреложное, и высказываемъ его только, какъ свое предположеніе. Играть словами, дошедшими до насъ въ древнихъ памятникахъ и поправлять ихъ, на это достало смѣлости только у ученаго комитета, составленнаго

---

[1]) См. Исторія и древн. Ср. Аз. 132.

нынѣшнимъ китайскимъ правительствомъ и у нѣкоторыхъ западныхъ оріенталистовъ. Какъ можно, только на основаніи нынѣшнихъ языковъ: маньчжурскаго, солонскаго, монгольскаго, или и татарскаго, поправлять названія, особливо собственныя имена, которыя во всѣхъ языкахъ часто остаются неизъяснимыми. Почему непремѣнно должно читать слово, переданное намъ въ искаженномъ видѣ китайскими іероглифами, моринь, а не мурэнь или мурань, маринь и т. д. тогда какъ все это слова, близкія по созвучію, но имѣющія различное значеніе. Если мы находимъ тоже собственное имя съ опредѣленіемъ его значенія, или въ болѣе правильной перепискѣ у какого нибудь некитайскаго писателя, то мы даже не видимъ необходимости подставлять къ этому имяни китайское искаженное названіе; но какъ скоро слово, сколько нибудь сомнительное, вновь встрѣчающееся, не имѣетъ при себѣ перевода, который бы опредѣлялъ его значеніе, то для насъ страннымъ кажется предпочитать произвольное чтеніе искаженному. Да и какая польза отъ чтенія собственнаго имяни такъ или иначе, когда оно не приводитъ ни къ какимъ особеннымъ результатамъ!

Съ паденіемъ юаньской династіи исторія южной и сѣверной Маньчжуріи распадается на двѣ части. Замѣчено уже, что чисто китайскія династіи никогда не могли укрѣпиться въ иностранныхъ земляхъ, каковы Маньчжурія, Монголія, Цзюнгарія, Туркестанъ. Сама Танская династія, одна изъ самыхъ могущественныхъ и знаменитыхъ по своему вліянію на иностранныя земли, владѣла ими

болѣе номинально; если она и вводила въ нихъ географическую номенклатуру, свойственную китайскимъ землямъ, то, за всѣмъ тѣмъ, мы видимъ, что начальниками тамошнихъ провинцій, департаментовъ и округовъ были тѣ же самые туземные старшины, назначаемые, смотря по ихъ силѣ и вліянію, надъ своими единоплеменниками; неспорно, что, во время своей силы и бодрости, китайское правительство могло распоряжаться дѣйствіями этихъ правителей, позволяло себѣ иногда ихъ мѣнять и даже наказывать, но такая власть проявлялась только на короткое время и иноплеменные подданные скоро освобождались изъ подъ такого рода опеки. Совсѣмъ другое дѣло когда въ Китаѣ царствовали инородцы; они умѣли лучше справляться со всѣми племенами Средней Азіи.

Что касается Южной Маньчжуріи, то мы сохраняемъ за ней это названіе только уже въ слѣдствіе принятаго обычая такъ называть земли, облегающія Желтое море, за великой стѣной вплоть до Кореи. Названіе это укоренилось особенно современи настоящей династіи, которая утвердилась въ этихъ земляхъ на первыхъ порахъ своего могущества. До того времени южная Маньчжурія носила общее названіе страны Ляо, по рѣкѣ, омывающей ее по срединѣ и раздѣляющей на двѣ части: Ляо дунъ—страна на В. и Ляо си—страна на З. отъ этой рѣки. Собственно, эта земля не должна имѣть никакой претензіи на право считаться родиной Маньчжуровъ; они приходили въ нее съ сѣвера и сѣверовостока, какъ скоро то позволяли политическія событія; но точно также на этихъ земляхъ

водворялись Корейцы, жители Монголіи, Кидане и наконецъ Китайцы. Что касается до послѣднихъ, то едва ли мы недолжны почитать ихъ всегда однимъ изъ главнѣйшихъ элементовъ народонаселенія, кому бы не принадлежало господство надъ землей. Географическое положеніе южной Маньчжуріи показываетъ ясно, что сюда китайцы могли проникать не только сухимъ путемъ, но и моремъ; съ полуострова Шаньдуна суда при благопріятномъ вѣтрѣ достигали скорѣе чѣмъ въ сутки до Ляодунскаго полуострова. Первыя поселенія Китайцевъ начались въ этихъ странахъ еще за долго до Р. Х,. Съ того времени, какъ только начинаются первыя историческія свѣденія объ этомъ краѣ, со временъ Ханьской династіи, здѣсь уже образовалось чисто китайское правленіе. Съ паденіемъ этой династіи здѣсь, можно положить, въ первый разъ являются маньчжурскіе народы, основавшіе царство Фу—юй; но страна скоро перешла въ руки дома Тоба, вышедшаго изъ Монголіи; за тѣмъ усиливаются Корейцы, которые наконецъ уничтожены здѣсь при танской династіи; съ ослабленіемъ Корейцевъ возникаетъ снова маньчжурское владычество дома Бохай; но оно также скоро падаетъ подъ ударами Киданей, которые только переселяютъ сюда нѣкоторыя поколѣнія Чжурчженей, а отнюдь не находятъ ихъ аборигенами. Сами Чжурчжени, овладѣвъ южной Маньчжуріей, не сдѣлались исключительными ея обитателями, потому что мы видѣли уже выше, что тѣже Кидане успѣли отторгнуть эту страну изъ подъ чжурчженьскаго владычества при первомъ на

тискѣ Монголовъ. Послѣднимъ наслѣдуетъ здѣсь наконецъ минская династія и мы видимъ южную Маньчжурію чисто китайской землей; при ней объ инородцахъ здѣсь упоминается уже какъ объ исключительномъ явленіи, даже, о многихъ можно сказать опредѣлительно, когда они поселены. Должно ли изъ этого заключить, что китайское правительство минской династіи прогнало или истребило здѣсь всѣхъ инородцевъ и населило эти земли вновь приведенными изъ внутри китая поселенцами? ничего не бывало: мы видимъ, что китайское правительство посылало сюда только правителей и офицеровъ, а объ огромномъ переселеніи нигдѣ не говорится ни слова. Слѣдовательно, если между обитателями южной Маньчжуріи перечисляются то Корейцы, то Кидане или Чжурчжени, то надобно предполагать, что эти названія только родословныя, а собственно эти Кидане и Маньчжуры въ странѣ Ляо, давно уже уступили перевѣсу главнаго китайскаго народонаселенія, заняли его языкъ, обычаи и образованіе. Въ настоящее время, при нынѣшнемъ маньчжурскомъ правительствѣ, владѣющемъ здѣсь уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ, дорожащемъ этой страной, какъ коренной основой своего могущества, южная Маньчжурія есть страна маньчжурская только по имени; главное народонасеніэ здѣсь все китайское, да и самые Маньчжуры только что помнятъ свое происхожденіе, а по языку и образу жизни, они не отличаются отъ своихъ собратовъ въ Пекинѣ, которые давно уже превратились въ настоящихъ Китайцевъ.

Этимъ объясняется легкій переходъ южной Маньчжуріи изъ подъ одной власти къ другой; замѣчательно, что она доставалась всегда первая тому, кому суждено было властвовать въ Средней Азіи. Но за то, какъ скоро эта власть переходила не въ руки Маньчжуровъ, то сѣверная Маньчжурія за исключеніемъ только владычества Монголовъ, разрывала съ ней ту тѣсную связь, которую мы должны по видимому предполагать изъ одного общаго названія, приписываемаго двумъ противоположнымъ странамъ, изъ которыхъ одна принадлежитъ къ системѣ рѣки Ляо, текущей съ С. на Ю. а другая къ системѣ рѣки Сунгари, впадающей въ Амуръ съ юга.

Исторія южной Маньчжуріи, называемой при минской династіи, общимъ именемъ Ляодунъ, хотя и не изложена нигдѣ спеціяльно за все время, въ которое она принадлежала этой династіи, однакожъ, по разбросаннымъ тамъ и здѣсь свѣденіямъ, можно представить въ большихъ подробностяхъ общую картину этой страны. Постараемся набросать здѣсь главный очеркъ.

Минская династія сначала должна была довольствоваться только собственнымъ Китаемъ; по изгнаніи Монголовъ изъ Пекина, войска Императора Хунъ-ву (Тай-цзу) не думали выступать изъ за великой стѣны; они поворотили на западъ, чтобы вытѣснить послѣднихъ приверженцевъ павшей династіи изъ Шэньси и Ганьсу. Но уже на 4-й годъ послѣ того, поставленный въ Ляодунѣ правителемъ Лю-и, безъ всякой угрозы со стороны китайцевъ, а единственно по убѣжденію приближенныхъ,

свергнулъ власть Монголовъ и покорился минской династіи. Хунъ-ву, оставивъ его по прежнему правителемъ, перемѣнилъ только названіе его должности. Хотя приверженные къ юаньской династіи Маянь-хой и Хунъ-бао-бао убили Люи, однакожъ это не повело ни къ чему. Чжанъ лянъ цзо, генералъ Люи, убилъ Маянь хой'я, а Хунъ бао-бао убѣжалъ къ Нагачу, потомку Мухури; тогда Хунъ-ву прислалъ для защиты Ляодуна своихъ полководцевъ Ѣ-вана и Маюня. Нагачу, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ мстителей павшей династіи, безпрестанно безпокоившій минскія границы, вторгнулся въ Ляодунъ въ 1375 г. и, хотя едва спасся, разбитый Маюнемъ, однакожъ продолжалъ свои вторженія. Главнымъ мѣстопребываніемъ его были горы Цзинь-шань, лежащія въ 350 ли на С. отъ Кайюаня, тогда носившаго названіе округа трехъ темничествъ (сань вань вэй). Тутъ у него было три лагеря: одинъ въ ильмовомъ лѣсу (юй линь), другой въ деревнѣ Янъ'о чжуанъ и третій въ Лунъ ань фу, на берегу р. Иту, впадающей въ Сунгари. Силы и средства Нагачу были весьма значительныя; минскій дворъ рѣшился противъ него серьезно дѣйствовать тогда уже, когда ему ничего не оставалось дѣлать въ Китаѣ. Въ 1387 полководцы Фынъ шэнъ, Фу-ю-дэ и Ланьюй выступили противъ Нагачу съ 200,000 войска, однакожъ, не состороны Ляодун'а, а чрезъ Монголію, чрезъ проходъ Сунъ тинъ гуань (лежащій въ 120 м. отъ Сифынъ коу); оттуда минскія войска направились на г. Куань хэ чэнъ, лежащій неподалеку отъ Сунъ тинь гуаня; далѣе на СВ. слѣдовалъ городъ Хой чжоу, отсю-

да на В. Фу-гу чэнъ и наконецъ, далѣе на СВ., новый Дай нинъ. Между тѣмъ Лань юй успѣлъ разбить въ Цинь чжоу, лежащемъ въ западной части бариньскаго округа, часть войскъ, принадлежащихъ къ отрядамъ Нагачу и тогда Фынъ шэнъ, по прибытіи въ Дайнинъ, послалъ взятаго прежде въ плѣнъ юаньскаго генерала Найраху, уговорить Нагачу изъявить покорность. Испуганный, или, лучше, обманутый Нагачу послалъ тотчасъ въ подарокъ къ Фынъ шэну лошадей и вскорѣ самъ отправился на свиданіе съ Ланьюй'емъ, который задержалъ его. Тогда семейство Нагачу и войско его, считая, разумѣется, всѣхъ подвластныхъ, простиравшееся будто до 200,000 и жившее на С. отъ Сунгари, изъявило покорность и было переселено внутрь Китая. Этотъ огромный караванъ тянулся по дорогѣ на протяженіи 200 ли.

Такимъ образомъ, въ слѣдъ за присоединеніемъ южной Маньчжуріи, минское правительство сдѣлалось господствующимъ и въ южной Монголіи. Въ послѣдствіи времени Китай, потерявъ послѣднія завоеванія, долженъ былъ запереться внутри великой стѣны, но Ляодунъ оставался за нимъ почти до самаго конца династіи и минскій дворъ не жалѣлъ на него издержекъ, понимая всю важность той позиціи, которую давало ему обладаніе южной Маньчжуріей. Правда, этотъ уголъ, выдающійся весь въ непокорныя владѣнія, представлялъ много опасностей и требовалъ большихъ усилій для своего охраненія; съ востока и сѣвера былъ онъ подверженъ нападеніямъ Маньчжуровъ,

съ запада то и дѣло безпокоили его монгольскія племена., [1]) но, за то, онъ представлялъ оплотъ дальнѣйшему распространенію первыхъ, и дѣйствуя съ тыла послѣднихъ, всегда, до нѣкоторой степени, ослаблялъ силу вторженія ихъ въ собственный Китай. По этому все назначеніе Ляодуна было чисто военное; хотя онъ по гражданскому раздѣленію и составлялъ часть провинціи Шаньдуна, такъ какъ сообщеніе моремъ сближало его съ этой провинціей удобнѣе, чѣмъ съ Чжили, однакожь, собственно говоря, это было почти особенное военное правленіе (чжень), раздѣленное на 25 округовъ (вэй), 11 мѣстечекъ, 100 лагерей и редутовъ. Здѣсь былъ особенный губернаторъ (Сюнь фу), за которымъ слѣдовали Цзунъбинъ (корпусный генералъ), жившій въ Гуанѣ нинѣ, Цань-цзянъ и Юцзи. Всего войска здѣсь, какъ пѣхоты, такъ и конницы (при 909 лошадяхъ?) считалось 99875, на содержаніе которыхъ выходило 261,467 мѣшковъ хлѣба и 124,066 мѣшковъ крупы (ми), 185,024 ланы серебра, 2,405,211 сноповъ сѣна и 75,229 мѣшковъ бобовъ.

Такъ какъ въ Китаѣ не могутъ себѣ представить малѣйшаго города, не обнесеннаго стѣнами, то понятно, что Ляодунъ былъ покрытъ, почти весь, рядомъ крѣпостей, редутовъ, пикетовъ и по-

---

[1]) Японцы, нападавшіе на Китай при минской династіи со стороны моря, пробрались было и въ Ляодунъ, но, послѣ жестокаго пораженія, нанесеннаго имъ здѣсь въ 1419 г. Цзунъ биномъ Люцзяномъ, они не осмѣливались уже болѣе показываться въ Ляодунѣ.

граничныхъ карауловъ. Разсматривая распредѣленіе войска по различнымъ мѣстностямъ, въ послѣднее время минской династіи, мы видимъ, что главныя силы сосредоточены были по дорогѣ ведущей изъ Шань хай гуаня въ Гуанъ нинъ, главное средоточіе Ляодуна. Такъ въ Нинъ юанѣ считалось 17,755 человѣкъ, въ Цзинь чжоу 6303, въ И чжоу 8353, въ самомъ Гуанъ нинѣ 15,872 и наконецъ въ Ляо янѣ 24,194. Между тѣмъ въ Шенъ янѣ, Кай юанѣ и Фу шунѣ, трехъ главныхъ пунктахъ, въ которыхъ сосредоточены были силы, назначенныя для отраженія Маньчжуровъ, мы видимъ, что тамъ считалось всего немного болѣе десяти тысячъ (въ 1-мъ 2343, въ 2-мъ 7417, въ 3-мъ 1656.) Изъ этого ясно можно видѣть, что минское правительство не придавало такого значенія Маньчжурамъ, какимъ пользовались въ его глазахъ Монголы. Послѣдніе страшны были не однимъ воспоминаніемъ о временахъ Чингисхана и его преемниковъ; одинъ изъ минскихъ Государей (Инъ цзунъ) былъ также взятъ въ плѣнъ и увлеченъ въ Монголію; потому, если Китайцы и опасались, что они могутъ быть снова завоеваны, такъ всего менѣе ожидали этого отъ Маньчжуровъ; напротивъ, минское правительство всячески оберегалось, чтобъ Монголы не прервали его сухопутнаго сообщенія съ Ляодуномъ.

Основывая военныя колоніи въ Ляодунѣ, минское правительство было увѣрено, что пользуясь плодородіемъ тамошней почвы, сбора одного года достаточно будетъ на нѣсколько лѣтъ; по разсчету, представленному въ У-бянь дянь цѣ подъ

1555 годомъ, для обработки 900 циновъ (около 5000 десятинъ земли), нужно было 2400 человѣкъ солдатъ, 24 офицера и 6 прикащиковъ: на полтора цина полагались три пахаря и одинъ быкъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ, въ свободное отъ хлѣбопашества время, служилъ и для перевозки казенныхъ тяжестей, при немъ нуженъ былъ еще одинъ ямщикъ. Посѣву употреблялось на это количество земли 2040 мѣшковъ. Въ каждой колоніи, называемой лагеремъ, считалось 150 циновъ земли и 400 человѣкъ съ 5 офицерами.—Изъ доклада, представленнаго около 1479 года однимъ чиновникомъ Министерства Финансовъ и помѣщеннаго въ Убянь дянь цѣ, видно, что при Хунъ-ву весь провіантъ доставлялся въ Ляодунъ моремъ, потомъ заведены были военныя пашни подъ управленіемъ Чжихойевъ, тысячниковъ и сотниковъ, надъ которыми поставленъ Ду-чжи-хой; каждому поселенцу дано было по половинѣ цина земли и онъ обязанъ былъ вносить за это по 15 мѣшковъ. Отъ Хунъ-ву до Юнъ-ло считалось подъ пашнями 25,300 циновъ, съ которыхъ собиралось 716,000 мѣшковъ. Съ 1426 года колоніяльное устройство ослабѣло, а войска прибавлено было еще 45,500 человѣкъ; съ усиленіемъ пограничныхъ дѣлъ хлѣба уже не стало доставать на содержаніе и правительство стало отправлять деньгами, на покупку его, до милліона ланъ, однакожъ и этого все еще было мало. Правитель Тэнъ Чжао отобралъ было 3000 солдатъ и обратилъ ихъ въ колонистовъ, чрезъ что сократилъ выдачу до 60,000 и прибавилъ къ сбору до 30,000 мѣшковъ, но въ 1476-мъ году Чень-юѣ

обратилъ снова этихъ колонисто въ въ солдаты и въ настоящую эпоху считалось всѣхъ колонистовъ только 16,700 человѣкъ, которые должны бы были доставлять до 167,900 мѣшковъ, но изъ нихъ, подъ разными предлогами, не добиралось до 70 или 80000; потому въ 32-хъ хлѣбныхъ магазинахъ въ Ляо-дунѣ не находилось тогда запасу и на два мѣсяца.

Военныя поселенія считаются въ Китаѣ однимъ изъ лучшихъ средствъ къ охраненію мѣстъ, подверженныхъ нападенію со стороны непріятеля; онѣ не требуютъ со стороны правительства большихъ издержекъ, которыя бы потребовались для содержанія значительныхъ силъ. Но, какъ видимъ, и это учрежденіе не спасло Ляодуна; причину этого надобно искать въ той подчиненности, въ которой были поставлены военные пахари отъ своихъ офицеровъ; мы видимъ, что притѣсненія заставляли часто разбѣгаться этихъ солдатъ. Съ другой стороны офицеры, видя большія выгоды отъ колонистовъ, заботились только о земледѣліи, а не старались обучать солдатъ военному искусству; гарнизоны могли состоять изъ слабыхъ солдатъ, а здоровые были отправляемы на пашни. Другая причина паденія Ляодуна заключалась въ томъ, что солдаты, разбросанные по гарнизонамъ, пикетамъ и поселеніямъ, не представляли дѣйствующей арміи и ихъ трудно было собрать; колоніальное устройство было очень хорошо, когда дѣло шло объ отраженіи рабойничающихъ партій, но какъ скоро непріятель явился въ большомъ числѣ, съ довольно правильнымъ устройствомъ арміи, прево-

сходящей Китайцевъ храбростью, то всѣ эти отдѣльныя укрѣпленія легко было подобрать по одиночкѣ; самыя стѣны, служившія прежде защитой, обратились въ ловушки, изъ которыхъ нельзя уже было спастись.

Мы видѣли, что главныя силы Ляодуна были направлены противъ Монголовъ; за тѣмъ минское правительство обращало особенное вниманіе на Кай юань, главный путь ведущій въ сѣверную Маньчжурію. Дѣйствительно здѣсь представлялось, по видимому, больше опасности, чѣмъ со стороны востока; чжурчженьскія поколѣнія здѣсь были и многочисленнѣе и сильнѣе; онѣ сообщались съ своими единоплеменниками, жившими далѣе на С. и на СВ по всей системѣ Сунгари. Между тѣмъ тѣже Чжурчжени, жившіе на В. представлялись не болѣе какъ разрозненными племенами горцевъ, которыхъ трудно было преслѣдовать, но, за то, и нечего опасаться. Китайцы заняли здѣсь всѣ мѣста, которыя только они могли заселить; горы, покрытыя лѣсами, жилище будущихъ повелителей востока, и нынѣ не имѣютъ подробнаго описанія, не смотря на то, что эти мѣста такъ драгоцѣнны для династіи; если на окраинахъ Ляодуна еще могли селиться въ горныхъ проходахъ Маньчжуры, то далѣе на В. къ центру горъ Чанъ бо шань, природа становилась еще угрюмѣе, такъ что отвергала даже и этихъ горцевъ; она пустынна и по нынѣ. За то на СВ. СЗ. къ тѣмъ же Маньчжурамъ, съ которыми сообщался Китай чрезъ Кай юань, вели хотя и не такъ удобные, но постоянные пути сообщенія и восточные маньчжурскіе горцы, соединившись въ

одно цѣлое, проникли къ своимъ единоплеменникамъ, покорили, или присоединили ихъ и явились къ изумленію китайцевъ, сверхъ ихъ чаянія, съ мужественной и значительной арміей въ ихъ владѣніяхъ.

Мы могли бы разсказать съ большой подробностію исторію Ляодуна при минской династіи, но наши изслѣдованія обращены на Маньчжуровъ, и потому мы касаемся этой мѣстности только на столько, на сколько она касается обоюдныхъ отношеній. Здѣсь съ одной стороны, китайское правительство направляло все вниманіе только къ удержанію за собой занятой мѣстности, съ другой, безпокойные сосѣди искали случая только прорваться сквозь воздвигаемыя имъ преграды и произвести грабежи. Еще въ 13-мъ году правленія Юнъ ло (1415) шестнадцать горныхъ проходовъ или долинъ, лежащихъ внѣ тогдашнихъ границъ, были заняты китайскими пикетами, для того, чтобъ лучше себя обезопасить; на каждомъ пикетѣ поставлено было по 10 человѣкъ. Фынъ-и, управлявшій Ляодуномъ въ началѣ правленія Чженъ-тунъ (1436—1450), устроилъ и расширилъ эти границы. Ванъ гао, назначенный корпуснымъ генераломъ (Тиду) въ 1442-мъ году, самъ осмотрѣлъ границу отъ Шань-хай гуань'я до Кай юаня, исправилъ развалившіяся укрѣпленія; тогда чрезъ каждыя 5 ли ($2^1/_2$ версты) были поставлены караулы, а чрезъ 10 пикеты (тунь); вся граница сообщалась непрерывной цѣпью сигнальныхъ знаковъ. Чжанъ най, назначенный Губернаторомъ въ 1502-мъ году, построилъ пограничную стѣну отъ Шань хай гуань'я до Кай юань'я и И яна. Но, какъ видно, эта стѣна

вскорѣ пришла въ развалины; мы находимъ постоянно упоминаніе, что тогда крѣпостныя работы были непрочны; то, что сооружалось весной, осенью, послѣ дождей, уже обваливалось. Ли чэнь сюнь, сдѣланный губернаторомъ, выпросилъ у правительства въ 1522-мъ году, 400,000 ланъ на постройку стѣнъ и укрѣпленій; на эти деньги онъ построилъ 91,400 слишкомъ китайскихъ сажень (каждая въ 10 футовъ—около 650 верстъ) пограничной стѣны, воздвигъ 182 редута (пу) и еще укрѣпилъ Тѣлинъ, Пу-хэ и Фу шунь. Сверхъ того онъ заботился вообще о приведеніи края въ возможное устройство; до него, въ Кай-юанѣ напримѣръ, изъ десяти штатныхъ солдатъ и лошадей было на лицо не больше двухъ; Ли чэнъ сюнь съумѣлъ воротить до 3200 разбѣжавшихся солдатъ и распахалъ до 1500 циновъ земли. Укрѣпленія, какъ видно, продолжались и въ послѣдствіи; такъ мы видимъ, что правитель Чжанъ се янь около 1571 г. построилъ шесть редутовъ въ Куань дянь'ѣ.

Теперь обратимся къ Маньчжурамъ, удержавшимъ и при минской династіи, свое старинное названіе Чжурчженей, изуродованное китайцами въ Нюйчжэнь и Нюй чжи. Не должно думать, чтобъ это названіе они носили сами; мы уже намекнули, что и въ древности едвали такое названіе не было дано маньчжурскимъ поколѣніямъ Китайцами же (*). Тоже самое должно замѣтить и о двухъ другихъ названіяхъ, даваемыхъ сѣвернымъ и восточныхъ Маньчжурамъ; первые называются Хай си,

(*) См. Истор. и др. вост Аз.—41.

вторые Цзянь чжоу; конечно, Маньчжуры могли знать, что Китайцы ихъ называютъ этими имянами и отчасти усвоить даже такое названіе въ слѣдствіе непрерывныхъ сношеній, но, вообще говоря, народы среднеазійскіе не привыкли къ общимъ племеннымъ названіямъ. Они предпочитаютъ имъ частныя и въ этомъ случаѣ заимствуютъ свои имена отъ урочищъ. Сами Монголы не хотятъ знать этого общаго для себя имени; они думаютъ, что такъ слѣдуетъ называть только обитателей южной Монголіи, а жителямъ сѣверной даютъ названіе Халхасцевъ. Маньчжуры также называли себя по урочищамъ, рѣкамъ и горамъ; напрасно думаютъ что они носили какое нибудь общее названіе; оно являетея только подъ вліяніемъ китайскихъ понятій. Въ другомъ мѣстѣ мы изложили наше мнѣніе отомъ, что названіе Монголъ являетсятолько со времяни принятія императорскаго титула Чингисханомъ, какъ названіе династіи, общее вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣмъ владѣніямъ, ей подвластнымъ. Кажется ученые запада не раздѣлили нашего мнѣнія, но, въ потвержденіе его, мы приведемъ еще слова Фо цзу тунъ цзай—Исторіи Буддизма, составленной при юаньской династіи. Тамъ (гл. XXXII-л-1) положительно говорится, что государству дано названіе Мэнъ гу (монгольскаго) только въ 1211-мъ году.— Точно также мы не имѣемъ никакой причины искать отдаленнаго происхожденія названія Маньчжу или Маньчжоу. Наши ученые, кажется, вполнѣ приняли объясненіе покойнаго Горскаго, напечатанное въ Трудахъ членовъ Пекинской Миссіи Этотъ уважаемый нами

ученый, котораго смерть такъ рано похитила у науки, въ послѣдствіи, конечно, и самъ отказался бы отъ своего мнѣнія; онъ видитъ въ словѣ Маньчжу древнее мѣстное названіе старшинъ, управлявшихъ поколѣніями, жившими на отдаленномъ СЗ и не принадлежащими къ чистымъ Маньчжурамъ. Какимъ образомъ это слово, изчезнувшее въ другихъ мѣстахъ, могло сохраниться на Ю.В. и притомъ, нынѣшняя династія скорѣе всего съумѣла бы воспользоваться такой догадкой. Гдѣ примѣры, чтобъ народы средней Азіи такъ долго сохраняли одно и тоже названіе. Съ котораго времяни появляется названіе Маньчжоу? нынѣшняя династія увѣряетъ, что уже Айжинь гіоро далъ названіе своему народу Маньчжу, но почему же, кромѣ того, что преданіе о Айжинь гіоро есть легенда, выдуманная по всѣмъ вѣроятіямъ въ позднѣйшее время, самъ императоръ Цянь-лунъ недовольствуется этой легендой и, напротивъ, хочетъ доказать, что названіе Маньчжу происходитъ отъ имяни буддійскаго Бодисатвы Маньчжушри. Что послѣднее производство не заслуживаетъ никакого вниманія по своей нелѣпости, хотя и на западѣ нашлись ученые, раздѣлявшіе это мнѣніе, объ этомъ не стоитъ распространяться. Но самое стремленіе китайскаго императора доказываетъ, что названіе Маньчжу вовсе не принадлежитъ къ древнимъ временамъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ бы образомъ это названіе не встрѣтилось гдѣ нибудь у минскихъ писателей, когда, какъ мы увидимъ ниже, они такъ часто упоминаютъ о Цзяньчжоу'скихъ родахъ, которые, какъ увѣряетъ настоящая династія, и назы-

вались Маньчжоу. Вотъ почему мысль, что названіе Маньчжоу является только со времени принятія Тайцзу нынѣшней династіи императорскаго или Ханскаго титла, какъ общее названіе всѣхъ его владѣній, пріобрѣтаетъ, покрайней мѣрѣ въ сравненіи съ другими предположеніями, гораздо болѣе вѣса. Китайцы называли восточныхъ Маньчжуровъ Цзянь-чжоу; Тайцзу, соединивши подъ свою власть всѣ маньчжурскія, поколѣнія, конечно не могъ довольствоваться такимъ названіемъ; онъ, какъ бы на зло, принялъ названіе Мачь-чжоу—полной области, потому что слова эти китайскія. Маньчжурскій лексиконъ прямо говоритъ что Маньчжу есть названіе всѣхъ 66 владѣній, изъявившихъ покорность (Тайцзу). Идея, соединяемая съ принятіемъ императорскаго титла, давать названіе и государству чисто китайская; потому и самыя слова были взяты китайскія, какъ это видимъ въ названіи Ляо у Киданей и Юань у Монголовъ и наконецъ Цинъ при самой настоящей династіи; всѣ эти слова остались даже непереведенными на природный языкъ династіи. Но въ такомъ случаѣ, скажутъ, этимъ же самымъ доказывается, что слова Мэнъгу и Маньчжоу не китайскія, потому что Монголы и Маньчжуры именно, руководствуясь уже чисто китайскими понятіями, приняли династіонныя названія Юань и Цинъ. Но мы замѣтимъ, что первыя названія принимались тогда, когда ни Монголы ни Маньчжуры не имѣли претензіи на обладаніе Китаемъ; тогда эти названія имѣли совсѣмъ другое значеніе; какъ скоро же распространеніе власти втягивало новое государство полнымъ со-

ставомъ въ жизнь и духъ Китая, тогда необходимо приходилось перемѣнять прежде принятое названіе. Тайцзу могъ почитать для своего государство весьма почетнымъ названіе Мань-чжоу—полной области, но какъ скоро его преемникъ сдѣлался обладателемъ Ляодуна, Монголіи и сталъ простирать свои виды на Китай, то подобное названіе теряло уже прежнее свое значеніе, хотя и осталось въ употребленіи. Вотъ почему нынѣшняя династія не можетъ довольствоваться подобнымъ происхожденіемъ своего имяни, она то обращается къ легендѣ, то отыскиваетъ своего начала въ титлѣ Божества. Это самое стремленіе придать знаменитость и громкое толкованіе слову Маньчжоу не указываетъ ли всего скорѣе, что значеніе этого слова не такъ высоко.

Мы уже сказали выше, что настоящая династія всячески уклоняется говорить о дѣлахъ и происшествіяхъ въ Маньчжуріи при минской династіи. Она довольствуется только перечисленіемъ родовъ, внесенныхъ въ списки китайскихъ законовъ, которыхъ уже нельзя было утаить, прибавляя только, что Маньчжуры никогда не были подвластны минской династіи. Хотя, съ одной стороны, это увѣреніе довольно справедливо, потому что подъ дѣйствительнымъ владѣніемъ надобно разумѣть только такія земли, въ которыхъ поставлены китайскіе чиновники и гарнизоны, оберегающіе границу, за всѣмъ тѣмъ утверждать, что Чжурчжени были вполнѣ независимы, тоже нѣтъ возможности. Китайцы не искали расширенія своихъ земель внѣ Ляодуна, но не могли не войти въ сношенія съ пограничными жителями и постарались за-

ставить лаской, чтобъ они признали себя вассалами имперіи; вассальство это выражалось въ томъ, что они получали чины и патенты отъ китайской Имперіи, утвержденіе въ своихъ правахъ надъ подвластными, обязывались удовлетворять требованіямъ минскаго правительства касательно пограничныхъ дѣлъ. Съ своей стороны имъ позволялось торговать съ имперіей, для чего открытъ былъ рынокъ въ Кай Юанѣ и проч. Приглашеніе Чжурчженей къ покорности, какъ видно изъ нѣкоторыхъ свѣденій, произошло не сидя дома, какъ бы должно было предполагать. Въ Ду ши хань юй цзи яо (гл. IX. л. 28) говорится, что въ 9-мъ году правленія Юнъ ло (1411) минскіе солдаты, сѣвши на большія суда, доплыли до Хунь тунъ цзяна (Амуръ или Сунгари) и привели въ покорность старѣйшинъ и сильныхъ родовичей въ бывшемъ юаньскомъ департаментѣ Хэ-лань (Хай-лань) фу, который тоже, что цзиньская столица Хой нинъ фу. Старшины и сильные родовичи получили въ управленіе опредѣленныя земли, конечно, такія же, какими владѣли и до того, но каждый изъ этихъ участковъ получилъ смотря по важности особое титло, съ которымъ соображался и чинъ старшины. Въ это время считалось 179 округовъ (вэй), 20 мѣстечекъ, по нимъ пролегали 58 станцій и 7 крѣпостцей (чжай), подвластныхъ Дусы, который, какъ видно, былъ главнымъ правителемъ всѣхъ этихъ мѣстъ. Хотя мы и не можемъ опредѣлить, кого должно здѣсь разумѣть подъ названіемъ Дусы, китайскаго ли чиновника, или выбраннаго изъ Маньчжуровъ, но вѣроятно такое устройство было вскорѣ оставлено,

потому что сосредоточеніе власти не могло входить въ разчетъ китайскаго правительства. Если то былъ китайскій правитель, то ему нельзя было долго удержаться здѣсь, если же маньчжурскій, то такое сосредоточеніе власти было опасно для Китая. Мы видимъ, что правительство старалось какъ можно болѣе увеличивать число округовъ, такъ что при Вань ли (1573—1620) ихъ считалось уже до 380 слишкомъ (по Маньчжоу юань лю као: 376 округовъ и 24 мѣстечка). Такое чрезмѣрное раздробленіе, однакожъ, можетъ быть, всего скорѣе послужило ко вреду Китайцевъ; основателю нынѣшней династіи легко было подбирать эти отдѣльныя владѣнія, которыя хотя и были соединены въ сеймы, но тѣмъ не менѣе считали себя независимыми и спокойными подъ прикрытіемъ китайской политики. Старшина каждаго округа носилъ названіе руководителя (Чжи хой ши), чинъ тогда извѣстный и въ самомъ Китаѣ; правители мѣстечекъ были сотники или тысячники. Изъ соображенія различныхъ мѣстъ, какъ минской исторіи, такъ и У бянь-дянь-цѣ, видно, что выше тысячника были у Чжурчженей чины Чжи-хой-цянь-ши а выше его слѣдовавъ Чжи хой тунъ чжи. Однакожъ, по тѣмъ же источникамъ видно, что между Чжурчженями были должности гораздо высшіе противъ руководителя. Это: Ду-ду—предводитель и это титло раздѣлялось также на нѣсколько степеней· Ду-ду цянь ши, Дуду тунъ чжи, Цзо-Ду-ду (Лѣвый Ду-ду слѣдовательно былъ и правый); извѣстно что предки Тайцзу нынѣшней династіи, да и онъ самъ, были Ду-ду что же значитъ этотъ чинъ?

вѣроятно тоже, что мы сей часъ видѣли:—Ду сы, правитель если не всѣхъ родовъ вмѣстѣ, то извѣстной группы ихъ. Мы увидимъ, что въ послѣдствіи Дуду у маньчжуровъ былъ не одинъ, слѣдовательно китайское правительство, смѣнивъ Ду сы, раздробило власть его между нѣсколькими Дуду.

Въ біографіи У-кай'я одного изъ замѣчательныхъ правителей Ляодуна, бывшаго тамъ предъ 1436-мъ годомъ также говорится, что въ то время Минскій дворъ приказалъ строить суда на Сунгари для того, чтобъ отправить на нихъ войска для привлеченія инородцевъ. Эти факты, доказывающіе что судоходство по Сунгари, возможно почти до самаго верховья этой рѣки, свидѣтельствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что минское владѣніе въ сѣверной Маньчжуріи было не совсѣмъ номинальное, что Китайцы не хотѣли оставаться въ совершенной недѣятельности и безпечности въ отношеніи къ своимъ совѣдямъ. Приведеніе къ вассальной покорности Чжурчженей началось еще гораздо прежде перваго плаванія китайскаго войска по рѣкамъ сѣверной Маньчжуріи; поколѣнія, какъ видно, начали передаваться съ перваго же года царствованія Юнъ ло и распространеніе покорности продолжалось исподоволь. Первыми поколѣніями, поддавшимися Китаю, были, какъ видно, Воцзи, жившіе на востокѣ; изъ этого должно заключить, что китайское владычество началось именно тамъ, гдѣ всего менѣе нужно было ожидать соперничества со стороны Монголовъ. Мы видѣли выше, что при Юаньской династіи, Маньчжуры должны были повиноваться этой династіи, которая поставила здѣсь гарнизоны, завела коло-

ніи. Первый ударъ этому владычеству нанесенъ былъ, конечно, съ взятіемъ въ плѣнъ Нагачу и его улусовъ; надъ Маньчжурами не тяготѣло болѣе никакого ига и потому естественно, что они сами должны были искать опоры въ сильномъ сосѣдѣ. Между передававшимися могли даже встрѣтиться, какъ это свидѣтельствуютъ собственныя имена, такія лица, которыя принадлежали по происхожденію къ самимъ Монголамъ; очутясь между Маньчжурами, они должны были увлечься общимъ потокомъ.

Мы не будемъ перечислять всѣхъ поддавшихся поколѣній, которымъ Китайцы дали названіе округовъ; притомъ трудно опредѣлить положеніе всѣхъ ихъ, и потому укажемъ только на главнѣйшіе изъ нихъ. 1) Округъ Воцзи, лежалъ на земляхъ нынѣшнихъ мѣстностей Хулха, Хэшихэ и Нингуты; отдѣльно отъ главнаго округа были еще: лѣвый, правый и задній Воцзи, управляемые помощниками руководителя (Чжи хой тунъ чжи). Названіе воцзи означаетъ лѣсистую и гористую мѣстность, которыми такъ обильна Маньчжурія; слѣдовательно искать точнаго опредѣленія положенія этихъ округовъ невозможно; но такъ какъ это были первыя мѣстности, передавшіяся минскому правительству, то не за чѣмъ искать ихъ далеко отъ границъ. Вообще же земли воцзи, какъ болѣе восточныя, извѣстны у минскихъ писателей подъ общимъ именемъ земель дикарей: Ѣжень. 2) округи Хархунь и Ширэмынь лежали на рѣчкахъ того же имени, находящихся въ 900 ли на ЮЗ. отъ нынѣшняго Гиринь'я, слѣдовательно вблизи китайской границы. 3) Округъ Чибаганъ (Чибуханъ),

въ которомъ руководителемъ былъ сдѣланъ Монголъ Ширгадаиръ 4) О. Ташань лежалъ на земляхъ, принадлежавшихъ Ѣхэ въ окрестностяхъ Кай-юань'я. 5) О. р. Цзя хэ, протекающей на Ю. отъ нынѣшняго Синъ цзина. 6) Суваянь лежалъ на земляхъ Гиринь'я 70. р. Суйфынь (Сопинь) 8). Шалань, на З. отъ Нингуты въ 100 ли. 9). округъ р. Имала (Нималаса), впадающей въ Суцзы хэ. 10) О. Турунь, являющійся и при началѣ нынѣшней династіи 11. О. Ула, существовавшій также до послѣдняго времяни, 12) округи: Сарху, Хада, Лалинь, Маянь (на Ю. отъ Гириня въ 100 ли.), Хайлань (на СЗ. отъ нынѣшней Нингуты въ 60 ли), Наму (на В. отъ Гириня въ 80 ли.), р. Ламунь (на СЗ. отъ Фынь хуанъ въ 180 ли.), р. Яха, Хулха и проч. Все это такія мѣстности, положеніе которыхъ легко опредѣляется, или изъ древнихъ памятниковъ, или изъ новѣйшихъ извѣстій. Другія мѣстности, по опредѣленію Маньчжоу юань лю као, относятся къ окрестностямъ Боиръ-нора, Амура и даже на сѣверъ отъ этой рѣки.

Этимъ перечисленіемъ и оканчиваются всѣ свѣденія, сообщаемыя нынѣшнимъ правительствомъ, о происхожденіи маньчжурскаго народа. Только по временамъ въ біографіяхъ знаменитыхъ минскихъ мужей, которые жили въ Ляодунѣ и имѣли столкновеніе съ Маньчжурами, нынѣшнее правительство по необходимости должно было говорить о своихъ предшественникахъ, которыхъ оно называетъ *ди*-непріятель, стараясь при этомъ избѣгнуть всякихъ подробностей. Такъ, напримѣръ, подъ 1476-мъ годомъ оно говоритъ, что Дэнъ цяо сра-

жался съ непріятелемъ у Сучжулэ. Ниже мы увидимъ, подробности этого дѣла, извлеченныя изъ Убянь дянь цѣ, но для насъ на этотъ разъ, достаточно того, что исторія Маньчжурской династіи вовсе не начинается съ Тай-цзу и что нынѣшнее правительство, еслибъ хотѣло могло бы сообщить намъ множество подробностей, которые скрыты и даже могутъ потеряться.

Въ самомъ дѣлѣ, естественно ли предполагать, чтобъ народъ вошедшій въ такія тѣсныя сношенія съ минской династіей, какъ мы видимъ это во время царствованія Юнъ ло, остался совершенно незаписаннымъ въ исторіи. Если мы видимъ, что Маньчжуры въ то время были раздѣлены на множество округовъ, то не возможно предполагать, чтобъ изъ этого порядка въ продолженіи 200 лѣтъ не произошло никакихъ столкновеній, или, чтобъ въ немъ не было измѣненій. Зная общій характеръ сношеній Среднеазіятцевъ съ Китаемъ, можно уже напередъ предполагать, что границы никогда не будутъ оставаться въ бездѣйствіи; но какъ и что было—напрасно мы ищемъ на это объясненія въ оффиціяльныхъ источникахъ, изданныхъ при нынѣшней династіи. Однакожъ превосходный образщикъ древнихъ записокъ, удовлетворяющій до нѣкоторой степени нашимъ желаніямъ, мы находимъ у минскихъ писателей.

У бянь дянь цѣ составлено было въ 1630-мъ году, но, къ несчастію, оно доводитъ свѣденія только до 1572 года, то есть прерываетъ связь происшествій на одиннадцать лѣтъ до начала исторіи Тайцзу, съ которою уже встрѣчается менѣе затруд-

ненiй для обозначенiя событiй. Однакожъ этотъ незначительный промежутокъ, если бы мы и не встрѣтили въ другомъ мѣстѣ продолженiя, можетъ легко быть пополненъ соображенiемъ при изученiи и сличенiи предыдущихъ и послѣдующихъ событiй; мы можемъ убѣдиться, что въ это время не совершилось чего либо необычайнаго и маньчжурскiя племена продолжали свою обычную жизнь.

До 1441 года, какъ видно, не было никакихъ замѣчательныхъ событiй въ сношенiяхъ съ Чжурчженями; въ это время минская династiя, какъ и всѣ, только что основанныя, была во всей силѣ. Прошло еще не болѣе 15 лѣтъ со смерти Юнъ ло, который ознаменовалъ свое царствованiе частыми походами въ Монголiю, слѣдовательно чжурчженьскiя поколѣнiя, раздѣленныя на множество независимыхъ другъ отъ друга округовъ, не могли предпринять ничего серьёзнаго противъ китайскихъ границъ; они должны были довольствоваться торговлей, которая конечно была выгодна для ближайшихъ. Не одни только догадки, но и самыя историческiя данныя, убѣждаютъ насъ, что съ водворенiемъ порядка, чжурчженьскiя поколѣнiя устремились къ границамъ; начальники Сѣверныхъ поколѣнiй: Ѣхэ, Хойфа, Ула и Хада всѣ происходили отъ хулуньскихъ поколѣнiй или пришли съ Амура. Вѣроятно, это движенiе произошло въ слѣдствiе покоренiя Нагачу, который былъ переселенъ со всѣми подвластными въ Китай, такъ что его земли остались пустыми; на нихъ то мы и видимъ поколѣнiя Ѣхэ и Хада. Въ послѣдствiи, переселенцевъ могъ привлекать и разбой, но на

первыхъ порахъ выгоднѣе разбоя была конечно торговля и своего рода защита, которой нельзя было сыскать далеко на сѣверѣ и на востокѣ. Дѣйствительно, когда мы видимъ, что маньчжурское владычество возникло именно на границахъ Китая, то можемъ заключить, что китайское вліяніе создало, противъ своей воли, эту силу. Маньчжурскія поколѣнія не были, какъ увѣряетъ Маньчжоу юань лю као, совершенно независимы; учрежденіе между ними округовъ, пожалованіе чиновъ не было номинальное. Маньчжуры не смѣли самовольно распоряжаться на своихъ земляхъ, они постоянно добивались получать китайскіе чины. Это мы увидимъ не разъ въ послѣдствіи, это же встрѣчается и на первыхъ порахъ. Въ 1441-мъ году возникаетъ между Фаньча и Дуншанемъ споръ о печатяхъ, то есть, о правѣ управлять округомъ. Китайскій дворъ предписываетъ отдать предпочтеніе тому, къ которому привязаны подвластные; но ляодунскій правитель Цао-и доноситъ, что хотя народъ расположенъ болѣе къ Дуншан'ю, однакожъ когда оба претендента явились въ Кай юань сянь и стали каждый доказывать свои права, то трудно разобрать кто изъ нихъ правъ, что хотя Фаньча едва согласился отдать печать, но просилъ позволенія отправиться ко двору для разбора. При этомъ Цао-и предлагаетъ основать особый округъ подъ названіемъ: праваго округа Цзянь чжоу и отдать его Фаньча; онъ приводитъ въ примѣръ подобный же случай, бывшій въ правленіи Юнъ ло; когда въ Хайси руководители Сюнна и Тайши, дядя и племянникъ, спорили между собой о печати,

то императоръ приказалъ тогда первому завѣдывать округомъ Хулха, а второму округомъ Фэйти. (1)

Это, повидимому, незначительное происшествіе, внесенное въ Убянь дянь цѣ, вѣроятно, безъ всякаго умысла, бросающееся въ глаза на первыхъ страницахъ этой книги (г. 1. л. 9), приводитъ однакожъ къ важнымъ соображеніямъ. Мало того, что оно подтверждаетъ тогдашнія отношенія Маньчжуровъ къ Китайцамъ, здѣсь открываются и первыя начала царствующаго дома. Изъ приведеннаго факта видно, что округъ Цзянь чжоу уже существовалъ въ это время; но напрасно мы ищемъ его имя посреди названій другихъ округовъ, помѣщенныхъ въ Маньчжоу юань лю као. Однакожъ историческіе факты не такъ легко скрыть; изъ того же Маньчжоу юань лю као, въ главѣ о племенахъ маньчжурскихъ (г. VII л. 10 и далѣе) мы, узнаемъ, что названіе Цзяньчжоу стало извѣстно уже со временъ Бохайскагэ царства, и принадлежало городу, лежавшему въ предѣлахъ нынѣшняго Гириня, не подалеку однакожъ отъ того мѣста, въ которомъ являются подъ этимъ именемъ округи при минской династіи. При династіи Ляо названіе это было перенесено сперва на мѣстность лежащую на Ю. а потомъ на С. отъ рѣки Линъ хэ, въ предѣлахъ нынѣшнихъ харачиньскаго и тумотскаго аймаковъ въ Монголіи. При минской это названіе снова переносится на земли, лежащія внутри Маньчжуріи; сперва, въ 1404-мъ году, учреж-

---

(1) По Маньчжоу юань лю као это происшествіе относится къ 1409 му году г. XIII л. 22.

135

денъ просто округъ Цзянь чжоу, спустя восемь лѣтъ является еще лѣвый округъ и наконецъ, въ 1432-мъ году, правый округъ. Дѣйствительно, ниже въ Убянь дянь цѣ мы встрѣтимъ постоянное упоминаніе о трехъ округахъ. Но какимъ образомъ объяснить противорѣчіе между годами? По приведенному мѣсту изъ Маньчжоу юань лю као должно заключить, что правый округъ Цзянь чжоу уже существовалъ до того времени, въ которое по Убянь дянь цѣ его предполагаютъ еще только основать, т. е. до 1441 года. Но нѣтъ ли хоть неумышленной ошибки въ извѣстіяхъ, переданныхъ настоящей династіей въ Маньчжоу юань лю као? 1432-й г. есть 7-й годъ правленія Сюань дэ, 1441-й же годъ есть шестый годъ правленія Чжэнъ тунъ и, такъ какъ, въ продолженіи къ представленію Ляодунскаго Цзунъ бина, сказано, что дворъ отложилъ рѣшеніе до прибытія самаго Фаньча, то очень понятно, что округъ могъ быть открытъ только въ слѣдующемъ году. Такимъ образомъ Маньчжоу юань лю као могло по ошибкѣ написать 7-й годъ Сюань дэ, вмѣсто 7-го года правленія Чженъ тунъ.—Маньчжоу юань лю као утвердительно говоритъ (г. VII л. 14-й), что Хэтуала, родина нынѣшней династіи лежалъ на земляхъ праваго округа Цзянь чжоу;-и такъ, мы знаемъ теперь положительно когда она началась. Первый изъ начальниковъ этого округа будетъ, основываясь на словахъ У бянь дянь цѣ, Фаньча; посмотримъ какъ объясняетъ свое происхожденіе настоящая династія.—Небесная дѣва родила на В. горъ Чанъ бо шань, на озерѣ Бурхули, лежащемъ у подошвы горы Букури, сына и дала

ему фамилію Айжинь гіоро и имя Букури юнъшунь; сама она улетѣла послѣ того на небо, а онъ, спустившись по рѣкѣ въ ботникѣ, вышелъ на берегъ тамъ, гдѣ три поколѣнія (Илань хала) спорили между собой о первенствѣ; онѣ признали его своимъ государемъ и онъ поселился на В. отъ Чанъ бошаня, въ равнинѣ Омохой, въ городѣ Одори; государство его назвалось Маньчжоу. Чрезъ нѣсколько поколѣній послѣ него подданные взбунтовались, перебили его родъ, изъ котораго спасся только одинъ мальчикъ по имени *Фаньча*, убѣжавшій къ людямъ дикаго государства (ѣ-го-Ѣхэ, или Воцзи?); отъ него прошло еще нѣсколько поколѣній до Чжао цзу (по имени Мэнъ тэму—т. е. Мункэтэмуръ по фамиліи Айжинь гіоро); онъ жилъ въ урочищѣ Хэтуала, подъ горой Хулань хада. (1) Здѣсь тождество названій Фаньча въ двухъ разнородныхъ источникахъ должно поразить прежде всего; правда, легенда говоритъ, что отъ Фаньча до Дуду Мэнъ тэму прошло нѣсколько поколѣній, но вѣдь на то она и легенда, чтобъ показать знаменитость происхожденія, а давность рода играетъ важную роль во всемъ свѣтѣ. Наконецъ важное сближеніе легенды съ исторіей: первая намекаетъ ясно, что Фаньча есть пришлецъ съ отдаленнаго востока, что его преслѣдуютъ враги—исторія подтверждаетъ то же самое; Фаньча спо-

---

(1) Главное содержаніе легенды разсказывается одинаково въ Дунъ Хуа лу, Кайго фанъ ле и вообще во всѣхъ сочиненіяхъ, толкующихъ о происхожденіи нынѣшней династіи.

ритъ съ Дуншанемъ о правѣ на подвластныхъ и, если бы его даже и утвердили начальникомъ праваго округа, то все же онъ обиженъ. Но главное: въ Убянь дянь цѣ, подъ 1477 годомъ, припоминается, по случаю набѣговъ Цзянь чжоусцевъ, что эти разбойники первоначально жили на р. Ханьмухэ (вѣроятно: О-му хэ, что напоминаетъ названіе долины Омохой), но по враждѣ съ дикарями *семи фамилій*, убѣжали въ Корею; что, непринятые тамъ, они пришли съ данью къ китайскому двору и получили отъ него позволеніе поселиться на В. отъ Ляояна, по рѣкѣ Суцзы хэ и служить охраной сѣверовосточныхъ границъ. Это еще болѣе подтверждаетъ, что въ разсматриваемыхъ нами происшествіяхъ, мы знакомимся съ первыми историческими событіями нынѣшней династіи. Кромѣ того нельзя упустить и другихъ соображеній; въ перечнѣ округовъ, поставленныхъ минской династіей на земляхъ Цзяньчжоу, мы встрѣчаемъ названія, которыя являются и послѣ: таковы округи Цзяхэ, Нимала, Турунь, Сарху и проч. Въ послѣдствіи всѣмъ имъ даютъ одно общее имя Цзяньчжоу; изъ этого должно, заключить что Цзяньчжоусцы, пришедшіе съ востока, сдѣлались здѣсь главными господами и подчинили себѣ туземцевъ.

Въ дѣлѣ о Фаньча и Дунъ шанѣ мы видимъ вліяніе и силу китайскаго правительства; но вскорѣ маньчжурскіе роды, утвердившись на границахъ, уже стремятся обозначить свое сосѣдство вторженіями и отсюда возникаютъ безпокойства. Но мы не будемъ вдаваться въ толкованія, предо-

ставимъ говорить за себя Убянь дяньцѣ, выписывая изъ этого сочиненія въ сокращеніи тѣ факты, которые въ немъ находимъ. Уже въ 1442-мъ году Улянъ докладываетъ, что, во время своего посольства въ Хайси, онъ видѣлъ у Чжурчженей множество работниковъ изъ китайцевъ; одни изъ нихъ были увезены въ неволю, другіе убѣжали добровольно, скрываясь отъ наказанія за преступленія. Чжурчжени строго наблюдали, чтобъ никто изъ нихъ не ушелъ. Улянъ предлагаетъ, что такъ какъ въ настоящее время всѣ округи въ Хайси получили награды и повышенія, то должно объявить имъ, чтобы они не задерживали никого.

Въ 1450-мъ году Цзяньчжоу и другихъ округовъ Дуду по имени Лиманьчжу, Дуншань и другіе, грабившіе съ прошлаго года границу, возвращаютъ, по предложенію Ляодунскаго Тиду, часть изъ награбленнаго ими и представляютъ въ извиненіе лошадей въ дань. Изъ доклада военнаго министерства въ 1452-мъ году видно, что пословамъ Китайцевъ, убѣжавшихъ отъ Ѣженей (дикарей т. е. Чжурчженей), послѣдніе хвастаются тѣмъ, что не боятся китайскаго войска, потому что когда даже два или три человѣка изъ нихъ являются на границу, то и тогда китайскіе солдаты не выходятъ имъ навстрѣчу. Въ 1446 году чиновникъ министерства церемоній Гао ганъ упоминаетъ въ представленномъ имъ проэктѣ, что не смотря на видимую покорность разбойниковъ, являющихся съ данью ко двору, на пространствѣ 600 ли отъ Кайюаня до Ляо яна, нѣсколько де-

сятковъ тысячъ домовъ разграблены и разрушены Чжурженями, изъ рода въ родъ получающими императорскія милости. Гаоганъ предлагаетъ задержать Дуншань'я и предать смерти (что какъ увидимъ изъ послѣдующихъ разсказовъ и было исполнено); вмѣстѣ съ тѣмъ предположено отправить въ лагерь разбойниковъ толмача, съ тѣмъ чтобъ потребовати отъ нихъ выдачи захваченныхъ въ плѣнъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высмотрѣть ихъ положеніе.

Въ томъ же году Китайцы рѣшились сдѣлать вторженіе въ Цзяньчжоу. Тиду Ли бинъ и Цзунъ бинъ Чжао пу вступили туда отдѣльными отрядами; часть войска выступила 24-го числа 9-й луны (*) изъ прохода Фушунь, миновала аулъ (чжай) Чжандабина и другіе, которые были пусты; 29-го числа увидали издали толпу непріятеля, состоящую изъ 100 слишкомъ человѣкъ, которая собралась въ лѣсу на горѣ Бодао; тотчасъ велѣно было минскимъ войскамъ броситься на эту горсть, защищавшуюся въ неприступныхъ мѣстахъ. Непріятель долженъ былъ отступить, но когда минское войско остановилось на ночлегъ, то къ вечеру онъ снова показался и напалъ на лагерь; его отбили огнестрѣльными снарядами (шэнь цянъ); на слѣдующій день китайскія войска пошли впередъ, но непріятель защищался въ горныхъ проходахъ хребта Улинъ (пять хребтовъ?) и въ густыхъ лѣ-

---

(*) Изъ этого должно заключить, что здѣсь война, какъ и на Кавказѣ, могда производиться только осенью, когда спадетъ листъ съ деревъ.

сахъ, тянущихся на востокъ; тогда выбрано 3000 лучшихъ всадниковъ для раззоренія селеній горцевъ что и продолжалось до 5-го числа 10-й луны. Непріятель припряталъ женщинъ и малолѣтнихъ, а самъ, въ числѣ 200 слишкомъ взрослыхъ человѣкъ, оказывалъ сопротивленіе въ тѣснинахъ; Китайцы должны были вступать съ нимъ въ сраженіе нѣсколько десятковъ разъ, для того чтобъ разсѣять окончательно. Успѣхи этого отряда ограничились тѣмъ, что у непріятеля убито было 56 человѣкъ, взято въ плѣнъ 27 мужчинъ и 24 женщины, освобождено изъ плѣна китайскихъ мужчинъ и женщинъ 252 человѣка; дома были сожжены.

Другой отрядъ, шедшій лѣвѣе прибылъ къ аулу Дайцзяона и разсыпался оттуда во всѣ стороны; горцы укрылись въ глубокихъ горахъ, войска преслѣдовали ихъ до улуса кумирни Лянцзя сы и во многихъ стычкахъ убили 125 человѣкъ, захватили въ плѣнъ 6 человѣкъ мущинъ и 55 женщинъ; освободили захваченныхъ въ плѣнъ китайцевъ 247 человѣкъ.

Третій отрядъ выступилъ отъ устья рѣки Хунь хэ, миновалъ Лаоха и другія улусы, которые всѣ были пусты. Непріятель также сопротивлялся въ глубокихъ горахъ; отрядъ, около 20 числа 10-й луны, проникъ до хребта Улинъ имѣя до 20 слишкомъ схватокъ, убилъ у непріятеля 64 человѣка, взялъ въ плѣнъ 18 человѣкъ мущинъ и 28 женщинъ, освободилъ 218 человѣкъ, отыскалъ императорскую граммату, высланную въ Корею.

Особый корпусъ, выступивъ 29-го числа 9-й лу-

ны, миновалъ улусы Сунъ чань, Паликунь, Чима, Мудунъ, Ли юна и проч. онъ имѣлъ болѣе 30 схватокъ, убилъ 97, захватилъ 39 человѣкъ, освободилъ 137; слѣдующіе дни до 7-го числа 10-й луны употреблены были мелкими отрядами на поиски и войска проникли до хребта Мотянь линъ и кедроваго лѣса, захватили еще нѣсколько человѣкъ и сожгли болѣе тысячи домовъ.

Отдѣльный отрядъ отъ этого корпуса завладѣлъ аулами Дунъ'хо (Дунъ'о), Ничиванъ, Мафа, Кужу и проч. и проникъ до Чжанъ ишэнъ-ха и горъ съ сосновымъ лѣсомъ, захватилъ 47, убилъ 259 и освободилъ 253 человѣка.

Мы нарочно приводимъ подробности такого похода, чтобъ представить обращикъ Китайской храбрости и незначительности тѣхъ успѣховъ, которыхъ могли ожидать минскія войска въ горной войнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ открывается какъ незначительны были силы Маньчжуровъ, жившихъ въ этихъ горахъ. Въ 1478 мъ году Китайцы, какъ увидимъ, предпринимаютъ такой же походъ и успѣваютъ еще менѣе. До сихъ поръ мы знали исторически объ одномъ только походѣ минскихъ войскъ противъ маньчжурскаго Тайцзу въ 1619-мъ году, когда огромная армія китайская, выступившая изъ границы четырмя отрядами была разсѣяна послѣ знаменитаго сраженія при Сарху.

По возвращеніи изъ похода Ли бинъ сдѣлалъ представленіе объ укрѣпленіи пограничныхъ мѣстъ между Ляо ян'омъ и Фынъ хуан'омъ, возведеніи редутовъ и крѣпостей, прибавкѣ войска и проч.; китайскій императоръ на все согласился. Тогда уси-

лены Фынъ хуанъ, Ягу гуань, Фу шунь и Фынъцзи пу, служившіе главными пунктами сообщенія съ инородцами. Въ послѣдствіи заведено хлѣбопашество въ пяти вновь прибавленныхъ редутахъ на В. отъ Ляояна, именно въ Дунъ чжоу, Магэнь дань, Цинъ хэ, Цзянь чанъ и И-янъ; прежде провозъ сюда каждаго мѣшка хлѣба обходился въ одну лану, тогда какъ теперь каждому солдату (всего считалось 2991 человѣкъ) выдано было на покупку коровы по стольку же.

Прошло одиннадцать лѣтъ и Китайцы снова выведены были изъ терпѣнія. Въ 1477 году старшина изъ Хайси, въ соединеніи съ тремя округами Цзянь чжоу, вторгнулся въ И-янъ. Тогда то Ляодунское начальство припамятовало промахъ, сдѣланный прежде позволеніемъ Цзяньчжоусцамъ поселиться около границы; оно разсуждало также что въ 1466-мъ году, когда, послѣ казни Дунь шань'я, китайское войско вступило въ землю непріятеля, то напрасно воротилось оно тогда послѣ небольшой побѣды и что объ этомъ до сихъ поръ еще сожалѣютъ. Въ слѣдствіе этого просили прибавить войска, чтобъ сдѣлать сильное вторженіе и за одинъ разъ истребить безпокойнаго сосѣда. На это представленіе нѣкоторые придворѣ стали возражать, что Ляодунскій правитель Чэнь юѣ только хочетъ отличиться, что его дѣло только заботиться объ охраненіи границы; не то, предпринятый вновь походъ, если не удастся, уронитъ только еще болѣе китайцевъ въ глазахъ инородцевъ. На это Чень юѣ возразилъ, что три округа Цзянь чжоу, хотя и считаются на словахъ вассалами или

охраной имперіи, но на дѣлѣ на нихъ нельзя положиться; когда они находятъ это выгоднымъ, то являются ко двору, а въ другое время производятъ вторженія въ границы; сверхъ того, такъ какъ они находятся въ связи съ чжурчженями Хайси и разсѣяны между ними, то поэтому и трудно съ ними справиться. Лучше всего, говоритъ онъ, сдѣлать за одинъ разъ большія усилія, чтобъ ихъ истребить; въ настоящее время жители Ляодуна, которые страдаютъ отъ нихъ, скрежещутъ зубами, думая о возмездіи и потому, если сдѣлать воззваніе, то всѣ, какъ далекіе такъ и близкіе, отзовутся на этотъ призывъ. Императоръ одобрилъ такое представленіе и приказалъ Чэнь юе сдѣлать вторженіе; на слѣдующій годъ китайскія войска вступили въ Цзянь чжоу и, по донесенію, разрушили 53 мѣстечка, сожгли 200 домовъ, убили 200 человѣкъ, захватили 120 лошадей и множество оружія, латъ, шлемовъ и проч. Однакожъ не смотря на то, что Чэнь юе донесъ о побѣдѣ, горцы въ томъ же году вторгаются въ Ляодунъ чрезъ Ягудунь и другія мѣста и при этомъ на встрѣчу имъ не вышло ни одного солдата.

Въ тоже время одинъ переводчикъ представилъ Императору, что округи учреждены его предками и пользуются съ давняго времени милостями династіи, которыя они и чувствуютъ; что они сдѣлались недовольны только въ слѣдствіе того, что въ послѣднее время ихъ начали притѣснять и запретили имъ вести торговлю съ Китаемъ. Тогда Императоръ отправилъ въ Ляодунъ Мавэнь шэна для привлеченія инородцевъ лаской и при-

казалъ открыть въ Ляодунѣ рынки для торговли лошадьми. Въ правленіе Юнъ ло открыты были три рынка: одинъ въ Кайюанѣ, въ южномъ проходѣ для Чжурчженей изъ Хайси, другой въ 5 ли на В. отъ тогоже города, третій въ Гуанъ нинѣ для трехъ монгольскихъ округовъ Доянь: въ послѣдствіи, за передаваніе пограничныхъ тайнъ, два послѣдніе рынка были закрыты, оставленъ только первый; тогда Доянь должны были обратиться къ посредничеству Чжурчженей въ Хайси, которые отъ того и сдѣлались сильны. Теперь для привлеченія Доянь и ослабленія Хайси открыли снова закрытые прежде рынки.

Мавэнь шэнъ, по прибытіи въ Ляодунъ, призвалъ изъ праваго и лѣваго округа Цзянь чжоу, имѣвшихъ печати руководителей: Толо (1), Бухату и проч. 199 человѣкъ, руководителя Мао ха и проч. 48 человѣкъ изъ числа тѣхъ, которые были въ послѣднее время наказаны оружіемъ. Въ слѣдъ за тѣмъ явился Цзянь чжоускій Руководитель, имѣвшій печать (Чжангинь?) Ваньчжету вмѣстѣ съ главой разбойниковъ Чаодэлу и другими въ числѣ 27 человѣкъ.—Ма вэньшэнь объявилъ всѣмъ имъ о повеленіи императора успокоить и обласкать ихъ и отпустилъ назадъ съ тѣмъ, чтобъ они возвратили награбленное и по прежне-

---

(1) По родословной нынѣшнихъ Императоровъ послѣ Фаньча является Дуду Мэнъ тэму, у котораго два сына: Юньшань и Сюй янь; старшій сынъ Юньшанья называется Толо; очень не мудрено, что это тотъ самый, который здѣсь упоминается. Толо какъ старшій въ родѣ долженъ былъ наслѣдовать званіе правителя округа.

му приходили съ данью. Съ тою же цѣлью Ма вень шэнъ, прибылъ и въ Кай юань гдѣ созвавъ до 375 человѣкъ всѣхъ чиновъ отъ Дуду и ниже, изъ двухъ сотъ слишкомъ округовъ въ Хайси и Уцзи, объявилъ имъ тоже самое.

Однакожъ Цзяньчжоускіе горцы не только выказали опасеніе и подозрѣніе, но въ тоже время произвели грабежи около Цинъ хэ пу. За всѣмъ тѣмъ Мавэньшенъ приписывалъ этотъ поступокъ тому обстоятельству, что въ прежнее время у нихъ казнили зазваннаго обманомъ Дуду Дунъ шаня, а въ послѣднее нападали на ихъ земли и перебили многихъ невинныхъ. Сверхъ того Маню изъ Хайси, Сачиха и другіе оказались бунтовщиками потому что или не получили чиновъ и граммотъ, или, желая представиться ко двору съ данью, были притѣстяемы пограничными чиновниками; потому Ма вэнь шэнъ просилъ чтобъ мѣры успокоенія продолжались по прежнему, хоть для того, чтобъ доставить временное спокойствіе границамъ.

Слѣдствія кроткихъ мѣръ оказались немедленно. Въ 7-й лунѣ того же года, Руководитель Илиха и другіе 17 человѣкъ изъ округа рѣки Чжафэй хэ просили о повышеніи ихъ въ должностяхъ; Сологэту младшій руководитель (Чжи хой тунъ чжи) изъ округа Иши (1) просилъ о пожалованіи ему грамматы, Хань цзя, имѣвшій чинъ Чжихой цянь ши въ округѣ Гэсэнгэ, просилъ о наслѣдованіи родительской должности, Шэнькэнэ изъ округа

---

(1) Рѣка Иши протекаетъ во 240 ли на В. отъ Гириня, течетъ на З. и впадаетъ въ Хуньтунъ цзянъ.

Фэйдоту хэ (1) просилъ о пожалованіи грамматы и печати. На все это изъявлено согласіе, выходя изъ прежнихъ правилъ, для того чтобъ разсѣять всеобщія опасенія. За тѣмъ Дучжихой Дулуту и другіе 13 чел. изъ округа Фэйсы просили повышенія, Иньтавэнь (иньдахунь?) сынъ Лата и другіе 6 человѣкъ изъ округа Уцзи просили утвержденія въ наслѣдственныхъ должностяхъ, Ата изъ округа Имала просилъ повышенія и переменованія названія округа на Кармань. Таковы были послѣдствія успокоенія; правительство, послучаю послѣднихъ прошеній, разсуждало, что такъ какъ Маню и другіе неоднократно нападали на границу, то ихъ нельзя ровнять съ покорными; рѣшились однакожъ удовлетворить ихъ желаніямъ, выслать къ пограничнымъ чиновникамъ грамматы и проч. съ тѣмъ, чтобъ раздать ихъ чрезъ годъ, есть ли просители въ продолженіи этого времени будутъ смирны.

Чень юѣ, недовольный расположеніемъ своего правительства къ миру, желая побудить его къ войнѣ, донесъ, что его извѣстили будто Булата, старшина Цзяньчжоускаго округа, собираетъ вокругъ себя охотниковъ, чтобъ произвести нападеніе на границу; потому Чень ѣю просилъ позволенія выступить за границу въ предупрежденіе непріятель-

---

(1) Маньчжоу юань люкао превращаетъ названіе этого округа въ Фэйкэту и полагаетъ что онъ находился въ 300 ли отъ Альчуки, гдѣ есть станція этого имени.

скаго вторженія. Но дворъ не хотѣлъ начинать войну на основаніи однихъ слуховъ; Мавэнь шэнъ просилъ предписать правителямъ, чтобы когда они получатъ свѣдѣнія о замыслахъ, то призывали бы напередъ къ себѣ зачинщиковъ и уговаривали ихъ. Дѣйствительно, вторженія въ этомъ году не было, напротивъ Гуанъ шита – Дучжихой въ Цзяньчжоу и Сай-и-та изъ округа Шилину и другіе пришли съ данью и просили пожалованія чинами, что и было исполнено. Въ слѣдующемъ 1479 году китайское правительство казнило Боданъ' а и сослало въ ссылку Чжанъ люра, которые, будучи китайцами, перебѣжали къ Чжурчженямъ и потомъ осмѣлились принять на себя званіе посланцевъ отъ Абу и другихъ Чжурчженьскихъ старшинъ.

Вдругъ китайцы измѣнили совершенно свои прежнія намѣренія. Въ это время евнухъ Ванъ чжи, пользовавшійся силой при дворѣ, хотѣлъ отличиться и Чэнь юе, поддѣлываясь къ нему, донесъ, что Фуданъа изъ Цзяньчжоу, не получивши титла Дуду, объявляетъ въ слухъ, что онъ вторгнется въ Ляодунъ: Чэнь юе прибавилъ, что между тѣмъ какъ жители трехъ округовъ Цзянь чжоу въ соединеніи съ Мао линемъ изъ Хайси неоднократно вторгались въ прошлыхъ годахъ въ границы, а дворъ раздавалъ имъ званія Дуду, Дучжихой и прочіе чины, то отъ этого инородцы постоянно и волнуются. По мнѣнію Чэнь юе, вмѣсто того чтобъ награждать чинами, гораздо лучше наказать ихъ оружіемъ и это тѣмъ легче произвести теперь, когда они не готовы. Ванъ

чжи зазвалъ изъ Цзянь чжоу Ланъту, Хасу и другихъ для представленія дани и заключилъ ихъ въ темницу, и въ тоже время (въ 1480 году) китайскій генералъ Чжу юнъ вторгнулся въ Цзянь чжоу; въ донесеніи своемъ онъ говоритъ, что гнѣздо разбойниковъ находится внутри тысячи высокихъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ и дороги туда непроходимы. Войска Чжу юна выступили пятью отрядами изъ Фушунь'я и чрезъ полмѣсяца вступили въ земли непріятеля, который занялъ неприступныя мѣста, но Китайцы разбили и разорили ихъ убѣжище, убили 695 человѣкъ, плѣнили 486, истребили 450 слишкомъ селеній, захватили до тысячи слишкомъ головъ лошадей, коровъ и проч.

Однакожъ въ слѣдъ за возвратившимися войсками, Цзяньчжоусцы вторгаются въ предѣлы Иляна и Цинъ хэ, и, разсыпавшись по окрестностямъ, предаются всѣмъ неистовствамъ грабежа и убійства.—Партія войны, искавшая отличій, выставляя это на видъ, требовала чтобъ дворъ приказалъ снарядить возможно большія силы для будущей экспедиціи.—Въ тоже время былъ ограбленъ корейскій посланникъ возвращавшійся изъ Китая: Цзяньчжоусцы мстили корейцамъ за то, что они помогали противъ нихъ Китайцамъ; въ слѣдствіе этого предположено было построить крѣпость Фынъ хуанъ и 22 редута, такъ чтобъ отъ Ляояна вплоть до Кореи шелъ рядъ укрѣпленій, которыя могли бы вмѣстѣ съ тѣмъ препятствовать и вторженіямъ Чжурчженей; крѣпость и два главные редута были окончательно воздвигнуты

въ 1489 году и въ нихъ поселены по вызову охотники въ числѣ 1200 человѣкъ. Кажется эти мѣры подѣйствовали нѣсколько на Чжурчженей; Дуду Цзяньчжоускаго округа отправилъ Бухута представить ко двору десять лошадей въ извиненіе за ограбленіе корейскаго посланника, Чжурчженецъ Сунхата съ братомъ Халибуха приходитъ въ Китай въ подданство и его поселяютъ, для привлеченія другихъ, въ Ляодунѣ, тогда какъ прежде такихъ передававшихся отсылали въ Гуандунъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не упоминается ни о какихъ нападеніяхъ со стороны Чжурчженей, между которыми, какъ видно изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ мимоходомъ, возникли раздоры и вліяніе Китая въ этихъ мѣстностяхъ опять утвердилось. Такъ въ 1493 году мы встрѣчаемъ докладъ слѣдующаго содержанія: въ царствованіе Юнъ-ло, при учрежденіи различныхъ округовъ, были раздаваемы различнымъ лицамъ титулы Дуду и прочіе чины съ тѣмъ чтобы они, начальствуя надъ своими подвластными, служили охраной имперіи; но въ послѣдствіи эти чиновники не могли обуздывать своихъ подчиненныхъ, отчего границы подверглись безпокойствамъ; потому отнынѣ впредь предполагается назначать въ Дуду и давать печати только наслѣдникамъ такихъ, которые во время своего управленія не сдѣлали проступковъ и которыхъ подвластные не вторгались въ границы; иначе наслѣдникамъ ихъ давать только чины Дучжихой ши, а въ Дуду выбирать только такого, которому въ улусѣ всѣ до-

вѣряютъ; вообще: въ наслѣдственныхъ чинахъ давать ихъ одной степенью ниже, предоставляя повышеніе только отличившимся обузданіемъ подвластныхъ, или возвращеніемъ захваченныхъ въ плѣнъ и перебѣщиковъ.—Все это было утверждено.

Въ доказательство того, какія неистовства могли позволять себѣ пограничные чиновники, мы приведемъ одинъ случай, хотя и не касающійся Маньчжуровъ. Въ 1499-мъ году, 300 человѣкъ изъ монгольскаго улуса Доянь пришли для торговли на границу, а китайскія войска, напавъ на нихъ, перебили всѣхъ и еще выслали въ ихъ кочевья солдатъ для раззоренія; между тѣмъ объ этомъ происшествіи донесено было какъ о побѣдѣ надъ вторгшимися въ границу разбойниками. Въ другой разъ одинъ пограничный чиновникъ заманилъ къ себѣ инородцевъ на угощеніе и перебилъ ихъ всѣхъ. Послѣ этого неудивительно, что сосѣдніе съ границами жители часто производили неистовства; они могли не всегда дѣлать это изъ жажды добычи, но и по чувству мести.—Въ тоже время говорится и о другихъ злоупотребленіяхъ: когда инородцы приходили съ лошадьми, и прочимъ на рынки въ Гуанъ нинъ, Кай юань, или Фушунь, то чиновники и сильные дома заставляли ихъ уступать свои товары за три или четыре части стоимости; другіе вымѣнивали приводимыхъ въ дань ко двору хорошихъ лошадей на дурныхъ, или дѣлились получаемыми инородцами отъ двора наградами.

Въ 1499-й и 1500-й годы повторились снова прежнія вторженія въ Ляодунъ. Въ первый изъ

этихъ годовъ, говорится, въ Шэнъянѣ и другихъ мѣстахъ было много убитыхъ, ограбленныхъ и уведенныхъ въ плѣнъ. Въ 1500-мъ году разбойники напали на пикеты, расположенные на В. отъ Ляояна; 4000 китайскаго войска поспѣшили противъ нихъ, а разбойники, воспользовавшись тѣмъ, что далѣе на З. не принято никакихъ мѣръ предосторожности, перешли границу въ 40 мѣстахъ и, въ числѣ 8000 человѣкъ, напали на колоніи и пикеты, предали смерти старыхъ и малолѣтнихъ, а здоровыхъ увели въ неволю. Хотя, при упоминаніи объ этихъ происшествіяхъ, и не сказано ясно, кто производилъ эти разбои, однакожъ судя по мѣстности, на которой совершились эти происшествія, нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ нихъ принимали участіе округи Цзяньчжоу.

До этого времени Шанъгу, второй сынъ Лицзи, который былъ Дуду въ переднемъ округѣ Уцзи, получивши наслѣдственно только званіе Дучжихой'я, представлялъ въ дань верблюдовъ и возвращалъ захваченныхъ въ плѣнъ, домогаясь повышенія въ званіе Дуду; наконецъ, видя безполезность своихъ стараній, онъ. разсердившись, сталъ вторгаться въ границы и не допускать другихъ до представленія дани. Однакожъ послѣднее обстоятельство, а всего скорѣе, стремленіе Шангу подчинить себѣ слабые улусы, возбудило противъ него неудовольствіе въ прочихъ инородцахъ; почему, въ настоящее время, онъ, вѣроятно опасаясь ихъ и послалъ на границу 50 всадниковъ принести извиненіе; тогда пограничные чиновники отправили къ

нему сотника съ приглашеніемъ пріѣхать самому, обѣщаясь просить за него о повышеніи. Когда онъ явился, то они отправили его въ столицу. Тогда Мэнкэтэмуръ, Дуду округа Тайнинскаго, произвелъ нападеніе на границу, и, по уходѣ, оставилъ письмо, въ которомъ укорялъ китайское правительство за то, что оно принимаетъ такихъ людей, которые недопускаютъ другихъ до представленія дани. Цзяньчжоускіе лѣвый и правый округи также отправили посланца сказать, что если Шангу будетъ убитъ, то всѣ неудовольствія съ ихъ стороны прекратятся. Однакожъ дворъ разсудилъ на этотъ разъ, что такой поступокъ былъ бы неблагороденъ, потому что пограничные чиновники завлекли сами Шангу.— (Этотъ Шангу въ 1507 г. былъ убитъ Кучуна, руководителемъ округа Хулуай (Хулха), который однакожъ боясь мщенія родственниковъ убитаго убѣжалъ въ Китай).

Въ это время Монголы уже давно усилились и стали производить нападенія на всю огромную границу Китая, обращенную къ сѣверу. Они не оставили въ покоѣ и Ляодунъ, а равно и Чжурчженей; въ 1509-мъ году управляющій тремя округами Тайнинъ, Чжурчжень Маймань, чтобъ уклониться отъ нихъ, поселился подлѣ китайской границы и построилъ земляное укрѣпленіе; всего подвластнаго ему народа считалось до 20,000. Въ 1516-мъ году Нахай, старшина изъ округа Фуюй въ Хайси, прибылъ къ границѣ съ 3000 человѣкъ и его велено было допустить торговать, но безъ оружія.

Между тѣмъ сношенія съ Чжурчженями не

представляютъ по прежнему важныхъ событій; все дѣло ограничивается только нѣсколькими набѣгами. Въ 1513-мъ году упоминается, что Хайсійскіе старшины Лаошу, Найлю, Дуду въ Цзяхэ Чжукунъэ и проч. часто безпокоятъ границу и не допускаютъ другихъ до представленія дани. Когда разбойники въ это время ограбили Кай юань, то погнавшіяся за ними войска вышли за границу, но здѣсь были окружены и потерпѣли сильное пораженіе. Послѣ этого китайскимъ войскамъ на время запрещено было совсѣмъ выходить за границу, а стараться только наказывать вторгающихся внутри.

Въ 1518 г. Цзяньчжоускій старшина Фубусуха, производившій прежде постоянные набѣги, усмиренъ, Цзяньчжоужскій Дуду лѣваго округа Тоюань-бао и Цзяхань, явившіеся на границу (послѣдній съ 3000 человѣкъ) уговорены жить въ мирѣ.

Въ 1522-мъ году переводчикъ Ванъ чэнь представилъ слѣдующія соображенія: 1) Дуду Сухэтэ въ Хайси почтителенъ къ законамъ имперіи и потому надобно отправить искуснаго человѣка въ Фушунь къ безпокоющимъ границы Чжукунъэ и другимъ, убѣдить ихъ жить въ мирѣ, а если не послушаются. то наказать ихъ съ помощію Сухэтэ 2) въ грамотахъ иностранцы часто не называются настоящимъ ихъ именемъ, а именами предка или отца 3) о повышеніи, или полученіи наслѣдственнаго чина дѣла производятся нѣсколько лѣтъ и это возбуждаетъ неудовольствія въ инородцахъ, 4) при угощеніи ихъ обращаются съ ними небрежно.—

Сухэтэ жилъ на берегахъ Сунгари въ 400 ли отъ Кайюань'я и чрезъ его владѣнія проходили всѣ инородцы, жившіе далѣе; онъ былъ силенъ и всѣ улусы его боялись, почему, въ 1531-мъ году, ему посланы были награды отъ императора.

Въ 1542-мъ году Цзяньчжоусцы вторглись со стороны Фынъ хуана и произвели большія неистовства; главнымъ между ними былъ Чао Наха (1) или Нахэ, голова котораго была въ послѣдствіи оцѣнена китайцами; но дворъ запретилъ предпринимать походъ противъ Цзяньчжоу изъ уваженія къ тому, что она долго была спокойна; велено было выжидать, когда Нахэ вторгнется, что и случилось; онъ потерпѣлъ пораженіе, у него убито было 170 человѣкъ.

Въ 1544 году упоминается еще о вторженіи Цзяньчжоу'скаго Ли Сачиха. (2) Въ 1557 восточные разбойники вторгаются во множествѣ въ Ляоянъ, Цинъ хэ и другія мѣста, но они отражены и потеряли убитыми до 800 человѣкъ. Въ 1562-мъ году Кайюаньскій инородецъ Хушита, разбойничавшій на границѣ, былъ выданъ Хациной изъ вѣ-

---

(1) Чао, какъ по всему видно, была фамилія его; мы видѣли выше названіе Чао дэлу, ниже встрѣтимъ Чао Сологэ; очень естественно, что Чжурчжени, какъ и всѣ другіе инородцы, принимали китайскія фамиліи—мы видимъ у нихъ также фамиліи Ванъ, ли и проч.

(2) Изъ шести сыновей Дуду Маньфу, прадѣда Тайцзу одного звали Сочанга: онъ долженъ былъ жить именно въ это время. Ли, какъ мы замѣтили, должно быть была китайская фимилія, прибавленная къ маньчжурскому имени Сачиха, которое очень сходно съ Сочанъа.

145

домства Дуду Ваньтай'я (¹); въ этомъ же году разбойники вторглись отдѣльными отрядами чрезъ Пучжоу, Фушунь и гору Хэтао шань, однакожъ потерпѣли пораженіе, чему Китайцы весьма обрадовались, какъ давно не бывалому событію. За то другая шайка, вторгшаяся около Фынъхуана, имѣла успѣхъ. Въ слѣдующемъ (1563) году было новое вторженіе. Въ 1569 году старшины Чжанъ баши, Айшиха и другіе приблизились къ границамъ, чтобъ сдѣлать вторженіе; но китайскія войска вышли имъ на встрѣчу за границу, разбили ихъ при горномъ городкѣ Цзяхэ, убили Чжанъ баши и съ нимъ 164 человѣка. Чрезъ годъ было новое вторженіе, но Цзунъ бинъ Ли чэнъ лянъ встрѣтилъ разбойниковъ у горы Чжошань и убилъ 580 человѣкъ, въ томъ числѣ *двухъ старшинъ*, захватилъ 600 слишкомъ лошадей, 200 латъ и проч. Въ слѣдующемъ 1572 году, восточный разбойникъ Субахай дайцинъ, мстя за пораженіе при горѣ Чжошань, сдѣлалъ новое вторженіе, но былъ отбитъ при пикетахъ Чанъ шэнъ пу и Цинъ хэ пу; въ послѣднемъ мѣстѣ были убиты 165 человѣкъ и одинъ старшина.

Этимъ 1572-мъ годомъ оканчиваются извѣстія, сообщаемыя Убянь дянь цѣ. Но мы дополнимъ ихъ извлеченіями изъ біографіи сей часъ упомяну-

---

(¹) Ванъ тай былъ начальникъ округа Хада; онъ былъ весьма силенъ, ему подчинялись Ѣхэ, Хойфа, Ула и Хуньхэ и онъ принялъ даже титулъ Хана;—но, въ послѣдствіи, другія поколѣнія отложились отъ него и передались поколѣнію Ѣхэ, въ которомъ властвовали два брата Цинзяну и Янцзину.

таго Ли чэнъ ляна, который былъ самый знаменитый генералъ въ Ляодунѣ; онъ постоянно одерживалъ верхъ надъ всѣми, вторгавшимися въ эту страну, непріятелями, были ли то Чжурчжени, или Монголы. Изъ этой біографіи, помѣщенной въ минской исторіи (г. CCXXXVIII), мы узнаемъ, что въ 1573-мъ году, Цзяньчжоу'скій Дучжихой Ванъ гао торговавшій въ Фушунѣ, убилъ обманомъ китайскаго офицера, но когда въ слѣдующемъ году онъ опять вторгся въ границу, то былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ и долженъ былъ бѣжать съ поспѣшностію. Ванъ гао укрылся въ своемъ аулѣ, который былъ защищенъ глубокимъ рвомъ и крѣпкими валами, но Ли чэнъ лянъ взялъ его, послѣ канонады, штурмомъ, при чемъ было убито 1100 слишкомъ человѣкъ. Ванъ гао убѣжалъ въ аулъ Ахана, но преслѣдуемый и тамъ, спасся въ южный проходъ (нань гуань), оттуда его выдалъ Дуду Вантай и онъ былъ казненъ. Въ 1577 году восточный Дуду Ванъ-у-танъ, торговавшій въ Куаньдянѣ, притѣсняемый китайскими офицерами, сталъ посылать, вмѣстѣ съ Чао Сологэ, отдѣльныхъ всадниковъ для поисковъ внутри границъ; въ 1580 году онъ вторгся въ предѣлы И яна, но Ли чэнъ лянъ не только прогналъ его, но, выступивъ за границу за 200 ли, убилъ до 750 человѣкъ и раззорилъ его лагерь. Ванъ-у-танъ снова попробовалъ вторгнуться, но былъ отраженъ и съ тѣхъ поръ не могъ уже подняться.

Между тѣмъ, сынъ выданнаго китайцамъ Ванъ гао, Атай нашелъ убѣжище у Хурханя старшаго

сына Ванъ тая; когда, по смерти Вантая, Хурхань ослабѣлъ, то Атай перешелъ на сторону Чжурчженей сѣвернаго прохода и, въ соединеніи съ ними, напалъ на Хурханя; сверхъ того онъ дѣлалъ неоднократныя нападенія на Гушань и Синъ Хэ. Ли чэнъ лянъ, выступивши за границу, сошелся съ нимъ у долины Цаоцзы гу и убивъ у него болѣе тысячи всадниковъ, отнялъ до 500 лошадей. Атай, снова соединившись съ Ахайемъ, подошелъ къ Шэнъяну и произвелъ грабежи. Ли чэнъ лянъ, въ 1582-мъ году, выступивъ изъ Фушунь'я за сто слишкомъ ли, напалъ на аулъ Гулэ, убилъ Атай'я и вмѣстѣ съ тѣмъ, напавъ на аулъ Ахай'я, (Шацзи) убилъ также и его. Въ этомъ походѣ у Маньчжуровъ было убито до 2300 слишкомъ человѣкъ и домъ Ванъ гао такимъ образомъ изчезъ. (1)

Это происшествіе находится уже въ тѣсной связи съ первыми подлинными историческими свѣдѣніями, которыя сообщаетъ о себѣ настоящая династія. Атаева жена была сестра Маньчжурскаго Тайцзу Нурхачи; только исторія маньчжурскаго дома говоритъ, что нападеніе на Атай'я и Ахай'я произвелъ не самъ Ли чэнъ лянъ, а Никань вайлань, владѣтель города Турунь, принадлежащаго къ поколѣнію Суксуху; Личэнъ лянъ будто только далъ ему на помощь войска. Отецъ и дѣдъ Тай-

---

(1) Въ тоже время Ли чэнъ лянъ нанесъ сильное пораженіе Ѣхэскимъ Бэйлэ Цинзяну и Янцзину, которые были убиты, а оставшіеся подданные поклялись надъ бѣлой лошадью и надъ мечемъ всегда повиноваться китайскому правительству.

цзу, узнавъ о нападеніи Никань вайлань на Гулэ, поспѣшили туда, какъ разсказываетъ нынѣшняя исторія, для того, чтобъ увести дочь, но, вѣроятнѣе, чтобъ подать помощь Атаю, или, что еще вѣроятнѣе, они сами были въ числѣ преслѣдуемыхъ; когда городъ былъ взятъ, то тутъ погибли отецъ и дѣдъ Тайцзу. Настоящая династія видитъ причину перваго возвышенія Тайцзу именно во враждѣ съ Никань вайланемъ, которому онъ мститъ будто за смерть своего отца и дѣда. Но всего скорѣе предполагать, что имянно въ слѣдствіе сильныхъ пораженій, которыя были нанесены въ послѣднее время Цзянь чжоу'сцамъ, Тайцзу нашелъ возможность въ самомъ ослабленіи ихъ образовать ту силу, которая въ послѣдствіи такъ грозно проявилась на всѣмъ востокѣ. Ни отецъ на дѣдъ Тайцзу не были старшими въ родѣ; порядокъ, введенный Китайцами, чтобы должности переходили наслѣдственно—поддерживалъ ослабленіе родовъ, противупоставляя одинъ другому. Теперь въ Цзянь чжоу каждая деревня стала управляться независимо и потому Тайцзу могъ начать великое дѣло завоеванія и соединенія всей Маньчжуріи съ тринадцатью ратниками.

Между всѣми родами одного племени, которое мы нынѣ, называемъ манчжурскимъ, поколѣнія жившія въ Цзяньчжоу были самыя безпокойныя въ слѣдствіе гористаго положенія страны; не смотря на частые уроны они естественно должны были отличаться предъ прочими храбростію и отвага, которую они получили въ схваткахъ съ Китайцами

доставила имъ естественно перевѣсъ предъ другими единоплеменниками. — Если человѣкъ и управляетъ событіями, то мы еще болѣе убѣждаемся, что и тутъ событія управляютъ человѣкомъ. Тайцзу не первый понялъ, что вмѣсто того, чтобъ стараться о пріобрѣтеніи добычи въ китайскихъ предѣлахъ, прежде всего нужно укрѣпиться внѣ ихъ; предъ его появленіемъ, мы видимъ, уже началось образованіе сильныхъ сеймовъ между сѣверными поколѣніями; сперва власть достается при Ванъ таѣ въ руки Хада, жившихъ въ южномъ проходѣ, потомъ къ поколѣнію ѣхэ въ сѣверномъ, но поддержать и распространить такое сеймовое первенство, изъ котораго прямый переходъ къ неограниченному владычеству, умѣлъ только Тайцзу. Порядокъ, введенный Китайцами сохранялся въ продолженіи 200 слишкомъ лѣтъ, но всему есть конецъ, изъ этого же порядка, такъ выгоднаго для Китая, вышли и новыя событія. По крайней мѣрѣ, пробѣгая извлеченныя нами свѣденія, исторія настоящей маньчжурской династіи не можетъ уже казаться намъ вдругъ выростающей изъ неизвѣстности; теперь уже и по тѣмъ фактамъ, которые мы привели, и которые подаютъ надежду, что со временемъ откроется еще больше подробностей, мы знаемъ достаточно для того, чтобы имѣть понятіе о народѣ, жившемъ въ раздробленіи и дикости....

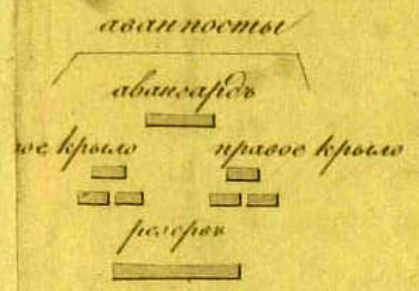
ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ:

стран.	строка.	напечатано:	должно быть:
22	12 снизу	Ченгисъ-Хана	Чингисъ-Хана
24	12 ——	Хоразсмское	Хоразмское
38	1 ——	на него, съ фланга	на него съ фланга,
44	3 сверху	и удалился	и удалиться

Боевые порядки Тамерлана.

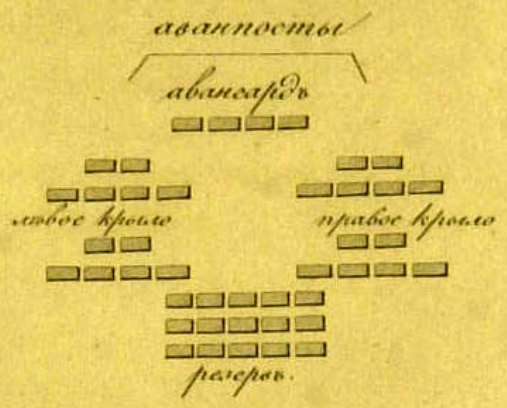
№ 1.

Для 12000 конницы



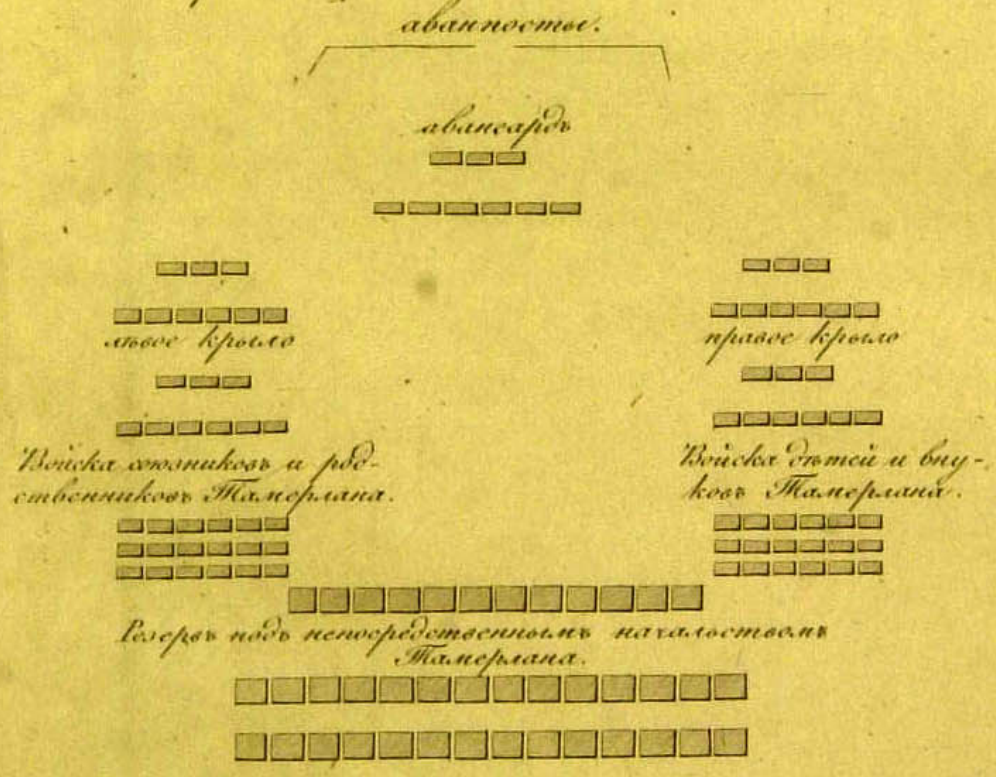
№ 2.

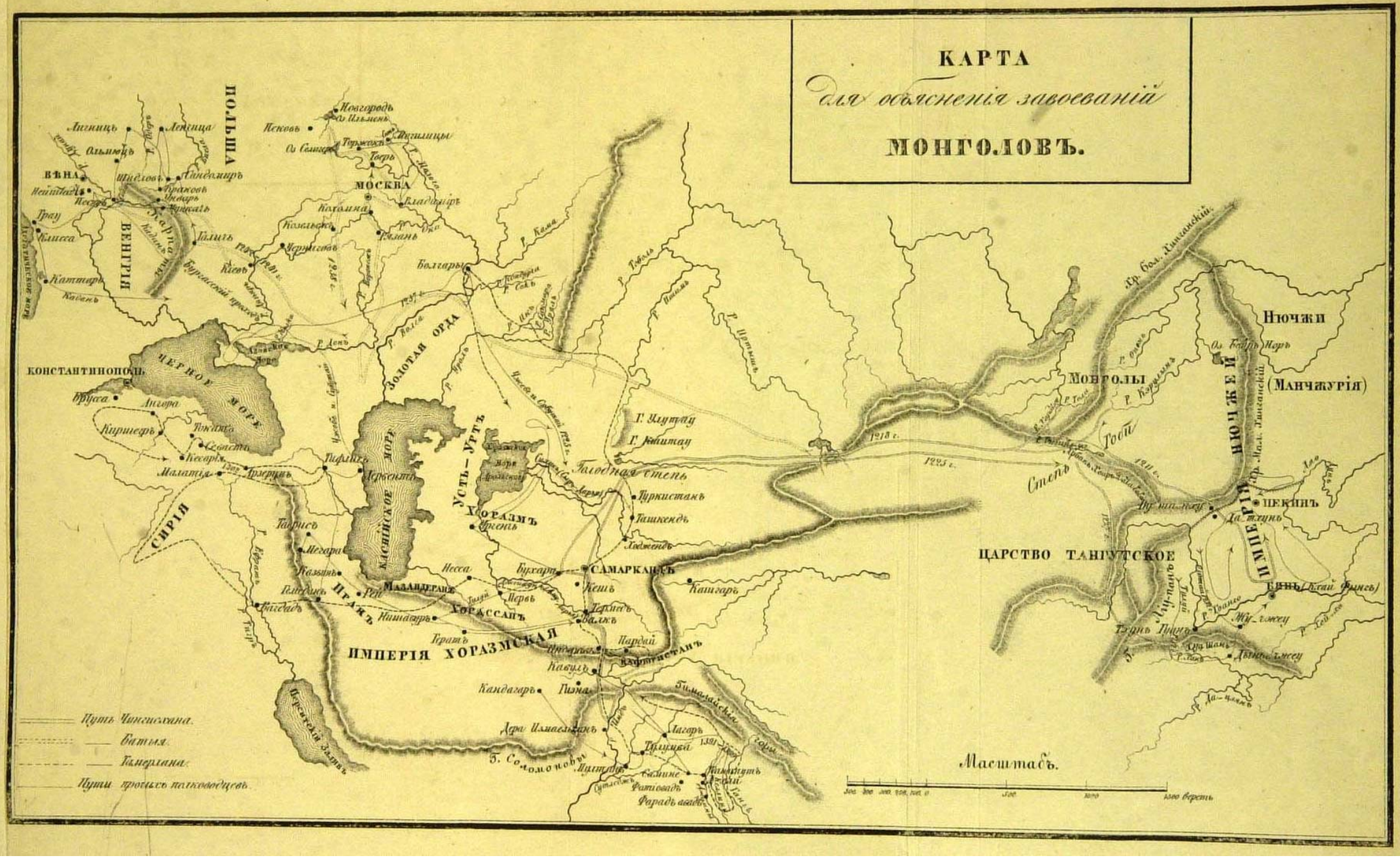
Для 40000 конницы



№ 3.

Для арміи превышавшей 40000 конницы.




КАРТА
для объясненія завоеваній
МОНГОЛОВЪ.
ПОЛЬША
ВЕНГРІЯ
ВѢНА
Краковъ
Лигницъ
Ольмюцъ
Пшемыль
Познань
Трау
Клисса
Каттаро
Кабанъ
Галичъ
Киевъ
Новгородъ
Псковъ
Тверь
МОСКВА
Владиміръ
Коломна
Рязань
Казань
Черниговъ
Болгары
ЗОЛОТАЯ ОРДА
ЧЕРНОЕ МОРЪ
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
Брусса
Ангора
Кирмидеръ
Конія
Кесарія
Малатія
Трапезунъ
Тифлисъ
Эрзерумъ
СИРІЯ
КАСПІЙСКОЕ МОРЪ
УСТЬ-УРТЪ
ХОРАЗМЪ
Ургенчъ
Тавризъ
Мегара
Казвинъ
Багдадъ
ИРАКЪ
Рей
МАЗАНДЕРАНЪ
Несса
Мервъ
ХОРАССАНЪ
Нишапуръ
Гератъ
ИМПЕРІЯ ХОРАЗМСКАЯ
Бухара
САМАРКАНДЪ
Кешъ
Термезъ
Балхъ
Пендай
Кафиристанъ
Кабулъ
Пешаваръ
Кандагаръ
Пизна
Дерра Измаильханъ
Лагоръ
Дели
Мультанъ
Фатеабадъ
Фарадъ абадъ
Голодная степь
Туркистанъ
Ташкендъ
Ходжендъ
Г. Иштау
Г. Кайтау
Р. Волга
Р. Кама
Р. Обь
Р. Иртышъ
Р. Тобол
Р. Ишимъ
Р. Сыръ-Дарья
Р. Амуръ
Р. Сунгари
Р. Хуанхе
Р. Янцзы
Р. Меконгъ
Р. Ганга
Р. Индъ
Р. Сутледжъ
Р. Тигръ
Р. Евфратъ
Р. Кура
Р. Аракса
Р. Инъ
Р. Дунай
Р. Днѣпръ
Р. Донъ
Р. Волга
Р. Кама
Р. Обь
Р. Иртышъ
Р. Тобол
Р. Ишимъ
Р. Сыръ-Дарья
Р. Амуръ
Р. Сунгари
Р. Хуанхе
Р. Янцзы
Р. Меконгъ
Р. Ганга
Р. Индъ
Р. Сутледжъ
Р. Тигръ
Р. Евфратъ
Р. Кура
Р. Аракса
Р. Инъ
Р. Дунай
Р. Днѣпръ
Р. Донъ
Гималайскія горы
Гр. Бол. Хинганскій
Гр. Мал. Хинганскій
Монголы
Р. Керулунъ
Р. Ононъ
Р. Тола
Р. Орхонъ
Р. Селенга
Р. Кобдо
Р. Черный Иртышъ
Р. Бѣлый Иртышъ
Р. Ингодъ
Р. Шилка
Р. Аргунь
Р. Амуръ
Р. Сунгари
Р. Уссури
Р. Хуанхе
Р. Янцзы
Р. Меконгъ
Р. Ганга
Р. Индъ
Р. Сутледжъ
Р. Тигръ
Р. Евфратъ
Р. Кура
Р. Аракса
Р. Инъ
Р. Дунай
Р. Днѣпръ
Р. Донъ
Степь
Гоби
Нючжи
Нючжей
(Манчжурія)
ИМПЕРІЯ
ПЕКИНЪ
Да-тунъ
Ду-нинъ-лу
ЦАРСТВО ТАНГУТСКОЕ
Ду-ланъ
Тунь Пинъ
Ду-гмеу
Двинь-гмеу
Ка-шанъ
Ла-чемъ
Путь Чингисхана.
Батыя.
Тамерлана.
Пути прочихъ полководцевъ.
Масштабъ.
300 200 100 100 200 0
500
1000
1500 верстъ

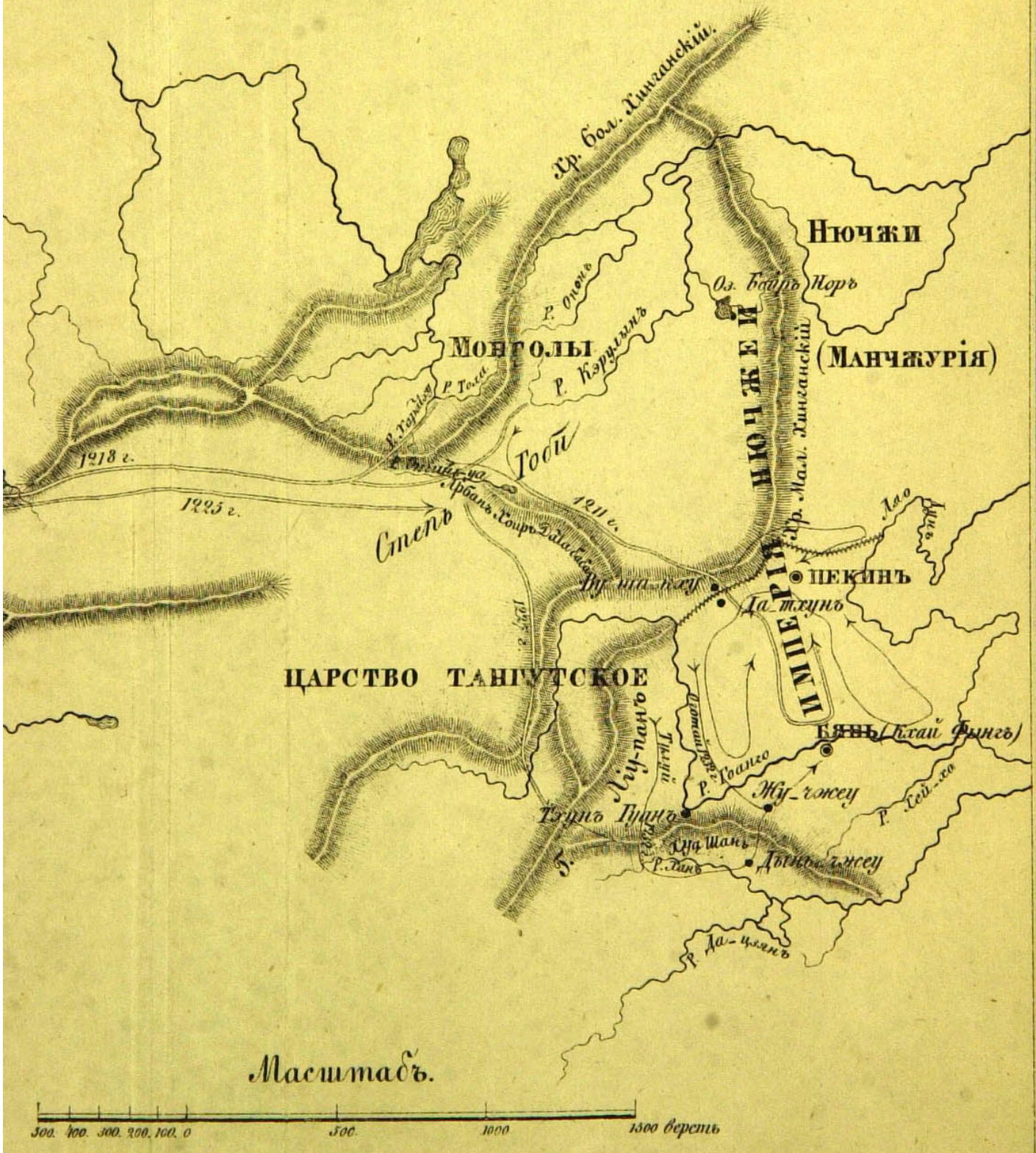
ПОЛЬША
Лигницъ
Ленчица
Ольмюцъ
ВѢНА
Шидловъ
Сандомиръ
Краковъ
Унгваръ
Мукачъ
Нейштадтъ
Пестъ
Грау
Клисса
Каттаръ
Кабанъ
ВЕНГРІЯ
Галичъ
Кіевъ
Бургасскій проходъ
Новгородъ
Оз. Ильмень
Псковъ
Оз. Селигеръ
Торжокъ
Могилицы
Тверь
МОСКВА
Коломна
Владиміръ
Козельскъ
Рязань
Черниговъ
Болгары
Р. Волга
Р. Донъ
Азовское Море
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
Брусса
Ангора
Киринеръ
Токатъ
Севастія
Кесарія
Малатія
Арзерумъ
Тифлисъ
Эривань
Тавризъ
Мегара
Казвинъ
Гемеданъ
Багдадъ
Р. Тигръ
Р. Евфратъ
СИРІЯ
ПЕРСІЯ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
ЗОЛОТАЯ ОРДА
Р. Урал
Р. Кама
Р. Ока
Р. Донецъ
Р. Сокъ
Р. Икъ
Р. Сакмара
Р. Уралъ
Р. Кондурча
Чжебе и Субутай 1220 г.
Чжебе и Субутай 1225 г.
Чжебе и Субутай 1237 г.
Чжебе и Субутай 1238 г.
Хорезмское Море
Аральское Море
УСТЬ-УРТЪ
ХОРАЗМЪ
Ургенчъ
Несса
Бухара
Мазандеранъ
Тюрнъ
Мервъ
ХОРАССАНЪ
Нишапуръ
Гератъ
ИМПЕРІЯ ХОРАЗМСКАЯ
Кандагаръ
Дера Измаелъ
Б. Соломонъ
Персидскій заливъ
Путь Чингисхана.
Батыя.
Тамерлана.
Пути прочихъ полководцевъ.

Для об
М
Тверь
Р. Молога
ОСКВА
Владиміръ
Р. Ока
Рязань
Р. Кама
Болгары
Р. Конфурта
Р. Сокъ
1237 г.
Р. Волга
ЗОЛОТАЯ ОРДА
Р. Уралъ
Р. Икъ
Р. Самара
Р. Уралъ
Р. Тоболъ
Р. Ишимъ
Р. Иртышъ
Чингизъ и Батый 1235 г.
Г. Улутау
Г. Кинтау
1218 г.
Голодная степь
Сихунъ (Сыръ Дарья)
Хорезмское Море
Аральское Море
УСТЬ-УРТЪ
Каспійское Море
Дербентъ
ХОРАЗМЪ
Ургенчъ
Туркистанъ
Ташкендъ
Ходжендъ
Несса
Бухара
САМАРКАНДЪ
Кешъ
Кашгаръ
МАЗАНДЕРАНЪ
Рей
Мервъ
Амуй (Аму Дарья)
Термедъ
Балхъ
ХОРАССАНЪ
Нишапуръ
Гератъ
Пардай
ИМПЕРІЯ ХОРАЗМСКАЯ
Кафиристанъ
Кабулъ
Кандагаръ
Гизна
Гималайскія горы
Дера Измаельханъ
Лагоръ
Тулумба
1391
Г. Соломоновы
Мультанъ
Самане
Сутледжъ
Фатіобадъ
Фарадъ абадъ
300. 400. 300. 200

КАРТА

для объясненія завоеваній

МОНГОЛОВЪ.



سنه اثنی عشر و مائة بعد الف هجری
فی شهر ربیع الآخر
وزراء الدولة فخامة
مآب مکانی راهبندر
بندر سورت و کنبایت
و بندر تانا و دیو
و بندر چاول و دمن
و بندر بسیت و بندر
بلسار و بندر سورت
و بندر بهروچ و بندر
کنبایت و بندر تانا
و بندر دیو و بندر
چاول و بندر

152

سورغال

مسلکای کرای

باعث تحریر این شریف خاتم بوده که حارث الدوله بیوزه رضا نوز نام با پاس الحسینی ایله طرفه کلوب

قوم ایکنده السیری بولندغی محلاره صاحبی رضا ایله صاتر ایسه بهاسی ویروب آلمق ایکوه قصبات

و قرایه کرمسا مراوی اولماغله کرک قره صو و کرک کفه و کرک سایر قصبات و قرایه کروب السیری بولندغی

محلاره صاحبی رضا سیله صاتر ایسه بهاسنی ویروب آلدغنه قطعا فرق اولمدیر و جهله منع و مانع

اولمامکوه بیننه امر و یرلمشدر بیننه لسنبول امری کورکه حارث پاپاس مسفور کرک قره صو و کرک کفه و کرک

سایر قصبات و قرایه کروب الجنسی السیری بولندغی محلاره صاحبی رضا ایله صاتر ایسه

مسفور بهاسنی ویروب آلدغنه و صاتوه آلدغی السیری ایله کوکنده اصلا برفرق مانع و مزاحم و برکوه

مانع اولمیه امر شویله بالتحریر فی ماه محرم الحرام سنه ۱۱۴۰

۱۲۴

طرفنده خوتینه واریجه یول انور رنده واقع قلعه و قرا و قصبه قانیری و اعیاده

و لاینه وضع بطرد انفرد سائر دری صوبه ینه اعلام منه خانی بعدکه بو طرفه

کلاده ایلجیلری ایچون باس اهل السیر رنده صاتوه الاقدری و قند ملکنده ایزاد

جقه نده مجموعی الله الوچ نفر ایلطرفه کمتر یلی یوللرجه و کجدرجه برکسنه مانعه

و مداخله ایلمدی ایچون برلرینه کشبو الامر ویرلشدر بو رنده اعزازی کورو کلرنه

وجه مشروح لعنده باس و کسیدری مجموعی الله الوچ نفر اهل وره یوللرجه کمه

کمسنه مداخله و مانعت ایلیب اعزاز و میل عالی اوطب خلاف فرمنده خدمت ایلیه

شویله بادر

754

خوشنویس کشته نمره واقع وقف قاضی زاده مدرس فرضه مدرسه

کسی را که قضای شرع شریف بسبب کشتن ابدی بحوه

اصحابنده بر مقتضای مذهب محمد و شافعی بدیه جمهور ائمه مذهب

بوسنوی رهندری مدت محاوله جاهه حرمه و سنوانده مدت

اضافه قلنه سعد الاضحی جاهه حرمه و ابو الحج بر و غیری

قاضی بوراید کاری مدرس جزیره و مفاز جزیره هانه سنه مدت بسبب

طرفدرون خلف و شرح الیه و مفاز جزیره هانه سنه مدت بسبب

والفرج جهد الله رجب و رجب الله خلده مجیب الله

سنه ۱۱۱۲

موضوع عرضیه سلطان حضرتلری صاحب الاصوه

بو قوسری له ولتوا محکمتارنده اسلامشتر اسیجه بو جانبده کلوب ترجمانمز ایله کتاب معنا

طرفمزدن الیما لعنه قیمی اولمغین مراجعت علیه لزوم مرحومه رک فرکه ولنجه بولاجق وقرا

وقصبات مرود وعبور مزه کسانمغه وعدا اولنه وقتعل الحمیا بینم یرمزه بیورلدی عالیلری

اولمه واحکام بیورلمه بینم الزوم موضوع عرضیه سلطان حضرتلرینک

پاشا قپوسی

پاشا قپوسی

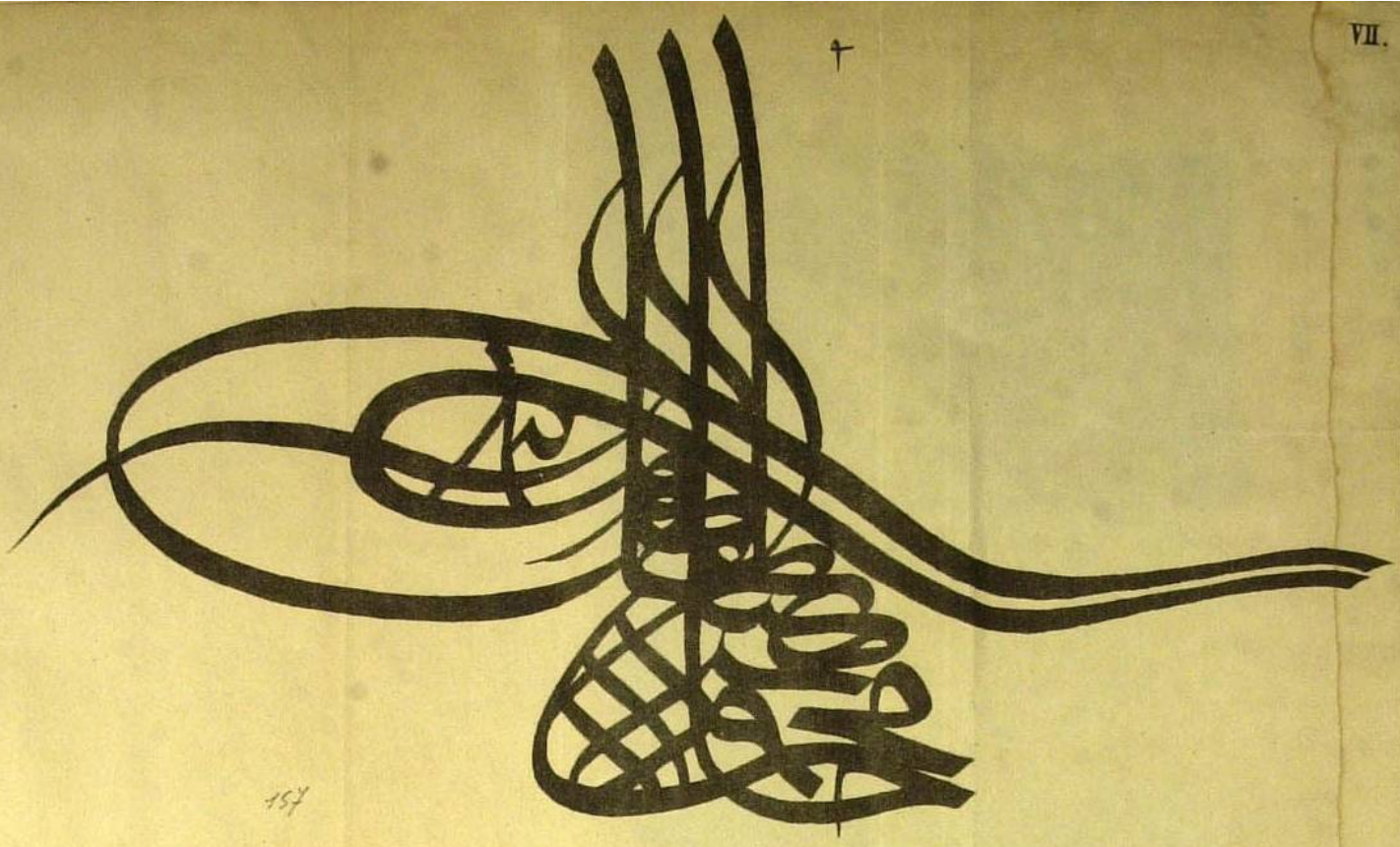
156

باب تحویل حروف بودرکه

اشبو بیلک یوز طقسان بش سنه سی ماه ربیع الاولنک یکرمی برنجی کونی
استانبولده اسیرجی طائفه نزه خدمتنده مصطفی اغا وعنایتو صالح اغا حضرتری
یرلرنده الینان اسیرلرینک اقچه لرینک قاوشمسی اتسنده مسفور بابازاده
جمله بشیوز اوتوز اقچه غروش اقچه مزبور تمامی اخذ وقبض ایدوب
مزبور اسیر اقچه سنده مسفور بابازاده لر ویرا قچه ایچون حقیم اولمدیغنده
اشبو تحویل یرلرینه ویرلمشدر وجواله اولنمق بطرز ترجمانه تسلیم

اولمشدر سنه ۱۱۹۵
۲۱ قا

ناظر مسکاف
سنه سی
بنجه کی
ظ



154

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ЧЕРНАЯ ВѢРА

или

ШАМАНСТВО У МОНГОЛОВЪ.

Д. Банзарова.

КАЗАНЬ.

Въ типографіи Императорскаго Казанскаго Университета.

1846.

Перепечатано изъ 5-й книжки Ученыхъ Записокъ на 1846 годъ.

ЧЕРНАЯ ВѢРА

или

ШАМАНСТВО У МОНГОЛОВЪ.

(Д. Банзарова).

Оріенталисты уже издавна занимаются судьбами народовъ средней Азіи; но вниманіе ихъ преимущественно обращалось на военныя дѣла Монголовъ, между тѣмъ какъ нравы, обычаи и вѣра ихъ оставались въ сторонѣ и составляли какъ бы посторонній предметъ въ исторіи. Въ особенности та вѣра, которую исповѣдывали Монголы до принятія Буддизма, не обращала на себя вниманія ученыхъ; и послѣдніе имѣли важную причину умалчивать объ ней: — это недостатокъ данныхъ, по которымъ можно бы было дать ясное понятіе о вѣрѣ древнихъ монгольскихъ племенъ. Первый рѣшившись представить очеркъ этой вѣры, я также затруднялся недостаткомъ нужныхъ матеріаловъ. Не только Европейцы, но и сами Монголы не имѣютъ такого сочиненія, которое бы содержало систематическое и полное изображеніе *Черной вѣры*;

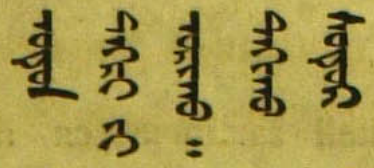
все, что было говорено объ ней, разбросано по разнымъ сочиненіямъ, изъ которыхъ иногда приходится выбирать по одному слову.

Георги въ своемъ «описаніи обитающихъ въ россійскомъ государствѣ народовъ» предпринялъ описать шаманство всѣхъ народовъ въ одной статьѣ, которая только заставляетъ насъ жалѣть, что авторъ напрасно вздумалъ соединять въ одно тѣ свѣдѣнія, какія онъ имѣлъ о миѳологіи разныхъ монгольскихъ, турецкихъ, финскихъ и другихъ народовъ; гораздо любопытнѣе было бы, если бы онъ къ описанію каждаго племени присоединялъ и очеркъ его религіозныхъ повѣрій, съ тѣми оттѣнками и подробностями, которыя необходимо должны встрѣтиться у каждаго народа, и которыя не могли войти въ его статью. Но онъ, описывая какой нибудь народъ, довольствуется нѣсколькими фразами объ его религіи, или просто говоритъ: «слѣдуетъ шаманскому суевѣрію» и т. п.; послѣ чего обращается къ упомянутой статьѣ, въ которой мало любопытнаго и годнаго, въ особенности для этнографа нашего времени. Въ сочиненіяхъ европейскихъ путешественниковъ находимъ только отрывочныя и часто ошибочныя извѣстія о шаманствѣ, которыя иногда ни къ чему не служатъ. Въ русскихъ особенно старинныхъ журналахъ можно встрѣтить много статей о шаманствѣ, но мало полезныхъ для знакомства съ миѳологіей монгольскихъ племенъ.

О. Іакинѳъ въ своемъ «Китаѣ» помѣстилъ статью о шаманствѣ, слишкомъ краткую и касающуюся народныхъ вѣрованій Маньджуровъ.

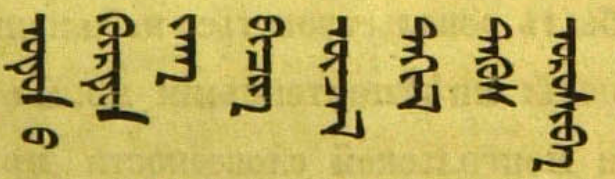
Изъ монгольскихъ сочиненій, находящихся въ Казани, я также не могъ почерпнуть ничего потому, что онѣ чисто буддійскія. Сами Монголы, изъ преданности къ Буддизму, питаютъ отвращеніе къ стариннымъ своимъ повѣрьямъ и не почитаютъ ихъ достойными вниманія грамотнаго человѣка. Не смотря на это, народъ долго не могъ отвыкнуть отъ старинныхъ понятій, такъ что проповѣдники Буддизма, уступая мѣстнымъ требованіямъ, не старались истребить вдругъ шаманскія понятія и обряды. Такимъ образомъ многія изъ нихъ изъ шаманства перешли въ Буддизмъ нѣсколько измѣненными, сообразно съ духомъ послѣдняго. Такъ, ламы собрали молитвы, уцѣлѣвшія въ устахъ народа, прибавили къ нимъ новыя, болѣе сообразныя съ новою религіей, и опять распространили ихъ между народомъ. Этому-то обстоятельству мы обязаны тѣмъ, что нѣкоторые остатки древней монгольской миѳологіи дошли до насъ на письмѣ. Въ Монголіи много есть такихъ шаманско-буддійскихъ книжекъ, но онѣ составляютъ рѣдкость для того, кто живетъ въ центрѣ Россіи.

Итакъ я долженъ былъ довольствоваться небольшими рукописями, которыя сообщены мнѣ почтенными моими наставниками, Гг. профессорами монгольской словесности при нашемъ университетѣ.

Весьма полезна была для меня небольшая рукопись: (1  «книга о молитвѣ и жертвоприношеніи звѣздамъ и богамъ». (Сообщена пр. А. В. Поповымъ).

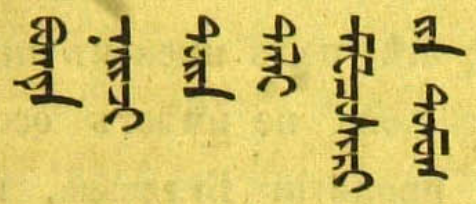
Въ началѣ рукописи помѣщена молитва одиннадцати созвѣздіямъ. Далѣе идетъ небольшая легенда, будтобы разсказанная Буддою, о важности созвѣздія *семи старцевъ* т. е. большой медвѣдицы, и о необходимости приносить ей жертвы и пр. Въ заключеніи помѣщена любопытная молитва, которую должно читать при жертоприношеніи геніямъ. Она въ стихахъ; трудный языкъ и простой складъ стиха доказываютъ народное ея происхожденіе. Въ ней упоминаются имена множества геніевъ (тенгри) и описаны качества нѣкоторыхъ изъ нихъ.

2) «молитва огня и 3) «книга о жертвоприношеніи богу огня». Первую рукопись обозримъ ниже. Во второй заключается легенда о происхожденіи огнепочитанія, и описаніе обряда, который соблюдается при жертвоприношеніи богу огня. (Сообщены обѣ рукописи пр. О. М. Ковалевскимъ).

4)  «Чертежъ звѣздъ, ихъ вліяніе (на людей), гаданіе по нимъ и жертвоприношеніе въ честь ихъ». (Сообщ. А. В. Поповымъ). Содержитъ почти тоже, что рукопись подъ заглавіемъ: книга о молитвѣ и жертвоприношеніи и пр.

5) Рукопись безъ заглавія. Въ ней заключается перечисленіе боговъ, горъ и рѣкъ, которымъ должно приносить

жертвы; молитва, которую читаютъ во время возліянія богамъ.

6)  «Біографія святаго Маньджушри Далай Нэйджи тойна. Изъ ней заимствованы мною нѣкоторые историческіе факты. Кромѣ того, я пользовался монгольскою лѣтописью Санангъ-Сэцэна, изданною Г. академикомъ Шмидтомъ, подъ заглавіемъ: Geschichte der Ost-Mongolen.

Для сревненія монгольскаго шаманства съ религіозными понятіями другихъ народовъ служили: китайскіе дзины, въ переводахъ на французскій языкъ; *Зендъ-авеста*, изданіе Клейкера; на маньджурскомъ языкѣ *Хэсэй токтобуха Манджусай вочэрэ мотэрэ кооли битхэ.* Описаніе обрядовъ съ изображеніемъ сосудовъ, музыкальныхъ инструментовъ и другихъ вещей, употребляемыхъ при маньджурскомъ богослуженіи.

Наконецъ, сочиненія многихъ европейскихъ оріенталистовъ и путешественниковъ доставили мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія.

Съ такъ малымъ числомъ источниковъ, я не могъ вполнѣ изобразить миѳологію Монголовъ, многое долженъ былъ пройти молчаніемъ, многое излагать слишкомъ кратко, успѣлъ только объяснить самые главные вопросы и собрать въ одно цѣлое всѣ извѣстія о религіозныхъ понятіяхъ древнихъ Монголовъ, разсѣянныя въ извѣстныхъ мнѣ сочиненіяхъ.

Названіе и происхожденіе Черной вѣры.

Древняя народная религія Монголовъ и сосѣднихъ съ ними народовъ извѣстна въ Европѣ подъ именемъ *шаманства*, у своихъ же послѣдователей она не имѣетъ особаго названія. Монголы, уже по принятіи Буддизма, назвали ее *Черною вѣрою* (хара шаджинъ), т. е. грубою, непросвѣщенною, какъ бы въ противоположность Буддизму, который называется *Желтою вѣрою* (шира шаджинъ). По словамъ О. Іакинѳа, Китайцы именуютъ шаманство *тяо-шень*, пляскою предъ духами. Эти названія не даютъ еще никакого понятія о сущности шаманства. Въ чемъ же оно состоитъ? откуда получило свое начало? — одни объ этомъ толкуютъ съ высока и издалека, а другіе вовсе не задавали себѣ такихъ вопросовъ. Нѣкоторые полагали, что шаманство одного начала съ Брахманизмомъ и Буддизмомъ; другіе находятъ въ немъ что-то общее съ ученіемъ китайскаго философа Лаодзы. Вообще думаютъ, что оно состоитъ только въ служеніи злымъ духамъ, и въ кривляніяхъ, и въ шарлатанствѣ шамановъ, и въ боготвореніи умершихъ шамановъ. Наконецъ, многіе почитаютъ шаманство боготвореніемъ природы, или сближаютъ его съ зороастровою религіей. Нѣтъ нужды отыскивать такъ далеко начало шаманства и стараться выводить его изъ религіозныхъ системъ, вовсе ему чуждыхъ. Ближайшее знакомство съ предметами показываетъ, что такъ называемая шаманская религія, по крайней мѣрѣ у Монголовъ, не могла произойти отъ Буддизма или другой какой нибудь вѣры, что она сама собою могла возникнуть въ народѣ, и состоитъ не въ

однихъ суевѣріяхъ и обрядахъ, основанныхъ только на шарлатанствѣ шамановъ. Черная вѣра Монголовъ произошла изъ тогоже источника, изъ котораго образовались многія древнія религіозныя системы; внѣшній міръ — природа, внутренній міръ — духъ человѣка, и явленія того и другаго — вотъ что было источникомъ Черной вѣры. Такая основная идея въ религіи, по видимому, должна быть произведеніемъ духа, вникающаго въ самаго себя и наблюдающаго надъ природою, предполагать предварительное умозрѣніе, чего нельзя ожидать отъ номада. Но вотъ, что говоритъ объ этомъ знаменитый ученый, который лучше всѣхъ долженъ знать дѣйствіе природы на необразованные народы: «то, что у нѣкото-«рыхъ лицъ, одаренныхъ замѣчательными способностями, го-«воритъ А. Гумбольдтъ, въ своемъ «Космосѣ», является зачат-«комъ философіи природы, разумнымъ созерцаніемъ, у цѣлыхъ «народовъ бываетъ произведеніемъ инстинктивной воспріимчи-«вости. Такимъ образомъ въ глубинѣ этаго тайнаго чувства «возникаетъ первое побужденіе къ обожанію, боготворенію «воспринятыхъ естественныхъ силъ». Если такая инстинктивная воспріимчивость склоняетъ человѣка къ боготворенію природы, то подобное же неясное предчувствіе поселяетъ въ немъ понятіе о безсмертіи души, о содѣйствіи или противодѣйствіи какихъ то невидимыхъ существъ въ дѣлахъ его. Подъ вліяніемъ этой идеи, фантазія народа изобрѣтаетъ второстепенныхъ боговъ, и производитъ почитаніе душъ усопшихъ. И какъ черная вѣра не представляетъ ничего разительнаго съ Брахманизмомъ или Буддизмомъ, а еще менѣе съ прочими религіями Востока, то заключаемъ, что она возникла въ народѣ, подъ вліяніемъ природы и дѣятельности духа.

Изъ этихъ двухъ силъ, которыя руководятъ народомъ въ стремленіи его къ вѣрованію, природа сильнѣе дѣйствуетъ на младенчествующаго человѣка: отъ того-то у Монголовъ *небо*, какъ высшій представитель силъ природы, пріобрѣло величайшее могущество надъ прочими божествами и подчинило себѣ боговъ-представителей духа. Оно является у Монголовъ верховнымъ божествомъ, источникомъ жизни, которую *земля*— второе божество въ Черной вѣрѣ—только проявляетъ и поддерживаетъ; необходимымъ слѣдствіемъ боготворенія неба и земли было почитаніе *солнца*, *луны*, *звѣздъ*, нѣкоторыхъ *воздушныхъ явленій*;—*горъ*, *рѣкъ* и т. п.

Съ другой стороны, къ этимъ предметамъ почитанія народа, примыкаетъ рядъ *геніевъ* или второстепенныхъ боговъ (тэгринэръ), которые суть представители нашихъ страстей, способностей и дѣйствій; они вѣчны и произошли отъ неба, подобно душѣ, которой явленія они изображаютъ собою. Наконецъ, темное понятіе о безсмертіи души и будущей жизни произвело *онгоновъ* (онготъ), которые суть не что иное, какъ обожаемыя души умершихъ людей.

Вотъ въ чемъ замѣчается шаманство! Если его сравнить съ миѳологическими системами древнихъ народовъ Азіи и Европы, то нашлось бы, можетъ быть, замѣчательное сходство между черною вѣрою и другими; но сходство случайное или, лучше сказать, естественное, независящее отъ сближенія народовъ.

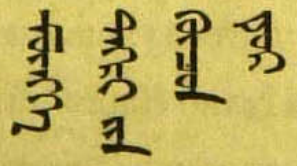
Разсмотримъ, какъ фантазія народа развивала и въ какія формы облекала основную идею шаманства.

Небо.

Монголы, подобно многимъ другимъ народамъ, понятіе о высочайшемъ существѣ соединяли съ понятіемъ о небѣ, которое отъ того является существомъ столько же матеріальнымъ, сколько духовнымъ. *Голубое* небо, какъ обыкновенно называютъ его Монголы, дѣйствующее на воздушныя явленія и на производительность земли, не можетъ быть названо духовнымъ; но *вѣчное* небо, какъ еще называютъ его тѣже Монголы, управляющее міромъ и руководящее дѣлами человѣка, представляется существомъ духовнымъ. Стало быть, при всемъ своемъ могуществѣ небо такое, какимъ его представляли себѣ Монголы, не должно быть признаваемо тождественнымъ съ Богомъ. Между тѣмъ ошибочное толкованіе слова *тенгри* (небо) и неосновательные толки мусульманскихъ историковъ привели Европейцевъ къ заключенію, что Татары Чингисовыхъ временъ имѣли понятіе о чисто-духовномъ, верховномъ Богѣ. «Они, (Татары), говоритъ Плано Карпини, вѣруютъ «въ единаго Бога, котораго считаютъ творцемъ всего видима«го и невидимаго; также вѣруютъ, что онъ есть какъ творецъ «блаженства на семъ свѣтѣ, такъ и каратель» (*). Гайтонъ Армянскій говоритъ тоже: «ils reconnaissent un seul Dieu immor-

---

(*) Его путешествіе въ Татарію. Гл. 3.

«tel et invoque son nom; mais c'est tout» (*). Рубруквисъ также увѣряетъ, что Татары или Моалы (Монголы) признаютъ единаго Бога, но однако они дѣлаютъ идоловъ и пр. (**). Мусульманскіе историки упоминаютъ о единомъ Богѣ, которому поклонялись Монголы, и котораго почитать всѣмъ поставляетъ въ обязанность законъ Чингиса. Все, что говорятъ эти Христіане и Магометане о верховномъ божествѣ, которое почитали Татары, относится къ небу. Ошибка произошла отъ того, что Европейцы и Мусульмане вообразили, что *тенгри* у Монголовъ означаетъ совершенно то самое, что у нихъ значитъ Deus или Алла; отъ этаго они увѣряютъ, что Чингисъ-ханъ выдалъ себя за сына Бога, хотя тотъ называлъ себя сыномъ неба. Если бы Монголы имѣли понятіе о верховномъ существѣ, которое бы провосходило могуществомъ небо, то они и обращались бы къ этому существу, дали бы ему особое имя. Напротивъ, въ граматахъ Чингисидовъ встрѣчаемъ слово тенгри (небо), какъ названіе величайшаго Бога, отъ котораго зависитъ судьба народовъ и ихъ правителей. Такъ монгольскіе ханы начинали свои граматы словами:  «силою вѣчнаго неба». Европейцы или ихъ переводчики передавали эти слова такъ: Per praeceptum Dei vivi, или Deo Fortitudo или Les commandements de Dieu éternel etc. Въ самомъ дѣлѣ, Монголы приписывали

(*) Hist. orientale, p. 71.

(**) Его путеш. гл. XXVII.

своему небу такія качества, которыя легко могли ввести въ ошибку Европейцевъ. Въ новое время съ католическими миссіонерами въ Китаѣ случилось нѣчто подобное этому. Понятіе Китайцевъ (съ которыми Монголы во многомъ сходятся) о небѣ, какъ божествѣ, такъ близко подходятъ къ идеи Бога, что сами католическіе миссіонеры введены были въ искушеніе: нѣкоторые изъ нихъ доказывали. что Китайцы подъ именемъ тянь (неба) обожаютъ истиннаго Бога; другіе возстали на это ученіе, увѣряя, что Deus не должно быть переводимо по китайски чрезъ *тянь*.

Что касается до понятій Монголовъ о небѣ, то они его представляли правителемъ міра, вѣчнымъ, правосуднымъ и источникомъ жизни. Незнаемъ, чему они приписывали начало міра и первыхъ людей. Изъ нѣкоторыхъ только намековъ въ молитвахъ можно заключать, что, по мнѣнію Монголовъ, небо и земля нѣкогда были слиты, соединены въ одну массу, въ родѣ хаоса. По крайней мѣрѣ, въ молитвѣ огню (см. ниже) говорится, что огонь зародился при отдѣленіи неба отъ земли; въ другой рукописи (чертежъ звѣздъ и пр.) также говорится о томъ же. Это преданіе тѣмъ скорѣе могло существовать у Монголовъ, что оно находится у ихъ сосѣдей, Китайцевъ. Если стихія огня произошла отъ этаго разъединенія неба и земли, то Монголы, по всей вѣроятности, полагали, что онѣ этимъ переворотомъ дали начало всѣмъ вещамъ и разнообразнымъ формамъ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, Монголы почитали небо мужескимъ, а землю женскимъ началомъ природы; первое даруетъ жизнь, а вторая—форму предметамъ; первое у нихъ называется отцемъ,

вторая матерью. По этому небо даруетъ душу человѣку; это творческое его дѣйствіе означается у Монголовъ словомъ [illegible] *дзаяга, дзая,* которое обыкновенно переводится: судьба. Но въ старину оно выражало понятіе отличное отъ судьбы или неумолимаго рока (fatum); оно означало свободную волю неба, по опредѣленію которой человѣкъ рождается на землѣ. Такъ Чингисъ-ханъ, по словамъ Монголовъ, родился между ними по опредѣленію (дзаяга) неба или Хормусды (*); иначе говорятъ, что онъ явился по *повелѣнію* Хормусды. [illegible]. Стало быть Дзаяга значитъ тоже, что *дзарликъ, повелѣніе, изъявленіе воли.* Напримѣръ, у Санангъ-Сэцэна одна женщина проситъ себѣ дѣтей и говоритъ небу: [illegible] (**).

Во вторыхъ, *дзаяга* означаетъ самый даръ неба, *душу* человѣка, въ томъ видѣ, какимъ ее ниспослало оно. Но объ этомъ буду говорить ниже. Замѣчу только, что двоякое значеніе слова *дзаяга* очень сходно съ понятіями Китайцевъ о *Минъ* «опредѣленіе неба» и *Синъ* «природа человѣка». Свобода воли, неба или дзаяга доказывается и тѣмъ, что оно само нарушаетъ, такъ сказать, обыкновенный законъ, по которому люди рождаются во-

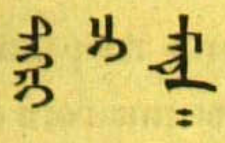
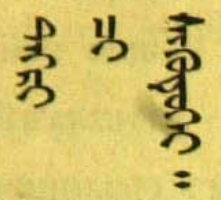
---

(*) [illegible] (**) Gesch. d. Ost-Mong. S. 180.

обще. Оно иногда посылаетъ на землю избраннаго, которому назначено быть виновникомъ чего либо великаго; и они получаютъ свое бытіе сверхъ-естественнымъ образомъ, чему можно найти много примѣровъ въ преданіяхъ Монголовъ. *Таншихай*, основатель могущества племени *Сяньби*, родился отъ градинки, которая упала, говорятъ, съ неба въ уста какой-то княгини (*). Одинъ ханъ изъ дома Хунну посвятилъ небу двухъ своихъ дочерей, считая людей недостойными владѣть такими красавицами, каковы были онѣ; небо приняло приношеніе и послало волка къ царевнамъ, которыя сдѣлались родоначальницами славнаго племени *Хойхэ* или *Уйгуровъ*. *Бодонцаръ*, родоначальникъ Монголовъ, родился отъ сіянія, нисходившаго на его мать. Эти преданія, имѣющія цѣлью возвысить въ глазахъ народа извѣстные владѣтельные роды, доказываютъ также заботливость неба о счастіи народовъ: ибо такіе его посланники обыкновенно являются укротителями крамолъ, устроителями сильныхъ царствъ, послѣ раздробленія и упадка силъ кочующихъ народовъ. Китайцы также вѣрятъ, что небо, отъ времени до времени, посылаетъ въ Срединное государство великихъ мужей, для того, чтобы они сдѣлались законодателями и образцами китайскихъ добродѣтелей.

Небо, по мнѣнію Монголовъ, видитъ всѣ поступки и помыслы человѣка, который никогда не можетъ укрыться отъ небеснаго правосудія; отъ того, Монголы чувствуя правоту

(*) Visdelou, Supplément à la Bibliotheque orientale, p. 35.

восклицали:  «небо! ты вѣдай (тебѣ это извѣстно)»;  «небо! ты будь судьею!» (*). Если народы, цари и даже частные люди дѣлаютъ что либо противное благости и правосудію неба, то оно гнѣвъ свой на это обнаруживаетъ удивительными явленіями въ природѣ. Китайцы такъ объясняютъ явленіе кометы, неурожаи, засухи, наводненія и другія подобныя несчастія: жители средней Азіи совершенно одинаковаго мнѣнія съ ними. *Моганъ* ханъ (изъ дома Тугю) долго задерживалъ китайскихъ пословъ, отпустилъ ихъ, и заключилъ міръ съ ихъ монархомъ потому, что небо продолжительною грозою изъявило свой гнѣвъ на насилія хана (**). Въ XV столѣтіи Монголы взяли въ плѣнъ китайскаго императора и осудили его на тяжкое рабство. Однажды ночью увидѣли, что изъ чашки, изъ которой пилъ плѣнникъ, выходило багровое сіяніе, и императоръ съ честью препровожденъ былъ въ Китай; ибо, по мнѣнію народа, небо того хотѣло.

Оно, какъ источникъ добра, есть врагъ злыхъ духовъ и всего нечистаго; если ударъ грома разразился надъ жилищемъ или деревомъ, то значитъ, что тутъ поселился злой духъ или тутъ есть что нибудь нечистое.

(*) Gesch. d. Ost-Mong. S. 146, 172, 190.

(**) Дегинь: Histoire des Huns etc. T. I, Part. 2, p. 292.

Человѣкъ долженъ стараться сдѣлаться достойнымъ милости неба, безъ которой онъ не можетъ быть счастливымъ. Одно монгольское сочиненіе представляетъ Чингисъ-хана бесѣдующимъ съ своими братьями и полководцами о томъ, что такое счастіе? (*) Каждый изъ разговаривающихъ рѣшаетъ вопросъ по своему вкусу; въ заключеніе Чингисъ исчисляетъ предметы, отъ которыхъ зависитъ благо народа, и оканчиваетъ словами: «покровительство владыки земли, вѣчнаго неба— вотъ въ чемъ состоитъ счастіе, съ которымъ ничто не можетъ сравниться». Слова эти тѣмъ болѣе замѣчательны, что онѣ вставлены въ уста Чингису, который, какъ главное лицо бесѣды, долженъ былъ разрѣшить вопросъ самымъ лучшимъ образомъ.

И такъ небо поставлено Монголами выше всѣхъ ихъ божествъ, а второстепенные боги суть только орудія его воли, или различныя его силы, которыя оно употребляетъ для разныхъ цѣлей и которыя народъ олицетворилъ, въ видѣ особыхъ существъ.

Монголы долго поклонялись небу, какъ благороднѣйшей части природы, не представляя его себѣ особымъ лицемъ и геніемъ; или безотчетно воображали иногда духомъ, который являлся имъ въ формѣ *синяго* неба; и, кромѣ этаго послѣдняго названія, они не давали этому духу никакого собственнаго

(*) См. Монгол. хрестомат. для начинающихъ стр. 65.

имени. Наконецъ иноземное божество является у нихъ царемъ неба — это *Хормусда*, персскій *Ормуздъ*, котораго Исламъ изгналъ изъ Ирана. Многіе уже замѣтили сходство въ именахъ Ормузда и Хормусды; между прочимъ г. Шмидтъ признаетъ, что это сходство не есть случайное (*). Если къ сходству именъ прибавимъ сходство въ характерахъ и свойствахъ этихъ божествъ, то кажется несомнительнымъ, что Хормусда есть не что иное, какъ нѣсколько измѣненное Hormisdas. По словамъ Аббата Фуше (**), Персы позднѣйшихъ временъ подъ именемъ Ормузда боготворили все небо; нѣтъ сомнѣнія, что и Монголы заимствовали у нихъ понятіе о Хормусдѣ не въ самыя древнія времена. Стало быть Ормуздъ, переселясь изъ своего отечества въ степи средней Азіи, могъ сдѣлаться тамъ царемъ неба, безъ всякаго искаженія своего прежняго характера. Мы незнаемъ ничего о времени, когда обитатели Монголіи получили отъ Персовъ новыя понятія о религіи. Если предположить, что Ормуздъ сдѣлался имъ извѣстнымъ въ одно время съ боготвореніемъ огня, то это случилось ранѣе VI вѣка по Р. Х.; ибо въ эту пору Земархъ уже нашелъ у хановъ Тугю обожаніе огня.

Съ другой стороны нельзя сомнѣваться, что у Монголовъ Хормусда и Небо были выраженіями одной и тойже идеи. Буддисты, переводя санскритскія и тибетскія книги на мон-

---

(*) Forschungen и пр. стр. 148.

(**) Kleuker: Anhang zum Zend-Awesta. 11. 13. s. 135.

гольскій языкъ, *Индру*, индійскаго Юпитера, переименовали по-монгольски Хормусдою. Къ тому же Чингисъ-ханъ называется то *сыномъ неба*, то сыномъ Хормусды, что ясно доказываетъ тождество этихъ названій. Напримѣръ, въ лѣтописи Санангъ Сэцэна (стр.) Чингисъ названъ «львомъ людей, небожителемъ, который явился (между Монголами) по волѣ *голубаго* и вѣчнаго неба». ( ); въ другихъ мѣстахъ тойже лѣтописи онъ называется *сыномъ Хормусды* ( ). При томъ титулъ , принятый Чингисъ-ханомъ, долженъ соотвѣтствовать китайскому *Тянь-дзы*; слѣдовательно тутъ значитъ не геній, а небо, какъ китайское *тянь*. Чингисъ называетъ себя сыномъ неба, чтобы сравниться съ китайскими императорами, и въ тоже время старается подражать Хормусдѣ; напримѣръ, у Хормусды было *девять* геніевъ, ему подвластныхъ; у Чингиса— *девять* воеводъ ( ), а на знамени его *девять* бунчуговъ.

Даже кажется, что монгольскій завоеватель принялъ имя одного генія, почитавшагося сыномъ неба. Въ первой изъ приведенныхъ мною рукописей упоминается геній Хаджиръ Чингисъ Тенгри , одинъ изъ духовъ-сыновей неба; его то имя Темучинъ сдѣлалъ своимъ титломъ, по моему мнѣнію.

Такое объясненіе эпитета Чингисъ болѣе достойно вѣроятія потому, что подтверждается обстоятельствами изъ жизни этаго завоевателя. Мусульманскіе историки разсказываютъ, что эпитетъ этотъ данъ былъ Темучину однимъ шаманомъ, который объявилъ молодому хану, что Богъ даетъ ему во владѣніе всю землю и повелѣваетъ ему назваться *Чингисомъ*. «По повелѣнію Бога, прибавилъ онъ, имя твое должно быть такое». Шаманъ зналъ, какъ видно, значеніе этого имени; его званіе давало ему право увѣрять народъ въ божественномъ происхожденіи молодаго хана. Есть поводъ думать даже, что *Бютъ* тенгри (имя этаго шамана) всенародно приписалъ новому хану такое высокое происхожденіе по желанію самого же хана, которому онъ былъ родственникъ. Въ послѣдствіи времени шаманъ этотъ не сталъ оказывать Чингису должнаго почтенія, можетъ быть потому, что почиталъ хана обязаннымъ себѣ, или при томъ не умѣлъ сохранить тайну. Иначе не льзя объяснить, почему Чингисъ-ханъ велѣлъ его умертвить, когда онъ не сдѣлалъ, по видимому, никакого преступленія: мусульманскіе историки говорятъ, что причиною его смерти было его честолюбіе, что онъ стремился къ верховной власти—дѣло не возможное при Чингисъ-ханѣ. Решидъ-уддинъ разсказываетъ это произшествіе какъ-то неясно. Онъ говоритъ (*), что Бютъ Тенгри говорилъ съ ханомъ о многихъ вещахъ слишкомъ *открыто*, за что послѣдній и велѣлъ своему брату Джучи умертвить его: Чингисъ какъ будто опасался посто-

---

(*) Ученыя записки, изд. Каз. унив. 1841. IV. стр. 97 и слѣ.

роннему поручить казнь шамана, который предъ смертью могъ объявить тайну. Далѣе, геній Чингисъ носитъ прибавочное имя *Хаджиръ* (большая и сильная птица изъ рода коршуновъ); слѣд., эта птица была его символъ. Съ этимъ обстоятельствомъ имѣетъ связь одно мѣсто изъ надписи на кондуйскомъ памятникѣ, поставленномъ Чингисомъ послѣ побѣды надъ своими врагами. Въ надписи между прочимъ сказано, что Чингисъ уничтожилъ какихъ то Эліе (названіе зловѣщей птицы; по повѣрію Монголовъ, подъ видомъ ея, являлись злые духи). Слѣдов. это темное мѣсто надписи хочетъ представить Чингисъ-хана птицей хаджиръ, символомъ добраго генія Чингиса; а враговъ въ видѣ Эліе, символовъ злыхъ духовъ, т. е. надпись хочетъ сказать, что Хаджиръ Чингисъ восторжествовалъ надъ Эліе—врагами Темучина, ханами разныхъ ордъ. И такъ если допустить, что Темучинъ принялъ титулъ Чингиса, какъ названіе бога, сына неба, какимъ онъ выдавалъ самъ себя, то оказывается, что этотъ титулъ былъ слѣдствіемъ политическихъ намѣреній, а не однаго тщеславія.

Небесныя тѣла и воздушныя явленія.

Боготвореніе ихъ было слѣдствіемъ почитанія неба и первое возникло въ одно время съ послѣднимъ. Такимъ образомъ уже первыя достовѣрныя извѣстія исторіи о Монголахъ представляютъ ихъ почитающими *солнце* и *луну*. По китайскимъ лѣтописямъ, ханы хунскіе за долго до христіанской эры имѣли обычай выходить ежедневно утромъ для покло-

ненія солнцу, а вечеромъ лунѣ (*). Почитаніе ихъ сохранялось и во времена Чингисидовъ, какъ видно изъ путешествія Пл. Карпини (**). Онъ же разсказываетъ: «называютъ (Татары) луну великимъ императоромъ..... солнце считаютъ матерью луны, потому что она заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца» (***). Это отно изъ тѣхъ извѣстій нашего путешественника, которыя не знаемъ какъ объяснить. Едвали когда нибудь номадъ любопытствовалъ знать, откуда луна получаетъ свой свѣтъ.

Неизвѣстно, какую власть, какое вліяніе приписывали Монголы, обращаясь къ солнцу, какъ божеству. Впрочемъ, вліяніе этого свѣтила на природу такъ разительно, что оно у всѣхъ народовъ занимало высокое мѣсто между предметами ихъ почитанія. Безъ сомнѣнія, Монголы къ боготворенію солнца пришли тѣми же путями, какъ и другіе народы. Странно, что въ молитвахъ, въ коихъ призываются всѣ божества, не упоминается ни солнце, ни луна. Послѣднюю Монголы почитали, какъ указательницу времени, и признавали ея вліяніе на дѣла людей: Монголы, подобно Спартанцамъ, выступали въ походъ, или начинали другія важныя дѣла, не иначе, какъ въ пололуніе или полнолуніе (****). Такой же обычай соблюдался у Тугю (*****).

(*) Дегинь: Hist. géner. des Huns. T. I, p. 2, стр. 26.

(**) Путеш. къ Татарамъ стр. 87.

(***) См. стр. 93.

(****) Пут. План. Карпини: ст. 93. I. Мандев. 23.

(*****) Supplém. à la Bibl. Oriental.

Звѣзды также были обожаемы народомъ, который имъ приписывалъ власть доставлять человѣку здоровье и долголѣтіе, увеличивать его богатства, умножать стада и пр. Монгоы особенно уважали созвѣздіе *Семи старцевъ* [illegible] т. е. Большую Медвѣдицу, которой были приносимы въ жертву кумысъ и молоко и посвящаемы животныя. Не менѣе были почитаемы *девять* большихъ звѣздъ, которыя соотвѣтствовали девяти тенгріямъ. Онѣ имѣли на людей одинакое же вліяніе, какъ и семь старцевъ.

Многія воздушныя явленія были олицетворены Монголами. Изъ этихъ боговъ упомянемъ: *бога молніи* [illegible], *бога инея*, [illegible] и наконецъ *дракона* [illegible].

Понятіе о послѣднемъ Монголы, безъ сомнѣнія, заимствовали у Китайцевъ: самое названіе *лу* (Кит. *лунъ*, драконъ) доказываетъ это. Драконъ, гербъ китайской имперіи, почитается символомъ императорской власти, мудрости и силы, а иногда и мужеской силы природы (янъ). Это баснословное животное обитаетъ, по мнѣнію Китайцевъ, то въ воздухѣ, то въ водѣ; онъ покрытъ чешуей, какъ рыба, и одаренъ крыльями, какъ птица; но всемъ тѣломъ онъ походитъ, по изображеніямъ Китайцевъ, на крокодила.

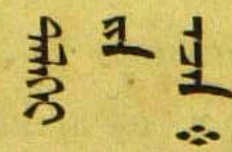
Монголы представляли себѣ дракона такимъ же, только измѣнили его качества, потому, что они не придавали ему никакого символическаго значенія. По ихъ мнѣнію, драконъ производитъ грозу; громъ есть его голосъ, молнію онъ производитъ, быстро свивая и развивая свой хвостъ; онъ иногда нисходитъ на землю, или держится на воздухѣ такъ близко, что человѣкъ можетъ усмотрѣть его. Всѣ эти повѣрія о драконѣ, которыя слышалъ и передалъ намъ въ своей лѣтописи Решидъ-уддинъ, доселѣ сохраняются между народомъ. Персидскій историкъ сообщаетъ, что Монголы очень боялись грома; страшились проливать на землю молоко, кумысъ или вино, чтобы громъ не разразился надъ ихъ жилищемъ или стадами; ибо у кочевыхъ народовъ произведенія скотоводства весьма уважаются, какъ дары божества, которое можетъ прогнѣваться, ежели люди будутъ попирать ногами эти дари. Такимъ образомъ драконъ почитался орудіемъ гнѣва небесъ и былъ уважаемъ на равнѣ съ другими второстепенными геніями. Неизвѣстно, почему поколѣніе Урянханъ или Урянхайцевъ одно пользовалось, какъ видно изъ Решидъ-уддина, и нынѣ пользуется удивительной привиллегіей—а именно, Урянхайцы вѣрятъ, что громъ не можетъ поразить ихъ самихъ или ихъ стадо; они даже кричатъ, если начнется громъ, въ надеждѣ заставить умолкнуть дракона! Если бы Урянхайцы были греческимъ поколѣніемъ, то ихъ почли бы за потомковъ тѣхъ титановъ, которые возставали противъ громоноснаго отца боговъ. По принятіи Буддизма Монголы именемъ Лу стали называть индѣйскихъ наговъ (змѣй).

Земля

170

Выше было сказано, въ какомъ отношеніи земля, какъ сила природы и божество, находится къ небу, по миѳологіи Монголовъ. Они начали поклоняться богинѣ Этугенъ съ незапамятныхъ временъ, вѣроятно въ одно время, какъ стали небу приписывать качества божества. По китайскимъ лѣтописямъ, Хунну и Тугю приносили жертвы землѣ. Изъ записокъ европейскихъ путешественниковъ видно, что ей воздавали божескія почести Монголы во времена Чингисовой монархіи, и что они ее почитали однимъ изъ главнѣйшихъ божествъ. То, что объ этомъ сообщаютъ намъ Плано Карпини, Іоаннъ Мандевильскій и Марко-Поло, весьма неясно и запутанно. Первый, между прочими толками о вѣрѣ Татаръ, разсказываетъ, что они чрезъ чародѣевъ вопрошаютъ чертей и, получая отъ нихъ отвѣты, думаютъ, что это съ ними говоритъ Богъ, «и сего Бога, продолжаетъ Пл. Карпини, называютъ *Итогою* (Itoga Ithoga), а Команы (турецкіе народы) *Хамомъ*, т. е. великимъ императоромъ». Этотъ Итога есть не что иное, какъ Итугэнъ, Этугэнъ или Этугэ — богиня земли у Монголовъ, тѣмъ болѣе, что кромѣ ея не было у нихъ никакого божества, котораго названіе походило бы на Итогу, у нашего путешественника. Но въ приведенныхъ выше словахъ странно то, что богъ Итога покомански назывался Хамомъ, т. е. шаманомъ, (а не великимъ императоромъ, какъ увѣряетъ Плано Карпини, смѣшивая слова Хамъ или Камъ и Ханъ). Путешественникъ, не зная ни монгольскаго, ни татарскаго языка, безпрестанно смѣшиваетъ тѣ слова, монголь-

скія или татарскія, которыхъ звуки сходны между собою. Подобное же обстоятельство и было причиною того, что у него богъ Итога зовется потурецки шаманомъ. Шамана Монголы называютъ *Бугэ*, шаманку *Удаганъ* и *Идоганъ*. Послѣднее названіе звучитъ такъ похоже на Итугэнъ (т. е. богиню земли), что Плано Карпини счелъ ихъ за одно и тоже; а когда ему сообщили, что Идоганъ покомански называется Хамъ, то онъ затвердилъ или записалъ, что монгольскій богъ Итога покомански называется Хамъ; ибо онъ вовсе не полагалъ, что Хамъ означаетъ шамана, а не императора, и что между Итога (Этугэнъ) и Идоганъ есть какая нибудь разница. По его словамъ, Монголы боялись этаго божества, почитали его и приносили ему жертвы.

Іоаннъ Мандевильскій также упоминаетъ объ этомъ божествѣ: «хотя весь народъ (монгольскій) язычникъ, однако, говоритъ онъ, императоръ и вельможи почитаютъ всемогущаго Бога и клянуться имъ, и называютъ его Ирога (*Yroga*, безъ сомнѣнія тоже, Itoga у Плано Карпини), т. е. богомъ природы» (*). У Монголовъ не было миѳологическаго лица, которое бы носило имя Ирога или подобное тому. По этому нѣтъ сомнѣнія, что путешественникъ здѣсь говоритъ объ *Этугэнѣ*; тѣмъ болѣе, что Dieu de la nature соотвѣтствуетъ почти слово въ слово монгольскому  вла-

(*) См. у Бержерона: Voyage et observation etc. p. 22.

дыка, богъ свѣта, міра, природы, другому названію Этугена. Авторъ несправедливо замѣчаетъ, что хамъ и князья у Монголовъ своими религіозными понятіями отличались отъ простаго народа; это увѣреніе путешественника неподтверждается никакимъ другимъ писателемъ. Могло быть, что аристократія монгольская не была столь суевѣрна, какъ чернь, что первая не столько боялась духовъ и шамановъ, какъ послѣдняя; но не болѣе того. Іоаннъ Мандевильскій своего Ирогу, т. е. богиню земли считаетъ высочайшимъ божествомъ Монголовъ, тогда какъ мы уже знаемъ, что выше ея было еще небо. Марко Поло также увѣряетъ, что главный предметъ почитанія Монголовъ былъ *Натигай* (Natigai, можетъ быть испорченное Itoga), богъ земли (*). Это показываетъ только то, что земля дѣйствительно была однимъ изъ главныхъ божествъ Монголовъ. Ей приносили въ жертву молоко, кумысъ и чай; умоляли ее о плодородіи почвы и другихъ предметахъ, составляющихъ матеріальное счастіе человѣка. Главнымъ качествомъ богини Этугенъ считается *производительность*, которая является въ ней отъ вліянія неба; поэтому ее почитали источникомъ сокровищъ и называли ее *золотою* [illegible]. — Иногда, вмѣсто одной богини Этугенъ, насчитывали *семьдесятъ семь* — число совершенно произвольное и составленное по примѣру [illegible] девяноста девяти геніевъ неба.

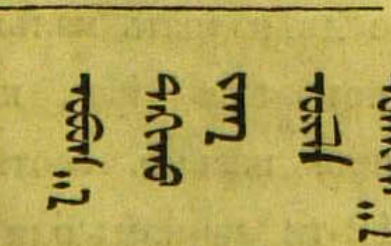
(*) Voyage: L. I. ср. LVIII, и L. III. ср. XLVII.

Горы и *рѣки* и прочія части земли или духи, которые ими владѣютъ, пользовались почитаніемъ Монголовъ, въ слѣдствіе боготворенія цѣлаго. Эти священныя мѣста у Монголовъ могутъ быть раздѣлены на *общія* и *частныя*.

Подъ именемъ частныхъ надобно разумѣть такъ называемыя *Обо*, которыя устроивало каждое поколѣніе въ своемъ владѣніи. Сооруженіе обо и жертвоприношеніе при нихъ дѣлались встарину довольно просто. Шаманъ объявлялъ, что духи, покровители околодка, избрали мѣстомъ своего пребыванія такой-то холмъ или гору. На этомъ мѣстѣ дѣлали небольшую насыпь изъ земли и каменьевъ, съ нѣкоторыми обрядами, и обо было готово. Это были нѣкотораго рода храмы, гдѣ жители приносили свои жертвы богамъ своей страны. Обо дѣлали большею частью при дорогахъ для того, чтобы всякій проѣзжающій могъ положить на него какую нибудь вещь, напримѣръ: волосъ изъ гривы коня, какъ жертву богу, пребывающему въ обо, чтобы снискать его покровительство въ предстоящемъ путешествіи. Въ извѣстное время года жители дѣлали при обо торжественное жертвоприношеніе.

По принятіи Буддизма обо сохранились, подобно многимъ другимъ религіознымъ обычаямъ народа, хотя онѣ и подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ. Распространеніе новыхъ религіозныхъ понятій не могло уничтожить жертвоприношеній при обо, ибо это былъ родъ народныхъ праздниковъ, о которыхъ жители сожалѣли бы больше всего. Лучше казалось дать обо нѣкоторое буддійское значеніе, нежели

допустить, чтобы народъ оставался при шаманскихъ обрядахъ. Въ слѣдствіе такого расчета, лама Ваджрадара Мэргэнъ Діянчи составилъ двѣ книжки: «обряды и молитвы, читаемыя при обо» и «о сооруженіи обо» (*). Сочинитель говоритъ, что есть одна старинная монгольская рукопись объ обо; но что она уже непонятна для Буддистовъ, и потому рѣшился онъ составить новый обрядникъ на основаніи этой рукописи. «Хотя составленіе такихъ книгъ, говоритъ авторъ, само по «себѣ не только постыдно, (ибо время ихъ уже прошло), да«же непріятно для мудрыхъ; однако не возможно противиться «желающимъ устроивать обо и пр.» Авторъ ничего не говорить о томъ, съ какими обрядами сопряженъ былъ этотъ обычай въ древности, только замѣчаетъ мимоходомъ, что онъ существуетъ съ древнѣйшихъ временъ. Впрочемъ слѣдующія его слова показываютъ, что при шаманахъ надъ обо приносимы были кровавыя жертвы: «къ чему послужатъ, «говоритъ онъ, тѣ нечистыя и грѣшныя жертвоприношенія, «кои состоятъ въ побіеніи безвредныхъ быковъ, барановъ и «козловъ, подъ видомъ жертвъ, но собственно лишь для пи«рованія и насыщенія народа; къ чему изъ нихъ сердце, лишь «ихъ кровь, развѣшивать ихъ сало кусками и обвивать (обо) «полосами мокрой кожи»?

(*)  и пр.; и ; помѣщены въ въ 4-мъ томѣ его сочиненій.

Вотъ какъ должно быть устроено и освящено обо, по новымъ руководствамъ, составленнымъ Ваджрадарою.

Оно воздвигается, какъ мѣстопребываніе геніевъ и драконовъ земли и воды, которые покровительствуютъ жителямъ мѣста, и какъ мѣсто тѣхъ жертвоприношеній, которыя совершаются въ честь этихъ существъ.

Мѣсто для обо выбирается пріятное по своему положенію, величественное, возвышенное, гористое, обильное травами и водою.

На избранномъ возвышеніи отмѣряется кругъ извѣстной величины; тутъ изъ земли и каменьевъ дѣлаютъ насыпь, въ которую кладутъ вещи: панцырь, шлемъ, оружія и платья, всякія кушанья, посуду, шелковыя ткани и лекарственныя вещества; по бокамъ должны быть также разнаго рода украшенія; на насыпь садятъ деревья или ставятъ изображеніе птицы гаруды; или, согласно съ древними обычаями, втыкаютъ въ нее лукъ, стрѣлы, копье и мечь. Обо должно состоять изъ многихъ такихъ слоевъ, и въ каждомъ слоѣ свои принадлежности и украшенія: изображенія множества звѣрей, птицъ; камни и листы, съ написанными на нихъ молитвами. Вокругъ большой насыпи дѣлаются еще двѣнадцать малыхъ, такъ что всѣ тринадцать обо представляютъ весь міръ, какъ его изображаютъ Буддисты, т. е. средняя насыпь соотвѣтствуетъ горѣ Сумэру, а прочія малыя—12-ти двипамъ или частямъ міра.

Что касается до освященія обо и обрядовъ, совершаемыхъ при этомъ случаѣ, то они происходятъ со всѣми принадлежностями буддійскаго богослуженія. Обрядникъ предписываетъ читать такъ много молитвъ, и приносить столь разнообразныя жертвы, что описать ихъ трудно. Кровавыя жертвы запрещены, и вмѣсто ихъ употребляются плоды, молоко, вино, сыръ и т. п. Съ молитвами и жертвами велѣно обращаться не къ однимъ мѣстнымъ божествамъ, называемымъ [illegible], т. е. богамъ обо, но къ геніямъ—всѣхъ странъ, чѣмъ либо важныхъ для Буддистовъ, каковы: Магада, Будала, Удіяна, Шамбала, Гридракута, Тибетъ вообще, и, наконецъ, всѣ страны монгольскія. Во время службы при обо дѣлаютъ рашіянъ, т. е. святую воду, которою окропляютъ стада.

Авторъ, наконецъ, изображаетъ важность обо, какъ сказано, по старинной рукописи (о которой упомянуто выше). Счастіе въ настоящей жизни, благоденствіе народа, умноженіе стадъ, увеличеніе богатствъ, удаленіе злыхъ духовъ, отвращеніе болѣзней — вотъ благодѣтельныя слѣдствія обо и жертвоприношеній его геніямъ.

По окончаніи священныхъ обрядовъ при обо начинаются веселенія: скачка, борьба и пиршество, согласно съ древнимъ обыкновеніемъ народа.

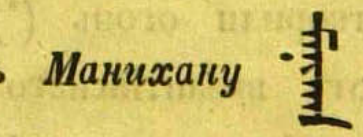
Общія священныя горы и рѣки Монголовъ суть тѣ, которымъ воздаются почести не однимъ какимъ нибудь поколѣ-

ніемъ, по всѣми монгольскими племенами. Почтеніе къ этимъ горамъ и рѣкамъ возникло въ древнѣйшія времена и поддерживается воспоминаніями народа. Хотя племя Монголовъ размножилось и разселилось по пространству всей нынѣшней Монголіи, все оно таки не могло забыть священныя мѣста своего первобытнаго отечества. Такимъ образомъ почитаніе извѣстныхъ горъ и рѣкъ сохранилось у поколѣній, даже далеко отошедшихъ отъ нихъ, и сдѣлалось общимъ для всѣхъ Монголовъ.

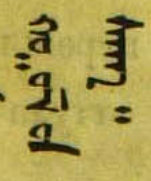
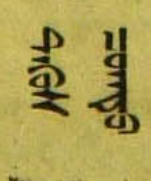
Одна рукопись предписываетъ дѣлать возліяніе изъ кумыса слѣдующимъ горамъ и рѣкамъ: *Бурханъ-халдану* ( ), знаменитой горѣ въ сѣверной Монголіи; около этой горы кочевали предки Чингисъ-хана: *Гэнтэй-хану* ( ), лежащей недалеко отъ предъидущей; *Хангай-хану* ( ), которая лежитъ также въ сѣверной Монголіи; Мунэ хану , кажется, въ юго-западной части Монголіи и Дзэтку-хану ( ) и другимъ, которыхъ географическое положеніе неизвѣстно. Такуюже честь велѣно воздавать слѣдующимъ рѣкамъ, которыя протекаютъ по сѣверной Монголіи: Селенгѣ, Онону, Кэрэлуну и другимъ, которыя неизвѣстны географически. Замѣчательно, что всѣ горы, которыя здѣсь упоминаются, носятъ эпитетъ хана,

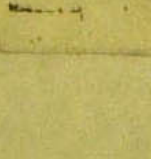
т. е. царя горъ. Всѣ почти эти горы и рѣки находятся въ сѣверной Монголіи или Халхѣ, гдѣ живутъ истинные представители монгольскаго народа. Въ самомъ дѣлѣ, исторія показываетъ, что эта часть средней Азіи была древнѣйшимъ отечествомъ и всегдашнимъ пріютомъ Монголовъ; они переходили на югъ только при важныхъ политическихъ перемѣнахъ.

Изъ горъ и рѣкъ южной Монголіи только гора *Монаханъ* (вѣроятно та, которая выше названа Мунэ-ханъ) и *Желтая рѣка* почитались священными. Въ сочиненіяхъ Ваджрадары помѣщены три небольшія книжки (*), относительно жертвоприношеній имъ. Сочинитель приписываетъ большое могущество генію горы Монаханхъ и представляетъ его покровителемъ Буддизма. Г. Шмидтъ полагаетъ, что около этой горы похороненъ Чингисъ-ханъ; можетъ быть подъ геніемъ ея надобно разумѣть духъ этаго завоевателя.

Нѣкоторые изъ Монголовъ молились *Манихану*  , богу лѣсовъ и звѣриной ловли. Народныя повѣрья предста-

---

(*) 1)  2)  и т. д.

3)  и пр.

вляютъ его человѣкомъ огромнаго роста. Онъ владѣетъ не только лѣсами, но и животными, обитающими въ нихъ. Такимъ образомъ Монголы всю землю оживили множествомъ геніевъ; во всякомъ предметѣ на землѣ они предполагали существованіе особаго духа. По словамъ одной молитвы, геніи находятся въ горахъ, водахъ, деревьяхъ, вѣтрѣ, камняхъ. Но изъ этаго не надобно заключать, что вѣра древнихъ Монголовъ заключалась въ фетишизмѣ; они не оказывали никакого почтенія къ предметамъ, въ которыхъ поселяли духовъ; обожать генія, владѣющаго предметомъ, и обожать самый предметъ не одно и тоже.

Огонь.

Почитаніе огня, свойственное многимъ народамъ древняго міра началось въ средней Азіи въ отдаленной древности. Византійцы говорятъ, что алтайскіе Турки (Тугю китайскихъ историковъ, смѣсь монгольскихъ и турецкихъ племенъ) боготворили огонь (*). Земархъ, ѣздившій къ нимъ посломъ отъ византійскаго двора, долженъ былъ подвергнуться очищенію огнемъ. Извѣстно, что и Монголы, въ средніе вѣки, строго соблюдали этотъ обычай.

Нѣтъ сомнѣнія, что боготвореніе огня перешло въ Монголію изъ Персіи. Оно сначала проникло оттуда къ турец-

---

(*) Memor. populorum etc. т. III. p. 70.

кимъ племенамъ, которыя кочевали на сѣверовосточныхх границахъ персидской монархіи (*), и чрезъ посредство этихъ народовъ перешло къ Монголамъ. Богиня огня у Монголовъ носитъ турецкое названіе *Утъ* или *Отъ* , т. е. огонь. Къ этому имени Монголы прибавляютъ эпитетъ *Галайхана, царицы огня* ( )

Почтеніе къ огню у Персовъ проистекало отъ основной идеи зороастрова ученія. Они принимали нѣкоторый *первоначальный огонь*, который служилъ Ормузду средствомъ соединенія съ безграничнымъ временемъ, и изъ котораго этотъ богъ создалъ всѣ чистыя существа. Первоначальный огонь, по ученію Зендъ-авесты, есть источникъ жизни и оживляетъ всѣ твари; онъ — душа человѣка, источникъ его энергіи и душевныхъ способностей. Видимый огонь Персы почитали какъ изображеніе невидимаго, первобытнаго огня; они считали его проявленіемъ духа и силы Бога и символомъ его, и вѣрили, что огонь имѣетъ силу доставлять человѣку знаніе будущаго, даръ слова, пищу, дѣтей (**). Сверхъ того огонь, по своему происхожденію отъ божества, почитаемъ былъ Персами источникомъ физической и нравственной *чистоты*.

Эти понятія, перешедши въ Монголію, исказились значительно. У Персовъ *Изедъ-Адеръ* (богъ огня) былъ богъ; а у

(*) Говорятъ Киргизы и нынѣ приносятъ жертвы огню.
(**) Зендъ-Авеста т. I. стр. 147.

Монголовъ Утъ называется матерью ( ), слѣд. считалась богинею. Почтеніе къ огню у Монголовъ не могло имѣть такой важности, какъ у Персовъ, потому что оно съ коренными религіозными понятіями Монголовъ не было тѣсно соединено, какъ въ Персіи. Богиня Утъ почиталась подательницею счастія и богатства; но отличительное свойство ея—*чистота*, могущество очищать, сообщать свою чистоту. Въ этомъ Монголы сходятся съ Персами. Въ качествѣ очистителя огонь считался покровителемъ каждаго дома, а очагъ ( ) гдѣ его разводятъ—какимъ-то святилищемъ. Домъ безъ огня не можетъ быть достойнымъ жительства человѣка; огонь, разведенный въ домѣ, очищаетъ его, какъ бы освящаетъ его. Такимъ образомъ богиня Утъ есть нѣкотораго рода хозяйка дома: кто хочетъ вступить въ члены семейства живущаго въ извѣстномъ домѣ, долженъ прежде поклониться ей, какъ бы прося у ней позволенія на это и поручая себя ея покровительству. Потому-то у Монголовъ есть обычай, что женихъ и невѣста въ день свадьбы совершаютъ поклоненіе предъ огнемъ, приносятъ ему жертвы, что у нихъ заступаетъ мѣсто вѣнчанія.

Почитая огонь источникомъ и символомъ чистоты, Монголы оказывали къ нему большое уваженіе, и старались держать его въ чистотѣ; они не бросали въ него вещества, отъ которыхъ происходитъ дурной запахъ, или которыя ослабляютъ его силу и блескъ; почитали грѣхомъ лить на него воду, плевать и т. п. И жертвы, огню приносимыя, должны

усиливать пламя, какъ то: вино, масло, жиръ. Кромѣ того огню оказывали такое же почтеніе, какъ изображеніямъ другихъ божествъ: запрещалось шагать чрезъ него, замахиваться на него острымъ оружіемъ. Плано Карпини увѣряетъ, что Монголы считали грѣхомъ рубить топоромъ, что нибудь близъ огня, вынимать ножемъ мясо изъ котла, подъ которымъ горить огонь, и втыкать ножъ въ него (*). Многія болѣзни, особенно наружныя, и пожаръ почитались слѣдствіемъ гнѣва Утъ.

Къ огню, какъ очистителю, Монголы прибѣгали очень часто. Способъ очищенія состоялъ въ томъ, что животное и вещь, которую надобно очищать, проводили или проносили между двухъ огней; или держали ее надъ костромъ, или окуривали. Случаевъ къ такому очищенію было очень много. Напримѣръ, если кто нибудь умретъ, то юрту, гдѣ лежалъ покойникъ, очищали огнемъ; и вещи, которыя тамъ находились, проносили между двухъ костровъ; если громомъ убьетъ животное или человѣка по близости юрты, тогда шаманъ съ особенными церемоніялами очищалъ ее огнемъ (**) и т. п. Извѣстно, что у Монголовъ иноземные послы проходили между двумя огнями, если хотѣли явиться къ хану, ибо полагали, что огонь отнимаетъ у человѣка возможность совер-

---

(*) Путеш. къ Татар. стр. 89.

(**) Тамъ же. Гл. 3.

шать что нибудь злое; а послы, какъ полагали тогда Монголы, могли придти къ хану съ преступными намѣреніями. Многіе изъ этихъ обычаевъ еще доселѣ сохраняются въ народѣ монгольскомъ.

Жертвы приносимы были огню ежедневно, каждый разъ, какъ хозяева дома начинали ѣсть что нибудь. Сверхъ того торжественно дѣлаемо было ему жертвоприношеніе въ годъ одинъ разъ. Но мы не знаемъ, какъ онѣ происходили по шаманскому закону, потому что нигдѣ нѣтъ описанія этаго. Рукопись подъ заглавіемъ: «Книга о жертвоприношеніи богу огня» (упомянутая выше) содержитъ описаніе новаго обряда составленнаго Буддистами; въ ней такая смѣсь стараго съ новымъ, шаманскаго съ буддійскимъ, что изъ ней трудно составить себѣ понятіе о древнемъ обрядѣ жертвоприношенія огню.

Гораздо любопытнѣе другая рукопись «молитва огню», въ которой старое, подлинное рѣзко отличается отъ новаго, поддѣльнаго. Она содержитъ въ себѣ молитву, которую читаютъ во время свадебъ, когда молодые поклоняются огню, въ юртѣ родителей жениха. Молитва или гимнъ этотъ не представляетъ никакого сходства съ тѣми, которыя въ Зендъ-Авестѣ обращены къ огню. Повтореніе одной и той же мысли на нѣсколько ладовъ, простота мыслей и выраженій доказываютъ, что она народное произведеніе. Молитва эта такъ оригинальна, что при первомъ чтеніи замѣчаемъ то, что Буд-

дисты къ ней прибавили. Привожу ее здѣсь, какъ образчикъ религіозной поэзіи Монголовъ:

Матерь Утъ, царица огня, сотворенная изъ дерева ильма, растущаго на вершинахъ (горъ) Хангай-хана и Бурхату-хана! Ты, которая зародилась при отдѣленіи неба отъ земли, произошла отъ стопы матери Этугэнъ и создана царемъ тенгріевъ! Матерь Утъ, коей отецъ—твердая сталь; мать—кремень, предки—ильмовыя деревья;—которой блескъ достигаетъ до неба и проникаетъ сквозь землю!—Огонь, высѣченный небожителемъ (Чингисомъ) и разведенный царицею *Улукэнъ* (матерью Чингиса)! Богиня Утъ, которой приносимъ въ жертву желтое масло и бѣлаго барана, имѣющаго желтую голову!—у которой бодрый сынъ, прекрасная невѣстка и стройная дочь! Тебѣ, матерь Утъ, всегда взирающая вверхъ, приносимъ въ жертву вино чашами и жиръ пригоршнями! Даруй благополучіе царевичу (жениху) и царевнѣ (невѣстѣ) и всему народу! Поклоняемся!

Это только начало молитвы; далѣе повторяются тѣ же восклицанія, съ небольшими перемѣнами.

Надобно полагать, что не одни Хормуста и Утъ перешли изъ Ирана къ предѣламъ Гоби. При лучшемъ знакомствѣ съ шаманствомъ Монголовъ найдется въ немъ, можетъ быть, много сходнаго съ ученіемъ Зороастра. Такъ напримѣръ, Монголы вмѣстѣ съ Ормуздомъ должны были познакомиться и съ Ариманомъ, извѣстнымъ уже между турец-

кими племенами подъ именемъ *шайтана*, въ которомъ узнаемъ *шетанъ* (обманщикъ лукавый), эпитетъ бога зла, употребляемый въ Зендъ-авестѣ. Нынѣ этимъ именемъ магометанскіе Татары называютъ дьявола, а языческіе—злыхъ духовъ, Между тѣмъ въ монгольской миѳологіи нельзя отыскать Аримана или божества похожаго на него. Можетъ быть, онъ извѣстенъ у Монголовъ подъ именемъ Эрликъ-хана, бога смерти.

Тенгри или второстепенные боги.

Слово *тенгри* въ обширномъ смыслѣ означало (у древнихъ Монголовъ) небо, и вообще всякое божество; въ тѣсномъ смыслѣ, оно было нарицательнымъ именемъ тѣхъ божествъ, въ которыхъ народъ олицетворилъ небесныя явленія или способности и страсти человѣческой души. Тенгри вѣчны, духовны и обитаютъ на небѣ. Къ этому же разряду боговъ надобно отнести злыхъ духовъ.

Подобное описаніе всѣхъ тенгріевъ составило бы очень любопытную статью; потому что въ ней всѣ страсти народа явились бы въ лицахъ. Но я принужденъ ограничиться упоминаніемъ только главныхъ геніевъ.

Для человѣка, который ведетъ кочевую жизнь, подверженную всѣмъ опасностямъ со стороны людей, звѣрей и самой природы, мужество есть важнѣйшая добродѣтель, безъ которой номаду нельзя обойтись, потому что онъ принужденъ воевать то съ людьми, то съ животными; онъ предоставленъ самъ себѣ, у него нѣтъ ни

крѣпкихъ стѣнъ, ни особеннаго, постояннаго войска, подъ прикрытіемъ которыхъ могъ бы онъ жить спокойно.

Поэтому легко понять, отъ чего *богъ храбрости* [illegible] занимаетъ почетное мѣсто на монгольскомъ олимпѣ. Народный гимнъ изображаетъ его могучимъ и важнымъ для людей всѣхъ разборовъ, называетъ его хранителемъ царей, онгономъ (покровителемъ) простолюдиновъ, главою храбрыхъ и источникомъ сокровищъ богатыхъ (*). Авторъ гимна изображаетъ его начальникомъ небесныхъ войскъ, вооруженнымъ мечемъ и столь сильнымъ, что онъ скалы превращаетъ въ равнины. Этотъ Богатуръ Тенгри вселяетъ мужество въ воиновъ, но не участвуетъ въ войнѣ.

Во время походовъ Монголы молились другому божеству, а именно *Дайчинъ-тенгри* ([illegible] богу-воитею). Они иногда приносили ему въ жертву плѣнныхъ людей, какъ видно изъ одной поэмы (**). Побѣду приписывали третьему божеству *Кисаганъ-тенгри* ([illegible]). Покровительствуемый имъ

(*) Книга о молитвѣ и жертвоприн. и пр.

(**) На калмыцкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: исторія Обуши-Хонгъ-Тайчжи монгольскаго.

воинъ, по словамъ рукописи (*), «убиваетъ непріятеля, снимаетъ съ него окровавленное платье, вѣшаетъ его на сѣдло, по правую сторону своего коня, а непріятельскаго ведетъ за собою, съ лѣвой стороны (въ знакъ побѣды надъ владѣтелемъ лошади). На пути Кисаганъ-Тенгри не оставляетъ побѣдителя, коню его не даетъ спотыкаться, въ опасныхъ мѣстахъ бережетъ воина, въ тѣсныхъ мѣстахъ доставляетъ ему свободный проѣздъ.

Эти три тенгри изображаютъ собою одну изъ главныхъ стихій жизни Монгола—войну; другая стихія ея—скотоводство. Слѣдов. и богъ этаго промысла долженъ быть почитаемъ столько же, сколько воинственные тенгри, о которыхъ сейчасъ говорено. Богъ, покровитель стадъ и имуществъ, назывался *Дзаягачи*, который является въ двухъ видахъ.

1) *Дзолъ-дзаягачи*, т. е. Счастіе Дзаягачи. Хотя онъ въ самомъ дѣлѣ почитается виновникомъ счастія, однако между нимъ и Фортуною древнихъ есть большая разница; Фортуна благопріятствуетъ человѣку случайно, по прихоти, и рѣдкому не измѣняетъ; напротивъ Дзаягачи не оставляетъ своего кліента до тѣхъ поръ, пока того не велитъ правосудіе неба: онъ богъ

(*) Книга о молитв. и жертвоприн. и пр.

счастія разумнаго, а не случайнаго, слѣпаго, какъ Фортуна. Слѣдовательно, Дзаягачи есть разумная, чистая дѣвственная природа человѣка, котораго она всегда старается отвлечь отъ всего дурнаго, противнаго природѣ; котораго защищаетъ отъ покушеній злыхъ людей и духовъ. Это заключеніе подтверждается тѣмъ, что, по мнѣнію китайскихъ философовъ, человѣческая природа сама по себѣ добра и не содержитъ въ себѣ сѣмянъ зла, которое прилѣпляется къ ней со временемъ, въ слѣдсдвіе внѣшнихъ причинъ. Нравственно-философское вѣрованіе Китайцевъ легко могло быть олицетворено Монголами, не столь положительными и образованными, какъ послѣдователи Кунъ-дзы; а самое понятіе о первоначальномъ совершенствѣ человѣческой природы могло въ равной степени принадлежать обоимъ народамъ, потому что основаніе ихъ религіозныхъ вѣрованій однѣ и тѣже. Дзаягачи, какъ богъ счастія, печется не только о здоровьи своего любимца, но и о матеріальномъ его благосостояніи, онъ не только защищаетъ его отъ опасностей, и удаляетъ отъ всего дурнаго, но и хранитъ его стада и имущество. Поэтому-то къ нему обращались молитвою: «прошу счастія у Дзаягачи-тенгри, который «выкалываетъ глаза и перешибаетъ спинной хребетъ моему «злодѣю..... который опускаетъ пальцы въ молоко и бро«саетъ арканъ въ стадо мое» (*).

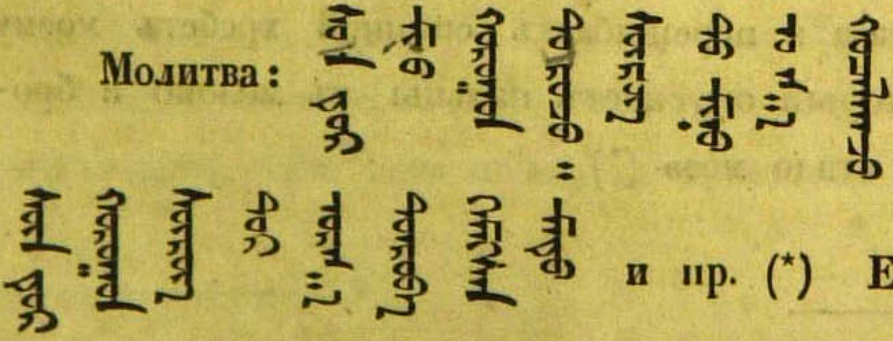
(*) Древность этой молитвы, и прочихъ, находящихся въ рукописи «Книга о молитвѣ и жертвоприношеніи и т. д.

Дзолъ-дзаягачи былъ въ большомъ уваженіи у народа; изображеніе его, равно какъ и Эмэгэльджи, находилось въ каждой юртѣ, гдѣ ежедневно ему приносили небольшія жертвы.

II. Другой видъ Дзаягачи наз. *Эмэгэльджи* дзаягачи, которая считалась богинею дѣтей, ихъ здоровія и счастія.

Выше было упомянуто о *девяти тенгри*; они обыкновенно называются *аха дэгу йисунъ сулдэ тэгри*, «девять тенгри—покровителей, родныхъ братьевъ». Характеристическій

(см. выше) доказывается лѣтописью Санангъ-Сэцэна. У него одинъ монгольскій князь (Багатуръ-Хонгъ-тайчжи) упрекаетъ калмыцкаго преводителя Эсэлбэйнъ-Кя въ томъ, что этотъ своей рукою вынулъ мясо изъ котла княжескаго, что почиталось грѣхомъ. Разсерженный князь не хочетъ однако прямо называть виновнаго хищникомъ или воромъ; но чтобы выразиться получше, повторяетъ слова изъ приведенной выше молитвы, какъ общеизвѣстное выраженіе: «ты вынулъ своей рукою мясо изъ моего котла, какъ бы *запуская пальцы* (какъ говорится) *въ молоко и и бросая арканъ въ стадо*» Вотъ тексты для сличенія.

Молитва:  и т. д. Лѣтопись:

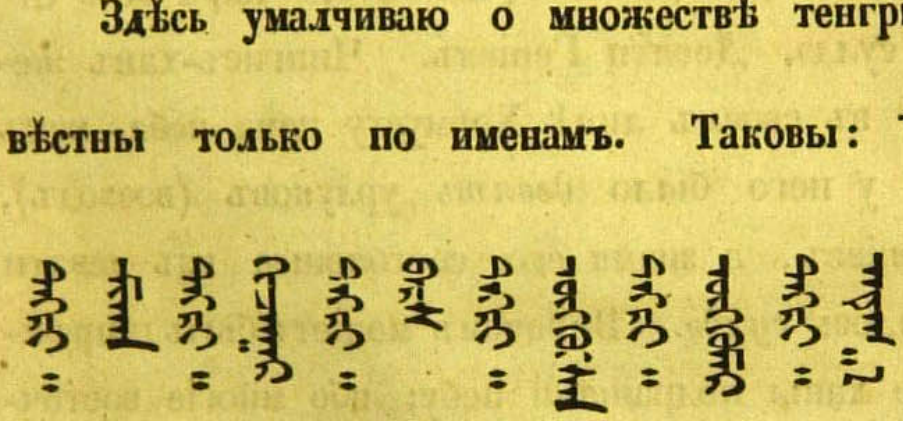
и пр. (*) Если Баторъ-Хунъ-

Тайчжи говорилъ это въ 1574 г., то молитва эта извѣстна была еще за долго до этаго времени.

(*) Geschichte d. Ost-Mong. s. 218.

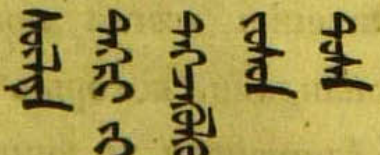
эпитетъ ихъ *сулдэ* (покровитель) выражаетъ все ихъ значеніе; стоитъ только объяснить смыслъ этаго сулдэ, чтобы понять что такое Девять Тенгри. Монголы приписываютъ особѣ царя нѣчто божественное, какое-то особенное могущество, которое невидимо хранитъ его подданныхъ, и это качество его называется *сулдэ*. Такъ говорится «*эдзэнъ хан-у сулдэ бэръ бидэ мэнду*» мы здоровы подъ *сулдэ* государя, sous les auspices du roi. Небо правитъ міромъ, какъ царь, и имѣетъ свое *сулдэ*; оно-то олицетворено въ Девяти Тенгри. Сулдэ царя есть отблескъ небеснаго сулдэ, Девяти Геніевъ. Чингисъ-ханъ желалъ представить въ своемъ лицѣ Хормусту царя неба, какъ уже мы видѣли; у него было *девять* урлуковъ (воеводъ), вмѣсто Девяти Геніевъ, а знамя его, состоявшее изъ девяти бунчуговъ, называлось *сулдэ*. Впрочемъ можетъ быть и прежде его монгольскіе ханы подражали небу; ибо многіе восточные народы представляли царя своего видимымъ образомъ, намѣстникомъ Бога; персскіе цари подражали Ормузду, въ организаціи своего государства; у Индусовъ, по закону Ману, въ особѣ Раджи соединяются качества восьми божествъ, хранителей міра (Локапаласъ). Кромѣ того, Девять Тенгри, суть, можетъ быть, не что иное, какъ семь Амгуспандовъ у Персіянъ, отъ которыхъ Монголы заимствовали ихъ вмѣстѣ съ Хормустою; а изъ 7 они могли сдѣлать 9, потому что послѣднее число у нихъ почиталось священнымъ. Сулдэ тенгри, по своему характеру—по назначенію всегда покровительствовать—сходны также съ Амгуспандами, которые подъ начальствомъ Ормузда борются съ Ариманомъ и защищаютъ твари отъ послѣдняго. Сулдэ тенгри изображаются воинственными,

какъ бы имъ предстояла борьба съ кѣмъ нибудь: въ видѣ всадниковъ, одѣтыхъ въ латы, вооруженныхъ мечами и копьями; на головахъ у нихъ шлемы; въ одной рукѣ каждаго изъ нихъ нагайка, въ другой флагъ; ихъ сопровождаютъ соколъ, левъ, барсъ, медвѣдь и собака (*). Этихъ геніевъ не должно смѣшивать съ Дзаягачи: ихъ число—девять—неизмѣнно и они защищаютъ отъ бѣдъ всѣхъ смертныхъ; а Дзаячи бываетъ свой у всякаго человѣка.

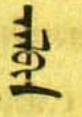
Здѣсь умалчиваю о множествѣ тенгри, которые извѣстны только по именамъ. Таковы:  и т. д.

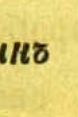
Злые духи—считались врагами людей, добрыхъ геніевъ и даже самаго неба. Изъ нихъ замѣчательны:

Эльe , которые являются въ видѣ птицы тогоже имени и предвѣщаютъ своимъ явленіемъ несчастіе.

(*) Изображеніе Сулдэ тенгри взято изъ IV т. сочин. Мэргэнъ-Діянчи; онъ составилъ книгу о жертвоприношеніи этимъ геніямъ:  пр., не такъ любопытную, какъ обѣщаетъ заглавіе.

Ада летаютъ по воздуху, пугаютъ человѣка, распространяютъ болѣзни и внушаютъ бѣшеныя страсти.

Албинъ  любятъ обманывать людей, бродятъ по степямъ, около дорогъ, зажигаютъ ложные огни (блудящій огонь). Путникъ, обманутый видомъ огня, ѣдетъ къ нему и сбивается съ пути.

Кулчинъ (), безобразные духи, являются въ видѣ привидѣній стращать человѣка и т. п.

Онгоны.

Поклоненіе предкамъ принадлежитъ къ числу повѣрій, находимыхъ у многихъ древнихъ народовъ. Я уже говорилъ, что источникъ его заключается въ мысли о безсмертіи души. Младенчествующій человѣкъ, который могъ имѣть только предчувствіе, а не ясное понятіе о будущей жизни, въ разныхъ странахъ неодинаково представлялъ ее себѣ. Кромѣ различныхъ мнѣній о состояніи человѣческой души послѣ смерти, мысль о безсмергіи души обнаруживается у всѣхъ народовъ въ обрядахъ, соблюдаемыхъ послѣ смерти человѣка, каковы: похороны, поминки и другіе обычаи, въ которыхъ также видна горесть человѣка, неохотно разстающагося съ умершимъ. Отъ одного изъ такихъ обычаевъ, если вѣрить преданію, началось въ средней Азіи поклоненіе предкамъ. «Когда умиралъ у кого нибудь любимый человѣкъ, то его сыновья, дочери, старшіе и младшіе братья, сдѣлавъ

фигуру на подобіе покойнаго (*), хранили ее въ своихъ домахъ: они почитали ее, ставили предъ ней первое блюдо, цѣловали ее и поклонялись ей, говоря: это изображеніе такого нашего (любимца)». Абулгази, котораго слова приведены здѣсь, заключаетъ: «это обыкновеніе мало по малу распространилось, и, наконецъ, явилось идолопоклонство». Это преданіе, которое Рубруквисъ слышалъ изъ устъ народа, находится, по словамъ Г. профессора Каземъ-бека, у одного арабскаго историка. Подъ тѣмъ, что Абулгази въ расказѣ своемъ называетъ идолопоклонствомъ, надобно разумѣть не все шаманство, но только поклоненіе предкамъ, возникшее въ отдаленной древности у Монголовъ и Китайцевъ. У послѣднихъ оно начинается со времени основанія монархіи ихъ. Конфуцій считалъ весьма важною обязанностію—совершать поклоненіе предъ предками и ставить предъ ними кушанья: о добродѣтельныхъ государяхъ Ву-ванъ и Чеу-гунъ, говоритъ онъ, что они «служили своимъ умершимъ предкамъ, какъ бы живымъ». У кочевыхъ народовъ средней Азіи поклоненіе предкамъ началось также очень рано: его встрѣчаемъ у нихъ еще до Р. Х. (*) Исторія свидѣтельствуетъ, что разныя династіи, владѣвшія Монголіей до Чингисъ-хана, почти всѣ соблюдали этотъ обрядъ. Монгольская династія сохраняла его весьма строго. Плано Карпини говоритъ, что Татары дѣлали поклоненіе Чингису (***).

(*) Обычай дѣлать изображеніе умершаго человѣка, до сихъ поръ существуетъ у Самоѣдовъ. См. путеш. Бѣлявскаго.

(**) Дегинь: Hist. gener. des Huns. etc. t. 1. S. p. p. 26.

(***) Путеш. стр. 85.

Хубилай, потомокъ сего завоевателя, воцарился на китайскомъ престолѣ и въ 1263 г. выстроилъ въ Пекинѣ храмъ въ честь своихъ предковъ. Изъ этихъ фактовъ видно, что оба народа, Монголы и Китайцы—издревле почитали своихъ предковъ; но очень трудно рѣшить: заимствовали ли первые въ этомъ случаѣ что нибудь у послѣднихъ. Хотя у Китайцевъ почтеніе къ предкамъ логически выводится изъ сыновней почтительности, составляющей у нихъ основу добродѣтелей; тѣмъ не менѣе этотъ обычай могъ родиться у самихъ Монголовъ, какъ разсказываетъ Абулгази. Сверхъ того обычай приносить жертвы предкамъ существовалъ при началѣ династіи Хунну: въ ту пору номадъ гордился своими грубыми нравами, и не желалъ ничего заимствовать отъ осѣдлыхъ Китайцевъ. Наконецъ прибавимъ къ этому, что почитаніе предковъ находимъ у многихъ южныхъ и западныхъ народовъ, которые ни одной миѳологической идеи не приняли отъ жителей средняго государства.

Первоначальное простое почтеніе къ предкамъ подверглось искаженію и породило *онгоновъ*. Такъ называютъ Монголы души умершихъ людей, сдѣлавшіяся предметомъ уваженія или страха народнаго. Въ самыя древнія времена каждое семейство оказывало почтеніе однимъ только своимъ покойникамъ, имѣло, можетъ быть, ихъ изображенія, какъ свидѣтельствуетъ Абулгази, ставило предъ нимъ пищу и питье. Это было простое уваженіе къ умершему, какое было и теперь есть у Китайцевъ; тогда члены семейства не приписывали душѣ своего покойника никакого вліянія на живыхъ. Но Монголы съ

теченіемъ времени стали вѣрить, что душа умершаго человѣка дѣйствуетъ во вредъ или пользу живыхъ, и изъ нихъ народъ создалъ особый родъ боговъ—*онгоновъ*. Такимъ образомъ изчезло простое уваженіе къ тѣнямъ предковъ, а въ мѣсто его заступило служеніе добрымъ и злымъ онгонамъ, душамъ людей чуждыхъ, непринадлежащихъ къ семейству поклонника. Чья душа сдѣлалась онгонамъ—это опредѣлялъ шаманъ, ибо невсякій могъ сдѣлаться онгономъ; а тотъ только могъ имъ быть, кто прославился въ этомъ мірѣ добрымъ или злымъ; люди, оказавшіе большую пользу, народу дѣлаются онгонами добрыми; а злодѣи—злыми.

Въ этомъ дѣленіи душъ на два рода проглядываетъ уже нѣкоторое понятіе о будущемъ возмездіи за дѣла. По мнѣнію Монголовъ, души добрыхъ людей живутъ спокойно на томъ свѣтѣ; напротивъ, души людей злобныхъ остаются на срединѣ [illegible] т. е. они не могутъ переселиться въ тотъ свѣтъ и остаются между этимъ и тѣмъ мірами: это наказаніе за ихъ грѣхи. Злые онгоны блуждаютъ на поверхности земли и, по старой привычкѣ, вредятъ человѣку. Они вселяются въ человѣка, производятъ въ немъ болѣзни, истребляютъ дѣтей. Шаманъ узнаетъ, какой именно онгонъ причиняетъ страданіе и изгоняетъ его изъ человѣка и его жилища. Всѣхъ чаще онгонами дѣлаются души шамановъ.

Смотря по мѣстамъ и поколѣніямъ, онгоновъ такъ много, что невозможно опредѣлить ихъ число: ибо каждый около-

докъ имѣетъ своихъ онгоновъ: есть однако и признанные всѣми Монголами. Между ними замѣчательно *семейство Борджигиновъ*, т. е. ханскій родъ, изъ котораго произошелъ Чингисъ и большая часть нынѣшнихъ монгольскихъ владѣтелей. Народъ считалъ души всѣхъ членовъ этаго огромнаго семейства добрыми онгонами и молился имъ наравнѣ съ тенгріями. Молитва, обращенная къ нимъ, намекаетъ на многочисленность Борджигиновъ, сдѣлавшихся ханами и онгонами при всѣхъ горахъ и пригоркахъ» (*). Могущественнѣйшимъ изъ нихъ былъ Чингисъ, который и въ могилѣ не пересталъ быть покровителемъ и судьей своихъ потомковъ. Его престолъ не могъ быть занятъ никѣмъ изъ его потомковъ, безъ невидимаго дозволенія на это императора, т е. Чингиса Читая лѣтопись Санангъ Сэцэна, видимъ, что поклоненіе предъ гробомъ завоевателя какъ бы заступило у монгольскихъ хановъ обрядъ коронованія и восшествія на престолъ (**). Каждый, вступающій на престолъ пріѣзжалъ къ *восьми бѣлымъ юртамъ «найманъ цаганъ кгэръ»*, приносилъ жертву тѣни знаменитаго своего предка и совершалъ поклоненіе. Кто дерзалъ не признавать замогильную власть Чингиса, того онъ наказывалъ немедленно. *Тогонъ*, сынъ Эсена, калмыцкаго владѣтеля, убійствомъ проложилъ себѣ путь къ монгольскому престолу, съ небреженіемъ отозвался о Чингисѣ и мечемъ изрубилъ его священныя юрты. Несмотря на совѣты Монго-

---

(*) Книга о молитвахъ и жертвоприношеніяхъ.

(**) Geschichte der Ost-Mong. S. 146, 152, 170, 184, 186 192.

ловъ, онъ не хотѣлъ просить прощенія у Чингиса; непокорный Тогонъ не успѣлъ отойти отъ гроба завоевателя, какъ кровь хлынула изъ его носа, и онъ — палъ мертвый. Такъ разказываетъ Санангъ-Сэцэнъ, по словамъ котораго народъ гибель Тогона приписалъ гнѣву императора (*).

Между Монголами еще и теперь сохраняется почтеніе къ умершимъ владѣтелямъ. Китайскій императоръ, по политическимъ видамъ, поддерживаетъ его законами. Послѣ смерти знатныхъ монгольскихъ владѣтелей, богдо-ханъ посылаетъ отъ себя чиновника, который приноситъ жертву предъ могилою князя и даже говоритъ къ умершему рѣчь, нарочно сочиненную предварительно (**).

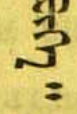
Шаманы.

Происхожденіе шамановъ, жрецовъ шаманской вѣры, относится къ глубокой древности. Первое достовѣрное извѣстіе о существованіи ихъ у средне-азійскихъ народовъ сообщаютъ какъ китайскія лѣтописи въ началѣ VI вѣка по Р. Х. во время жужанскаго хана Чеуну (***). Но начало шамановъ относится къ гораздо древнѣйшей порѣ. Много было толковъ о происхожденіи ихъ и значеніи слова *Шаманъ*. Уже Фишеръ приводитъ нѣсколько мнѣній объ этомъ: (****)

(*) Ibidem 150.
(**) Липовцова: Уложеніе китайской палаты внѣшнихъ сношеній.
(***) Suppl. à la Bibl. Orient. p. 39.
(****) Сибирская исторія стр. 37.

одни думали, что оно означаетъ *воздыхающаго* и *стенящаго*; другіе говорили, что оно означаетъ человѣка безъ страстей — и всѣ эти толкованія дѣлаемы были на языкахъ народовъ, неизвѣстныхъ въ Сибири, живущихъ весьма далеко отъ ней. Наконецъ, ученые, по привычкѣ все выводить изъ Индіи, начали въ ней отыскивать древнее отечество Шамановъ. Извѣстно, что буддійскіе отшельники въ Индіи назывались по Санскритски *шрамана*съ (аскеты); Греки, вѣроятно, слѣдуя произношенію какого-либо мѣстнаго индійскаго нарѣчія, называли шрамановъ *Саманеями*. Сходство словъ шраманъ и шаманъ такъ обмануло оріенталистовъ, между прочими и Ф. Шлегеля, что они безъ всякихъ соображеній, стали шамановъ выводить отъ шрамановъ. По ихъ мнѣнію, шраманы, среди грубыхъ жителей средней Азіи, изъ отшельниковъ превратились въ шамановъ. Но спрашивается: отъ чего Буддизмъ, который послѣ эпохи Чингисъ-хана такъ глубоко укоренился въ Монголіи, не могъ тамъ утвердиться въ древности? Отъ чего онъ не устоялъ тогда противъ грубости кочевыхъ народовъ, которую побѣдилъ въ послѣдствіи? Почему онъ не оставилъ въ народной вѣрѣ Монголовъ никакихъ слѣдовъ по себѣ? При томъ же странно предполагать, чтобы буддійскіе проповѣдники могли забыть все свое и сдѣлаться шаманами,—чтобы они забыли свои священныя книги, свои обряды и одѣяніе. Призываніе духовъ, бѣснованіе шамана и его нарядъ неимѣютъ ничего общаго съ Буддизмомъ. Любопытно было бы знать, какими доводами Шоттъ, германскій оріенталистъ, доказываетъ тождество шрамановъ съ шаманами. Онъ, говорятъ, написалъ цѣлую диссертацію объ этомъ. Впрочемъ и до него многіе на-

ходили какое-то небывалое сходство между Буддизмомъ и шаманствомъ. Вотъ, что говоритъ Фишеръ о ламайской вѣрѣ: «сія вѣра не можетъ однакожъ хвалиться особенною никакою древностію. Она составлена изъ древняго шаманскаго суевѣрія и изъ Христіанской вѣры. Изъ шаманской удержала она Фо и переселеніе душъ. Отъ Христіанъ, а именно отъ Несторіанъ, приняла, какъ кажется, обряды, одежды и другія наружныя украшенія. Г. Степановъ называетъ Шакьямуни, основателя Буддизма, шаманомъ, незнаю почему. Георги увѣряетъ, что шаманскій законъ есть корень браминскаго, ламайскаго и другихъ языческихъ толковъ.

Если шаманы не индійскіе шраманы, то гдѣ искать начало и значеніе этаго загадочнаго слова? Оно ничто иное какъ маньджурское *Саманъ*, которое у нѣкоторыхъ тунгузскихъ племенъ въ Сибири произносится, вѣроятно, шаманъ. Въ словаряхъ вездѣ переводятъ его по монгольски  т. е. шаманъ. Отецъ Іакинѳъ говоритъ также, что слово шаманъ есть маньджурское *самань*; но не объясняетъ его этимологически (**). Самань, происходитъ отъ корня *сам*, къ которому относятся нѣсколько словъ маньджурскихъ и монгольскихъ; таковы: мандж. *сам-арамби*, мѣшать жидкость, мон. *сам-оромой*, мѣшать жидкость, возмутить; оттуда: бултыхаться, плавать, биться; *сам-агу*—безпорядочный, распутный, возмутившійся,

---

(*) Сибир. ист. стр. 39.

(**) «Китай» стр. 316.

бунтовщикъ, маньдж. *Самдамби*, пляшу. Значеніе этихъ словъ вообще выражаетъ *безпокойное*, *возмущенное* состояніе. слѣд. *саманъ* означаетъ человѣка *взволнованнаго*, *изступленнаго*, *восторженнаго*, какимм дѣйствительно являются шаманы. Русскіе, вѣроятно, взяли это слово у Тунгузовъ, живущихъ въ енисейской и иркутской губерніяхъ; ибо у другихъ сибирскихъ народовъ это слово неизвѣстно,—а каждый изъ нихъ имѣетъ свои слова для означенія шамановъ: *тарыбъ* (у Самоѣдовъ), *тадыбъ* (у Остяковъ), *камъ* (у Татаръ), *бё* или *бугэ* (у Бурятъ) и др.

И такъ происхожденіе шамановъ надобно искать не въ Индіи или другихъ южныхъ странахъ, но въ средней Азіи, гдѣ возникло и самое шаманство. У всѣхъ народовъ являлись люди, отличные отъ прочихъ мечтательностію, особенною наклонностію къ мистическому и чудесному, пламеннымъ воображеніемъ и знаніемъ нѣкоторыхъ силъ природы. Они дѣлаются мудрецами, волхвами, знахарями, смотря потому, чѣмъ удобнѣе дѣйствовать на умы народа. Въ этомъ классѣ людей получили свое начало шаманы, которые, какъ выражается О. Іакинѳъ, соединяютъ въ себѣ качества жреца, врача и волхва. Бѣлявскій, который хорошо описалъ шаманство Остяковъ, такъ думаетъ о происхожденіи шамановъ (*). Волхвы, жрецы и имъ подобные люди у образованныхъ народовъ пользуются положительными знаніями въ наукахъ для под-

(*) Поѣздка къ ледовитому морю стр. 111.

держанія своего вліянія на народъ; но шаманъ,—хотябы онъ и чувствовалъ призваніе къ чему-то, но не имѣлъ средствъ, которыми бы могъ дѣйствовать на своихъ дикихъ и кочевыхъ единоземцевъ; увлекаемый безпокойнымъ нравомъ, онъ прибѣгалъ къ обману, который легко ему удавался при легковѣріи и невѣжествѣ народа. Стараясь привлечь къ себѣ вниманіе его, эти выродки, какъ ихъ называетъ Бѣлявскій, должны были приписывать себѣ качества, предъ которыми чернь болѣе всего благоговѣетъ,—власть надъ духами, способность сообщаться съ богами, потому что положительныхъ средствъ дѣйствовать на нее они незнали. Такимъ образомъ пріобрѣтя уваженіе и довѣріе народа, они уже смѣлѣе стали дѣйствовать, переходя отъ одного обмана къ другому. Нѣкоторые изъ шамановъ должны были дойти до того, что сами начинали вѣрить тому, чѣмъ хотѣли сначала обманывать другихъ, какъ случается со многими мечтателями и обманщиками. Выдумка или мечта одного шамана дѣлалась истиною для того, который слѣдовалъ за нимъ и т. д. Что нѣкогда шаманами были люди особеннаго настроенія духа, какъ бы вдохновенные, а не простые обманщики—это доказывается тѣмъ, что и нынѣ шаманы бываютъ *истинные* и *ложные*. Послѣдніе суть тѣ изъ нихъ, которые принимаютъ на себя званіе шамана для выгодъ своихъ, безъ особенныхъ качествъ къ тому. Между Бурятами случалось, что нѣкоторые, послѣ тщетныхъ попытокъ сдѣлаться шаманомъ, должны были отказаться отъ своего намѣренія: ибо они не могли приводить себя въ шаманское вдохновеніе. Напротивъ, истинный шаманъ не самъ выбираетъ себѣ это званіе, а его принуждаетъ къ тому природное влече-

ніе, призваніе; въ такомъ человѣкѣ съ малыхъ еще лѣтъ замѣчается какое-то тревожное, раздражительное расположеніе духа. «Онъ чувствуетъ грусть, отчужденіе отъ родства, наполняетъ родительскій домъ стенаніями и воплями» (*). Онъ самъ и его ближніе всѣ видятъ тутъ дѣйствіе сверхъ естественной силы. Убѣжденный въ этомъ онъ принимаетъ званіе шамана, будучи самъ обманутъ на счетъ себя, и едвали всегда съ цѣлью обманывать другихъ. Сдѣлавшись шаманомъ, онъ посвящается въ тайны искуства дѣйствовать на умы народа, изучаетъ слабую его сторону, и для своихъ выгодъ не хочетъ открывать глаза толпѣ. При томъ онъ такъ усвоиваетъ себѣ суевѣрныя понятія, и частыми упражненіями въ шаманствованіи дотого разстраиваетъ свой организмъ, что самъ убѣждается въ томъ, чему можетъ быть невѣрилъ прежде (**).

Какъ посвящяются шаманы, чему ихъ учатъ наставники шаманы же—это ихъ тайна, которой они не сообщаютъ профанамъ. Только извѣстно, что предъ принятіемъ своего званія они подвергались нѣкотораго рода испытанію. Говорятъ даже, что у Бурятъ шаманы въ это время соблюдаютъ постъ.

Относительно своихъ обязаностей шаманъ является жрецомъ, врачемъ и волхвомъ или гадателемъ. Онъ способенъ исправлять всѣ эти должности потому, что имѣетъ способность

(*) Енисейская губернія ч. II. стр. 59.

(**) Cf. Pallas: Reise t. III. p. 59.

сноситься съ богами. Онъ *жрецъ*, потому что знаетъ волю боговъ, опредѣляетъ чего желаютъ они отъ человѣка и совершаетъ жертвоприношеніе, какъ знатокъ обрядовъ и молитвъ. Степановъ несправедливо говоритъ, что «шаманы не отправляютъ священныхъ дѣйствій, не приносятъ мольбы, не посредничаютъ между человѣкомъ и божествомъ». Изъ описанія Бѣлявскаго и другихъ путешественниковъ можно видѣть, что у сибирскихъ народовъ они отправляютъ обязанность жертвоприносителя. Что касается до Монголовъ, то исторически извѣстно, что у нихъ жертвы, хотя не всѣ, приносили шаманы. «По монгольскому обычаю, говоритъ китайская лѣтопись, обрядъ жертвоприношенія состоялъ въ томъ, что убивъ скотину и дѣлая возліяніе изъ кобыльяго молока, заставляли шамана молиться» (*). Джуліани говоритъ о бурятскихъ шаманахъ, что они суть распорядители жертвъ (**). Жертвоприношенія у Монголовъ были постоянныя и случайныя.

Первыя происходили по случаю праздниковъ, которыхъ по словамъ Георги, три у всѣхъ шаманскихъ народовъ: *весенній, лѣтній* и *осенній*.

Достовѣрно извѣстно, что Монголы праздновали первый и послѣдній изъ этихъ праздниковъ, съ весьма древнихъ временъ. Во время династіи Хунну, еще за долго до Р. Х. на-

---

(*) Тунъ-дзянь-ганьму Мандж. перв. томъ 1261 г. 21 стр.
(**) Библ. для чтенія т. VII 1384.

родъ собирался ежегодно (въ 5-ю луну, по кит. календарю) для жертвоприношеній предкамъ, небу, землѣ и духамъ (*). Это тотъ самый праздникъ, о которомъ упоминаетъ Рубрикисъ (**), потому что время показанное имъ приходится въ 5-ю луну Китайцевъ. Онъ пишетъ, что Монголы 9 мая ежегодно собирали кобылицъ изъ своихъ стадъ, чтобы посвятить ихъ богамъ, разливали кумысъ по землѣ и дѣлали большой праздникъ. Этотъ же праздникъ и нынѣ исправляется Калмыками и языческими Татарами, и называется у нихъ *Урусъ-Сара*, мѣсяцъ Урусъ; у другихъ Татаръ ему соотвѣтствуетъ Сабанъ. Урусъ есть праздникъ обновленія природы и наступленія той поры въ году, когда земля одѣвается зеленью, когда стада приносятъ номаду новый приплодъ и обильное молоко; по этому и жертвы, которыя въ это время благодарный народъ приноситъ богамъ своимъ, состоятъ изъ молока, кумыса, пива и травъ. Въ тоже время ввѣряетъ свои стада покровительству божествъ, посвящая имъ животныхъ, преимущественно лошадей. Для этаго Монголы собирали кобылъ и привязывали ихъ къ веревкѣ, протянутой между двумя столбами; одинъ человѣкъ садился верхомъ на кобылу, другой на жеребца и послѣдній объѣзжалъ кругомъ собранное стадо, а первый, взявъ въ руки сосудъ съ кумысомъ, обливалъ имъ животныхъ; къ гривѣ посвященной лошади привязывали красный лоскутъ матеріи. Разумѣется, все это дѣлалось по прочтеніи шаманомъ приличныхъ молитвъ.

(*) Voyage en Tartarie. Chap. XL 11.

(**) Voyage. Liv. I Chap. LXV.

Осенній праздникъ у Монголовъ надобно считать столь же древнимъ, какъ весенній. При династіи Хунну жители средней Азіи ежегодно осенью приносили жертву богамъ полей и плодородія, какъ свидѣтельствуютъ китайскіе историки. Изъ путешественниковъ среднихъ вѣковъ, Марко Поло упоминаетъ объ этомъ праздникѣ (*). Хубилай-ханъ, по словамъ этаго путешественника, ежегодно, въ какой-то странѣ Монголіи, приносилъ въ жертву кумысъ, прося боговъ продолжить здоровье и жизнь его и его женъ и дѣтей. Для приготовленія кумыса доили бѣлыхъ кобылъ, потому что Монголы уважали этотъ цвѣтъ. Марко Поло увѣряетъ, что этотъ обрядъ совершался 28 августа, и что онъ существуетъ у Монголовъ съ незапамятныхъ временъ.

Осенній праздникъ у Монголовъ называется Цаганъ-сара ( ), *Бѣлый мѣсяцъ* (такъ обыкновенно переводятъ это названіе), съ котораго въ древности начинался новый годъ между Монголами. Буряты, слѣдующіе шаманству, до сихъ поръ сохраняютъ древнее времясчисленіе и начинаютъ годъ съ осени; безъ сомнѣнія, нѣкогда у Монголовъ было также потому, что до сихъ поръ они первый мѣсяцъ новаго года и самый праздникъ называютъ Цаганъ-сара, хотя нынѣ это у нихъ бываетъ въ концѣ зимы, а не осенью. Новый годъ перенесенъ съ сентября на январь, вѣроятно при Хубилаѣ,

---

(*) Voyage. Liv. I. Chap. LXV.

который перенималъ всѣ китайскіе обычаи и учрежденія; а въ Китаѣ съ древнѣйшихъ временъ годъ начинался въ концѣ зимы. Этотъ мудрый ханъ, желая угодить и Монголамъ и Китайцамъ, встрѣчалъ новый годъ по обычаямъ того и другаго народа; онъ ѣздилъ въ Монголію, чтобы тамъ приносить жертвы (28 августа, какъ сказано выше) и, вѣроятно, присутствовалъ при народныхъ увеселеніяхъ; между тѣмъ у него ежегодно, при пекинскомъ дворѣ, происходило великолѣпное празднество, по случаю наступленія новаго года по китайскому календарю; вѣроятно и Монголы, которые тогда жили въ Китаѣ, слѣдовали китайскому времясчисленію. Долговременное владычество Монголовъ надъ Китаемъ, принятіе ими Буддизма и другія обстоятельства были причиною, то Цаганъ сара на всегда перенесенъ былъ къ концу зимы. Что касается до самаго названія этаго праздника, то его толкуютъ различно. Марко Поло, сообщая описаніе праздника новаго года, происходившаго при Хубилаевомъ дворѣ, увѣряетъ, что въ это время всѣ одѣвались въ *бѣлое*, отъ чего и праздникъ называется *la fête des blancs* (*). Можетъ быть Хубилаю угодно было завести такой обычай при своемъ дворѣ; но въ степи онъ никогда не могъ существовать, потому что Монголы рѣдко носили платье бѣлаго цвѣта, и еще рѣже употребляли на одѣяніе что нибудь другое, кромѣ кожи. Названіе Цаганъ сара можно объснить гораздо проще. Монголы, подобно всѣмъ кочевымъ народамъ, мѣсяцамъ своимъ давали имена, сообразныя

(*) Voyage. Liv. 11 Chap. XV.

съ перемѣнами природы, или означали именемъ того произведенія, которое въ извѣстную пору доставляло скотоводство, или которое они преимущественно употребляли въ извѣстный мѣсяцъ. Такъ іюнь у Бурятъ называется мѣсяцемъ *травы*, августъ мѣс. *молока*. Цаганъ сара слѣдовалъ за августомъ, какъ должно заключить изъ словъ Марко Поло, что ежегодное жертвоприношеніе происходило 28 августа; вѣроятно, это было первое число слѣдующаго мѣсяца, которымъ начинался новый годъ и который назывался Цаганъ сара, т. е. *творожнымъ* мѣсяцемъ, такъ какъ предъидущій (августъ) назывался *молочнымъ* (*). Въ самомъ дѣлѣ, Монголы и Буряты осенью больше ѣдятъ творогъ, приготовленный лѣтомъ, потому что молока въ это время становится мало. И такъ Цаганъ сара значитъ творожный мѣсяцъ, и въ древности онъ соотвѣтствовалъ сентябрю. Во время этаго праздника шаманы приносили въ жертву богамъ лошадей, рогатый скотъ, овецъ и козъ; изъ мяса ихъ дѣлалось пиршество для всего народа, сопровождаемое скачкою, борьбою и виномъ. Такими же увеселеніями оканчивался и Урусъ сара.

(*) Творогъ по монгольски наз. *цага* цаг, а прилагательное отъ него будетъ *цаганъ* (творожный); *бѣлый* также наз. *цаганъ*; принимая *цаганъ* въ послѣднемъ, болѣе извѣстномъ значеніи его, Европейцы называютъ новый годъ Монголовъ Бѣлымъ мѣсяцемъ. И Монголы сами ошибаются такимъ же образомъ.

Случайныхъ жертвоприношеній было весьма много. Важнѣйшіе поводы къ тому были:

1) Начатіе какого либо предпріятія. Жертву приносили тому божеству, которое считали покровителемъ человѣка или противникомъ его въ предстоящемъ дѣлѣ.

2) *Болѣзни.* Шаманъ объявлялъ, какой богъ или злой духъ виною болѣзни, и чего онъ требуетъ отъ человѣка. Большею частію божество соглашается, вмѣсто души больнаго, взять какое нибудь животное извѣстной шерсти. Когда шаману приведутъ назначенное животное, то онъ разными обрядами и кривляніями переводитъ демона изъ своего тѣла въ животное, а въ себя предварительно переселяетъ духа изъ больнаго. Потомъ животное колютъ, мясо съѣдаютъ все на томъ мѣстѣ, гдѣ совершилось жертвоприношеніе, а кожу вѣшаютъ на деревѣ.

3) Падежъ скота, частые набѣги волковъ на стада, вообще упадокъ благосостоянія. Шаманъ узнаетъ причины всему этому, и объявляетъ средства противъ несчастія. Средства эти почти всегда состояли въ жертвоприношеніи, столь выгодномъ для шамановъ.

4) Возліяніе небу, по случаю грозы, по случаю перваго грома весною, приношеніе *обо* и т. д.

Къ обязанностямъ шамана, какъ жреца, относится очищеніе огнемъ и жертвоприношеніе богинѣ Утъ.

Шаманъ, какъ человѣкъ знающій волю боговъ и умѣющій прогонять злыхъ духовъ, является *врачемъ;* но не надобно думать, чтобы онъ для излеченія больнаго употреблялъ медицинскія средства; напротивъ того, онъ даже ихъ нелюбитъ. Чтобы подать помощь больному, шаманъ предписываетъ принести жертву какому нибудь богу или объявляетъ, что въ больномъ находится духъ, котораго надобно изгнать, Для послѣдней цѣли онъ вызываетъ духа или, какъ говорятъ Монголы, (бугэлэмуй) *шаманствуетъ.*

Этотъ странный обрядъ описанъ почти всѣми путешественниками, которые когда либо посѣщали Сибирь. Изъ словъ ихъ можно заключить, что шаманы у всѣхъ сибирскихъ народовъ совершаютъ этотъ обрядъ одинаково. Готовясь къ нему, чародѣй надѣваетъ свой служебный нарядъ, который также у всѣхъ народовъ имѣетъ большое сходство. Онъ состоитъ изъ кафтана, увѣшаннаго различными бляхами и погремушками и изъ шляпки или шлема (*оргой*), сдѣланнаго изъ кусковъ желѣза и шелковыхъ матерій. Потомъ беретъ въ руки бубенъ (*кэцэ*) и, ударяя въ него изрѣдка, читаетъ молитвы, сидя на полу. Удары въ бубенъ учащаются съ каждымъ разомъ; и шаманъ болѣе и болѣе одушевляется, лице его принимаетъ дикое, удивленное выраженіе, какъ будто ему является духъ. Увеличивающееся изступленіе увлекаетъ шамана: онъ встаетъ, оставляетъ бубенъ, начинаетъ плясать, прыгать, кружиться, биться, произнося заклинанія и испуская ужасныя вопли такъ, что пѣна выступаетъ изъ рта. Тутъ присутствующіе схватываютъ его и стараются удержать, употре-

бляя на это большія усилія потому, что сила шамана въ это время бываетъ чрезвычайна. Наконецъ успокоившись, онъ начинаетъ дѣлать фокусы, велитъ проколоть себѣ животъ мечемъ, выкалываетъ себѣ глазъ, извергаетъ изъ рта разныя вещи и т. п. Надобно отдать справедливость шаманамъ въ томъ, что они весьма искусно дѣлаютъ свои штуки, которымъ дивятся даже Европейцы. Все бѣснованіе шамана, по его увѣренію, переходитъ отъ того, что духъ изъ тѣла больнаго переходитъ къ шаману, и паціентъ отъ того выздоравливаетъ. Иногда случается, что шаманъ не можетъ прійти въ изступленіе; тогда всѣ присутствующіе стараются воодушевить его: кричатъ, поютъ пѣсни, хлопаютъ въ ладоши. Этотъ обычай называютъ Монголы *тогоху*. Кромѣ того шаманы лечатъ нашептываніемъ, наговорами и пр.

Третье качество шамана—даръ пророчества, который ему даетъ большую силу. Способность къ пророчеству онъ получаетъ со времени посвященія въ свое званіе. Онъ предсказываетъ просто, или по гаданью. Изъ способовъ гаданія ихъ замѣчательно гаданіе по лопаткѣ: они жгутъ баранью лопатку и по трещинамъ, которыя происходятъ на ней отъ огня, предсказываютъ будущее; гадаютъ они также по полету стрѣлъ и т. п.

Жертвоприношеніе и вызываніе духовъ и другіе обряды происходили въ домахъ, потому что храмовъ не было у Монголовъ; но у нѣкоторыхъ народовъ есть особыя мѣста для моленія, какъ у Чувашъ керемети.

Образъ моленія у Монголовъ во времена шаманства состоялъ въ томъ, что они складывали большой, указательный и средній палецъ, прикладывали ихъ ко лбу, и наклоняли голову. Нынѣ Калмыки дѣлаютъ это въ знакъ почтительнаго привѣтствія предъ князьями. Вліяніе шамановъ на народъ было чрезвычайно велико; никто не могъ не вѣрить шаману, чего бы онъ не говорилъ: ибо шаману приписывали могущество дѣлать добро и зло людямъ чрезъ сношеніе съ богами и духами. Изъ біографіи одного знаменитаго ламы (*) видно, что, по мнѣнію народа, шаманы владѣютъ силою производить бурю, дожди, громъ и молнію; тоже самое объ нихъ расказываетъ Марко Поло съ большою наивностію (**). Не только черный народъ, но и ханы имѣли неограниченное довѣріе къ шаманамъ. Они часто прибѣгали къ нимъ, желая узнать: будетъ ли успѣхъ въ чемъ либо, напр. въ походѣ. Увѣренность всѣхъ въ сверхъестественномъ могуществѣ шамана была такъ велика, что, по мнѣнію народа, онъ непремѣнно долженъ былъ вылечить больнаго. Если послѣдній умиралъ, то думали, что чародѣй не хотѣлъ возвратить ему здоровье. Мусульманскіе историки расказываютъ, что подобное подозрѣніе было причиною кровавой вражды между двумя поколѣніями Монголами и Татарами.

Паденіе шаманства.

Начало шаманства теряется въ мракѣ древности; впрочемъ исторія свидѣтельствуетъ о существованіи его

(*) Нэйджи-тойна.
(**) Voyage liv. 1. chap. LXV.

у Монголовъ еще за долго до Р. Х. Но, сообшая первыя извѣстія онъ этой религіи, китайскія лѣтописи въ тоже почти время извѣщаютъ о появленіи въ средней Азіи другой вѣры, которой шаманство должно было уступить власть надъ умами. Такимъ образомъ исторія его должна состоять изъ повѣствованія объ его упадкѣ и торжествѣ новыхъ идей. Было время, когда шаманство владычествовало надъ всѣми народами, обитавшими отъ Волги до восточнаго океана, отъ сѣверныъ предѣловъ Тибета и береговъ Сейхуна до полуночныхъ странъ. Но религіи, возникшія въ южныхъ странахъ Азіи, начали его тѣснить уже рано. Первою изъ нихъ былъ Буддизмъ. Индійскіе проповѣдники за долго до христіанской эры перешли Гималай и распространились по берегамъ Оксуса, въ нынѣшнемъ восточномъ Туркестанѣ и Китаѣ. Въ послѣдней изъ сихъ странъ Буддизмъ какъ бы покорился характеру ея жителей и оставался внутри великой стѣны, невыступая къ предѣламъ Гоби. Изъ восточнаго Туркестана новая вѣра сдѣлала гораздо болѣе успѣховъ, нежели изъ срединнаго царства. Буддизмъ введенъ былъ въ степи впервые оффиціально Тобо-ханомъ изъ династіи Тугю, подъ конецъ VI вѣка. Такимъ образомъ шаманство стало ослабѣвать въ западныхъ частяхъ Монголіи, куда еще раньше проникало и Христіанство, если вѣрить Византійцамъ. Съ паденіемъ дома Тугю, усилились Ойхоры, которые также содѣйствовали успѣху Буддизма, утвердившагося около тогоже времени въ Тибетѣ, откуда онъ въ послѣдствіи нанесъ рѣшительный ударъ шаманству. Такимъ образомъ оно уступило мѣсто новымъ вѣрованіямъ, когда воз-

никъ исламъ. Успѣхи магометанъ противъ шаманства были такъ велики, что они, чрезъ нѣсколько столѣтій послѣ своей эры, обратили въ свою вѣру множество турецкихъ племенъ на западѣ отъ Монголіи. Кромѣ того нѣкоторыя монгольскія поколѣнія основали въ сѣверномъ Китаѣ царства, и оказывали покровительство индійской вѣрѣ. Наконецъ, начались завоеванія Чингиса и его преемниковъ; они рѣшительно дали преимущество Буддизму предъ всѣми другими религіями. Впрочемъ, кажется, при монгольской династіи Юань, Буддизмъ имѣлъ успѣха больше при дворѣ пекинскомъ и между знатью, нежели между монгольскимъ народомъ, который еще неоставилъ шаманства. Иначе трудно объяснить совершенное уничтоженіе Буддизма въ Монголіи послѣ изгнанія монгольской династіи изъ Китая. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы бѣдственное ни было положеніе Монголіи при преемникахъ Тогонъ-Тимура, послѣ того какъ этотъ императоръ бѣжалъ изъ Пекина, все таки невѣроятно, чтобы народъ, единственно по причинѣ безпорядка въ правленіи и другихъ бѣдствій, могъ забыть религію, если онъ ее исповѣдывалъ дѣйствительно. Упадокъ же Буддизма при ханскомъ дворѣ въ эту эпоху между прочимъ объясняется тѣмъ, что ханы смотрѣли на ламъ, какъ на виновниковъ паденія своей династіи: ибо Китайцы приписываютъ, по ненависти къ Буддизму, паденіе монгольской династіи чрезмѣрному усиленію ламъ при дворѣ императоровъ.

Какъ бы то нибыло, послѣ Тогонъ-Тимура шаманство опять взяло перевѣсъ надъ Буддизмомъ, а послѣдній какъ бы преданъ былъ забвенію, но не надолго. Какъ скоро Монголы

сосредоточили свои силы подъ властію Даянъ-хана, Буддизмъ опять явился между Монголами, которые навсегда отказались тогда отъ шамановъ. Изъ среды народа вышли отличные проповѣдники новой вѣры и истребители старой. Между ними замѣчательны *Нэйджи-тойнъ* и *Дзая-бандида*. Первый всю жизнь (род 1593 ум. 1680 года) ходилъ по Монголіи, истребляя шаманство (*). Почти въ одно время съ нимъ *Дзая-бандида* стремился къ тойже цѣли въ *Джунгаріи* между Калмыками. Первый старался уничтожить силу шамановъ своей простотою, добродѣтелями и простымъ нравоученіемъ; вторый, человѣкъ весьма ученый, занимался проповѣдью религіи по порученію Далай-ламы и Банченъ-эрдэни и, кажется, для всѣхъ успѣховъ употреблялъ въ пользу свое вліяніе на владѣтелей калмыцкихъ. По его желанію изданъ былъ законъ: «если кто будетъ поклоняться онгонамъ (изображеніямъ шаманскихъ боговъ), то сжечь онгоновъ, а съ самаго виновника взять лошадь и овцу; если кто заставитъ шамана или шаманку совершать службу, съ того взять лошадь, а шамана или шаманку обкуривать зловоніями» (**). Такимъ образомъ шаманство стараніемъ Нэйджи-тойна, Дзая-бандиды и многихъ другихъ ламъ въ Монголіи истреблено было въ XVII столѣтіи. Оно сохранилось у Монголовъ, подвластныхъ Россіи, до начала нашего столѣтія, когда ургинскій хутукту уничтожилъ его однимъ посланіемъ къ народу. Изъ монгольскихъ племенъ теперь придерживаются шаманства большая часть Бурятъ многіе изъ нихъ и изъ Тунгусовъ уже приняли Буддизмъ а другіе Христіанство.

(*) См. его біографію.
(**) См. біограф. его на Калм. языкѣ.

192 в

На западѣ шаманство также истреблялось дѣятельно. Потомки Чингисовы въ золотой и синей ордахъ приняли исламъ, который, при помощи Чингисидовъ, перешелъ въ киргизскія астраханскія степи и уничтожило шаманство у сибирскихъ Татаръ. Наконецъ Россія, съ своей стороны также подвизалась на этомъ поприщѣ и до сихъ поръ продолжаетъ распространять Христіанство между финскими, турецкими и другими племенами. Такимъ образомъ шаманство, уступая побѣдоносному шествію трехъ вѣръ, уклонялось на сѣверъ, въ пустыни Сибири. Больше всѣхъ сдѣлалъ Буддизмъ. Причина этого заключается, кромѣ превосходства Буддизма въ нравственномъ и другихъ отношеніяхъ, еще въ уступчивости буддійскихъ проповѣдниковъ, въ ихъ снисходительности къ мѣстнымъ народнымъ привычкамъ. Также много содѣйствовали успѣхамъ Буддизма политическія событія, покровительство властей и, наконецъ, познанія ламъ. Они замѣняли народу шамановъ во всѣхъ отношеніяхъ: ибо они были и суть не только жрецы, но и врачи, астрономы и астрологи. Слѣдовательно, при кроткихъ правилахъ Буддизма, народъ легко могъ забыть шамановъ.

Теперь шаманство, въ разныхъ видахъ, существуетъ у многихъ Чувашъ, Черемисъ, Вотяковъ, Вогуличей, Остяковъ, Самоѣдовъ, у нѣкоторыхъ сибирскихъ Татаръ, Тунгузовъ и прочихъ народовъ Сибири, на островахъ восточнаго океана и, наконецъ, у Манджуровъ. Для окончательнаго уничтоженія шаманства, остается еще много сдѣлать: оно изчезнетъ еще не скоро, будучи защищаемо суровою природою отъ предпріимчивости образованныхъ народовъ.